

О.Н.Борох

СОВРЕМЕННАЯ
КИТАЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

О.Н.Борох

СОВРЕМЕННАЯ
КИТАЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1998

ББК 65.02(5Кит)
Б83

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 97-02-16005*

Редактор издательства

В. Б. Меньшиков

Борох О. Н.

Б83 Современная китайская экономическая мысль. —
М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН,
1998. — 295 с.

ISBN 5-02-018005-X

В книге исследуются новые направления в китайской экономической науке периода реформ (конец 70-х — середина 90-х годов). Анализируются процессы переосмысления политэкономии марксизма, усвоения восточноевропейских и западных экономических концепций («экономика дефицита» Я. Корнаи, теория прав собственности Р. Коуза, теория институциональных изменений Д. Норта). Рассматривается влияние китайской культурной традиции на современную экономическую мысль КНР. Проводится сравнение теоретических основ китайской модели «постепенного» перехода к рынку и стратегии радикальных преобразований.

ББК 65.02(5Кит)

© О. Н. Борох, 1998

© Издательская фирма

«Восточная литература» РАН, 1998

ISBN 5-02-018005-X

Начиная с 80-х годов китайские экономические реформы все больше привлекают внимание зарубежных ученых и политиков. В России и других странах с переходной экономикой идут дискуссии о необходимости изучения и возможности применения китайского опыта, под которым обычно подразумевается конкретная экономическая политика государства. Однако полное понимание сути китайских реформ невозможно без изучения современной экономической мысли Китая. За годы преобразований китайская экономическая теория изменилась не меньше, чем сама экономика страны, и ее развитие заслуживает самого пристального внимания и исследования.

Полтора десятилетия назад с переходом китайского руководства к политике реформ экономическая наука превратилась в одну из самых приоритетных отраслей общественно-научного знания. После 1978 г. по инициативе лидеров страны были организованы экономические дискуссии, в которых обсуждался широкий круг проблем политической экономии, исследовался зарубежный опыт экономического развития, обобщались итоги строительства социализма в КНР. Со своими концепциями реформы выступили видные ученые-экономисты Ло Гэнмо, Сунь Ефан, Сюэ Муцяо, Ян Цзяньбай, лишенные в предшествовавшее десятилетие права голоса, на ведущие позиции в экономической науке выдвинулись ученые среднего поколения Дун Фужэн, Ли Инин, Лю Гогун, Ма Хун, Сунь Шанцин, У Цзинлянь, Чжан Чжоюань, Чжоу Шулянь, в дискуссии включились молодые экономисты Лю Вэй, Фань Ган, Шэн Хун и др. Основные положения, выработанные в ходе обсуждения, учитывались при формировании экономической политики китайского руководства и находили отражение на программном уровне.

Анализ дискуссий позволяет составить более полное представление об экономической политике китайского руковод-

ства на современном этапе и о разрабатываемой в КНР стратегии развития, поскольку результаты обсуждения привлекались для теоретического обоснования экономического курса КПК и использовались при определении главных слагаемых экономической стратегии. Исследование концепций китайских экономистов, в разной степени отразивших сложные процессы в экономической и политической жизни современного Китая, дает возможность углубить представления о реальных противоречиях развития китайского общества и о политической борьбе по вопросу о путях и методах хозяйственных преобразований.

В ходе изучения китайских реформ возникло понимание того, что современный опыт КНР не может быть описан удовлетворительным образом как в понятиях традиционного марксизма, так и средствами неоклассической экономической теории Запада. В поисках подходящей методологии изучения китайской экономики у зарубежных исследователей наметились два основных подхода. Согласно первому, западная экономическая теория универсальна, а нынешние успехи Китая обусловлены практическим чутьем и удачливостью китайского руководства; со временем же классическая теория вступит в свои права и в Поднебесной. Сторонники второго исходят из того, что в Китае складывается не просто уникальная практика перехода к рынку, но и формируется новая экономическая теория, соперничающая со всемирной монополией неоклассики. Исследование взглядов современных китайских экономистов дает основание судить не только о теоретических основах избранной в КНР модели реформ, но и позволяет глубже осмыслить общетеоретические проблемы перехода от административно-командной экономики к рыночной. Тема заслуживает внимания и потому, что без учета достижений китайской экономической науки последних лет представления о мировой экономической мысли не будут полными.

Следует также отметить, что многие направления развития китайской экономической мысли до сих пор остаются неизвестными и малоизученными. В период реформ усилия ученых КНР были сосредоточены не только на разъяснении и обосновании конкретных мероприятий новой экономической политики. Китайские экономисты стремились проанализировать структуру народного хозяйства страны, оценить уровень развития китайской экономики, понять механизм ее функционирования. Большое внимание уделялось обобщению предварительных итогов реформы, изучению текущей ситуации, прогнозированию основных тенденций социально-экономического развития страны. Повышенный интерес был

проявлен как к прикладным, так и к общим аспектам экономической теории. Именно в 80—90-е годы многие ведущие китайские исследователи пришли к осознанию того, что, как писал Дж.М.Кейнс, «экономическая теория не есть набор уже готовых рекомендаций, применимых непосредственно в экономической политике. Она является скорее методом, чем учением, техникой мышления, помогаая тому, кто владеет ею, придти к правильным заключениям» (цит. по [396, с. 9]).

В условиях, когда обнаружилась неспособность доминировавшей ранее экономической концепции описать и объяснить многие явления реальной действительности современного Китая, а задачи, поставленные практикой реформы, оказались принципиально неразрешимыми при прежнем типе мышления, китайские исследователи стали придавать особое значение поиску новой парадигмы экономической науки. Стремясь по-иному, чем прежде, осмыслить изменения в китайской экономике и представить целостную картину ее развития, ученые КНР обратились к изучению зарубежной экономической мысли, с которой в дореформенный период китайская научная общественность была практически незнакома. В то же время, поскольку китайская реформа существенным образом отличалась от преобразований в других странах, в КНР возрос интерес к национальной традиции.

Все большее место в современной китайской экономической теории занимают исследования культурных, этических и социальных аспектов экономического развития. Изучение этой важной тенденции позволяет раскрыть специфические черты китайской экономической мысли периода реформ и выявить современное содержание межцивилизационного диалога Китая и Запада в сфере экономической науки.

Новые теоретические подходы китайских экономистов могут быть полезными и для России, где проблема формирования нового типа экономического мышления также приобрела в последние годы особую актуальность. Самостоятельный интерес для отечественных исследователей представляет анализ процессов освоения в КНР мировой экономической мысли и поиска применимых в условиях переходной экономики зарубежных концепций, позволяющий обнаружить черты сходства с развитием российской экономической науки в 80—90-е годы.

Основываясь на материалах, опубликованных в КНР с конца 70-х годов, автор стремился проследить развитие китайской экономической мысли в период осуществления хозяйственной реформы.

- Поставленная цель предполагает решение следующих задач:
- дать оценку современного состояния китайской экономической науки, выявить основные тенденции ее развития;
 - исследовать взгляды китайских экономистов по стержневым проблемам экономической теории (собственность, план и рынок), показать связь теоретических дискуссий с экономической политикой руководства КНР и с практикой хозяйственных преобразований;
 - раскрыть особенности восприятия в КНР зарубежной экономической мысли, изучить влияние западных идей на развитие китайской экономической теории в процессе углубления реформ;
 - проанализировать внутрикитайские и зарубежные оценки предварительных итогов экономических реформ КНР в сравнении с опытом преобразований в России и Восточной Европе, включая сопоставления исходных принципов, лежащих в основе двух моделей перехода к рынку (постепенной и радикальной);
 - выделить основные этапы развития китайской экономической теории в период реформ, определить содержание и направление ее эволюции (переосмысление марксизма, обращение к современным западным теориям, поворот к национальной традиции и попытка создания собственной теории).

Цель исследования определила структуру работы. В гл. 1 анализируются новые явления в китайской экономической науке конца 70-х — начала 80-х годов, рассматриваются задачи, поставленные перед ней руководством КНР, выделяются главные направления экономических исследований в период реформы. Глава 2 посвящена теоретическим дискуссиям по вопросам перестройки отношений собственности, плана и рынка в рамках пересмотра господствовавшей марксистской теории. Основное внимание уделяется анализу материалов, опубликованных в КНР в конце 80-х — 90-е годы и пока еще не ставших предметом специального исследования ученых-синологов. В гл. 3 рассматриваются особенности восприятия в КНР экономической мысли Запада и теории, появившиеся на китайской почве под ее воздействием, а также современные интерпретации древнекитайской традиции с позиций западной экономической теории. Тема гл. 4 — научные разработки в области сравнительного изучения практических результатов реформ в Китае, России и странах Восточной Европы, которые послужили стимулом для нового переосмысления китайскими исследователями основ экономической теории. В гл. 5

выявляются общие тенденции развития китайской экономической мысли в период реформ.

В работе использованы китайские официальные документы по вопросам экономической реформы, а также справочная литература. Информационной базой служили главным образом китайские периодические издания конца 70 — 90-х годов: публикации газет («Жэньминь жибао», «Цзинцзи жибао», «Гуанмин жибао» и др.) и журналов, среди которых следует специально отметить «Цзинцзи яньцзю», «Гайгэ», «Цзинцзи шэхуй тичжи бицзю», «Цзинцзисюэ дунтай», «Дунфан», «China Economic Review» (США). Основой для разбора теоретических концепций послужили монографии и статьи китайских экономистов, многие из которых до сих пор не изучались отечественными исследователями. Сведения о них вводятся в научный оборот впервые. В работе также использованы записи бесед и консультаций с ведущими китайскими учеными У Цзинлянем, Ли Инином, Чжао Жэньвэем, Ма Цзяцзюем, Вэй Цзе, Фань Ганом, Хай Вэнем, чрезвычайно важных для понимания сложных процессов в экономике КНР и китайской экономической науке, а также записи курсов лекций проф. Хэ Вэя (экономический факультет Народного университета Китая) и декана того же факультета проф. Вэй Цзе по проблемам теории экономической реформы в КНР. Пониманию ситуации в китайской экономической науке способствовало ознакомление автора с деятельностью ведущих научных центров, осуществляющих исследования в области реформы. Для изучения процессов интернационализации китайской экономической мысли особую важность имели контакты с Ассоциацией китайских экономистов, работающих в США (The Chinese Economists Society), являющейся «мостом» между учеными КНР и мировым экономическим сообществом.

В книге использованы материалы, собранные автором на Тайване в период работы в Центре синологических исследований. Большую помощь оказали консультации тайваньских экономистов Юй Цзунсяня, Чжан Цинси, Чжу Юньпэна, Хуан Чуньсина, Лю Жуйхуа, Дун Аньци и др. Привлечение тайваньского материала позволяет сопоставить восприятие современных западных теорий в КНР и на Тайване и выявить как различия в позициях ученых континентального Китая и Тайваня, обусловленные несхожестью экономических систем, так и общие подходы, сформировавшиеся под воздействием традиционных китайских представлений.

При изучении проблемы восприятия в КНР зарубежной экономической мысли были также использованы западные

источники. К ним относятся сочинения экономистов из стран Восточной Европы, среди которых прежде всего необходимо назвать «Дефицит» известного венгерского экономиста Я. Корнаи [353] и труды современных экономистов Запада (Р. Коуз [410; 411], Д. Норт [370—372; 442—446], Дж. Бьюкенен [335], О. Уильямсон [392; 393]), стимулировавшие дискуссии в научных кругах КНР и оказавшие ощутимое влияние на развитие китайской экономической теории. Среди западных источников следует специально отметить публикации ведущих американских экономических журналов, которые интерпретировались китайскими учеными и использовались для обоснования собственных концепций.

Экономическая мысль современного Китая — сравнительно новая тема мировой синологии, требующая комплексной разработки.

В отечественной китаеведческой литературе среди специальных исследований по данной проблематике следует прежде всего выделить монографию Э. П. Пивоваровой, в которой прослеживаются общие тенденции развития китайской экономической науки со времени образования КНР и анализируется официальная концепция социально-экономического развития Китая [375], и книгу Е. Ф. Авдокушина, исследовавшего материалы китайских экономических дискуссий конца 70-х — середины 80-х годов [325]. В монографии В. Я. Портякова оценивается состояние китайской экономической науки на конец 70-х — начало 80-х годов, исследуются теоретические аспекты политики реформы и урегулирования [377]. В работах Г. А. Ганшина [338], В. Г. Гельбраса [339], В. В. Карлусова [348], Л. И. Молодцовой [365], И. Н. Наумова [367], Л. В. Новоселовой [369], В. Н. Ремыги [383] анализируются отдельные направления китайских экономических дискуссий и исследуются взгляды китайских ученых по проблемам многоукладности, структурной перестройки народного хозяйства, региональной политики, реорганизации системы управления народным хозяйством. Как следует из обзора литературы, российские синологи уделяли изучению китайской экономической теории значительно меньше внимания, нежели практическому опыту реформы. Никто из ученых специально не занимался проблемой влияния западных идей на китайскую экономическую мысль, не исследовал воздействия традиционных представлений на теории современных китайских экономистов. Не нашли должного освещения основные тенденции в китайской экономической науке 90-х годов, образующие новый этап в развитии экономической мысли в период реформ.

В западной синологической литературе исследованию экономической мысли современного Китая вплоть до последнего времени также не было уделено необходимого внимания. Основное место в работах западных сиологов отводилось изучению экономической политики руководства КНР, изложению официальных документов по вопросам экономической реформы, анализу китайской конкретной социально-экономической ситуации.

Широкое распространение среди западных исследователей получила точка зрения, согласно которой проводимая Дэн Сяопином экономическая политика не строилась на основе какой-либо научной теории и не следовала заранее разработанному плану (см. [418, с. 203; 458, с. 95—137]). Данная позиция была особенно четко выражена М.Голдманом, который характеризовал «Дэна и его протеже» как прагматиков, которые «делали то, что представлялось им логичным» [418, с. 203]. Пользуясь образным выражением Дж.М.Кейнса [349, с. 458], М.Голдман писал, что китайские руководители не извлекали своих идей «из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад». Поскольку в соответствии с таким подходом китайская экономическая наука не оказывала ощутимого воздействия на формирование официальной экономической политики, проблема изучения китайской экономической теории отодвигалась на второй план.

Тем не менее, анализируя особенности экономического развития Китая в конце 70-х — начале 80-х годов, многие западные ученые задавались вопросом, какие теоретические концепции идейно подготовили реформу в КНР, или, как писала, перефразируя название известной статьи Мао Цзэдуна, Д.Солинджер, «откуда исходили правые идеи» [457, с. 13]. Западными исследователями была признана особая роль китайских ученых-экономистов в создании теоретической основы для глубоких экономических преобразований в КНР. Среди ученых, которые еще в конце 50-х — начале 60-х годов выступили с предложениями реформировать централизованную плановую систему, назывались имена Сунь Ефана, Сюэ Муцяо, Сюй Дисиня, Гу Чжуня. Серьезное внимание уделялось не только анализу концепций, выдвинутых китайскими экономистами до реформы и в начальный ее период, но и изучению их влияния на взгляды китайских руководителей (см. [409, с. 53—74; 418, с. 203—204]). Однако при разработке данной темы западные авторы долгое время ограничивались исследованием начального периода хозяйственной реформы в КНР, не проявляя интереса к более поздним ее этапам.

В работах западных синологов был выявлен и другой важнейший источник программы китайской экономической реформы — идеи ученых-экономистов из стран Восточной Европы. Было раскрыто влияние в 80-е годы на китайских теоретиков концепций В.Бруса и Я.Корнаи. Как писали Д.Старк и В.Ни, эти ученые «вносили свой вклад на каждом этапе полемики о реформе в Восточной Европе, и их труды стимулируют сейчас многочисленные дискуссии в Китае» [458, с. 3]. По мнению указанных авторов, «китайцы реализовали многие из этих идей даже лучше, чем это смогли сделать в странах Восточной Европы» [458, с. 204]. Однако, признавая сам факт воздействия взглядов ученых из стран Восточной Европы на экономическую мысль КНР, западные синологи не исследовали, в чем конкретно оно проявилось, какие изменения претерпели идеи восточноевропейских экономистов при их переносе на китайскую почву, какое место они заняли в концепциях китайских теоретиков.

Не стал предметом самостоятельной разработки в зарубежной китаеведческой литературе и вопрос о таком важном источнике теоретических воззрений ученых КНР, как современная экономическая мысль Запада, до сих пор остается неизученным ее влияние на китайскую экономическую теорию.

Отсутствуют и специальные работы, посвященные выявлению роли национальной культурной традиции в формировании современной китайской экономической науки.

Для более глубокого понимания процессов, происходящих в китайской экономической науке, большую ценность представляют те труды западных синологов, в которых предпринимается попытка найти новые методологические подходы к исследованию социально-экономических проблем современного Китая. Среди работ этого направления следует прежде всего отметить книгу «Перестройка экономических институтов социализма: Китай и Восточная Европа» [458]. В статье Д.Старка и В.Ни содержится аргументированная критика концепций тоталитаризма и модернизации, в рамках которых в течение последних десятилетий велись исследования социалистических обществ в западной научной литературе [458, с. 3—9, 30]. По их мнению, эти теории оказались неспособными объяснить многие явления, происходящие в социалистической экономике, не позволяли адекватно описать ее реалии, «дать без искажений картину сложной действительности» [458, с. 9]. Д.Старк и В.Ни считают наиболее плодотворным институциональный подход, при котором основное внимание сосредоточивается на анализе экономических институтов со-

временного Китая и стран Восточной Европы [458, с. 30]. Поскольку в китайской научной литературе также ведется поиск нового теоретического инструментария для анализа экономики КНР, исследования западных ученых предоставляют ценный материал, позволяющий обнаружить однонаправленность мысли китайских и западных авторов в методологии изучения экономики и социальных институтов Китая.

Другой важной работой, заслуживающей специального упоминания, является монография Д.Солинджер «Переход Китая от социализма: государственное наследие и рыночные реформы. 1980—1990» [457]. Д.Солинджер выступила с критикой упрощенных представлений о китайских реформах как о «движении Китая к капитализму», которые получили широкое распространение в западной литературе последних лет, особенно после поездки Дэн Сяопина на юг Китая в начале 1992 г. [457, с. 3, 127]. Д.Солинджер убедительно доказала, что многие институты современного Китая (акционерная система, банкротство предприятий и др.) принципиально отличались от аналогичных институтов на Западе, и пришла к заключению о неправомерности рассмотрения мероприятий китайской реформы как переноса на китайскую почву капиталистических методов хозяйствования [457, с. 129—137]. Серьезное внимание в работе уделено анализу встречной тенденции, связанной с влиянием специфических особенностей Китая на ход реформы. На многочисленных примерах было показано, как в условиях Китая капиталистические методы хозяйствования претерпевали существенную трансформацию и превращались, по определению Д.Солинджер, в «капиталистические меры с китайской спецификой» [457, с. 126]. Выводы, сделанные из практики «китаизации» в ходе реформ западных экономических институтов, важны и для изучения процессов «китаизации» западной экономической теории. Как будет показано в дальнейшем, современная экономическая мысль КНР равным образом не может отождествляться не только с марксизмом, но и с основным направлением современной экономической науки Запада — неоклассической экономической теорией.

В 90-х годах за рубежом появились специальные монографические исследования современной китайской экономической теории. Первой работой такого рода стала книга Роберта Сю «Экономические теории в Китае, 1979—1988» [422]. Ученый посвятил ее взглядам китайских экономистов по вопросам рынка при социализме, собственности и планирования на госпредприятиях, стратегии экономического развития, а также цен и зарплат. В работе впервые была систематиче-

ски обоснована важность изучения китайской экономической теории, однако стремление показать связь дискуссий с политическим курсом привело к тому, что эволюция взглядов китайских ученых стала выглядеть как процесс, обусловленный идущим «сверху» снятием политических запретов (в терминологии Р.Сю — «политически ограниченной природой научной свободы в Китае») [422, с. 170].

Отдавая должное Р.Сю за постановку важной научной проблемы, нельзя не отметить существенные методологические недостатки его работы, ограничивающие понимание процессов, происходящих в китайской экономической науке. Р.Сю попытался определить общие позиции, разделяемые всеми китайскими экономистами без исключения, исходя из официальной идеологии. Можно согласиться с замечанием авторитетного ученого Б.Нотона, что у Р.Сю «описание точек консенсуса китайских экономистов опасно сближается с идеологическими ограничителями, в которых они оперируют. Поэтому его выводы гласят, что китайские экономисты верят в усовершенствованный социализм, определяемый как плановая товарная экономика, равно как и в то, что определяющая разница между капитализмом и социализмом состоит в форме собственности на средства производства. Все это — идеологические взгляды, установленные высшим руководством, и поэтому они не обобщают должным образом позиции китайских экономистов» [488, 1993, № 135, с. 612—613]. К сожалению, основная часть книги посвящена старшему поколению китайских экономистов, в ней практически не рассматривается проблема западного теоретического влияния, остались в стороне новые теоретические подходы ученых КНР (прежде всего по вопросам перехода к рынку).

Иной подход к проблеме можно найти в опубликованной в 1994 г. книге ученого из Бостонского университета Дж.Фьюсмита «Дилеммы реформ в Китае. Политический конфликт и экономические дебаты» [416]. В центре этого исследования стоит попытка «создать по возможности наиболее полную картину взаимодействия между китайскими экономистами и теми, кто принимает решения» [416, с. 5]. Ученый не стал вести речь о китайских экономистах «в целом» и перешел от общих рассуждений о «реформаторах» и «консерваторах» к индивидуальному изучению китайских теоретиков и созданных ими концепций. Конкретно анализируется теоретическая и практическая работа научных центров экономического профиля и отдельных исследователей (У Цзинлянь, Ли Инин), рассматриваются теоретические новации, обсуждавшиеся на различных научных конференциях.

Книга очень информативна, в ней содержится анализ реальных отношений между группами экономистов и разными течениями в китайском руководстве, значительное внимание уделяется молодому поколению экономистов 80-х годов, которое характеризуется как «получившее лучшую экономическую подготовку, чем любое другое поколение после образования КНР» [416, с. 136]. Стиль работы напоминает о прошлой информационно-аналитической работе ученого на правительство США — им выделяются скрытые механизмы связи теоретиков и политиков, приводится много малоизвестной неофициальной информации. С позиции общей методологии при сопоставлении работ Дж.Фьюсмита и Р.Сю можно заметить противоположность их подходов — Дж.Фьюсмит не считает китайских теоретиков пассивной массой, ведомой партийными идеологами, но выявляет механизмы обратного влияния теоретиков на принятие политических решений реформаторами.

Сходный метод изучения социальных и идейных процессов в современном Китае можно найти в статье Д.Кейна [424]. Автор, занимающийся китайской интеллектуальной элитой, выделяет в качестве отдельной группы, недостаточно изученной ранее, «политических советников» (*муляо*), указывая на нее как на один из источников решений руководства. Д.Кейн подчеркивает роль молодого поколения китайской интеллигенции в развернувшихся с начала 80-х годов процессах интернационализации китайской теоретической мысли, в том числе и экономической. Первым импульсом в овладении западными теориями стало начало политики реформ и открытости в конце 70-х годов, вторым — присоединение после 1989 г. в результате эмиграции части внутрикитайской интеллектуальной элиты к обучающимся за границей молодым китайским ученым, после чего «лидеры» 80-х ощутили на их фоне свое теоретическое отставание. Для нашего исследования особый интерес представляет наблюдение Д.Кейна, что важный фрагмент китайской экономической теории создается сегодня за рубежами КНР теми, кого он называет «глобальной интеллигенцией», которая призвана повлиять на судьбы Китая в следующем столетии. Примечательно, что в качестве конкретного примера тенденции к интернационализации китайской интеллигенции называется созданная в 1985 г. в США Ассоциация китайских молодых экономистов (CYES) [424, с. 138]. Сохраняя отношения с научными кругами на материке, углубляя связи с западными учеными (как с наставниками или как с коллегами по работе), развивая научные контакты с интеллигенцией Тайваня и Гонконга, также тесно связанной

с Западом, но нацеленной на изучение проблем Китая, китайская «глобальная интеллигенция» формируется в соответствии с самыми строгими научными критериями. Ее роль как источника будущих советников китайского руководства, в том числе и в экономической сфере, не должна недооцениваться.

Начало перехода к рынку стран Восточной Европы и России стало предпосылкой для появления нового жанра экономических исследований — сопоставления опыта этих стран с китайским вариантом рыночной трансформации. Среди наиболее удачных работ этого направления можно назвать книгу американского ученого Б.Нотона «Вырастающая из плана: китайская экономическая реформа, 1978—1993» [436]. Включение китайских реформ в контекст общих исследований перехода к рынку посткоммунистических стран важно потому, что помогает выйти за рамки поверхностных противопоставлений восточноевропейско-российской модели «большого взрыва» постепенным китайским преобразованиям.

Особо отметим, что Б.Нотон уделил внимание эволюции взглядов китайских экономистов в ходе реформ: «Более всего впечатляет то, что дискуссии о китайских реформах поставили в острой форме вопросы, которые в самом деле были наиболее фундаментальными проблемами в рыночном переходе. По контрасту с более ранней стадией, когда экономические дебаты были зачастую маргинальными и нереалистичными, дискуссии после 1984 г. богаты практическим содержанием и обладают широкой применимостью. Растущее усложнение экономических дебатов отражает общий рост практических и интеллектуальных возможностей Китая в процессе реформ» [436, с. 196]. Одним из первых среди западных ученых Б.Нотон обратил внимание на высокую степень теоретической зрелости китайских экономистов середины — конца 80-х годов. Упомянутая У Цзинляня, Чжоу Сяочуаня, Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня, Ло Сяопэна и др., он заключил: «Уровень прозрений и анализа, выделение ключевых вопросов показали, что китайские экономисты идут впереди западных наблюдателей в попытках разрешения наиболее фундаментальных проблем экономических реформ в китайских условиях» [376, с. 188]. Отмечая отклонения Китая от шаблонов западной экономической ортодоксии (например, в спецификации прав собственности), вовсе не приведшие к срыву реформ и имевшие, «на удивление, малое негативное влияние», Б.Нотон поставил принципиальный вопрос: «Создает ли Китай, как это представляется, вызов господствующей экономической теории?» [436, с. 322].

По мнению С.Ширк, «сравнение Китая с Советским Союзом проясняет логику китайской политической стратегии экономических реформ» [456, с. 14]. В своей книге она делает заявку на использование «институционального подхода» в изучении экономической политики, называя в качестве исходной точки своего исследования «необычную идею» возможности институционального анализа принятия экономических решений в коммунистических странах, подобно тому, как этот метод используется при изучении некоммунистических стран [456, с. 7]. В ходе сопоставления моделей реформ в Китае и бывшем СССР автор приходит к выводу, что постепенные китайские реформы построены на «бюрократическом консенсусе». Несмотря на привлекательность замысла книги, можно заметить, что С.Ширк не стала выделять теоретическую сторону формирования экономической политики, сводя процесс принятия решений к «сделкам» между «институционализированными» группировками бюрократов и описывая реформы как пробивание «каменной стены» в уязвимых местах [456, с. 6].

В своем введении к книге «Китайские экономические реформы. Издержки и выгоды постепенного подхода» [441], П.Нолан пишет о китайской реформе как о «загадке», которая ставит под вопрос общепризнанные в западной экономической теории представления о содержании перехода к рынку. Основываясь на сравнении китайского опыта с теорией и практикой преобразований в Восточной Европе, он приходит к выводу, что непредвзятое изучение уникальной китайской модели дает экономистам Запада повод для размышлений о пределах применимости их теоретических установок.

В другой книге — «Подъем Китая, падение России: политика, экономика и план при переходе от сталинизма» [440] — П.Нолан охарактеризовал «контраст в результатах реформ в двух гигантах коммунизма» как одно из наиболее важных событий в мировой экономике последней четверти XX в., которое будет иметь резонанс и в следующем столетии. Раскрывая его значение для исследований в области экономической теории, ученый отметил, что «70-е и 80-е годы характеризовались как господством либерально-рыночных экономических теорий, так и верой в способности экономической „науки“ понять и предсказать экономические события. Драматический контраст между результатами бросил тень на самые крайние версии этих точек зрения» [440, с. 3]. По его мнению, изучение различий в судьбах реформ в Китае и России окажет влияние на развитие экономической науки и приведет к тому, что «экономисты станут отдавать себе все больший отчет в

ограниченности их предмета». В свою очередь, те из них, кто вовлечен в принятие политических решений, «будут менее уверенными в необходимости рекомендации масштабных „революционных“ изменений тем странам, которым они дают советы» [440, с. 3].

Вопрос о том, какие именно теории в наибольшей степени подходят для китайских реформ, был поставлен и профессором Джорджтаунского университета, старшим исследователем департамента Китая и Монголии Всемирного Банка А.Кейделем III. Он считает, что принятие Китаем упрощенных схем свободного рынка может нанести вред реформам, наилучшим же вариантом могла бы стать опора на учитывающие китайскую реальность экономические теории «second best». «Зарубежные экономические лидеры и специалисты не должны прямо навязывать решения в духе свободного рынка, веря, что они одинаковым образом применимы везде и всегда» [425, с. 235].

Западные исследователи отмечают, что «дискуссии о переходе от социализма легко соскальзывают к риторике политического экстремизма. Реформаторам советуют скопировать институты американской экономики или, точнее, крайне идеализированной версии этой системы» [450, с. 157]. Соглашаясь с этим наблюдением Т.Роски и других ученых, стоит указать и на то, что подобная «риторика» может сформироваться и на фундаменте китаецентристского отрицания западной экономической теории. О возможности зарождения нового типа «риторики политического экстремизма» заставляют задуматься слова П.Нолана о том, что «советским лидерам было бы лучше послушать бывшего министра экономики Тайваня г-на Ли о роли государства, чем Дж.Сакса и Я.Корнаи, — тогда они получили бы иное представление о роли государства в экономике в период масштабных структурных изменений» [440, с. 174]. Если вместо либеральной западной модели реформаторам будет предлагаться идеализированная версия китайской или иной восточноазиатской экономики, то сохранится все та же тенденция к навязыванию правил иной экономической системы без учета исторического опыта и существующих неформальных норм.

Трактовка китайской экономической реформы как «вызова» господствующей экономической теории Запада присутствует и на страницах ведущих академических периодических изданий. В качестве примера можно привести специальный тематический выпуск журнала «The China Quarterly» (декабрь 1995 г.) «Китайская переходная экономика». В открывающей номер статье американского исследователя Э.Уолдера вновь

говорится о том, что «для многих переходная экономика Китая — это интригующая аномалия» [463, с. 963]. Ученый ссылается на П.Нолана и Т.Роски, которые подчеркнули «очевидную иронию того, что Китай добился успеха именно потому, что игнорировал советы, широко раздаваемые восточно-европейским странам многими известными экономическими советниками» [463, с. 963].

Обращение к китайскому опыту становится формой «самокритики» западной экономической теории, что можно видеть на примере публикации Т.Роски. По его мнению, «маршаллианская теория» («Marshallian Economics») недостаточна для изучения систем, находящихся в процессе крупных социально-экономических изменений [450, с. 1157—1159]. В соответствии с классической экономической теорией китайские реформы должны были окончиться неминуемым провалом, однако реальность почти двух десятилетий свидетельствует об их успехе, поэтому «китайский опыт ... вносит вклад в растущий скептицизм относительно фундаментальных принципов экономической теории» [450, с. 1172—1173].

При ознакомлении с научной периодикой (прежде всего американской) обращает на себя внимание трудность интегрирования жанров синологического и экономического исследования. Вошедшие в моду рассуждения о «противоречии» между «бросающей вызов» китайской экономической практикой и «подлежащей пересмотру и критике» господствующей экономической теорией находятся по большей части в сфере синологических, а не экономических дискуссий. Хотя число публикаций о китайской экономике в экономических журналах возрастает, на страницах ведущих теоретических журналов статей о Китае появляется крайне мало. Такое положение объясняется прежде всего неписаными «правилами игры», существующими в западном академическом сообществе, а не научной значимостью темы.

Обращаясь к этому феномену, П.Прайм писала, что «среди экономистов появляется тенденция к игнорированию более широких, взаимосвязанных между собой проблем китайского общества. Для них это проще, чем для исследователей из других областей, поскольку они вынуждены ставить проблемы, относящиеся в первую очередь к экономике, и публиковать исследования в специальных экономических журналах для занятия постоянной должности и повышения по службе. На многих экономических факультетах американских университетов публикации в страноведческих журналах не засчитываются при принятии на постоянную должность и повыше-

нии по службе. Это может стать ценой, которую придется заплатить в данной области исследований» [448, с. 102].

Иными словами, узкая специализация и различия в научном стиле и методологии препятствуют интеграции страноведческих и общетеоретических исследований. При отборе статей редколлегии ведущих экономических журналов отдают приоритет формальным моделям и математической точности, т.е. тому, что мало отражено в статьях о китайском опыте переходной экономики. Заинтересованность профессиональных экономистов в публикациях в тех журналах, материалы которых фиксируются в Индексе экономической литературы, заставляет их писать в соответствии с критериями, дающими им возможность такой публикации. В то же время ведущие синологические издания (к примеру, «The China Quarterly»), уделяющие значительное место проблемам китайских реформ, экономическими не считаются и, следовательно, не входят в этот индекс. Статьи, опубликованные в этих журналах, не влияют на укрепление служебного положения автора и его признание профессиональным экономическим сообществом.

Несмотря на важность китайского теоретического и практического опыта для осмысления общих проблем переходной экономики, вклад синологических исследований в современную экономическую мысль крайне мал. В последнее время рост интереса на Западе к транзитологии способствует изменению отношения профессиональных экономистов к китайскому материалу. Об этом свидетельствует, в частности, изданная в 1994 г. книга одного из наиболее авторитетных американских экономистов, профессора экономики Стэнфордского университета Дж. Стиглица «Куда идет социализм», отдельные главы которой уже переведены на китайский язык [143]. На фоне оживления научных дискуссий в середине 90-х период 80-х годов останется «белым пятном» в зарубежных исследованиях теоретических аспектов китайской экономики.

Суть проблемы образно выражена известным гонконгским экономистом Чжан Учаном: «Я в самом деле не понимаю — во времена закрытости коммунистического Китая, в те 20 лет с 1957 по 1976 г., когда материалов было недостаточно, а информация была недостоверной, за рубежом было несчетное количество исследователей материкового Китая. Но когда двери открылись и появилась достоверная информация, лишь несколько человек занимаются экономическим развитием Китая! Неужели экономисты, в особенности те, что знают китайский язык, — все они обосновались в башне из слоновой

кости и там, за закрытыми дверями, изобретают велосипед?» [261, с. 1].

Лингвистические преимущества принадлежности к китайской культуре в сочетании с академической свободой исследований и доступом к современному научному инструментарию не стали основой для глубокого изучения теории экономических реформ КНР тайваньскими учеными. В период острой конфронтации материкового Китая и Тайваня исследования экономики материка носили на острове политизированный характер. Для разработки темы не хватало ни специалистов, ни материалов, которые считались секретными и поступали по каналам правительственных служб информации и безопасности (см. [314; 315]). В наши дни рассмотренные выше ограничивающие тенденции в западных исследованиях китайской экономической теории в полной степени стали характерными и для экономических кругов Тайваня, где научные приоритеты и «правила игры» скопированы с американских. Молодое поколение ученых сознательно следует американским стандартам формализации, обращаясь главным образом к локальным проблемам тайваньской экономики, что выводит теоретическую проблематику переходной экономики и реформ континентального Китая на периферию экономической науки. Даже в 90-е годы тайваньские экономисты не проявляют интереса к общетеоретическим аспектам рыночной трансформации.

Отсутствие такого интереса не означает, что китайские экономические реформы на Тайване не изучаются. Эта тема разрабатывается учеными-политологами. Многосторонние компаративистские обобщения содержатся в монографиях У Юйшаня [197; 467]. Однако представляется, что эти работы написаны под значительным влиянием американских политологических исследований и американских трактовок российского и восточноевропейского фактологического материала.

Большую научную ценность имеет попытка гонконгских исследователей сопоставить китайскую практику с неоклассической теорией (см. [247]). В этом сборнике утверждается: опыт китайских реформ бросает теоретический вызов неоклассической политической экономии, в свете чего необходим пересмотр господствующих в современной экономической науке теоретических представлений. Сборник интересен тем, что обсуждение темы «китайского вызова» ортодоксальной экономической теории ведется с использованием экономического опыта других стран Азии, прежде всего Японии.

Вопросы развития китайской экономической науки в период реформы внимательно изучаются обществоведами КНР.

Можно условно выделить три группы их работ, непосредственно связанных с темой данного исследования. К первой относятся монографии и статьи, в которых обобщаются и систематизируются материалы китайских экономических дискуссий, ко второй — немногочисленные труды, посвященные изучению в КНР зарубежной экономической мысли, к третьей — работы, сопоставляющие исходные принципы экономических реформ КНР с преобразованиями в России и Восточной Европе.

Первые попытки классификации материалов обсуждения стали предприниматься китайскими авторами уже в начале 80-х годов. В 1981 г. в КНР были изданы работы, авторам которых удалось достаточно полно изложить содержание экономических обсуждений, состоявшихся после смерти Мао Цзэдуна [244; 297]. Обобщения материалов дискуссий публиковались в журнале «Цзинцзи яньцзю» [71; 129; 294], а также в специальных разделах об экономической науке «Ежегодников китайской экономики» (289, с. V-3 — V-11; 291, с. VII-1 — VII-10). Основную ценность этих обзоров составляет их фактологическая сторона, авторами был поднят новый материал, важный для понимания главных тенденций развития китайской экономической мысли.

Наиболее полная информация о проходивших в КНР дискуссиях давалась в «Ежегодниках китайской экономической науки», которые начали выпускаться в Китае с 1984 г. [285—288]. Особый интерес представляют те их разделы, в которых давалась оценка изучения в КНР вопросов экономической теории и излагались основные точки зрения, высказанные в ходе научных дискуссий. Однако форма подачи материала, избранная составителями ежегодников, существенно ограничивала исследовательские возможности китайских авторов: ученые должны были подводить итоги дискуссий за каждый год в отдельности, что не позволяло им всесторонне осмыслить результаты обсуждения и перейти к более глубоким обобщениям. Многочисленные статьи обзорного характера, посвященные изучению в КНР экономических проблем, публиковались на протяжении 80-х годов в журналах «Хунци» («Цюши»), «Цзинцзи яньцзю», «Цзинцзи кэсюэ», «Цзинцзисюэ вэньчжай», «Цзинцзисюэ дунтай» и др. [71; 129; 234; 294 и др.]. Хотя авторы этих статей и привлекали новые фактические данные, позволяющие составить более полное представление о ходе обсуждения, они, как правило, ограничивались изложением основных позиций участников дискуссий и не анализировали взгляды ученых КНР по существу.

В конце 80-х — начале 90-х годов в КНР был издан ряд крупных работ, в которых подводились предварительные итоги китайских экономических дискуссий за 10 лет. Особого внимания заслуживает сборник статей, выпущенный по результатам состоявшегося в октябре 1988 г. Всекитайского симпозиума по теории хозяйственной системы [228]. Он интересен прежде всего тем, что его материалы отражают состояние китайской экономической науки на конец 80-х годов. Этот этап был весьма плодотворным в истории современной китайской экономической мысли, его изучение необходимо для понимания тенденций развития китайской экономической науки в 90-е годы. Следует также отметить другой сборник [255] и специальный выпуск журнала «Цзинцзи лилунь ю цзинцзи гуаньли» [230]. Главное достоинство этих работ состоит в том, что их составителями был привлечен широкий круг новых источников, однако в целом данные работы представляют собой скорее справочные, чем научные издания.

Особое значение для настоящего исследования имеют публикации китайских авторов о теоретических воззрениях ведущих ученых-экономистов КНР. К ним относятся монографии, посвященные теоретическому наследию патриарха китайской экономической науки Сунь Ефана [34; 299], статьи о взглядах известных китайских ученых Ли Инина, Цзян Ивэя и др. [83; 240]. Ценность данных публикаций определяется тем, что в них содержится интересный фактический материал о научной деятельности китайских экономистов и предпринимается попытка системного изложения их концепций. Однако внимание китайских авторов привлекали лишь взгляды отдельных ученых старшего поколения, в то время как теории других не стали предметом специального анализа. Среди многочисленных работ о китайских экономистах следует также отметить пятитомное собрание «Мои экономические взгляды. 100 современных китайских экономистов о себе» [12] и изданный в Шэньяне пятитомник «Биографии современных китайских экономистов» [284].

В начале 90-х годов появились первые исследования, посвященные выявлению главных направлений развития китайской экономической мысли в период реформы. В 1990 г. была выпущена монография «Основные школы современной китайской экономической мысли» [254], где обобщались итоги научных дискуссий за 10 лет, а в 1994 г. вышел фундаментальный труд «Теоретические школы китайской экономической реформы» [43], хронологические рамки которого охватывали период с конца 70-х годов до конца 1993 г. включительно.

Эта монография, в которой классифицируются взгляды ведущих ученых КНР и анализируются их новейшие теоретические разработки, заметно выделяется среди других исследований. Особый интерес вызывает данный в ней анализ концепций, выдвинутых новым поколением ученых-экономистов. Если теоретические воззрения экономистов старшего и среднего поколений (У Цзинляня, Ли Инина, Лю Гогуана) хорошо известны, то взгляды Линь Ифу, Фань Гана, Лю Вэя до сих пор не нашли в отечественной и зарубежной литературе должного освещения. Изучение теорий, разработанных представителями нового поколения экономистов, представляется крайне важным, поскольку с именами молодых ученых связываются сегодня в КНР будущее китайской экономической теории и надежды на ее интеграцию в мировую экономическую мысль. Для понимания сложных процессов, происходящих в китайской экономической науке в течение последних 20 лет, наибольшую ценность имеет предложенная в монографии классификация основных школ китайской экономической реформы. Авторы книги отказались от упрощенного деления экономистов на реформаторов и антиреформаторов, попытались выделить главные школы среди сторонников реформы и показать вклад, который внесла каждая из этих школ в дело реформы.

Помимо литературы об экономических дискуссиях выделяются еще две группы работ, связанных с темой нашего исследования. К одной из них относятся труды китайских авторов об изучении в КНР зарубежной экономической теории [82; 86; 202; 266]. Поскольку основной целью этих публикаций было ознакомление научной общественности с идеями экономистов Запада, в них особенно подробно излагалось содержание зарубежных концепций, а также предпринимались попытки оценить их значение для Китая. Вопросы же о том, какие западные идеи вызвали в Китае наибольший интерес, как западные идеи интерпретировались учеными КНР и какое воздействие на них оказывали, не нашли полного отражения в китайской экономической литературе. Другая группа — работы, сопоставляющие исходные принципы экономических реформ в КНР с преобразованиями в России и Восточной Европе, — представляет новое направление в китайских экономических исследованиях. Обсуждение проблемы началось недавно, число публикаций сравнительно невелико. Изучение этой темы испытывает влияние компаративистских исследований зарубежных авторов и проводится в основном молодым поколением экономистов (Линь Ифу, Фань Ган, Шэн Хун), стремящихся работать на уровне мировой эконо-

мической науки [78; 303; 414; 432]. Их работы крайне важны для понимания того, как ученые КНР воспринимают и оценивают китайские реформы в контексте мирового опыта.

Завершая обзор китайской литературы, можно отметить, что, несмотря на изобилие публикаций на темы теории экономической реформы, трудно уяснить, в каком направлении эволюционировала китайская экономическая мысль в процессе реформ. Различия в позициях китайских экономистов фиксируются в справочном стиле, формально перечисляются точки зрения ученых вне связи с динамикой реформы и без учета общих тенденций развития экономической науки как в Китае, так и в мире в целом. Возможно, отчасти это обусловлено стремлением не вдаваться в открытое обсуждение проблемы, неминуемо затрагивающее темы пересмотра марксизма и «вестернизации» китайской экономической теории.

Идеологизированность продолжает оставаться особенностью китайских публикаций по экономической теории, возрастая по мере приближения к темам, затрагивающим основы существующего порядка (социалистический путь развития, ведущая роль общественной собственности, партийное руководство экономикой и т.д.). Это распространяется не только на оценки современной ситуации, но и на трактовки предшествующего развития экономической мысли. По политическим мотивам в китайской литературе не находят адекватного отражения процессы, происходившие в экономической науке КНР до и после июньских событий 1989 г. Имена Су Шаочжи, Чэнь Ицзы, Хуа Шэна и других ученых, выступивших со своими программами переустройства китайского общества весной 1989 г., после событий упоминаются только в целях критики. Из литературы о реформах, опубликованной после 1990 г., исчезли позитивные упоминания не только об ученых-диссидентах, но и о ключевой фигуре среди руководителей-реформаторов в 80-е годы — Чжао Цзыяне [436, с. 22]. Многие острые проблемы, поднимавшиеся в ходе экономических дискуссий, в материалах обобщающего характера не освещаются или затрагиваются лишь попутно. В ряде случаев оценки теорий, выдвинутых учеными КНР, отличаются тенденциозностью, первостепенное значение придается соответствию этих теорий официальному курсу китайского руководства. Такой подход серьезно ограничивает возможности изучения материалов обсуждения и не позволяет выявить внутреннюю логику развития дискуссий.

Влияние идеологии должно учитываться при исследованиях в области общественных наук КНР. Не следует использовать идеологизированную «окрашенность» китайского тео-

ретического материала как предлог для пренебрежения им (что иногда случается в западной литературе). Сходная ошибка происходит и в том случае, когда при анализе китайской общественно-научной мысли она априорно отождествляется с официальной идеологией, а те аспекты дискуссий, которые не вписываются в идеологические рамки, игнорируются как несущественные. В настоящей работе автор стремился выявить содержательные уровни китайских дискуссий, постоянно помня об идеологическом факторе, делая исходя из него необходимые коррективы, но не сводя современную китайскую экономическую теорию к официальной экономической идеологии.

* * *

Данная работа была подготовлена в Центре социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН, коллективу которого автор благодарен за советы. Автор глубоко признателен чл.-корр. РАН В.С.Автономову за ценные замечания. Особую благодарность автор выражает Центру синологических исследований (Center for Chinese Studies, National Central Library) за предоставленную возможность для научной работы на Тайване в Национальной библиотеке и библиотеке Института экономики Академии Синика. Исследовательская работа в библиотеке Синологического института в Лейдене при поддержке Европейской Ассоциации китаеведения (European Association of Chinese Studies) помогла ознакомиться с современной западной научной литературой.

Автор хранит благодарную память о внимательном и доброжелательном редакторе этой книги Владимире Борисовиче Меньшикове.

**Возрождение китайской экономической науки
в период реформ:
новые тенденции и направления развития**

Становление современной экономической науки в КНР начиналось на фоне тяжелого экономического кризиса, к которому привело развитие событий в Китае с конца 50-х годов. Новое руководство, пришедшее к власти после смерти Мао Цзэдуна, было вынуждено признать, что к концу 70-х годов все народное хозяйство страны оказалось почти на грани катастрофы, и начать пересмотр экономического курса.

С переходом к политике реформ заметно усилилось внимание китайского руководства к развитию экономической науки. В поисках выведения народного хозяйства страны из кризисного состояния руководители КНР возлагали особые надежды на научные исследования в области экономики. Поставленные руководством КНР перед учеными-экономистами задачи заключались в том, чтобы разработать неотложные меры по оздоровлению китайской экономики, выдвинуть предложения по перестройке хозяйственного механизма, определить пути и методы дальнейшего экономического развития. Наука должна была показать несостоятельность концепции экономического развития, получившей распространение в годы «большого скачка» и «культурной революции», пересмотреть «направляющие идеи», на базе которых строилась прежняя экономическая политика, разработать теоретические основы нового экономического курса. На рубеже 80-х годов в официальных материалах был поставлен вопрос о необходимости создания в КНР собственной концепции «китайского пути» к социализму [473, 01.06.1981], что также способствовало повышению статуса экономической теории. Поскольку с использованием достижений экономической науки связывались перспективы превращения Китая в богатое и могущественное государство, руководители КНР придавали первостепенное значение этой отрасли научного знания.

В связи с тем что в годы «культурной революции» нормальный ход развития экономической науки был нарушен,

исследования в области экономики прекращены, а ученые репрессированы, на первый план вышла задача восстановления деятельности экономических организаций и воссоздания инфраструктуры экономической науки.

В конце 70-х годов начала действовать система Академии общественных наук Китая. Пост ее президента занял Ху Цяому, который в 1966—1967 гг. подвергался нападкам, был охарактеризован как последователь линии Лю Шаоци—Дэн Сяопина и обвинен в выступлениях против «большого скачка» и «народных коммун» [472, 02.03.1980]. Уже к началу 80-х годов была нормализована деятельность институтов экономического профиля в системе АОН Китая, пять из которых были созданы после 3-го пленума ЦК КПК [473, 30.06.1981].

Важное место в системе экономических исследований занимали ведомственные институты, находившиеся в подчинении различных комитетов и министерств, а также непосредственно ЦК КПК и Госсовета КНР. На начальном этапе хозяйственных преобразований в КНР заметную роль в изучении вопросов реформы сыграл Институт экономики при Госплане КНР. Его директором был назначен Сюэ Муцяо, который в 50-е годы руководил работой Государственного статистического управления и Государственного комитета цен, в начале 60-х годов являлся заместителем председателя Государственного планового комитета, а в период «культурной революции» был объявлен «реакционным авторитетом номер один среди экономистов» и отправлен на трудовое перевоспитание в деревню [472, 12.02.1981]. Разработка проблем реформы, в том числе и теоретических, велась специальной исследовательской группой по вопросам реформы экономической системы, которая впоследствии была преобразована в канцелярию Госсовета КНР по реформе [281, с. 478].

Серьезные научные исследования в области хозяйственной реформы в КНР проводились в рамках созданного в мае 1982 г. Государственного комитета по реформе экономической системы, в состав которого были включены многие ведущие китайские экономисты (Тун Далинь, Гао Шанцюань, Чжоу Тайхэ и др.) [281, с. 479]. В середине 80-х годов при Государственном комитете по реформе экономической системы был образован Институт по реформе экономической системы, деятельность которого стала широко известна в Китае и за рубежом в период июньских событий 1989 г. Возглавляемый Чэнь Ицзы институт объединил молодых экономистов-реформаторов и обрел фактический статус «мыслительного штаба» при руководстве Чжао Цзяна.

Углубленным изучением основных тенденций экономического развития Китая занимались созданные в начале 80-х го-

дов исследовательские центры Госсовета КНР (экономических исследований, технико-экономических исследований и исследований в области цен), преобразованные в 1985 г. в Центр по экономическому, техническому и социальному развитию. Наряду с центральными научно-исследовательскими учреждениями разработка вопросов реформы велась также в экономических институтах, находившихся в подчинении ведомств и местных органов власти. Особую роль в исследовании проблем экономической теории играли экономические факультеты столичных и провинциальных университетов, экономические институты при ряде университетов (Пекинском университете, Народном университете Китая, Фуданьском университете и др.), высшие учебные заведения экономического профиля.

В конце 70-х годов усилилось внимание руководства КНР к вопросам подготовки кадров квалифицированных экономистов, произошли изменения в системе экономического образования, был возобновлен прием в аспирантуру по экономическим специальностям [291, с. X—12].

Вновь стали выходить в свет научные периодические издания, закрытые в 60-е годы, появились новые экономические журналы. После долгого перерыва был возобновлен выпуск журнала «Цзинци яньцзю» («Экономические исследования»). Вновь начал выходить журнал «Цзинцзисюэ дунтай» («Положение в экономической науке»). С 1979 г. стал выпускаться журнал «Цзинци гуаньли» («Экономическое управление»). Значительно увеличилось число журналов по экономике, выпускаемых столичными и провинциальными университетами и институтами. Среди них следует специально отметить журнал «Цзинци кэсюэ» («Экономические науки»), издаваемый с 1979 г. экономическим факультетом Пекинского университета, и «Цзинци лилунь юй цзинци гуаньли» («Экономическая теория и экономическое управление»), выпуск которого был начат Народным университетом Китая в 1981 г. Появились издания, знакомящие научную общественность с проблемами зарубежной экономики. С 1978 г. в Пекине начал издаваться журнал «Шицзе цзинци» («Мировая экономика»), с 1980 г. Академией общественных наук Шанхая стала выпускаться еженедельная газета «Шицзе цзинци даобао» («Вестник мировой экономики»), получившая широкую известность в период событий 1989 г. и закрытая за пропаганду идей «буржуазной либерализации».

Стали выходить многочисленные специализированные экономические журналы, а с середины 80-х годов — различные журналы по проблемам хозяйственной реформы. Среди них

особого упоминания заслуживают журнал «Чжунго цзинци тичжи гайгэ» («Реформа экономической системы Китая»), издаваемый Государственным комитетом по реформе экономической системы, и журнал «Гайгэ» («Реформа»), выпуск которого был начат в 1988 г. под редакцией известного китайского экономиста Цзян Ивэя. Началось издание «Цзинци жибао» («Экономическая газета»), информация о положении в народном хозяйстве давалась также в газете «Цзинцзисюэ чжоубао» («Еженедельник экономической науки»), выпуск которой был прекращен после событий июня 1989 г.

Характерной особенностью проводимой в КНР политики реформ стало активное привлечение руководством страны ведущих китайских исследователей к выработке новой экономической политики. В рамках провозглашенного в КНР курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» были организованы экономические дискуссии. Принципиальные положения, выдвинутые китайскими учеными в процессе обсуждения, учитывались руководством КНР и находили отражение в официальных документах и решениях. Своими теоретическими выводами и практическими рекомендациями китайские экономисты вносили существенный вклад в разработку концепции реформы.

Устойчивый интерес к научным трудам и деятельности экономистов сохраняется в КНР с начала 80-х годов. За годы реформы были изданы монографии ведущих ученых КНР Дун Фужэна, Лю Гогуана, Ма Хуна, Сунь Ефана, Сунь Шанцина, Сюэ Муцяо, У Цзинляня, Цзян Сюэмо, Юй Гуанъюаня, Ян Цзяньбая и др. [39; 88; 111; 137; 140; 149; 165; 276; 324 и др.], начала публиковаться многотомная «Библиотека избранных произведений современных китайских экономистов», в которую вошли сборники статей Сунь Ефана, Сюй Дисиня, Сюэ Муцяо, Хэ Вэя, Чжоу Шуляня и др. [283]. В экономических журналах публиковались специальные материалы, в которых анализировались и систематизировались взгляды ведущих ученых КНР [83; 240].

Среди многочисленных работ о китайских экономистах особого упоминания заслуживает пятитомное собрание «Мои экономические взгляды. 100 современных китайских экономистов о себе», выпущенное в 1991—1992 гг. [12]. Ведущим ученым КНР было предложено высказаться по интересующим их экономическим проблемам, благодаря чему они получили возможность свободно выразить свои взгляды, «реализовать свое „малое Я“ в „большом Я“ — деле строительства социализма со спецификой Китая» [12, с. 5]. В пятитомнике приводились конкретные факты, свидетельствовавшие об участии китай-

ских ученых в разработке экономической политики, статьи китайских экономистов давали возможность проследить, какие из выдвинутых ими предложений были приняты во внимание при подготовке официальных решений, а что было отклонено.

Среди экономистов, которых руководство КНР стало привлекать к выработке нового экономического курса, следует прежде всего назвать «патриарха» китайской реформы Сунь Ефана (1908—1983). В 20-е годы он участвовал в молодежном движении, в 1924 г. вступил в КПК, в 1925—1930 гг. учился в Москве в Университете им. Сунь Ятсена, возвратившись в Китай, занимался обследованием китайской деревни и преподавательской деятельностью. После образования КНР ученый работал в экономических и статистических ведомствах, директором Института экономики АН Китая. В период «культурной революции» он подвергся репрессиям, был назван проповедником теории «прибыль — ведущая сила», «главой школы экономизма», «самым крупным ревизионистом в сфере экономики» и заключен в тюрьму, где находился до 1975 г. [473, 23.10.1978]. После устранения с политической сцены «банды четырех» Сунь Ефан занял пост почетного директора Института экономики АОН Китая, в 1982 г. удостоен звания «образцовый коммунист». Когда после реабилитации ученого спросили, как ему удалось выстоять, он ответил: «Политическая экономия спасла мне жизнь» (цит. по [299, с. 84]), выразив в этих словах смысл своей научной деятельности. В истории китайской экономической мысли Сунь Ефану принадлежит особое место, поскольку он создал относительно целостную теорию социалистической экономики, одним из первых предложил строить плановую работу на основе закона стоимости, выступил за использование прибыли в качестве главного показателя для оценки хозяйственной деятельности предприятий. Практические рекомендации Сунь Ефана по перестройке хозяйственного механизма были учтены при разработке важнейших партийно-государственных документов¹.

Сунь Ефану были присущи научная смелость и бескомпромиссность. Когда накануне «культурной революции» коллеги-экономисты советовали ему изменить взгляды, чтобы

¹ После смерти Сунь Ефана в КНР были опубликованы черновики его главного труда — «Теория социалистической экономики» [137], написанию которого ученый посвятил 25 лет жизни, сборник его работ о теории обращения (см [472, 06.03 1984]), в серии «Известные современные экономисты Китая» изданы «Избранные сочинения Сунь Ефана» (см. [472, 27.07 1986])

избежать опасности, связанной с новыми поветриями в общественной жизни, Сунь Ефан отвечал, что он «экономист, а не синоптик» и не должен следить за направлением ветра (цит. по [313, с. 53]). Впоследствии, в период развернутых против Сунь Ефана кампаний критики ученый открыто заявлял, что, «во-первых, не изменит своих убеждений, во-вторых, не изменит своих поступков, в-третьих, не изменит своих идей» (цит. по [223, с. 30]). Исследовательский стиль Сунь Ефана также был подчинен высоким моральным стандартам. Ученый одним из первых обратил внимание на необходимость соблюдения научной этики и принципов ведения дискуссии, среди которых он выделял конкретность критики и ее адресный характер [136, с. 232—234].

Хотя со времени смерти Сунь Ефана прошло уже более 10 лет, многие его идеи до сих пор сохраняют актуальность; он остается одним из самых уважаемых в Китае экономистов и считается «признанным авторитетом в экономических кругах КНР» [22, с. 56; 223, с. 30].

Другим известным китайским ученым, которого новое руководство КНР привлекло к разработке экономической политики, был Сюэ Муцяо. Подобно Сунь Ефану, в годы «культурной революции» Сюэ Муцяо подвергался гонениям, а его экономические взгляды были раскритикованы. «Золотой век» научной деятельности Сюэ Муцяо начался в конце 70-х годов [284, т. 1, с. 252]. Тогда ученый возглавил Институт экономики при Госплане КНР, стал активно публиковаться в центральной партийной печати и экономических журналах [158; 160—163], подготовил к изданию монографию «Изучение экономических проблем социализма в Китае» [165], выпустил несколько сборников статей по вопросам реформы и урегулирования народного хозяйства [153; 156]. Вклад Сюэ Муцяо в разработку таких важнейших вопросов теории и практики экономической реформы, как перестройка отношений собственности, соотношение планового и рыночного регулирования, преобразование системы цен, был признан научной общественностью Китая, а в 1984 г., когда отмечалось 50-летие его творческой деятельности, заслуги ученого были отмечены руководством страны [284, т. 1, с. 252].

В конце 70-х годов вернулся к активной работе Сюй Дисинь, назначенный директором Института экономики АОН Китая и вице-президентом Академии. В конце 70-х — начале 80-х годов Сюй Дисинем были опубликованы многочисленные статьи по проблемам экономической теории социализма (см., например, [146; 150]), в 1980 г. под его редакцией вышел трехтомный «Политэкономический словарь» [296].

Возвратился к научной деятельности Ло Гэнмо, объявленный в период «культурной революции» «ревизионистским элементом», «проповедником антиреволюционных идей в экономике» и критиковавшийся за предложения использовать принцип распределения по труду, который квалифицировался как «проявление буржуазного права» [472, 03.02.1979].

Среди экономистов старшего поколения, вклад которых в разработку экономических проблем был признан в КНР после разгрома «банды четырех», следует особо отметить бывшего ректора Пекинского университета, крупнейшего специалиста по проблемам народонаселения Ма Иньчу. Первые кампании критики ученого развернулись в конце 50-х годов, когда «Новая теория населения» Ма Иньчу, в которой предлагалось усилить контроль над ростом населения, была осуждена как «китайское издание мальтузианства» [284, т. 1, с. 36], а сам он назван «китайским Мальтусом» [472, 05.08.1982]. В конце 70-х годов выдвинутая Ма Иньчу теория народонаселения вновь вызвала в Китае интерес, работы ученого получили высокую оценку в китайской экономической литературе. Были изданы избранные сочинения Ма Иньчу, опубликованы статьи о жизни и взглядах ученого [135; 472, 02.03.1979]. В 1979 г. ЦК КПК официально утвердил решение о реабилитации Ма Иньчу, он был назначен почетным ректором Пекинского университета, избран членом ПК ВСНП, а в 1981 г. в стране торжественно отмечалось 100-летие со дня его рождения.

Экономические идеи, с которыми выступили в конце 70-х — начале 80-х годов китайские экономисты старшего поколения, для своего времени были новаторскими. Выводы о необходимости использования рыночных методов регулирования, создания многоукладной экономики, контроля над ростом населения, которые сегодня не вызывают в КНР возражений, принципиально отличались от представлений, получивших распространение в период «культурной революции», и были важным шагом в развитии китайской экономической мысли. Несмотря на то что в ходе практического осуществления реформы ситуация в экономике КНР изменилась и к настоящему времени китайские ученые продвинулись вперед в разработке многих теоретических проблем, идеи, выдвинутые на начальном этапе преобразований, по-прежнему продолжают представлять научный интерес.

Заслуга старейших китайских экономистов состояла не только в том, что они создали основы теории реформы, ими были заложены традиции научного творчества, продолженные новым поколением ученых КНР. Как и ученые старшего поколения, их последователи видели свою главную задачу в том,

чтобы внести посильный вклад в дело реформы и тем самым способствовать превращению Китая в богатое и могущественное государство. В 80-е годы ими были созданы относительно целостные экономические теории, которые они последовательно отстаивали. Некоторым видным экономистам в научных кругах КНР были даже присвоены прозвища, отражающие существо их теоретических воззрений. Например, сторонника рыночных реформ У Цзинляня коллеги-экономисты называли У Шичан (У Рынок), а пропагандиста акционерной системы Ли Инина — Ли Гуфэнь (Ли Акция). Как отмечает сегодня китайская печать, после событий мая—июня 1989 г. эти прозвища приобрели «отрицательный оттенок», стали считаться синонимом «буржуазной либерализации», однако ученые по-прежнему оставались верны своим взглядам [479, 09.02.1993]. Цельность характеров и независимость суждений ведущих экономистов КНР обусловили особое уважение к ним научной общественности, а оригинальность подходов к решению экономических проблем современного Китая способствовала росту популярности разработанных ими концепций.

Если ведущие ученые старшего поколения, возвратившиеся в конце 70-х годов к научной деятельности, в основном развивали выработанные ранее теоретические положения и реализовали задумы, созданные в период «культурной революции», то концепции экономистов среднего поколения в ходе реформы претерпевали существенную эволюцию.

Под воздействием практики хозяйственных преобразований углублялись и конкретизировались теоретические воззрения упоминавшегося выше У Цзинляня — ведущего китайского экономиста, ответственного работника Центра по экономическому, техническому и социальному развитию при Госсовете КНР. Хотя на протяжении последних полутора десятилетий У Цзинлянь постоянно утверждал, что для подъема китайской экономики «нет иного пути, чем путь реформы и открытости, создания рыночной экономики» [188, с. 1], представления ученого о содержании и способах осуществления реформы не оставались неизменными.

Наряду с хозяйственной практикой осязаемое влияние на взгляды У Цзинляня оказывали теоретические концепции, которые ученый освоил за период реформы. По словам самого ученого, его научная деятельность «началась с изучения традиционной политекономии», которая до сих пор влияет на его концепции [188, с. 1]. Впоследствии значительную роль в формировании воззрений У Цзинляня сыграли зарубежные экономические теории. В начале 80-х годов, когда Китай посетили В.Брус и О.Шик, У Цзинлянь познакомился с кон-

цепциями реформ в странах Восточной Европы, что стимулировало его интерес к сравнительным исследованиям [12, т. 3, с. 547—548]. Серьезное воздействие на выдвинутую ученым концепцию реформы оказали идеи известного венгерского экономиста Я. Корнаи, развитые У Цзинлянем применительно к китайской действительности [183]. Важнейшим этапом формирования экономических взглядов ученого стала стажировка в Йельском университете (США), где он прослушал курсы по макро- и микроэкономике и углубил свои знания о западной экономической теории. Как писал У Цзинлянь, в ходе стажировки он понял важность изучения вопроса о способах распределения ресурсов — темы, которая впоследствии стала одним из главных направлений его научных исследований [12, т. 3, с. 549—550]. По словам ученого, именно благодаря знакомству с западными теориями он глубже осознал закономерности реформ в Китае и других социалистических странах, «многие проблемы, которые виделись недостаточно четко, стали ясными и понятными» [12, т. 3, с. 555].

Формулируя цели своей научной деятельности, У Цзинлянь обращался к первоначальному значению сочетания иероглифов «цзинцзи», которое используется сегодня в Китае как адекватное понятию «экономика», и напоминал, что в средневековом Китае *цзинцзи* была наукой об «управлении миром (государством) и вспомоществовании народу» (*цзин ши цзи минь*, *цзин го цзи минь*), системой знаний о том, «как добиться богатства и могущества страны, счастья народа» [12, т. 3, с. 588—589]. По его мнению, в настоящее время силы и знания китайской интеллигенции также должны быть мобилизованы для выполнения этой задачи; главный путь возрождения Китая он видит в углублении реформы, ориентированной на развитие рыночных отношений [12, т. 3, с. 588—589].

По мере углубления хозяйственных преобразований в КНР все более четкие контуры приобретала концепция реформы другого ведущего китайского экономиста, профессора Пекинского университета Ли Инина. В 50-е годы, обучаясь на экономическом факультете Пекинского университета у таких известных ученых, как Чэнь Дайсунь, Ло Чжижу, Чэнь Чжэньхань и др., Ли Инин не только освоил основы теории К. Маркса, но и познакомился с концепциями Ф. Хайека и О. Ланге, А. Маршалла и Дж. Коммонса, М. Вебера и Дж. М. Кейнса. В период «большого скачка» Ли Инин был отстранен от научной и педагогической деятельности и переведен на работу в учебный кабинет экономического факультета Пекинского университета, где на протяжении почти 20 лет продолжал изучать литературу по вопросам зарубежной эко-

номической теории, занимался переводом трудов западных экономистов на китайский язык. Собранные за эти годы материалы были впоследствии использованы ученым при подготовке курсов и учебных пособий по зарубежной экономической теории, а также при написании специальных работ по истории западной экономической мысли.

Как и У Цзинлянь, Ли Инин подчеркивал, что главная цель исследования в КНР зарубежной экономической теории состоит в том, чтобы с помощью ее достижений найти пути решения реальных проблем китайской экономики [470, 17.10.1992]. В его работах, увидевших свет после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, последовательно проводилась мысль о том, что многие экономические теории Запада имеют в условиях китайской реформы аналитическую ценность (см. [83, с. 38]). Наибольший интерес ученый проявил к теориям неравновесия, под влиянием которых выдвинул тезис о неравновесии как главной специфической особенности экономики КНР. Книга «Неравновесная экономика Китая», по словам Ли Инина, «в наибольшей степени отражала его научные взгляды» [63, с. 1]. Вывод о неравновесном характере китайской экономики лег в основу разработанной им теории о реформе на предприятиях как «ключевом звене» экономических преобразований в КНР, в которой особенно полно проявилось своеобразие экономических воззрений ученого (см. [83, с. 37, 57]). Взгляды Ли Инина по проблемам изучения в КНР зарубежной экономической мысли, китайской экономической теории и хозяйственной реформы были изложены ученым в многочисленных монографиях, наибольшую известность среди которых получили «Политическая экономия социализма» [68], «Теория управления народным хозяйством» [60], «Пути реформы экономической системы Китая» [67] и др.

Сфера творческой деятельности Ли Инина не ограничивалась написанием научных трудов, особое внимание экономист уделял преподаванию, считая его «своей главной обязанностью» [470, 17.10.1992]. Важнейшая заслуга Ли Инина заключалась в том, что под его руководством были подготовлены высококвалифицированные ученые, которые в последние годы стали выдвигаться на ключевые позиции в китайской экономической науке. В 1982 г., выступая перед выпускниками экономического факультета Пекинского университета, Ли Инин высказал подтвердившееся впоследствии предположение, что труды ученых-экономистов, пользовавшихся авторитетом в начале 80-х годов, через 10 лет утратят свою привлекательность и популярность, а на первый план выйдет новое поколение ученых, которое будет опреде-

лять облик китайской экономической науки 90-х годов [87, с. 8].

Эти слова были процитированы Ли Инином в предисловии к книге «Размещение ресурсов и реформа экономической системы», одним из основных авторов которой был Лю Вэй, обучавшийся на экономическом факультете Пекинского университета в 1977—1982 гг. В настоящее время имя этого молодого ученого уже получило известность в Китае, он имеет степень доктора экономики, является профессором экономического факультета Пекинского университета, автором многочисленных монографий и статей по проблемам экономической теории и практики хозяйственной реформы в КНР. Работы Лю Вэя об изучении в КНР западной экономической мысли, о теоретических основах хозяйственных преобразований в КНР, а также его исследования проблем размещения ресурсов и прав собственности пользуются популярностью в китайских научных кругах [85—87].

К числу молодых ученых, активно участвующих в разработке теоретических проблем китайской экономической реформы в последние годы, относится также ведущий научный сотрудник, а с 1994 г. — заместитель директора Института экономики АОН Китая Фань Ган. В настоящее время ученый работает в Китайском фонде реформы. Закончив в 1982 г. экономический факультет Хэбэйского университета, он поступил в аспирантуру АОН Китая, где специализировался по проблемам современной западной экономической мысли. В 1985—1987 гг. Фань Ган стажировался по теме исследования в США, после возвращения в Китай ему была присвоена степень магистра, а затем доктора экономики. В работах Фань Гана поднят широкий круг проблем. Ученый углубленно занимался вопросами развития западной экономической мысли. Этой теме посвящена его монография «Сопоставление и синтез трех современных теоретических экономических систем» [202].

Большое внимание Фань Ган уделял изучению проблемы собственности, под его руководством был подготовлен фундаментальный труд «Макроэкономика общественной собственности» [205], в котором предпринималась попытка позитивного анализа феномена экономики общественной собственности. Монография вызвала широкий отклик в экономических кругах КНР. В рецензиях отмечалось, что она «значительно продвинула вперед китайские экономические исследования как в применении современных экономических методов для анализа макроэкономики, так и в построении теоретической системы макроэкономики общественной собственности, об-

новлении основных понятий, концепций и категорий макроэкономики» [293, с. 72]. Книга Фань Гана привлекла внимание ученых-экономистов не только в КНР, но и на Тайване, в Гонконге, Японии. В тайваньском журнале «Чжунхуа цза-чжи» подчеркивалось, что «Макроэкономика общественной собственности» «внесла большой вклад в обновление теории», «объединив кейнсианство, взгляды неоклассиков, экономическую концепцию Маркса и экономику дефицита Корнаи» (цит. по [293, с. 72]). О высокой оценке этой работы Фань Гана в Китае и за рубежом свидетельствует также и тот факт, что она стала использоваться как учебник для аспирантов в ряде университетов Китая, Гонконга и Японии [293, с. 72].

Особую известность в научных кругах КНР получили опубликованная в 1991 г. в журнале «Цзинцзи яньцзю» статья Фань Гана «Теория серого рынка», за которую ученому была присвоена премия Сунь Ефана, а также многочисленные работы, в которых Фань Ган стремился осмыслить предварительные итоги китайской экономической реформы и теоретически обосновать избранную в КНР стратегию постепенных преобразований [198; 200; 204]. Заслуги Фань Гана в разработке экономических проблем получили признание как в Китае, так и за рубежом, его по праву считают одним из наиболее авторитетных молодых лидеров — «четырёх маленьких драконов» — китайской экономической науки².

Среди молодых экономистов, концепции которых вызвали повышенный интерес в КНР в конце 80-х годов, можно также выделить Хуа Шэна, возглавлявшего до июньских событий 1989 г. сектор микроэкономических исследований Института экономики АОН Китая. Им были выработаны принципиально новые подходы к реформе отношений собственности, выдвинуты оригинальные предложения, касающиеся перестройки системы цен, в частности идея «двухколейной» системы цен как переходной модели ценообразования. Подобно многим молодым китайским экономистам, Хуа Шэн хорошо знаком не только с теорией К.Маркса, но и с экономической мыслью Запада, которую он освоил во время стажировки в Англии. В 1988 г. Хуа Шэну было присвоено почетное звание «специалиста молодого и среднего поколения государственного уровня, имеющего выдающиеся заслуги», он был удостоен премии Сунь Ефана [475, 03.09.1988]

² Согласно одной из принятых в КНР классификаций, к числу «четырёх маленьких драконов» китайской экономической науки помимо Фань Гана относятся также Лю Вэй, Вэй Цзе и Чжун Пэнжун (их также называют «четырьмя молодыми из столицы»), в соответствии с другой — Лоу Цзинвэй, Ли Цзяньгэ и Го Шудин

Наибольшую известность в КНР получило подготовленное Хуа Шэном совместно с его коллегами Чжан Сюэцзюнем и Ло Сяопэном фундаментальное исследование «Десять лет китайской реформы: ретроспектива, осмысление и перспектива» [216], в котором были не только подведены предварительные итоги китайской реформы, но и сделаны принципиальные выводы по ее ключевым вопросам. Высокую оценку в китайской экономической литературе получила выдвинутая Хуа Шэном «теория должностных прав» (*чжицзюань лилунь*), с помощью которой ученый характеризовал особенности социалистической экономики. Многие китайские рецензенты обращали внимание на основательность проведенного Хуа Шэном анализа командно-административной системы, «Жэньминь жибао» писала, что в статье Хуа Шэна и его коллег «критика традиционной модели социализма достигла небывалой глубины» [473, 09.01.1989]. В начале 1989 г. исследование Хуа Шэна стало предметом острых дискуссий в экономических кругах КНР (см. [70]), однако научное обсуждение разработанной Хуа Шэном теории продолжалось недолго, поскольку в период политического кризиса мая—июня 1989 г. он и его коллеги были осуждены за пропаганду идей «буржуазной либерализации». Ученый был вынужден эмигрировать за границу, став впоследствии заместителем руководителя созданного китайскими диссидентами Центра исследований современного Китая.

Значительное влияние на формирование облика экономической науки КНР 90-х годов оказывает творчество Линь Ифу (Justin Yifu Lin), закончившего экономический факультет Пекинского университета. По рекомендации лауреата Нобелевской премии Т.Шульца он специализировался по проблемам экономики развития и экономики сельского хозяйства в Чикагском университете. В 1986 г. ему была присвоена степень доктора экономики. В 1986—1987 гг. Линь Ифу работал в Йельском университете, где главной сферой исследований ученого был институционализм. Через некоторое время после возвращения в Китай он возглавил созданный при Пекинском университете Китайский центр экономических исследований.

Линь Ифу поддерживает тесные связи с зарубежными университетами, преподает в филиале Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, в Австралийском национальном университете. Он пользуется авторитетом среди западных исследователей экономики КНР, на XI Всемирном экономическом конгрессе в Тунисе (декабрь 1995 г.) руководил работой секции по китайской экономике. Статьи Линь Ифу регулярно

публикуются во влиятельных зарубежных экономических журналах и высоко оцениваются западными учеными. Так, Т.Шульц неоднократно называл работы Линь Ифу «классическими произведениями институционализма» (цит. по [225, с. 153]). Событием в научной жизни Китая стало издание книги Линь Ифу «Институты, техника и развитие сельского хозяйства Китая» [76], в которой новейшие достижения западной экономической теории использовались для анализа процессов, происходящих в сельском хозяйстве КНР. В свете ведущихся в нашей стране и за рубежом дискуссий о двух моделях перехода к рынку (радикальной и поэтапной) несомненный интерес представляет изданная под редакцией Линь Ифу книга «Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа» [78], в которой анализируются причины успеха китайской реформы и значение опыта Китая для других переходных экономик.

На основании знакомства с жизнью и идеями таких ученых старшего, среднего и молодого поколения, как Сунь Ефан и Сюэ Муцяо, У Цзинлянь и Ли Инин, Хуа Шэн и Фань Ган, можно составить общее представление об экономистах, которые активно участвовали в разработке концепции реформы в конце 70-х — начале 90-х годов и чьи взгляды определяли особенности развития китайской экономической науки в этот период. Несмотря на то что деление участников обсуждения на старейших китайских экономистов, ученых среднего поколения и молодых исследователей является весьма условным, оно позволяет лучше понять ход китайских экономических дискуссий и проследить за изменением их тематики. Хотя концепциям ученых КНР, принадлежавших к различным поколениям, и были свойственны многие общие черты, среди которых прежде всего следует отметить особую роль в теоретических построениях всех китайских ученых национального фактора, их подходы к исследованию проблем современного Китая существенно различались.

Это в значительной степени объясняется тем, что положение в народном хозяйстве КНР на различных этапах реформы было неодинаковым. Кризисная ситуация конца 70-х годов, в которой работали старейшие китайские экономисты, принципиально отличалась от положения в экономике КНР в середине 80-х годов — периода наибольшей творческой активности ученых среднего поколения — и от условия конца 80-х — начала 90-х годов, когда со своими концепциями реформы стали выступать молодые китайские исследователи.

Другая важнейшая причина существенных различий в экономических воззрениях китайских ученых состояла в неоди-

наковом уровне их теоретической и специальной подготовки. За сравнительно короткий отрезок времени в Китае произошли серьезные изменения в системе экономического образования, многие молодые экономисты получили возможность стажироваться за границей, что способствовало повышению их профессионализма. Ученые молодого поколения были более свободны в экономическом мышлении, нежели их предшественники, и лучше готовы к восприятию нового. Новое поколение отличало прежде всего хорошее знание западной экономической мысли. Молодые исследователи по-иному, чем экономисты старшего поколения, понимали задачи, стоящие перед экономической наукой, применяли другие методы для анализа экономической реальности.

Поскольку подходы китайских ученых к исследованию экономических проблем и используемые ими аналитические инструменты были неодинаковы, в ходе дискуссий представители различных поколений экономистов редко вступали в полемику между собой. Как свидетельствует знакомство с материалами обсуждений, научные дискуссии велись главным образом внутри каждого из поколений китайских исследователей, при этом экономические проблемы, поднимавшиеся в ходе обсуждения представителями различных поколений ученых КНР, существенно различались. На эту характерную черту китайских экономических дискуссий следует обратить особое внимание, поскольку без разграничения различных потоков китайской экономической мысли и без учета достижений ученых различных поколений нельзя составить целостную картину китайской экономической мысли и понять особенности ее развития в изучаемый период.

Начало широким дискуссиям в научных кругах КНР было положено программной статьей Ху Цяому «Действуя в соответствии с экономическими законами, ускорить осуществление „четырёх модернизаций“» [473, 06.10.1978], в которой подвергались критике мероприятия, проводимые в КНР в период господства «банды четырех», и излагались основные теоретические послышки новой экономической политики. В этой статье был предложен общий подход к исследованию экономических проблем современного Китая, который определил основную направленность и тематику дискуссий конца 70-х — начала 80-х годов. В качестве исходного момента исследования Ху Цяому взял вопрос о характере действия экономических законов социализма. Анализируя последствия «культурной революции», он связывал неудачи в экономике с неправильным пониманием экономических законов социализма, а формулируя основные принципы ведения хозяйственной

работы, рекомендовал строить ее на основе объективных законов.

Вопрос о характере действия экономических законов при социализме стал главной темой статей ведущих китайских экономистов, опубликованных в конце 70-х годов в центральной печати и специальных экономических журналах. Так, изучению закона соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил была посвящена статья Сунь Ефана «О производственных отношениях — объекте изучения политической экономии» [134]; исследование закона стоимости содержалось в статье Сюэ Муцяо «Используя закон стоимости, служить экономическому строительству» [158]; проблема основного закона социализма анализировалась в статье Юй Гуаньюаня «О „теории цели социалистического производства“» [312]; вопросы применения экономических законов в социалистическом строительстве современного Китая рассматривались в докладе Сюй Дисиня на XVII Европейском конгрессе по китаеведению [148]. Использованию в ходе реформы в КНР объективных экономических законов были посвящены изданные в начале 80-х годов монографии и сборники статей Дун Фужэна, Лю Гогуана, Сунь Шанцина, Сюй Дисиня, Сюэ Муцяо, Ян Цзяньбая и других известных экономистов [39; 88; 140; 149; 165; 276; 324]. Экономические законы обсуждались на многочисленных теоретических конференциях.

Повышенное внимание, которое китайские ученые проявили к проблеме экономических законов социализма на начальном этапе реформы, вполне понятно. Участники дискуссий доказывали, что ошибки, допущенные в периоды «большого скачка» и «культурной революции», были связаны с игнорированием этих законов или их неправильной интерпретацией. В работах ведущих китайских экономистов была признана несостоятельной маоистская трактовка закона соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил, отрицавшая связь преобразования производственных отношений с изменениями в производительных силах. Произошел отказ от пропагандировавшейся в предшествующий период установки «сначала производство, потом жизнь», которая была осуждена как противоречащая требованиям основного закона социализма, подверглась критике практика «производства ради производства». Обращалось внимание на важность соблюдения в ходе экономического строительства закона планомерного, пропорционального развития, подмененного маоистской теорией «скачкообразного» развития экономики. Предлагалось реабилитировать принцип распре-

деления по труду, квалифицировавшийся как проявление «буржуазного права» и замененный системой уравнительного распределения. Была признана ошибочной точка зрения, в соответствии с которой товарно-денежные отношения рассматривались как почва для возникновения капитализма, поставлен вопрос о необходимости использования при проведении экономической реформы в КНР закона стоимости.

Обращение к экономическим законам социализма было необходимо китайским ученым не только для того, чтобы показать несостоятельность господствовавших в предшествующий период маоистских установок и осудить идеи «левого уклона». Давая новое толкование этим законам, ведущие китайские исследователи обосновывали пути дальнейшего развития китайской экономики и подводили теоретическую базу под конкретные мероприятия экономической реформы в КНР. Подобный подход имел очевидные преимущества, поскольку давал возможность ведущим ученым КНР выдвигать достаточно смелые для того времени предложения по перестройке хозяйственного механизма, которые представлялись ими вытекающими из требований объективных законов социализма. Выступая за строгое соблюдение последних, китайские экономисты вкладывали в них новое содержание, соответствующее реальным особенностям китайской экономики. Это позволяло ученым КНР, не отрекаясь формально от устоявшихся представлений о социализме, свободно высказывать идеи, выходящие за рамки таких представлений. Подобная форма изложения новых идей не только облегчала их восприятие общественным сознанием, но и снижала сопротивление реформам бюрократического аппарата, что в значительной степени способствовало успешной реализации избранной в КНР стратегии постепенных преобразований.

Интерес к проблеме экономических законов был вызван также и тем, что одна из важнейших задач, которую ставили перед собой ведущие ученые КНР, заключалась в адекватном описании реалий китайской экономики и объяснении механизма ее функционирования. Поскольку экономические законы социализма (прежде всего так называемые специфические законы — основной закон социализма, закон планомерного, пропорционального развития, закон распределения по труду) представляли собой попытку раскрыть внутреннюю логику развития социалистической экономики и описать ее движение, на начальном этапе хозяйственной реформы в КНР китайские ученые проявили к их исследованию особое внимание.

Изучение вопроса о характере действия экономических законов сопровождалось возрастанием интереса в научных кру-

гах КНР к теории и методу К.Маркса. Большое внимание китайские экономисты уделяли его методологии исследования экономических проблем, которую они предлагали применять при изучении процессов, происходящих в КНР. По мнению Сунь Ефана, при анализе китайской экономики необходимо «использовать путеводную нить „Капитала“», поскольку многие «искривления в теоретической работе и практике финансово-экономической деятельности произошли не вследствие копирования тех или иных догм „Капитала“, а потому, что нарушались многие основные принципы, давно и четко выдвинутые в „Капитале“» [136, с. 232—234]. Одну из причин ошибочной трактовки в КНР отдельных положений марксистской теории Сунь Ефан видел в несоответствии общепринятого перевода К.Маркса на китайский язык его оригиналу, поэтому при цитировании предлагал сопоставлять китайский перевод с немецким оригиналом и в случае необходимости давать свой, более точный перевод высказываний К.Маркса на китайский язык [133, с. 25—26]. Так, Сунь Ефан считал неточным перевод понятия «собственность» (*Eigentum*) при помощи термина «соючжи», воспринимающегося как правовая категория. Чтобы ликвидировать искажения, он предложил использовать термин «цайчань», облегчающий восприятие собственности как экономической категории [134, с. 4].

Особую роль в переосмыслении марксизма сыграл созданный в июле 1979 г. в рамках Академии общественных наук Китая Институт марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна, первым директором которого был назначен Юй Гуаньюань, а заместителями директора — Су Шаочжи и Фэн Ланьжуй [462, с. 337]. В отличие от ранее существовавших в КНР институтов аналогичного профиля, которые ограничивались комментированием и пропагандой марксизма, ученые этого института стремились выявить в идеях основоположников марксизма то, что по-прежнему сохраняло практическую ценность, одновременно указывая на устаревшие положения их учения. Большое внимание они уделяли исследованию различных школ марксизма и социализма за рубежом. Делегации сотрудников института принимали участие в Международном симпозиуме «Социализм и мир», состоявшемся в Югославии, а также в организованном по инициативе итальянской коммунистической партии семинаре, посвященном Н.И.Бухарину. По предложению Юй Гуаньюаня при институте была создана специальная группа по изучению взглядов последнего, совместно с Бюро переводов при ЦК КПК был издан трехтомник его избранных произведений. Под редакцией Су Шаочжи, занявшего в 1982 г. пост директора института, стал выпускаться

специальный журнал «Макэсычжуи яньцзю» («Исследование марксизма»), в котором публиковались статьи, посвященные анализу прогностических идей К.Маркса и Ф.Энгельса о социализме, их экономических взглядов, развитию марксистской теории в современных условиях [462, с. 341].

Степень свободы выражения мнений на страницах журнала была такова, что в период кампании борьбы с «духовным загрязнением» Су Шаочжи обвинялся в «издании так называемого „Исследования марксизма“, которое является в исключительной степени антимарксистским» [462, с. 348]. Публикации ученых института в открытых изданиях и в журналах, предназначенных для внутреннего пользования, в частности в «Справочных материалах по изучению марксизма», познакомили китайскую научную общественность с югославской концепцией реформы, с опытом преобразований в Венгрии, с теорией еврокоммунизма. Ведущими исследователями института были подняты такие острые вопросы, как кризис марксизма, проблемы гуманизма и отчуждения в марксизме [462, с. 346]. Теоретические разработки института использовались при подготовке официальных партийных документов, в частности доклада Чжао Цзыяна на XIII съезде КПК [462, с. 346], в котором содержался принципиальный вывод о том, что в процессе развития марксизма «неизбежно приходится отказываться от отдельных положений наших предшественников, несущих в себе ввиду исторической ограниченности утопические элементы, отрекаться от догматического понимания марксизма и ошибочных выводов, приписанных марксизму, в соответствии с новой практикой давать новое развитие теории социализма» [473, 04.11.1987].

В ходе реформы отношение китайских ученых к идеям К.Маркса изменялось вслед за экономической и политической ситуацией в стране. Уже в начале 80-х годов в работах китайских авторов стала проводиться мысль о необходимости творчески подходить к наследию марксизма и отказаться от стереотипов, сковывающих экономические исследования. В материалах дискуссий подчеркивалось, что экономическая теория марксизма не является сложившейся раз и навсегда, а некоторые теоретические прогнозы К.Маркса (например, идея о нетоварном социализме) не подтвердились на практике. Многие положения, выдвинутые основоположниками марксизма, оценивались в Китае как верные для их эпохи, однако не соответствующие сегодняшней действительности [228, с. 22—23]. Ссылаясь на наличие в экономике КНР явлений, по поводу которых в произведениях К.Маркса нельзя найти готовых указаний, китайские ученые предлагали до-

полнить марксизм с учетом конкретных условий современно-го Китая и утверждали, что теория марксизма должна постоянно соотноситься с практикой, развиваться и дополняться на основе происходящих в реальной жизни изменений.

Подобные оценки идей К.Маркса, встречавшиеся в начале 80-х годов в трудах отдельных ученых КНР, стали преобладающими в китайской экономической литературе второй половины 80-х годов. В тот же период начали прослеживаться новые тенденции в подходе участников обсуждения к исследованию марксистской экономической теории, в их отношении к наследию марксизма. Заметно снизился интерес китайских экономистов к изучению трудов К.Маркса. Как подчеркивал китайский ученый Ху Жуинь, «за несколько лет „Капитал“ внезапно превратился из „популярного“ в „непопулярный“» [214, с. 31]. Если экономисты старшего и среднего поколения широко привлекали труды К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина для обоснования своих взглядов, то молодые ученые значительно реже обращались к работам основоположников марксизма [228, с. 30], некоторые исследователи (например, Хуа Шэн) считали, что прогностические идеи К.Маркса и Ф.Энгельса о социализме содержат в себе утопические элементы [216, № 11, с. 16—17, 21, 30]. Ослабление интереса к трудам К.Маркса китайские исследователи объясняли тем, что в предшествующий период изучение наследия марксизма не всегда велось на высоком уровне («часто ограничивались азбучными истинами, неоднократно пережевывали выводы предшественников, не хватало новизны и чувства эпохи» [214, с. 31]). Обсуждение экономической теории К.Маркса носило схоластический характер, было оторвано от реальной жизни, многие ученые лишь «копались в понятиях» [285, с. 88].

Чтобы изменить создавшееся положение и привлечь внимание экономистов, исследующих современные процессы, к идеям К.Маркса, была предпринята попытка подойти к их изучению с новых позиций и осмыслить в контексте современных условий. Прозвучал призыв прочитать «Капитал» под новым углом зрения. Например, Ху Жуинь подчеркивал, что объектом изучения «Капитала», если пользоваться терминами современной экономической науки, является механизм функционирования капиталистического способа производства. Сопоставив экономические теории Запада (прежде всего взгляды неоклассиков) с «Капиталом» и проследив, как исследуется в них экономический механизм, Ху Жуинь указал на преимущества подхода К.Маркса к изучению этой проблемы: комплексность микроэкономического и макроэкономического анализа, внимание к динамическому аспекту хозяйственной

системы. На этом основании Ху Жуинь заключал, что примененные К.Марксом в «Капитале» методы исследования представляют аналитическую ценность, и предлагал широко использовать их при изучении механизма функционирования социалистической экономики [214, с. 37].

Наряду с исследованием метода К.Маркса ученые КНР стали обращаться к тем сторонам теории марксизма, которые ранее в китайской экономической литературе специально не изучались: были предприняты попытки разобраться, как развивались представления К.Маркса о собственности, о товарно-денежных отношениях, об акционерной экономике [214, с. 31—40; 216, № 9, с. 17—20, 23—25].

Несмотря на стремление отдельных ученых КНР возродить интерес к марксизму, в 1988 — начале 1989 г. в материалах дискуссий все более четко стало проявляться критическое отношение китайских авторов к учению К.Маркса. Накануне июньских событий в КНР довольно широко распространились представления, суть которых заключалась в признании несостоятельности марксизма. В работах китайских теоретиков утверждался тезис о том, что марксизм устарел, что учение К.Маркса следует рассматривать как «явление культуры XIX в.» и его «необходимо сдать в музей истории» [472, 22.07.1989]. Ссылаясь на высказывание К.Маркса и Ф.Энгельса о том, что некоторые положения «Манифеста коммунистической партии» устарели после 72 дней Парижской коммуны, китайские экономисты указывали, что после 72 лет практики социализма многие выводы теоретиков марксизма полностью разошлись с реальной действительностью [216, № 11, с. 17]. Некоторые ученые считали марксизм «утратившим эффективность» и неспособным решить реальные проблемы китайской экономики. Обращалось внимание на ограниченную применимость идей К.Маркса: марксизм квалифицировался как учение политическое, а его значение для развития науки не признавалось. Многие китайские исследователи отрицали приоритет К.Маркса в разработке экономических проблем и рассматривали марксизм в одном ряду с другими западными теориями, утверждая, что в каждом учении содержатся рациональные элементы [472, 22.07.1989].

После событий мая—июня 1989 г. оценки в КНР теории К.Маркса коренным образом изменились. Поскольку важнейшей политической установкой китайского руководства стало требование соблюдения «четырёх основных принципов» (социалистический путь развития, демократическая диктатура народа, руководство КПК, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна), все теории, не соответствовавшие этим принципам,

были признаны ошибочными и квалифицировались как проявление «буржуазной либерализации». Взгляды ученых, которые считали марксизм «устаревшим», «закостенелым» и «догматическим», подверглись критике, а публикации китайской печати, направленные против марксизма, были названы «странными и чудовищными» [472, 22.07.1989, 02.04.1990]. По инициативе руководства КНР были организованы конференции, на которых осуждались критические замечания в адрес теории К.Маркса и подтверждалась роль марксизма как официальной идеологии [472, 21, 22.07.1989, 15.09.1989]. В центральной печати и журналах экономического профиля были опубликованы многочисленные статьи пропагандистского характера, в которых высоко оценивался вклад К.Маркса в разработку экономической теории и ставилась задача углубленного изучения его трудов [15; 167; 472, 29.07, 04.11.1989]. Чтобы не быть причисленными к сторонникам «буржуазной либерализации», ученые КНР вновь стали обосновывать свои выводы ссылками на произведения основоположников марксизма.

По мере углубления реформы и изменения политической ситуации в стране в 90-е годы обращение к трудам К.Маркса в научных публикациях становилось менее обязательным, наряду с идеями основоположников марксизма китайскими учеными начали широко использоваться положения, высказанные представителями немарксистских течений западной экономической мысли, однако в официальной пропаганде теории К.Маркса по-прежнему отводился ведущее место.

Параллельно с изучением произведений К.Маркса на протяжении всего периода реформ серьезное внимание в КНР уделялось исследованию трудов китайских руководителей. Уже после состоявшегося летом 1981 г. 6-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, на котором было принято «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» и сделан вывод об особом пути строительства социализма в Китае [473, 01.07.1981], ученые КНР стали привлекать для обоснования новой концепции отдельные положения Мао Цзэдуна, чьи идеи в 1978—1980 гг. были поставлены под сомнение и подвергнуты критике. Многочисленные материалы, посвященные теоретическому наследию Мао Цзэдуна, были опубликованы в китайской научной периодике в конце 1993 г., когда в КНР отмечалось 100-летие со дня его рождения. Китайские ученые высоко оценивали идеи Мао Цзэдуна о необходимости идти собственным путем, строить социализм с учетом специфики страны, подчеркивали их актуальность в условиях реформы. Появились специальные исследования отдель-

ных трудов Мао Цзэдуна (в частности, его работ «О новой демократии», «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», «О десяти важнейших взаимоотношениях»), большое внимание стало уделяться изучению его экономических воззрений [9; 93].

Появились многочисленные публикации, посвященные анализу экономических взглядов Дэн Сяопина и Чэнь Юня. Идеи последнего вызвали повышенный интерес китайских исследователей в конце 70-х — начале 80-х годов (см. [380]). Высказывания Чэнь Юня широко цитировались учеными КНР в ходе дискуссий о цели социалистического производства (см., например, [473, 26.01.1982]), к его статьям и выступлениям китайские экономисты часто обращались в периоды «урегулированных» народного хозяйства. Широкою известность в экономических кругах КНР получило данное Чэнь Юнем сравнение рынка с птицей, а плана — с клеткой, не позволяющей ей улететь [473, 03.12.1982]. На него ссылались, аргументируя свои взгляды, сторонники усиления планового руководства [475, 16.10, 25.10.1989]. Идеи Чэнь Юня о необходимости учета специфики страны использовались учеными КНР для обоснования особого пути развития китайской экономики [111, с. 90]. Избранные произведения Чэнь Юня, вышедшие в свет в 80-е годы, в обязательном порядке изучались кадровыми работниками страны (см. [472, 15.02.1984]).

Особое место в китайской экономической литературе отводилось изучению идей Дэн Сяопина. В 80-е годы наибольший интерес был проявлен к его статьям и выступлениям, посвященным строительству социализма со спецификой Китая, экономической реформе, политике открытости [41; 42]. После июньских событий 1989 г. в изучении идей Дэн Сяопина произошло смещение акцентов. В китайской печати стали цитироваться высказывания Дэн Сяопина о необходимости строгого соблюдения «четырех основных принципов» и борьбы с «буржуазной либерализацией», об укреплении стабильности и сплоченности, о социалистическом характере проводимых в КНР преобразований [473, 13, 16.06.1989].

Интерес к экономическим идеям Дэн Сяопина значительно возрос после января 1992 г., когда Дэн Сяопин призвал к углублению реформы, ускорению ее темпов и расширению масштабов открытости. Китайские ученые стали обращаться к суждениям Дэн Сяопина о необходимости «ускорить поступь реформ», о неправомерности постановки вопроса «социализм или капитализм» при оценке мероприятий реформы, об ошибочности отождествления плановой экономики с социализмом, а рыночной — с капитализмом. В 1993 г. вышел в свет

третий том «Избранных произведений Дэн Сяопина», который оценивался в Китае как «программа новой экономической политики реформ и открытости» [485, 1993, № 47, с. 32].

Наряду с изучением теоретического наследия основоположников марксизма и трудов китайских руководителей большое внимание в КНР уделялось созданию новых учебников и учебных пособий по политической экономии социализма. Уже на начальном этапе экономической реформы были признаны неудовлетворительными учебники политэкономии, использовавшиеся в КНР в предшествующий период.

В китайской экономической литературе подчеркивалось, что многие из них были написаны под воздействием советского учебника 1954 г., который значительно повлиял на развитие китайской экономической теории с конца 50-х годов [309, с. 4, 221, 222, 277, 284]. Его критическая оценка была дана в известной работе Мао Цзэдуна «Заметки об учебнике „Политическая экономия“» [114, с. 319—399]. Переосмыслению политэкономической теории И.В.Сталина были посвящены также написанные Мао Цзэдуном в 1958—1959 гг. «Критические замечания по работе Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“» [114, с. 247—251]. Напомним, что эта критика не имела ничего общего с современной критикой централизованной системы с позиции рыночной экономики. В целом Мао Цзэдун оценивал сталинскую политэкономия положительно, упрекая ее за то, что в ней не обращается должного внимания на активность и сознательность человека, не говорится о политике и народных массах. По словам профессора экономического факультета Хэйлунцзянского университета Сюн Инью, на протяжении почти 30 лет китайские авторы не могли «выскользнуть из руки Будды» и выйти за рамки сталинской теоретической модели [309, с. 211].

В работах китайских экономистов рассматриваемого периода были осуждены учебники и учебные пособия по политэкономии, изданные в годы «культурной революции», представлявшие собой свод разъяснений принятых руководством КНР политических решений [309, с. 87], подверглась критике ситуация, при которой экономическая теория лишь «подкрепляла» проводимую политику и изменялась вслед за изменением политического курса [309, с. 278]. Уже на начальном этапе хозяйственной реформы в КНР стали появляться новые учебники политэкономии социализма, однако, по мнению ведущих китайских экономистов, они лишь незначительно отличались от советского учебника, их авторы по-прежнему находились под глубоким воздействием экономической теории И.В.Сталина [309, с. 279].

В середине 80-х годов работа по подготовке учебников политэкономии социализма приобрела целенаправленный характер [309, с. 277—280, 282—286; 285, с. 139—140]. Системы построения и изложения материала в этих учебниках существенно различались. Одни авторы строили учебный курс политэкономии социализма, следуя логике «Капитала» [309, с. 4, 114—121], другие стремились излагать материал в соответствии с принятым на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) «Постановлением ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы» [309, с. 107—111], третьи выступали за создание системы политэкономии социализма, имеющей китайскую специфику [309, с. 13, 138—146], четвертые уделяли главное внимание изучению механизма функционирования социалистической экономики [309, с. 40—57].

Методы исследования, применявшиеся китайскими экономистами, также были неодинаковыми: одни ученые отдавали предпочтение нормативному методу и стремились построить идеальную модель социалистической экономики, а другие наряду с нормативным использовали позитивный метод и сосредоточивали усилия на описании реально существующих экономических отношений [309, с. 162].

Наиболее полное представление о новых учебниках политэкономии социализма, по которым велось преподавание в высших учебных заведениях Китая, позволяет составить выпущенное в 1986 г. под редакцией Чэнь Шэнчана и Чэнь Жуймина «Собрание теоретических систем политической экономии социализма» [309]. По замыслу составителей, работа должна была включить в себя «теоретическую квинтэссенцию» около 20 учебников политэкономии, вышедших в свет или готовившихся к изданию в середине 80-х годов, стать своеобразным «вернисажем» новых исследований по политэкономии социализма [309, с. 1]. Но при всем обилии учебников, содержание которых нашло отражение в сборнике, принципиальные различия между ними не просматривались, разница состояла прежде всего в том, что их авторы расходились во мнениях по вопросам об «исходном» и «основном» отношении в системе политэкономии социализма и по-разному представляли себе логику учебного курса.

Отдельную группу составляли статьи сборника, авторы которых считали преждевременным создание теоретической системы политэкономии социализма. По мнению Су Шаочжи, основное внимание ученых КНР должно быть уделено критическому анализу хозяйственной практики социалистических стран, а построение теоретических систем политэкономии не является «неотложной задачей дня» [309, с. 227]. Су Шаочжи

утверждал, что пока еще рано говорить о теоретической системе политэкономии социализма, поскольку для ее создания отсутствуют необходимые условия: теоретическая система «Капитала» К.Маркса построена на основе анализа зрелого капитализма, а «классический социалистический способ производства» пока еще не сложился [309, с. 227]. Су Шаочжи писал, что, перед тем как перейти к построению теоретической системы, необходимо изучить модель экономического развития Китая, сопоставить ее с моделями других социалистических стран, осмыслить их не только экономические, но и социально-политические проблемы, преодолеть «запретные зоны» и исследовать «оборотную сторону» социалистической экономики, присущие ей негативные явления [309, с. 224—225]. Удачный пример критического анализа социалистической системы Су Шаочжи видел в «Экономике дефицита» Я.Корнаи, в которой были адекватно отражены реалии социалистической экономики и раскрыты внутренние закономерности ее развития [309, с. 226].

К числу первоочередных задач, стоящих перед китайской экономической наукой, Су Шаочжи также относил устранение таких ее недостатков, как зависимость экономической теории от политических решений, слабая связь научных разработок с практикой реформы, «автаркичность» китайской экономической теории, отношение к западным концепциям как к «лжеучениям» [309, с. 226—227]. Согласно представлениям Су Шаочжи, без этого невозможно создать объективные критерии для анализа социалистической экономики и перейти к построению ее теоретической системы. Касаясь вопроса о новом учебнике политэкономии, он предлагал озаглавить его «Проблемы социалистической экономики Китая» или «Социалистические экономические системы и экономические проблемы Китая, СССР и стран Восточной Европы», сделав упор на исследовании конкретных тем, связанных с практикой экономического строительства в социалистических странах [309, с. 223]. Сходной позиции придерживался и Дун Фужэн, который считал, что незрелая теория не должна сковывать практической деятельности по развитию экономики страны, и предлагал проявлять гибкость при изложении политэкономии социализма [309, с. 228—229].

Если в середине 80-х годов, в особенности после принятия в 1984 г. «Постановления относительно реформы хозяйственной системы», многие ведущие китайские экономисты рассматривали создание теоретических систем политэкономии социализма как одно из приоритетных направлений научных исследований и лишь отдельные ученые высказывали иную

точку зрения, то во второй половине 80-х годов все большее число исследователей стало склоняться к мнению, что разработка целостной концепции социалистической экономики не является задачей первостепенной важности.

Практические проблемы реформы породили у ученых КНР острую потребность разобраться в реальных процессах, происходящих в китайской экономике, найти пути преодоления трудностей, возникающих в ходе осуществления реформы. В этих условиях на первый план выходила потребность проанализировать состояние народного хозяйства КНР и на этой основе разработать конкретные предложения по реформе, сформулировать рекомендации для руководства страны [228, с. 24]. Задача ученых состояла также и в том, чтобы убедить народ в необходимости тех или иных экономических преобразований, подготовить общественное сознание к восприятию принимаемых хозяйственных решений [228, с. 24]. Соответственно, исследование фундаментальных проблем политической экономии было отодвинуто на второй план.

Значительно меньше внимания, чем в середине 80-х годов, стало уделяться построению теоретических систем политэкономии социализма и написанию новых учебников. Такое положение объяснялось прежде всего тем, что к данному времени в Китае был завершен первоначальный этап теоретических обобщений: были отвергнуты многие ошибочные трактовки законов и категорий и предприняты первые попытки системного изложения политэкономии социализма, которые нашли отражение в учебниках, подготовленных различными авторскими коллективами. В ситуации, когда на передний план выдвинулись практические проблемы реформы, задача написания новых учебников была снята с повестки дня.

В работах ведущих ученых КНР все более четко стала проводиться мысль о том, что в Китае еще не сложились необходимые условия для подготовки обобщающих работ по политэкономии социализма. Аргументируя свою позицию, китайские экономисты подчеркивали, что нормативные теории, описывающие идеальную модель функционирования социалистической экономики, уже не отвечали запросам научной мысли. Не могли вызвать научного интереса и работы, посвященные толкованию официальных политических установок. Что же касается принципиально новой политэкономической концепции, то на современном этапе социально-экономического развития Китая разработать ее не представлялось возможным. Как писал Сюэ Муцяо, поскольку зрелая модель социалистической экономики еще не сложилась, в настоящее время отсутствуют необходимые предпосылки для создания

системы политэкономии социализма [155, с. 3]. С его точки зрения, «совершенную политэкономия социализма можно написать только при условии успешного осуществления реформы в нескольких социалистических странах (или по крайней мере в Китае)» [155, с. 6].

В начале 90-х годов некоторые ученые КНР, ссылаясь на опыт стран Восточной Европы, стали считать постановку такой задачи преждевременной еще и потому, что развитие рыночных отношений в ходе реформы может вступить в противоречие с базовыми постулатами социализма. В сложившейся ситуации ближайшая цель исследований была определена учеными КНР как обобщение теоретического и практического опыта китайской реформы. Например, в Институте экономики АОН Китая велась работа над темой «Теоретические соображения об экономической реформе и экономическом развитии Китая» и планировалось написание монографии «История экономической реформы и экономического развития Китая». По замыслу ответственного редактора монографии Ма Цзяцзюя, основное внимание в работе предполагалось уделить анализу конкретных итогов хозяйственных преобразований в различных областях, выявлению причин успехов реформы и проблем, возникших в ходе ее осуществления. Вопрос о более крупных теоретических обобщениях в начале 90-х годов в Китае не поднимался.

Характерная особенность развития китайской экономической науки в период реформы состояла в том, что уже с начала 80-х годов ученые КНР наряду с разработкой общих теоретических проблем политэкономии стали уделять повышенное внимание конкретному анализу народного хозяйства страны. Когда после долгого перерыва были обнародованы официальные статистические данные, ученые КНР получили возможность перейти к углубленному изучению состояния китайской экономики.

Помимо издания «Ежегодников китайской экономики» [289—291] и ряда других тематических ежегодников по статистике, народонаселению, внутренней и внешней торговле, а также по экономике отдельных регионов были опубликованы фундаментальные исследования [20; 21; 100; 112], ставшие основой как для дальнейших теоретических дискуссий, так и для подготовки конкретных хозяйственных решений. Все более важное место отводилось составлению прогнозов экономического развития страны (см., например, [229]).

В ходе реформы ученые КНР не только углубленно изучали процессы, происходившие в китайской экономике, но и обращались к зарубежному опыту экономического развития. Были созданы научные институты, специализирующиеся на

исследовании теории и практики экономического строительства в зарубежных странах (например, Институт по изучению зарубежного экономического управления при Народном университете Китая), организованы общества по изучению мировой и западноевропейской экономики [472, 30.04.1980], экономик отдельных стран Восточной Европы [472, 26.01.1980], зарубежной экономической мысли [472, 12.10.1979]. Для изучения методов управления на предприятиях и системы подготовки кадров за рубежом делегации китайских экономистов направлялись в США, Японию, европейские страны [473, 25.09.1980], в КНР приглашались ведущие зарубежные экономисты. Так, в 1985 г. Китай посетил известный венгерский ученый Я.Корнай [31, с. 166—204; 473, 27.12, 30.12.1985], в 1987 г. для чтения лекций был приглашен известный американский экономист О.Уильямсон [286, с. 457], в 1988 г. состоялся визит в КНР лауреата Нобелевской премии по экономике М.Фридмена [470, 06.08.1989].

Были внесены серьезные изменения в преподавание экономических дисциплин. В университетах и институтах экономического профиля были введены курсы экономической мысли Запада. Наряду с учебниками политэкономии, написанными китайскими учеными-экономистами, в процессе преподавания стали использоваться западные учебники различных направлений. Следует отметить, что работа по переводу западных учебников на китайский язык была начата еще в конце 70-х годов и уже на рубеже 80-х в КНР одной из первых была издана «Экономика» П.Самуэльсона [472, 23.01.1981]. На протяжении всего периода преобразований китайские ученые-экономисты знакомили научную общественность страны с мировой экономической мыслью. Чтобы китайские читатели смогли составить более детальное представление о теориях западных ученых, стали издаваться многотомные серии переводных трудов по экономике. В этой связи специального упоминания заслуживает «Библиотека получивших мировую известность научных трудов, переведенных на китайский язык», изданная в начале 80-х годов в Пекине, в которую вошли переводы работ А.Смита [144], Д.Рикардо [81], У.Петти [123], Ф.Кенэ [52], А.Маршалла [115], Дж.Хикса [128], Дж.М.Кейнса [50], Т.Веблена [206], Дж.Коммонса [51], Ф.Листа [80] и др. Особый интерес представляет выпускаемая в Шанхае «Библиотека переводных трудов по современной экономической науке». В этой серии были опубликованы произведения Дж.Бьюкенена [4], Р.Коуза [55], Д.Норта [116], получившие широкую известность на Западе в последние годы. На китайский язык были переведены основные справочные издания

по западной экономической теории. Уже в 1992 г. появилось китайское издание толкового словаря экономической теории «The New Palgrave: A Dictionary of Economics», выпущенного издательством «Macmillan Press» в 1987 г. [477, 1997, № 2, с. 4]. Вышли в свет написанные китайскими учеными новые учебники по западной экономической мысли [82], специальные исследования зарубежных теоретических концепций [86; 202].

Контраст между прежней идеологической замкнутостью и современной открытостью Китая различным течениям зарубежной экономической мысли настолько очевиден, что нельзя не задуматься о степени готовности китайских научных кругов к работе в условиях плюрализма теорий и методов. Как заметил в середине 80-х годов Чжан Учан, высоко оценивший уровень открытости современной экономической мысли КНР, «за многолетним заучиванием марксистско-ленинских канонов последовало проникновение из-за рубежа многообразных экономических теорий, пестрота которых дезориентирует, поэтому трудность выбора направления движения не должна недооцениваться... Наблюдая редкостную открытость мысли в континентальном Китае в наши дни, прежде всего открытость в экономической мысли, задаешься вопросом: не случится ли, что в результате заимствования разнообразнейших экономических теорий „все небо будет усеяно буддами“ и китайцы выберут ошибочный объект для „веры“?» [261, с. 15].

Хотя на более ранних этапах становления современной китайской экономической мысли подобные опасения были обоснованными, теоретическая подготовка нового поколения ученых в ведущих зарубежных научных центрах в значительной степени нейтрализовала перспективу некритической догматизации той или иной зарубежной теории и превращения ее в объект поклонения. В 80-е годы Китай получил влиятельную группу обучавшихся или стажировавшихся за рубежом квалифицированных высокопрофессиональных экономистов, способных работать на уровне мировой науки. Многие из них вернулись в Китай и заняли ключевые посты в научных институтах и исследовательских центрах. Некоторые ученые остались на Западе и продолжали заниматься преподавательской и исследовательской работой. Работая в зарубежных университетах, они не теряли связей с учеными, ведущими научную деятельность в Китае, и по-прежнему внимательно следили за процессами, происходившими в экономике КНР. Китайские экономисты, работающие за рубежом, поддерживали тесные контакты друг с другом и объединялись для участия в совместных проектах.

В 1985 г. в США была создана Ассоциация китайских экономистов, пользующаяся авторитетом как среди западных ученых, так и в научных кругах КНР [176, с. 16]. В 1995 г. Ассоциация объединяла более 400 членов и была самой крупной зарубежной организацией китайских ученых, работающих в сфере общественных наук за рубежом. Одна из главных задач ее деятельности — знакомить китайскую научную общественность с основами западной экономической теории, распространяя знания о рыночной экономике. Для этого в начале 90-х годов в КНР ею была издана многотомная «Библиотека популярных знаний о рыночной экономике» [176]. Ассоциация китайских экономистов стала одним из издателей журнала «China Economic Review» [487], посвященного вопросам реформы в КНР. Важная заслуга Ассоциации состояла в установлении тесных связей китайских экономистов с западным академическим сообществом. Ассоциация китайских экономистов совместно с экономическими ассоциациями, объединяющими западных ученых, участвовала в подготовке симпозиумов и конференций по проблемам китайской экономики.

В 1994 г. было принято решение о создании при Пекинском университете Китайского центра экономических исследований (China Center for Economic Research), директором которого стал Линь Ифу, а заместителями директора — Хай Вэнь и И Ган, поочередно занимавшие в начале 90-х годов пост президента Ассоциации китайских экономистов. Сотрудники Центра чередовали научно-исследовательскую и преподавательскую работу в Китае и в американских университетах, что давало им возможность получать всестороннюю информацию о положении дел в китайской экономике и в то же время иметь достаточно полное представление о новых тенденциях в развитии западной экономической теории. Главные направления деятельности Центра заключались в исследовании актуальных проблем китайской экономической реформы с использованием достижений мировой экономической науки, преподавании китайским студентам и аспирантам основ современной экономической теории, организации краткосрочных курсов для китайских предпринимателей, а также для зарубежных предпринимателей и исследователей экономики КНР. В рамках церемонии открытия Центра (март 1995 г.), на которую был приглашен лауреат Нобелевской премии по экономике за 1993 г. Д. Норт, состоялась научная конференция по вопросам современного экономического развития Китая. По ее итогам был издан подготовленный на высоком теоретическом уровне сборник статей «Экономическая наука и китайская экономи-

ческая реформа» [232]. Центром регулярно проводились научные обсуждения наиболее острых проблем экономической реформы в КНР (например, путей дальнейшего углубления реформы на крупных и средних государственных предприятиях), результаты которых публиковались в «Вестнике» Центра («Цзяньбао»), а также в выпускаемых на английском языке «Рабочих материалах» Центра [24; 432; 469].

В КНР получили развитие сравнительные исследования китайской экономики и экономики зарубежных стран, о важности которых говорилось уже в конце 70-х годов. По воспоминаниям сотрудника Института макроэкономики при Госплане КНР Цзян Чуньцзэ, в начале 1979 г. на созванном ЦК КПК теоретическом семинаре он выступил с докладом «Сравнение нескольких моделей социализма». Предложенный им поиск пути развития китайского социализма через компаративные исследования выглядел в то время новаторски — отвечавший тогда за идеологию Ху Цяому передал автору: «Сравнение моделей можно продолжать исследовать, а поскольку доклад касается проблем СССР (в то время запретных. — *О.Б.*), то распространять его нельзя», после чего тезисы доклада были изъяты и уничтожены секретариатом семинара [3, с. 12]. По словам Цзян Чуньцзэ, он, выполняя это указание, оставил в стороне советскую проблематику и приступил к исследованию и сравнению различных типов экономических систем, существующих в мире.

Хотя в закрытых китайских исследованиях модель СССР всегда была важной темой, в 80-е годы китайские ученые сосредоточились на изучении практического опыта экономического развития других зарубежных стран. В научной периодике публиковались многочисленные статьи, освещающие особенности экономической ситуации в западноевропейских странах, Японии, факторы роста развивающихся стран Азии. Серьезное внимание уделялось изучению опыта экономического развития Южной Кореи, а также Тайваня. «Азиатская модель», сочетающая сильную государственную власть с развитием рыночных отношений, представлялась ученым КНР более приемлемой для Китая, чем модели западной экономики. Привлекательность «азиатской модели» они видели также и в том, что новые индустриальные страны культурно близки Китаю. Кроме того, по мнению китайских экономистов, эта модель позволяла соединить строгий контроль в политической сфере с открытым и относительно свободным обсуждением вопросов экономической политики [45, с. 3]. В конце 80-х — начале 90-х годов китайские ученые начали уделять все больше внимания ходу реформ в России и в Восточной

Европе, знакомя китайских читателей с оценками состояния и перспектив проводимых в этих странах преобразований, сопоставляя их модели перехода к рынку с китайской стратегией реформ (см., например, [74; 132]).

Особую роль в проведении компаративных исследований сыграл влиятельный в научных кругах КНР журнал «Цзинци шэуэй тичжи бицзяо» («Сопоставление экономических и общественных систем»), выпускаемый под эгидой Бюро переводов при ЦК КПК. Журнал был основан в 1985 г. и имел гриф «Ограничено распространением внутри страны», а с 1988 г. стал выходить открыто. Публикации журнала принципиально отличались от крайне идеологизированных работ по сопоставлению двух антагонистических экономических систем, издававшихся в Китае до реформы и на начальном ее этапе. Значительное внимание уделялось обобщению опыта китайской реформы и его сопоставлению с итогами преобразований в других странах, ознакомлению читателей с зарубежными оценками проводимой в КНР экономической политики, с накопленным за рубежом опытом решения важных народнохозяйственных проблем. Объясняя, почему в Китае необходим специальный журнал по социально-экономической компаративистике, его главный редактор У Цзинлянь подчеркивал, что, «если в ходе реформы не проводить сравнительных исследований, чрезвычайно трудно избежать блуждания в потемках» [168, с. 62]. Особенность журнала состояла в том, что его авторы не пытались найти в зарубежной хозяйственной практике готовых моделей для подражания, а делали акцент на изучении конкретных процессов, происходящих в экономике КНР, в контексте мирового опыта.

На наш взгляд, серьезный интерес представляют материалы организованных журналом обсуждений актуальных проблем реформы, среди которых в первую очередь следует отметить серию остродискуссионных статей о коррупции [44; 185; 187]. Специального упоминания заслуживают также развернувшиеся на страницах журнала дискуссии на темы: «Существуют ли в Китае предприятия?», «Почему один китаец может победить одного японца, а три китайца часто неспособны одержать победу над тремя японцами?» [194, с. 10].

Многие публикации были посвящены западной экономической мысли и содержали информацию о ее новейших достижениях, которые могли представить интерес в китайских условиях. Именно в «Цзинци шэуэй тичжи бицзяо» впервые появилась на китайском языке статья «Природа фирмы» Р.Коузэ, ставшего впоследствии лауреатом Нобелевской премии по экономике, журналу принадлежит приоритет в озна-

комлении китайских читателей с теорией новой институциональной экономики, и прежде всего с работами Д.Норта. Благодаря этим публикациям имя американского ученого стало известно в Китае задолго до того, как ему была присуждена Нобелевская премия [194, с. 10—11]. В журнале были опубликованы статьи А.Крюгер (А.Krueger), в которых анализировалась актуальная для переходной экономики современного Китая проблема «погони за рентой» («rent seeking» — «сюнь-цзу») (см. [477, 1996, № 4, с. 17—24]).

В 90-е годы особое внимание уделяется ознакомлению читателей с новой областью экономических исследований, которая пришла на смену «Сопоставлению экономических систем» и получила название «Сравнительный анализ институтов». Среди публикаций по этой теме следует прежде всего отметить переводы статей японского ученого М.Аоки [248; 477, 1996, № 5, с. 1—11, № 6, с. 48—57]. Журнал продолжает следить за новейшими разработками по теории переходной экономики. В русле этого направления были опубликованы фрагменты книги Дж.Стиглица «Куда идет социализм», где критиковались широко распространенные «мифы» о рыночной экономике, были показаны отклонения реальной действительности от идеальных теоретических моделей и проанализированы уроки перехода к рынку бывших социалистических стран [143]³.

Журнал известен в научных кругах КНР как «смело пропагандирующий идеи рынка» [173, с. 1], причем его рыночная направленность особенно остро проявилась после политического кризиса весны—лета 1989 г. Во многих статьях, опубликованных в начале 90-х годов, освещался теоретический и практический опыт развития рынка в зарубежных странах и поднимались актуальные для Китая проблемы, которые не могли открыто обсуждаться в сложившейся после июньских событий политической ситуации. «Цзинци шэхай тичжи бизяо» принципиально отличался от других журналов, которые начали публиковать материалы о рынке только после приня-

³ На наш взгляд, весьма показательно, что известный российский сторонник рыночных преобразований Г.А.Явлинский призывает для преодоления ограниченности «советского политэкономического образования» «читать серьезные и профессиональные работы Нобелевских лауреатов Коуза, Беккера, Бьюкенена, а также Уильямсона, Таллока, Пельцмана, Познера, Крюгер и других очень серьезных экономистов Чикагского (или Чикагского и Вирджинского, как его еще называют) направления» [483, 10—16 июля 1997 г., № 27 (206)]. Предложение лидера «Яблока» совпадает по своей направленности с реальными тенденциями в современной китайской экономической науке, выявляя общие черты в развитии теоретического осмысления проблем переходной экономики

тия XIV съездом КПК курса на создание социалистической рыночной экономики. Как писали, оценивая эти издания, сами китайские экономисты, их авторы, «увидев слово „рыночная“, добавляли „экономика“, увидев слово „экономика“, добавляли „рыночная“» [173, с. 1] и ограничивались комментированием партийных установок.

Определяющее воздействие политики руководства КНР на ход обсуждения — важнейшая черта китайских экономических дискуссий конца 70-х — начала 90-х годов. На протяжении всего периода реформ в центральной печати регулярно публиковались фрагменты выступлений китайских руководителей или установочные статьи ведущих теоретиков, которые указывали направление обсуждению. Развитие дискуссий проходило в строгих рамках, установленных официальными документами КПК.

На начальном этапе преобразований серьезное влияние на ход обсуждения оказало принятое на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (июнь 1981 г.) «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», в котором было зафиксировано, что в Китае утвердился социалистический строй [473, 01.07.1981]. Если в 1978—1980 гг. китайскими учеными свободно высказывались различные точки зрения по ключевым теоретическим проблемам (в частности, по вопросу о том, является ли современный Китай обществом переходного периода или же в стране уже построен социализм), то с середины 1981 г. обсуждение приняло более контролируемый характер. Принципиальное значение для развития китайской экономической мысли имел вывод пленума об особом пути Китая к социализму. Ссылаясь на это положение, ученые КНР обосновывали курс на возрождение многоукладности, развитие различных форм частного предпринимательства и других мероприятий новой экономической политики, которые выходили за рамки устоявшихся представлений о социализме. В отличие от дискуссий 1978—1980 гг., основной темой которых был вопрос об общих закономерностях социалистического строительства, с начала 80-х годов главное внимание стало уделяться изучению проблем, связанных с особенностями действия объективных экономических законов в специфических условиях Китая

В период подготовки и проведения XII съезда КПК дискуссии стали еще более целенаправленными. Тематика обсуждений ограничивалась узким кругом проблем, затронутых в докладе Ху Яобана на съезде, центральное место было отведено обсуждению выдвинутого Дэн Сяопином тезиса о необходимости построения в стране «социализма со спецификой

Китая», который явился важнейшей теоретической установкой съезда [473, 02.09.1982]. В публикациях того времени не улавливались принципиальные разногласия, сохраняющиеся между отдельными учеными, прослеживалась тесная связь концепций китайских экономистов с позицией руководства.

В 1984 г. на первый план в теоретических дискуссиях выдвинулся вопрос о «социалистическом товарном хозяйстве». Поворот к этой теме был связан с принятием на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) «Постановления ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы», в котором социалистическая экономика была признана плановым товарным хозяйством и определены основные цели экономических преобразований в КНР [473, 23.10.1984].

С конца 1986 г. важнейшим сюжетом дискуссий становится теория «начального этапа социализма». Ее обсуждение особенно широко развернулось после состоявшегося осенью 1987 г. XIII съезда КПК, на котором было официально признано, что Китай находится на начальной стадии социализма [473, 04.11.1987]. В тот период китайские исследователи обратились к изучению объективных трудностей строительства социализма в странах с низким уровнем социально-экономического развития. Особое внимание было уделено осмыслению новых явлений хозяйственной практики современного Китая (многоукладность, сосуществование различных форм распределения, сочетание плановых и рыночных методов управления), которые не соответствовали сложившимся в КНР представлениям о социализме, однако могли быть объяснены в рамках концепции «начального этапа».

Зависимость экономических дискуссий от официального курса китайского руководства особенно остро проявилась во время политического кризиса весны—лета 1989 г. Публикации центральной прессы стали еще более идеологизированными, обсуждение экономических проблем проводилось в строгих рамках официальных установок. Главное место в материалах дискуссий заняла пропаганда «четырех основных принципов». Все, что им не соответствовало, квалифицировалось как выступление против социалистического строя, как проявление «буржуазной либерализации» [472, 04.09.1989].

Постепенно под влиянием реальных экономических процессов подход ученых КНР к проблемам реформы стал меняться. Уже в 1990 г. некоторые ведущие китайские экономисты выступили с предложениями углубить преобразования, однако тогда эти идеи не получили отклика. Начало дискуссиям по широкому кругу экономических проблем, считавшихся «запретными» после июньских событий, было положе-

но серией статей установочного характера, опубликованных в китайской печати в первой половине 1991 г. и отразивших новый подход руководства КНР к проблемам реформы. К числу таких публикаций в первую очередь следует отнести статьи автора, использовавшего псевдоним Хуанпу Пин, появившиеся в шанхайской газете «Цзефан жибао» в марте—апреле 1991 г. [474, 02, 22.03, 05.04.1991]. Китайские экономисты небезосновательно увидели за ними позицию самого Дэн Сяопина. В статьях содержались призывы «раскрепостить сознание», не ограничиваться при оценке тех или иных экономических форм критерием социалистичности, бороться с «новыми явлениями застоя в идеологии», а также предложения перейти на практике к более глубоким преобразованиям экономической системы. С точки зрения ведущих китайских ученых, публикация подобных статей свидетельствовала о предстоящей корректировке руководящих установок, касающихся содержания и темпов экономической реформы.

Поездка Дэн Сяопина в пров. Гуандун в январе 1992 г. положила начало новому этапу экономической реформы и теоретических дискуссий. Определяющим ход обсуждения стало указание Дэн Сяопина о необходимости углубления и ускорения реформы. «Архитектором реформы» вновь был подтвержден тезис о «практике как единственной критерии истины». Указание Дэн Сяопина было воспринято учеными КНР как призыв не заниматься абстрактным теоретизированием, а вести экономические исследования в тесной связи с хозяйственной практикой [35, с. 68; 280, с. 6]. Дэн Сяопином был не только предложен общий подход к исследованию экономических проблем, но и определена тематика последующих дискуссий: особое внимание стало уделяться вопросам развития рынка и реформы собственности.

Эти принципиальные положения были развиты в ходе дискуссий, организованных руководством КНР в период подготовки к партийному съезду, и узаконены на состоявшемся в октябре 1992 г. XIV съезде КПК, главной теоретической установкой которого стал тезис о необходимости создания в КНР системы «социалистической рыночной экономики». Практическое значение нового курса состояло прежде всего в том, что были ликвидированы идеологические препятствия для углубления в КНР рыночных реформ и открыты возможности для достаточно радикальных экономических преобразований. В отличие от предыдущего периода (конец 80-х — начало 90-х годов), когда основное внимание уделялось дискуссиям на тему «проводить реформу или нет», а вопрос о том, «как проводить реформу», не обсуждался [191, с. 7], с 1992 г. проблемы

теоретического обоснования рыночных реформ отодвинулись в работах ученых КНР на второй план. Съезд стал началом нового этапа обсуждения, в ходе которого представления о «социалистической рыночной экономике» уточнялись и детализировались по мере практического осуществления реформы.

Следующий, XV съезд КПК прошел в сентябре 1997 г., т.е. немногим более чем через полгода после смерти Дэн Сяопина. В докладе Цзян Цзэминя было заявлено о необходимости «нового прорыва» в реформе экономической системы, прежде всего в области преобразования крупных государственных предприятий. Съезд дополнил руководящие положения марксизма и идей Мао Цзэдуна «теорией Дэн Сяопина». Включение в официальную идеологию КПК теории «архитектора реформ» в перспективе может оказать позитивное воздействие на развитие китайской экономической мысли. В пользу такого прогноза свидетельствует следующее. На съезде прозвучала мысль о «третьем раскрепощении сознания» (после двух предыдущих, связанных с 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва и поездкой Дэн Сяопина на юг Китая), главным содержанием которого должно стать переосмысление прежних представлений об общественной собственности и снятие идеологических ограничений в вопросе об акционировании. Таким образом, тезис о «социалистической рыночной экономике» был дополнен идеей многообразия форм общественной собственности.

Изучение материалов экономических дискуссий конца 70-х — начала 90-х годов позволило выделить общие для большинства работ сюжеты, которые в той или иной мере затрагивались всеми китайскими экономистами — вопросы собственности и соотношения плана и рынка. Результаты обсуждения этих стержневых теоретических проблем учитывались при формировании концепции экономического развития страны и находили отражение в официальных документах и решениях. В ходе реформы трактовки этих вопросов не оставались неизменными, при их обсуждении особенно четко прослеживалась связь теоретических дискуссий с практикой экономических преобразований и с политическим курсом китайских руководителей. Особый подход к решению этих проблем в значительной степени определил специфику китайской модели рыночной трансформации. Все это свидетельствует о важности дискуссий по проблемам собственности и рынка для развития китайской экономической теории и о необходимости проанализировать их материалы в первую очередь.

Переосмысление теоретических концепций централизованной экономики

Дискуссия о собственности

Реформа отношений собственности является одним из главных сюжетов экономических дискуссий, проходящих в КНР с 1978 г. Обсуждение развернулось на страницах центральной партийной печати и специальных периодических изданий по экономике. Обсуждался широкий круг проблем: критически переосмысливались представления о собственности, получившие распространение в Китае в 50—70-е годы, изучались современные теории собственности, исследовался опыт преобразований собственности в России и странах Восточной Европы, анализировались новые явления хозяйственной практики современного Китая.

Результаты научных исследований по данному вопросу были использованы руководителями КНР для теоретического обоснования курса на создание многоукладной экономики, который является важнейшим компонентом концепции «строительства социализма со спецификой Китая». Предложения ученых использовались также при разработке мероприятий по реформе государственного сектора экономики. Эта ключевая для китайских экономических реформ и острая в политико-идеологическом отношении тема важна для понимания процессов, происходящих в экономической науке. Поскольку проблема изменения отношений собственности в наибольшей степени затрагивала интересы власти, критика общественной собственности и пропаганда приватизации после событий 1989 г. были представлены как важнейшие проявления «буржуазной либерализации» в сфере экономики.

К настоящему времени дискуссия о собственности в КНР прошла несколько этапов, на каждом из которых разработка проблемы была неразрывно связана с реальными экономическими процессами.

На наш взгляд, предварительно можно выделить четыре этапа обсуждения.

На начальном этапе дискуссии (1979—1984) основное внимание ученые КНР уделили анализу тех деформаций, которые

возникли в результате проводившейся в Китае с конца 50-х годов политики ускоренных преобразований собственности. Изучение проблемы велось в рамках дискуссии о характере действия экономических законов и было связано с обсуждением закона соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. В работах ведущих ученых КНР Сунь Ефана, Сюй Дисиня, Сюэ Муцяо была доказана несостоятельность маоистской трактовки этого закона, согласно которой преобразования отношений собственности не связывались с изменениями в производительных силах. Было признано, что роль производительных сил в Китае недооценивалась, и сделан вывод о необходимости восстановить соответствие между производственными отношениями и производительными силами, нарушенное в результате ускоренных преобразований собственности (см. [134, с. 3—13; 148, с. 19; 165, с. 257]). Если в конце 70-х годов предлагалось поднять производительные силы до уровня «передовых» производственных отношений, то с начала 80-х годов речь стала идти о том, чтобы приспособить производственные отношения к многоярусной структуре производительных сил современного Китая и допустить сосуществование в экономике страны различных форм собственности (см. [163, с. 27; 166, с. 24]). Социалистическая собственность перестала рассматриваться китайскими учеными как исключительно общественная, а необщественные формы ведения хозяйства — как «хвосты капитализма», которые необходимо отрубить. Наряду с государственной и коллективной собственностью получили развитие единоличный и госкапиталистический секторы, стали появляться частные хозяйства¹.

В ходе обсуждения критиковались недостатки, присущие государственной форме собственности. Уже в 1979 г. в «Цзинцзи яньцзю» появилась статья известного экономиста Дун Фужэна «К вопросу о формах социалистической собственности в Китае», в которой впервые был поставлен вопрос о необходимости реформы государственной собственности. Автор отмечал низкую эффективность государственных предприятий, подчинение предприятий административным организациям различных уровней, распространение бюрократизма и безответственности среди части руководителей, отсутствие заинтересованности рабочих и служащих государственных

¹ Существование частного сектора, основанного на использовании наемного труда, было легализовано на XIII съезде КПК (октябрь 1987 г.), и с этого времени он стал рассматриваться в качестве необходимого и полезного дополнения к обществу хозяйству [348, 473, 04 09 1987]

предприятий в результатах хозяйственной деятельности [33, с. 21—29]. Однако предложения Дун Фужэна не получили в то время поддержки, а проблема реформы государственной собственности не стала предметом самостоятельной теоретической разработки.

На начальном этапе обсуждения китайские исследователи проявляли повышенный интерес к югославскому «самоуправленческому социализму». Ссылаясь на опыт Югославии, некоторые ученые КНР предлагали расширить права работников предприятий, выступали за переход к «собственности рабочих и служащих». Следует отметить, что к идее «собственности рабочих и служащих», которая впервые была высказана в конце 70-х — начале 80-х годов, китайские экономисты неоднократно обращались на последующих этапах дискуссии, в частности при обсуждении вопросов о «собственности предприятий» и об «акциях предприятия» (см., например, [96, с. 12—14]).

Уже в начале 80-х годов учеными КНР был поставлен вопрос о неправомерности отождествления государственной и общенародной собственности. Как свидетельствуют материалы совещания по вопросам советской экономической теории, состоявшегося в Пекине в 1983 г., именно в подмене общенародной собственности государственной они видели один из главных недостатков советской теории собственности [256, с. 41—42].

Таким образом, на начальном этапе обсуждения китайскими экономистами были высказаны принципиальные соображения, которые послужили основой для дальнейшей теоретической разработки в КНР проблемы собственности. Многие положения, выработанные ведущими учеными КНР, были учтены при формировании концепции «социализма со спецификой Китая» и нашли отражение в партийно-государственных документах, прежде всего в материалах XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.).

Для китайских экономистов главным в то время был пересмотр господствовавших в дореформенный период теоретических представлений. Можно согласиться с оценкой этого этапа, данной Хуа Шэном: «Необходимо сказать, что разделение между экономической наукой как идеологией и экономической наукой как инструментом анализа оставалось еще неясным, что стало основной чертой исследований этого периода» [423, с. 97].

Начало второго этапа обсуждения (1984—1989) было связано с принятием «Постановления ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы» (октябрь 1984 г.). Внимание китайских ученых сосредоточилось на вопросе о реформе на

крупных и средних предприятиях государственной собственности, что объяснялось серьезными причинами: с функционированием крупных и средних государственных предприятий, занимающих ведущее место в экономике страны, было связано наибольшее количество проблем; поэтому задача превращения их в относительно самостоятельные хозяйственные единицы, работающие на началах самоокупаемости, представляла особую сложность. Определяющее воздействие на ход дискуссии о собственности оказал содержащийся в постановлении вывод о том, что при социализме право собственности может быть соответствующим образом отделено от права хозяйствования [473, 23.10.1984]. Разделение права собственности и права хозяйствования стало рассматриваться в работах китайских ученых как важнейший путь повышения эффективности государственных предприятий. Курс на разделение права собственности и права хозяйствования начал проводиться на практике, были приняты меры по расширению хозяйственных прав предприятий. Это в определенной степени способствовало усилению жизнеспособности крупных и средних государственных предприятий, однако принципиального перелома в повышении их эффективности не произошло [138; 183, с. 3].

По мнению ученых КНР, главная причина неудовлетворительного функционирования государственных предприятий состояла в том, что расширение самостоятельности предприятий не изменило характера их отношений с государством: бюджетное ограничение социалистических предприятий по-прежнему оставалось жестким. Ссылаясь на идеи Я.Корнаи о высокой степени патернализма в отношениях между государством и предприятием и о наличии при социализме мягких бюджетных ограничений, китайские ученые указывали, что социалистическое предприятие практически всегда может рассчитывать на помощь со стороны государства в виде различных дотаций, льгот по налогам, кредитам и даже в случае убыточной работы не обанкротится, поскольку ответственность за убытки в конечном счете будет нести собственник имущества — государство [38, с. 30—31; 79, с. 11]. На этом основании ведущими китайскими экономистами был сделан вывод о том, что расширение самостоятельности предприятий не может в полной мере решить проблемы их самоокупаемости, и был поставлен вопрос о необходимости реформы не только хозяйственного механизма, но и отношений собственности [38, с. 30—31; 216, № 9, с. 25—27].

Эта идея получила развитие в связи с обобщением опыта внедрения на крупных и средних государственных предприя-

тиях системы подрядной ответственности, которая рассматривалась китайскими экономистами как «конкретная форма разделения права собственности и права хозяйствования» [319, с. 3].

В современной китайской экономической литературе уже появились серьезные исследования системы подряда, использующие новые теоретические подходы и основанные на солидной фактической базе [404]. На их фоне рассуждения середины — второй половины 80-х годов могут показаться поверхностными и даже наивными. Однако свою роль в эволюции современной китайской экономической теории они сыграли.

В середине 80-х годов ведущие китайские ученые акцентировали внимание на серьезных преимуществах, которые подрядная система имела по сравнению с расширением самостоятельности предприятий. Она четко определяла, что государство является собственником имущества предприятий, а предприятие — хозяйствующим субъектом. Договором о подряде устанавливались права, обязанности и интересы собственника имущества (государства) и хозяйствующего субъекта (предприятия), проводилась четкая грань между государством и предприятием по вопросам, касающимся распределения доходов [79, с. 11; 319, с. 3—4]. В условиях подрядной системы широко использовался механизм конкуренции, выборы управляющих проводились на конкурсной основе [79, с. 11]. В результате внедрения подряда предприятия получили большую самостоятельность, повысилась их заинтересованность в увеличении прибыли, возросла экономическая эффективность, уменьшилось административное вмешательство государства в дела предприятий. В выступлениях многих участников Всекитайской конференции по проблемам системы подрядной ответственности на предприятиях, которая состоялась в июле 1988 г. в г. Чанчуне, эта система рассматривалась в качестве «ключа к оживлению деятельности предприятий» [124, с. 13].

В то же время, как отмечали ученые КНР, подрядная система не решала коренным образом проблему самоокупаемости предприятий. Анализируя практический опыт внедрения подрядной системы, китайские экономисты подчеркивали, что она не сделала предприятия действительно ответственными за убытки. В связи с тем, что предприятие не имело права использовать для погашения задолженности не принадлежащее ему имущество, в случае убыточности или банкротства ответственность по-прежнему несло государство [319, с. 4]. Действительно, в договоре о подряде оговаривалось, что предприятие отвечает за убытки, связанные с просчетами в управле-

нии. Однако в нем также содержались положения, позволявшие предприятию уйти от ответственности за риск предпринимательства. Таковым, в частности, был пункт, согласно которому в случае неблагоприятных изменений в обстановке хозяйствования договор мог быть пересмотрен. Поскольку же в реальной жизни трудно определить, какие убытки связаны с плохим хозяйствованием, а какие вызваны внешними условиями, предприятие практически всегда могло переложить ответственность за убытки на государство [130, с. 71].

Ограниченность подрядной системы состояла также и в том, что она регламентировала отношения между государством и предприятием лишь на определенный период времени, и ее внедрение не привело к созданию рационального механизма поведения предприятий. Уже при подписании договора о подряде они торговались с государством, стремясь добиться наиболее выгодных условий [319, с. 4]. В период действия договора, по образному выражению Сяо Ляна, «директор завода и рабочие совместно строили козни государству» (цит. по [285, с. 88]), бесконтрольно выплачивались премии, предприятия заботились только о ближайших интересах и пренебрегали долгосрочными целями развития, по-прежнему отсутствовала долговременная заинтересованность в расширении производства, не происходило коренных сдвигов в трудовой мотивации работников.

Подрядная система имела и другие серьезные недостатки. Поскольку имущество предприятий находилось в собственности государства, сохранялась их зависимость от административных органов, что препятствовало превращению предприятий в субъектов рынка, приводило к тому, что они не принимали активного участия в конкуренции, не реагировали на сигналы рынка. В связи с тем, что предприятия, находившиеся на подряде, не имели права свободно распоряжаться государственным имуществом, подрядная система консервировала сложившуюся отраслевую структуру и препятствовала ее оптимизации [319, с. 4].

Практические проблемы, выявившиеся при внедрении подрядной системы, оказали влияние на ход обсуждения. Основываясь на конкретном анализе происходящих процессов, многие ученые КНР стали склоняться к мнению об ограниченных возможностях подряда и пришли к выводу о том, что предприятие должно выступать не только как субъект хозяйствования, но и как субъект отношений собственности [38, с. 31; 172, с. 25; 319, с. 3—5].

Подобный подход в той или иной степени нашел отражение в статьях и выступлениях Лю Гогуана, У Цзинляня, Дун

Фужэна, Ли Инина, Чжан Чжоюаня и других ведущих китайских экономистов. Так, У Цзинлянь обращал внимание на то, что подрядная система не является преобразованием собственности, а представляет собой улучшение отношений между государством и предприятием в рамках традиционной административно-командной системы, и предлагал рассматривать подряд в качестве необходимой на современном этапе развития «переходной формы» [190, с. 18]. Аналогичной позиции придерживался и Лю Гогун. Ссылаясь на опыт подряда, он отмечал, что на основе отделения права собственности от права хозяйствования нельзя радикально изменить экономическую систему, что теория разделения двух прав половинчата и нуждается в дальнейшем уточнении [96, с. 10, 15—16]. По мнению Ян Жуйлуна, ограниченность подрядной системы состояла прежде всего в том, что она не позволяла ликвидировать главный недостаток, присущий государственной собственности, т.е. преодолеть анонимность общественных отношений и решить проблему «вакантного места собственника». Согласно его концепции, именно в уяснении прав собственности, что сделает «место собственника» не «вакантным», следовало искать ключ к углублению реформы на государственных предприятиях [319, с. 5].

Начиная с 1986 г. серьезное внимание стало уделяться обсуждению теории «вакантного» (*цюзэцэй*), или «свободного» (*сюйвэй*), «места собственника». В ходе дискуссии подвергалась критике положение, при котором имущество социалистического предприятия принадлежит каждому члену общества и в то же время не принадлежит никому, работники предприятия имеют право распоряжаться этим имуществом, однако никто не несет за него ответственности, общенародная собственность является собственностью абстрактных «всех», не будучи при этом собственностью кого-либо конкретно (*цюань минь сою, цюань минь шуй доу бу сою*) [241, с. 34; 285, с. 88—89]. По мнению сторонников такого подхода, для повышения эффективности государственных предприятий необходимо прежде всего решить проблему «вакантного места собственника», т.е. сделать так, чтобы «у имущества предприятий был реальный собственник, которого можно увидеть и пощупать» [241, с. 34].

Конечно, не все китайские ученые поддерживали теорию «вакантного места собственника», однако даже считавшие ее ошибочной признавали, что появление в Китае подобной концепции не случайно [241, с. 36]. Участники дискуссии предлагали различные пути решения проблемы «вакантного места собственника». Наибольшее распространение получили

две точки зрения: согласно одной, необходимо превратить общенародную собственность в собственность предприятий, т.е. передать имущество предприятий в коллективную собственность рабочих и служащих [311, с. 23]; другая предусматривала внедрение акционерной системы [227, с. 31; 241, с. 34].

В ходе обсуждения многие ученые выступили против первого предложения. Критика велась с различных позиций. Одни экономисты (Цзян Сюэмо, Цзи Пэн и др.) считали, что переход от общенародной собственности к собственности предприятий противоречит закону соответствия производственных отношений и производительных сил и может нанести ущерб экономической мощи государства, превратить все народное хозяйство страны в «рыхлый песок» [241, с. 34]. Кроме того, возникали трудности при попытках увязать «собственность предприятий» с существующим законодательством [227, с. 34]. По мнению других ученых (Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня, Ло Сяопэна), при переходе от общенародной собственности к собственности предприятий рабочие и служащие не получают права распоряжаться имуществом предприятия, поскольку оно остается в конечном счете в руках государства [216, № 12, с. 23].

Вопрос о развитии акционерных отношений вызвал в КНР повышенный интерес. Акционерная система начала широко использоваться на практике и продемонстрировала свои преимущества. Было признано, что она дает возможность аккумулировать средства для решения важных экономических проблем, позволяет повысить доходы предприятий, увязав доходы рабочих и служащих, выступающих в роли пайщиков, с результатами хозяйственной деятельности предприятий.

Большое внимание уделялось и теоретическому исследованию проблем акционерной экономики. Все настойчивее звучала мысль о том, что акционерная система позволяет четко определить имущественные отношения на предприятии, превратить рабочих и служащих, являющихся акционерами предприятия, в реальных владельцев средств производства и заинтересовать их в результатах труда [62, с. 12—14; 107, с. 42]. Подчеркивалось, что акционерная система дает возможность увязать между собой интересы государства, коллектива и отдельной личности, в равной мере возложить на государство-акционера, коллективного акционера и отдельного акционера риск предпринимательства, сделать государственное предприятие ответственным не только за прибыли, но и за убытки и таким образом повысить эффективность государственных предприятий [62, с. 21—24; 79, с. 12—14; 107, с. 42].

Преимущества акционерной системы, по мнению ведущих ученых КНР, состоят также и в том, что она позволяет сделать более жестким бюджетное ограничение государственных предприятий, способствует их превращению в субъектов рынка, уменьшает административное вмешательство государства в дела предприятий [38, с. 32; 216, № 9, с. 22]. Отмечалось, что с переходом к акционерной системе повышается способность населения перенести последствия реформ, формируется новая рыночная психология [12, т. 1, с. 163—164, т. 4, с. 252—253]. Общий вывод, который нашел отражение в статьях большинства китайских ученых (Ли Инина, Сяо Ляна, Лю Шибо, Дун Фужэна, Ван Юя, Сяо Чжоцзи и др.), заключался в том, что пока еще не найдено более подходящей и эффективной системы имущественных отношений, чем акционерная, поэтому эксперимент с ее внедрением следует продолжать [12, т. 1, с. 518—521, 533—538, т. 4, с. 165—169, 256; 38, с. 32; 62, с. 20—21; 107, с. 42; 171, с. 31].

Вместе с тем в материалах дискуссии подчеркивалось, что масштабы внедрения акционерной системы должны быть ограниченными. Вводить ее предлагалось осторожно, выборочно, придерживаясь принципа добровольности [62, с. 24; 104, с. 21—22; 236, с. 28]. Многие участники обсуждения выступили против попыток форсировать акционирование с помощью административных методов, путем предоставления акционерным компаниям различных привилегий, снижения налогов, предостерегали против «ажиотажа вокруг акционерной системы» [236, с. 28; 473, 15.12.1988].

В ходе обсуждения высказывались серьезные опасения, что без реформы политической системы развитие акционерных отношений не будет иметь успеха. Как подчеркивал Лю Гуанди, поскольку на крупных предприятиях главным акционером является государство, само по себе внедрение акционерной системы не только не позволит решить проблемы разделения обязанностей органов власти и предприятий, но и, напротив, узаконит их совмещение [104, с. 21]. По мнению Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня и Ло Сяопэна, если ограничиться только мероприятиями экономического характера, не увязав их с преобразованиями в политической области, то произойдет лишь «смена вывески»: вместо «партийного комитета» будут говорить «правление», «старый товар будет продаваться в новой упаковке» [216, № 9, с. 29]. С точки зрения Юй Цзуюя, если не провести реформы политической системы, жизнеспособность предприятия по-прежнему будет определяться теми льготами, которые предоставит ему государство, сохранится административное вмешательство государства в дела пред-

приятий, появятся широкие возможности для использования кадровыми работниками служебного положения в корыстных целях, получит распространение коррупция [316, с. 30—31]. На тот факт, что мероприятия по акционированию часто принимают в КНР искаженные формы, обращал внимание и Дун Фужэн. Отличительная особенность его позиции состояла в том, что он связывал возникшие деформации прежде всего с низким профессиональным уровнем кадровых работников, занимающихся проведением реформы в жизнь, с отсутствием у них практического опыта и представлений о деятельности зарубежных акционерных компаний [36].

Важное место в ходе дискуссий занял вопрос о формах долевого участия на акционерном предприятии и о соотношении между паями государства, предприятия и отдельных лиц. Многие китайские экономисты предлагали при определении доли государственного пая на акционерном предприятии исходить из места и роли каждого конкретного предприятия в экономике страны. По их мнению, на крупных предприятиях в отраслях, производящих продукцию общенародной значимости, основная доля акций должна находиться в руках государства [268, с. 8]. В то же время некоторые ученые подвергли сомнению положение о том, что государство должно быть основным держателем акций, поскольку ситуация, при которой государство контролирует большую часть акций или даже все акции предприятия, мало чем отличается от его непосредственного вмешательства в деятельность предприятия [216, № 9, с. 29; 241, с. 35].

Обсуждая проблему индивидуального долевого участия, китайские экономисты считали недопустимым «превращение общественной собственности в частную», безвозмездную передачу государственного имущества мелким коллективам и отдельным лицам, так как это нанесет ущерб государственным и коллективным интересам [268, с. 8].

По вопросу о коллективном долевом участии предприятия выдвигались различные точки зрения. Одни экономисты высказывали опасения, что введение долевого участия предприятия приведет к формированию собственности предприятий и будет означать отступление от общенародной собственности. Другие считали «акции предприятия» характерной особенностью «социалистической акционерной системы» и подчеркивали, что введение коллективного долевого участия предприятия будет способствовать решению главной задачи реформы — превращению предприятий в самостоятельных товаропроизводителей [216, № 9, с. 29; 473, 15.11.1988]

Наряду с обсуждением различных форм долевого участия на акционерных предприятиях китайские ученые дискутировали широкий круг вопросов, касающихся организации последних, способов оценки фондов, формирования рынка акций, анализировали конкретные проблемы, возникавшие в ходе функционирования акционерных предприятий [268, с. 8—9].

Как показал опыт развития в Китае акционерных отношений во второй половине 80-х годов, многие опасения, высказанные учеными КНР во время дискуссии, подтвердились. Акционерные предприятия часто создавались искусственно, с помощью административных мер, что вело на практике к негативным последствиям. При создании в КНР акционерных предприятий нередко ссылались на специфические условия страны и нарушали общие принципы развития акционерных отношений, что вело к «лжеакционированию» [475, 09.05.1989].

Следует отметить, что многие китайские ученые и практические деятели изначально были предубеждены против акционерной системы [473, 09.05.1989]. Они отождествляли ее с частной собственностью, т.е. с капитализмом [475, 09.05.1989]. Однако, если раньше это негативное отношение открыто не высказывалось, то с 1989 г., когда многие акционерные предприятия столкнулись с практическими трудностями, в центральной прессе и специальных экономических журналах появились материалы, в которых содержалась критика недостатков акционерной системы [195, с. 56—60; 475, 09.05.1989]. Оценка китайскими учеными акционерной системы изменилась также и потому, что развитие акционерных форм деятельности, позволяющих мобилизовать ресурсы и использовать их для расширения производства, затрудняло проведение политики «сдерживания», переход к которой начался после 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (сентябрь 1988 г.) [195, с. 58].

Таким образом, в начале 1989 г. в материалах дискуссии появилась новая тенденция: под влиянием реальных экономических процессов интерес к акционерной форме стал снижаться.

Произошли изменения и в теоретическом подходе китайских экономистов к исследованию проблемы собственности. Были внесены уточнения в трактовку этой категории. Если раньше китайские экономисты исходили из того, что имущественные объекты могут принадлежать одному или нескольким собственникам, в конце 1988 — начале 1989 г. в материалах дискуссии стало подчеркиваться, что собственность пред-

ставляет собой чрезвычайно сложное, многосубъектное отношение, целую комбинацию собственнических полномочий.

Значительное влияние на представления ученых КНР о собственности оказала также теория прав собственности (*чань-цюань лилунь*) Р.Коуза, которая стала использоваться китайскими исследователями для обоснования своих концепций. Ссылаясь на нее, они доказывали, что перестройка отношений собственности является центральным вопросом китайской экономической реформы. Значение теории прав собственности ученые КНР видели также и в том, что она помогла уяснить, кто должен нести ответственность за использование имущества, и потому могла быть применена для решения одной из кардинальных проблем перестройки отношений собственности в Китае — преодоления их анонимности, обезличенности. Серьезного внимания, по мнению китайских исследователей, заслуживало одно из положений этой теории, согласно которому для эффективного функционирования рыночного механизма важно не столько то, является ли собственность частной или общественной (государственной), а то, насколько четко определены права собственности и ответственность [85, с. 10—12].

Во второй половине 80-х годов произошли изменения в оценке китайскими учеными теории «вакантного места собственника». Если в 1987 — начале 1988 г. в материалах дискуссии утверждалось, что общенародная собственность в Китае фактически является «ничейной», а место собственника остается вакантным, то в конце 1988 — начале 1989 г. китайские экономисты стали подчеркивать, что «ничейной» собственности не бывает, она всегда чья-то.

Так, Чжао Жэньвэй, занимавший в то время пост директора Института экономики АОН Китая, считал, что в условиях, когда права собственности определены нечетко, а собственность принадлежит «всему народу», каждый может пользоваться ею и считать себя хозяином общенародного имущества. Однако возможности реализовать право собственника у людей различные — проще всего это сделать номенклатурным работникам, руководителям крупных предприятий. Таким образом, по мнению Чжао Жэньвэя, чем выше положение человека в обществе, чем большей реальной властью он обладает, тем легче ему воспользоваться правом собственника [270, с. 11—12]. Аналогичную мысль высказывал и Юй Цзуюо. Он утверждал, что в Китае проблемы «вакантного места собственника» не существует, поскольку право собственности находится в руках правительства, которое реально распоряжается государственной собственностью [316, с. 26—27].

Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн в своих рассуждениях шли дальше. В отличие от большинства китайских исследователей, которые видели главную причину низкой эффективности государственной собственности в нечетком определении имущественных прав, они считали, что в условиях административно-командной системы права собственности отсутствуют вообще — они подменяются должностными правами [216, № 12, с. 10]. На этой основе создается особый тип экономики, названной ими «экономикой должностных прав», где полностью ликвидируется индивидуальная собственность трудящихся, общенародная собственность подменяется государственной, государство превращается из слуги общества в его хозяина [216, № 12, с. 10—11]. Чтобы выйти из тупика, в котором оказалась экономическая реформа в КНР, Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн обращались к идее К.Маркса о возможности воссоздания индивидуальной собственности трудящихся на основе совместного владения средствами производства (см. [363, с. 773]) и предлагали восстановить индивидуальные права собственности трудящихся [216, № 11, с. 22—25]. Таким образом, не говоря прямо о приватизации, они подчеркивали, что путь преодоления возникших трудностей должен заключаться в переходе к индивидуализированной собственности.

В отличие от этих ученых, не выступавших открыто за приватизацию, некоторые исследователи считали, что общественная собственность является препятствием для дальнейшего продвижения реформы вперед, и предлагали заменить ее частной собственностью.

Такая точка зрения была высказана в серии статей, опубликованных в начале 1989 г. в газете АОН Шанхая «Шицзе цзинцзи даобао». Утверждалось, например, что «если семейный подряд в деревне — первый шаг реформы, то развитие частной экономики должно стать вторым неотложным шагом реформы в Китае», и говорилось об ошибочности рассмотрения частного хозяйства как «дополнения» к государственной экономике (см. [273]). В феврале 1989 г. в «Шицзе цзинцзи даобао» появилась статья Хуан Югуана и Ян Сяокая, в которой подчеркивалось, что «государственная собственность в мировом масштабе дошла до предела в своем развитии», вследствие чего «частная собственность и народное хозяйствование — единственный путь к успеху» [219]. Были опубликованы и различные проекты передачи государственного имущества в частные руки: продажа акций населению, предоставление кредитов для выкупа частными лицами государственных предприятий, поглощение частными предприятиями государ-

ственных. Предлагалось даже пригласить тайваньских специалистов для управления экономикой КНР, чтобы «за три года с берега государственного планового хозяйства перепрыгнуть на берег частной рыночной экономики» (см. [113]). С критикой недостатков государственной собственности выступили и многие другие экономисты. Они обращали внимание на ее низкую эффективность, несоответствие уровню производительных сил современного Китая, с одной стороны, и потребностям развития товарного хозяйства — с другой (см. [113; 246]).

Наряду с публикациями, призывающими перейти к частной собственности, уже в начале 1989 г. появились статьи, направленные против приватизации. По мнению Хэ Цзяньчжана, предложения развивать в Китае частную собственность были несостоятельными, потому что не учитывались ни специфические особенности китайской экономики, ни реальные процессы, происходящие в сфере отношений собственности в капиталистических странах [222, с. 29]. На специальном симпозиуме «Трудности и перспективы реформы государственной собственности», который был организован АОН Китая в апреле 1989 г., отмечалось, что проведение политики приватизации без создания в стране равных условий для конкуренции будет выгодно лишь части людей. Поэтому путь приватизации был назван «опасной ловушкой» для Китая [251].

Против перехода к частной собственности выступал и Лю Гогун, который также считал, что политика приватизации не соответствует специфическим условиям страны [99]. Характерно, что в материалах, опубликованных в КНР в начале 1989 г., критика приватизации велась в основном с научных позиций и главное внимание акцентировалось на негативных последствиях, которые приватизация может иметь для страны.

Но был и иной подход: трудности, с которыми столкнулась китайская экономика, связывались с проводимой в КНР политикой реформ, с развитием в стране рыночных отношений. Сторонники этой точки зрения выступали против радикальных преобразований собственности, предлагали вернуться к старой модели, провести повторную реорганизацию управления с централизацией власти (см. [99]).

Таким образом, весной 1989 г. в экономических кругах КНР существовал весьма широкий спектр мнений по вопросу о реформе отношений собственности.

Июнь 1989 г. — поворотный момент в дискуссии о собственности, положивший начало третьему этапу обсуждения. Проблема приватизации, которая активно обсуждалась до

июньских событий, стала «запретной зоной» в китайской экономической науке.

О смещении акцентов в общем подходе к проблеме собственности можно судить по заголовкам статей, которые появились летом 1989 г. в центральной китайской прессе. Главной темой публикаций стала критика теории приватизации и ее сторонников в Китае: «Почему в Китае нельзя осуществить приватизацию» [16], «Пропаганда приватизации — составная часть буржуазной либерализации» [274], «Об антинародной сущности „Декларации частной собственности“» [208], «Придерживаться социалистического направления реформы и расширения связей с внешним миром. Критика теории „приватизации“, которую поощрял Чжао Цзыян» [196]. Были осуждены статьи в газетах «Шицзе цзинцизи даобао» и «Цзинцизи сюэ чжоубао», пропагандировавшие переход к частной собственности. Наибольшей критике подвергалась появившаяся в Пекине в период студенческих волнений листовка «Надежда Китая. Декларация частной собственности», авторы которой считали, что установление общественной собственности в Китае было исторической ошибкой, и видели в общественной собственности «корень всех бед». Перефразировав слова К.Маркса, они выступали за то, чтобы «скорее пробил час общественной собственности», связывая успех реформы с переходом к частной собственности (см. [208; 274]).

В материалах, опубликованных в центральной прессе летом 1989 г., стала проводиться мысль о том, что переход к частной собственности не только не позволит решить проблем, стоящих перед экономикой страны, а напротив, создаст новые — усилится дифференциация, получат широкое распространение взяточничество и коррупция, появится эксплуатация, «возникнет общество, где человек человеку волк» [208]. Перед китайскими учеными была поставлена задача «разоблачения человеконенавистнической сущности теорий, призывающих к восстановлению частной собственности» [208], пропаганда приватизации стала рассматриваться как главное проявление «буржуазной либерализации» в сфере экономики. Понятно, что в тот период «голоса в защиту приватизации в Китае нельзя было услышать» [12, т. 1, с. 387].

В первых публикациях, появившихся в июне—июле 1989 г., представления о собственности, отличные от официальной точки зрения, объявлялись ошибочными и не анализировались по существу. Однако уже в августе критика теории приватизации приобрела более конкретный характер. Для понимания тех изменений, которые произошли в КНР в трактовке проблемы собственности, особое значение имеет статья изве-

стного экономиста У Шуцина, впоследствии назначенного ректором Пекинского университета. В ней критиковалась не только крайняя точка зрения, которая нашла отражение в «Декларации частной собственности» и в статьях в «Шицзе цзинцзи даобао», но и достаточно взвешенные и конструктивные предложения ученых-экономистов, выступавших за перестройку общественной собственности в соответствии с требованиями товарного хозяйства, за установление четких имущественных отношений, за восстановление на новой основе индивидуальной собственности трудящихся.

По мнению У Шуцина, в Китае получили распространение два различных представления о реформе. Сторонники первого придерживались социалистического направления реформы, а приверженцы второго выступали с позиций «буржуазной либерализации». Главное различие между этими точками зрения заключалось в разном подходе к перестройке отношений собственности. Если защитники первой точки зрения подчеркивали ведущую роль общественной собственности, то сторонники второй выступали за переход к частной собственности. В статье отмечалось, что «у проповедников приватизации были свои теория и тактика».

У Шуцин утверждал, что сторонники приватизации ошибались, ссылаясь на низкий уровень развития производительных сил Китая, делающий преждевременными переход страны к социализму и установление общенародной собственности. Был подвергнут критике тезис о несоответствии общественной собственности требованиям развития товарного хозяйства. Хотя У Шуцин не упоминал, кого он относит к сторонникам приватизации, из анализа его статьи следует, что он выражал несогласие с позицией Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня и Ло Сяопэна. Необоснованным У Шуцин считал также утверждение сторонников приватизации о том, что частная собственность является более эффективной, чем общественная, поскольку не учитывались различные экономические условия, в которые поставлены в Китае предприятия частной и общественной собственности.

В статье была осуждена и теория «вакантного места собственника». Чтобы доказать, что общенародная собственность не является «ничейной», У Шуцин ссылаясь на лозунги, появившиеся в Китае в период студенческих волнений. По его мнению, выступления против чиновников-спекулянтов, коррупции и разложения свидетельствовали о том, что людям безразлично, как используется общенародное имущество: «Если общенародная собственность является лишь фикцией и фактически не принадлежит народным массам, почему же

они выступают против того, что небольшая группа людей использует служебное положение в корыстных целях?» Конечный вывод статьи — несостоятельность теории приватизации и ее неприемлемость для Китая.

По мнению Чжэн Цзунханя, обратившегося, как и У Шучин, к теории «вакантного места собственника», положения о том, что в условиях общественной собственности «место собственника является вакантным», а «права собственности неясны», не имеют под собой оснований, ибо в рамках общественной собственности вопрос о принадлежности средств производства решается «очень четко»: общенародная собственность принадлежит всему народу, а коллективная — коллективам трудящихся [12, т. 3, с. 636]. Аргументируя свою позицию, Чжэн Цзунхань ссылаясь на положения «Конституции КНР», где, по его мнению, все определено «предельно четко, нет ничего не ясного» [12, т. 3, с. 636].

Согласно публикациям официальной прессы, главную роль в пропаганде приватизации сыграла небольшая группа людей, выступавших за изменение политического строя Китая и переход к частной собственности: так, Фан Личжи открыто заявлял, что общественная собственность на деле является собственностью руководителей, и предлагал заменить ее частной; Су Шаочжи на страницах «Шицзе цзинци даобао» выдвигал лозунг «приватизации в экономике»; одним из пунктов программы Лю Сяобо была «замена общественной собственности и плановой экономики частной собственностью и рыночной экономикой»; авторы «Декларации частной собственности» утверждали, что без отказа от общественной собственности невозможны подлинная демократия и свобода [69; 274].

Другой причиной распространения в КНР данной теории называли влияние западных концепций приватизации и знакомство с практическим опытом денационализации в некоторых капиталистических странах. Среди теоретиков, оказавших наибольшее воздействие на ученых КНР, прежде всего упоминался М.Фридмен, который осенью 1988 г. посетил Китай, выступил с докладом на китайско-американском симпозиуме по проблемам экономической реформы в КНР и встретился с Чжао Цзыяном [69; 196; 274]. Из практического опыта развитых капиталистических стран в 1988 — начале 1989 г. особый интерес китайских исследователей привлекли мероприятия по денационализации целого ряда отраслей промышленности в Великобритании, а также во Франции и Японии [69].

Как подчеркивалось в публикациях китайской прессы, распространению в КНР теории приватизации способствовало также и то, что некоторые китайские ученые связывали недо-

статки в функционировании государственных предприятий с общественной собственностью и рассматривали переход к частной собственности как главный путь повышения эффективности производства [69].

Таким образом, появление в КНР идейного течения приватизации объяснялось причинами как политического, так и экономического характера, при этом анализу политических причин уделялось значительно больше внимания, чем анализу экономических.

Была предпринята попытка проанализировать и теоретические основы концепции приватизации. В сентябре 1989 г. в Пекине состоялась конференция по вопросам теории и практики социалистической экономики, на которой обсуждались проблемы собственности. По мнению участников конференции, утверждения об отсутствии в Китае необходимых условий для установления общественной собственности и о несоответствии общественной собственности уровню развития производительных сил были несостоятельными. «Теория несоответствия», согласно которой общественная собственность и товарное хозяйство считались несовместимыми, также квалифицировалась как ошибочная, поскольку товарное хозяйство может развиваться на основе не только частной, но и общественной собственности. Подвергалась критике и «теория эффективности», сторонники которой считали частную собственность более эффективной, чем общественную, так как общественная собственность является «ничейной» и никто не относится к ней по-хозяйски. Общий вывод, к которому пришли участники конференции, заключался в том, что у концепции приватизации отсутствуют необходимые теоретические основания и что главная задача перестройки отношений собственности — совершенствование общественной собственности [246].

Отсутствие расхождений во мнениях между китайскими исследователями — характерная черта всего третьего этапа дискуссий о собственности в Китае. Как следует из анализа китайской периодики, во второй половине 1989 г. в материалах обсуждения были ярко выражены политические мотивы и публиковались только те выводы и рекомендации, которые не противоречили проводимому руководством КНР экономическому курсу. Противоположные взгляды открыто не высказывались и не находили отражения в публикациях центральной прессы.

На этом этапе обсуждения в официальных материалах последовательно проводилась мысль о том, что главным направлением реформы на крупных и средних государственных

предприятиях должно стать совершенствование системы подрядной ответственности (см. [472, 12.01.1990]). Заметно сократилось число публикаций, посвященных развитию в Китае акционерных отношений, некоторые авторы отождествляли акционирование с капитализмом (см. [171]). В специальных экономических журналах появились многочисленные статьи, в которых утверждалось, что против приватизации выступали Н.И.Бухарин, О.Шик, О.Ланге и др. (см., например, [277, с. 109—114]). Критиковались взгляды зарубежных экономистов, предлагающих перейти к частной собственности, резко отрицательно была воспринята книга Я.Корнаи «Путь к свободной экономике», в которой последовательно отстаивались идеи приватизации (см. [122]). Острые критики направлялось против тех китайских экономистов, которые до июньских событий доказывали необходимость приватизации и считали невозможным реформировать общественную собственность.

Однако уже начиная с 1990 г. наряду с официальной точкой зрения стали высказываться и другие мнения о путях реформы собственности в стране. Тем самым наметился переход к четвертому этапу дискуссий. Его спецификой стало отделение идеологической «экономики лозунгов» (по словам Чжао Жэньвэя) от серьезной экономической науки. Относительное обособление теории позволило преодолеть стагнацию в дискуссиях, обозначившуюся во второй половине 1989 г., экономическая теория стала развиваться параллельно идеологии, избегая пересечений с ней. Не употребляя термина «приватизация», китайские ученые продолжили обсуждение проблем собственности, и в первой половине 90-х годов наметилось явное продвижение вперед в исследованиях в этой области.

Многие ведущие экономисты не были согласны с официальным мнением о том, что подрядная система является ключом к оживлению государственных предприятий. Поскольку она не вносила серьезных изменений в административно-командную систему и не позволяла превратить государственные предприятия в реальных товаропроизводителей, отвечающих своим имуществом за результаты хозяйственной деятельности, подряд расценивался некоторыми китайскими исследователями как необходимая на современном этапе переходная форма [101, с. 5]. Как писал Сюэ Муцяо, «это вынужденный способ, а не творческое открытие. Я не слышал, чтобы какое-нибудь развитое в экономическом отношении государство добилось успехов в развитии на основе подряда» [157, с. 13]. Теория разделения права собственности и права хозяйствования, лежащая в основе подрядной системы, также представлялась китайским ученым недостаточно последова-

тельной. По словам Лю Гогуана, она «не уделяет должного внимания тому, насколько реально разделение двух прав на практике, не решает проблемы создания нового хозяйственного механизма после разделения прав, поэтому не может в полной мере стать теоретической основой реформы государственной собственности» [97, с. 43].

В начале 90-х годов возобновились исследования акционерной экономики, стал дискутироваться вопрос об акционерной системе как главном направлении реформы на крупных и средних государственных предприятиях. Все больше ученых склонялось к мнению, что перспективным направлением реформы собственности должно стать развитие в Китае акционерных отношений [61, с. 154—160; 101, с. 5], однако в сложившейся политической ситуации обсуждение этой проблемы по-прежнему было затруднено.

Конкретные предложения по акционированию содержались в статьях Ли Инина, появившихся после перерыва в специальных экономических журналах [61]. Следует отметить, что официальные политические установки продолжали влиять на характер практических рекомендаций ученого. Согласно Ли Инину, доля государственного пая на акционерных предприятиях должна быть не менее 51%, что с экономической точки зрения явно завышенно. Подобное предложение объясняется, на наш взгляд, политическими соображениями (что подтвердили в беседах китайские исследователи в 1991 г.).

Наряду с определением конкретных путей реформы собственности экономисты уделили большое внимание теоретической разработке данной проблемы. И вряд ли можно согласиться с тем, что дискуссии о собственности не выходили за рамки официальных установок руководства КНР. При анализе материалов китайских экономических дискуссий следует иметь в виду, что в сложившейся политической ситуации обсуждение принимало новые формы. В подходе ученых КНР к проблеме собственности в результате освоения ими западной теории прав собственности произошли серьезные изменения. Подобно тому как во второй половине 80-х годов нельзя было понять концепций китайских экономистов без знания работ Я. Корнаи, труды ученых КНР конца 80-х — начала 90-х годов будут непонятны без знания теории прав собственности. Привлечение последней позволило китайской научной общественности продолжить обсуждение «запрещенных» после июньских событий идей приватизации.

Под влиянием практики преобразований не только ученым, но и китайскому руководству становилось очевидно, что

рассмотрение процесса реформ с точки зрения идеологических критериев малоперспективно. После того как в январе 1992 г. Дэн Сяопин вновь подтвердил, что главным критерием истины является практика, теоретическая критика всего «капиталистического» и поддержка всего «социалистического» в реформах начали сокращаться. Переход к новому этапу реформы способствовал оживлению дискуссий о собственности. Главной темой выступлений китайских экономистов стало разъяснение руководящей реформаторской установки Дэн Сяопина. В работах ведущих ученых подчеркивалось, что многие экономические формы, квалифицировавшиеся после июньских событий как «капиталистические», по сути являются «нейтральными», из чего следовал вывод о необходимости их широкого использования в ходе реформы.

Это относилось, в частности, к акционерной системе, к которой в конце 80-х годов был приклеен ярлык «капитализм». Было признано, что некоторые экономические формы (например, предприятия с участием иностранного капитала) действительно являются «капиталистическими», однако китайские ученые призывали «не пугаться при виде капитализма» и поставить его на службу китайскому социализму [472, 06.07.1992]. Принципиальное значение высказываний Дэн Сяопина ученые КНР видели в том, что они стали «хорошим лекарством против „болезни боязни капитализма“, которой страдала китайская экономическая наука на протяжении нескольких последних лет» [475, 18.08.1992].

Было признано, что подряд, с помощью которого предлагалось «оживить» государственные предприятия в предшествующий период, не позволяет коренным образом изменить имущественные отношения на предприятии и что эффект подряда оказался значительно меньшим, чем ожидалось [280, с. 10—11]. Вновь оживились дискуссии вокруг акционерной системы, о положительном эффекте которой упомянул Дэн Сяопин в своих выступлениях. Были названы ошибочными представления об акционерной системе как «скрытой форме приватизации» [472, 06.07.1992] и тем самым ликвидированы идеологические препятствия на пути ее внедрения. Акционерная форма стала рассматриваться как «лучшая форма уяснения прав собственности на предприятии» [473, 25.05.1992; 475, 20.07.1992]. Признавая преимущества акционерной формы, ученые КНР в то же время обращали внимание на практические проблемы, возникающие при ее внедрении (занижение оценки фондов предприятия, высокая доля акций рабочих и служащих, чрезмерные выплаты по дивидендам и т.д.). Особое значение китайские экономисты придавали созданию

правовой базы акционирования, разработке необходимых нормативных актов [66, с. 14—16].

Отличительная особенность дискуссий об акционерной системе состояла в повышенном внимании ученых КНР к проблеме рынка акций. Интерес к этой теме был связан с тем, что вопрос о рынке акций был поднят Дэн Сяопином, который высказался за «решительное проведение эксперимента в данной области» (цит. по [127, с. 64]). Выдвижение новой установки привело к «акционерной горячке» как в теоретических исследованиях, так и в практике хозяйственной деятельности. «Ажиотажу вокруг акционерной системы» способствовало также и то, что операции с ценными бумагами широко рекламировались в печати, поэтому подписка на акции рассматривалась многими как «волшебное средство быстрого обогащения» [11].

Под влиянием практических проблем, возникших в результате форсирования мероприятий по акционированию и создания рынка акций административным путем, подход ученых КНР к акционерной системе стал меняться. Китайские экономисты стали предостерегать против «ажиотажа вокруг акционерной системы», обращать внимание на то, что «смена вывески» государственного предприятия на «акционерную компанию» и разрешение свободной продажи акций не позволяют сделать жестким бюджетное ограничение предприятий и не ведут автоматически к повышению эффективности [475, 20.07.1992]. Подобная точка зрения нашла отражение в официальных выступлениях китайских руководителей, которые считали преждевременным широкомасштабное внедрение акционерной формы, предлагали ограничить эксперимент городами Шанхай и Шэньчжэнь, подчеркивали, что «акционерная горячка» должна быть «охлаждена» [485, 1992, т. 35, № 32, с. 4].

Выдвинутые Дэн Сяопином положения были подтверждены на прошедшем в 1992 г. XIV съезде КПК, заявившем о необходимости создания в Китае системы «социалистической рыночной экономики». В материалах съезда было указано, что ее «центральным звеном» должно стать изменение хозяйственного механизма государственных предприятий, особенно крупных и средних, их поворот к рынку.

Эти идеи получили развитие на XV съезде КПК (1997 г.), когда прозвучала официальная оценка статуса акционерной системы и социально-политических последствий уменьшения доли госсектора. В докладе Цзян Цзэминя было заявлено, что общественная собственность включает в себя не только государственный и коллективный секторы, но и государственную

и коллективную доли в смешанной экономике. Относительно акционерной системы было сказано, что она может быть использована как при капитализме, так и при социализме и нельзя обобщенно утверждать о ее принадлежности к общественной или частной собственности. Когда контроль над акциями находится в руках государства и коллектива, акционерные предприятия имеют очевидный общественный характер. В докладе содержалось примечательное заявление о том, что при соблюдении ряда условий — сохранении ведущих позиций общественной собственности и государственного контроля над артериями национальной экономики, росте влияния и конкурентоспособности госсектора, — некоторое уменьшение его удельного веса не сможет повлиять на социалистический характер Китая.

Обсуждение вопросов плана и рынка

Другой важной темой дискуссий периода реформ стал вопрос о соотношении плана и рынка. В начальный период дискуссий (1979—1984) главная задача ученых состояла в пересмотре теоретических представлений, получивших распространение в КНР до начала реформы. В стране господствовала точка зрения, согласно которой использование товарно-денежных отношений рассматривалось как «почва для возникновения капитализма»; предложение применять прибыль в качестве обобщающего показателя для оценки деятельности предприятий приравнивалось к ревизионистской теории «прибыль — ведущая сила»; использование экономических методов управления рассматривалось как отрицание лозунга «политика — командная сила»; рыночная экономика отождествлялась со стихийностью и анархией [102, с. 47; 142, с. 16; 150, № 1, с. 42].

На этом фоне ученым важнее всего было провести идейно-теоретическую «легализацию» товарных отношений в рамках социалистической системы. Несколько десятилетий автаркичного развития КНР изолировали китайскую экономическую науку не только от современной западной теории, но и от тех новых идей, что зародились в ходе первых попыток реформ в Восточной Европе. Можно согласиться со словами Б.Нотона, что «первой задачей была реабилитация экономических идей, отвергнутых в Китае во время маоистского периода, но достаточно общепризнанных по стандартам остального социалистического мира. Используя марксистский понятийный аппа-

рат, экономисты приводили аргументы в пользу „социалистической прибыли“ и экономической эффективности, выступали за реабилитацию „закона стоимости“» [436, с. 98].

Таким образом, развернулся «процесс, который просто вернул бы Китай в магистральное течение социализма после долгой маоистской интерлюдии» [436, с. 99]. На этом этапе было бы преждевременным ожидать радикальных новаций. Как отметил в 1990 г. видный ученый Чэнь Ицзы, тогда предложения отказаться от плановой экономики и перейти к рыночной были для большинства экономистов и политиков просто немыслимыми (см. [436, с. 99]). Как и в дискуссиях о собственности, начальный этап обсуждения был посвящен преодолению идеологических стереотипов, что неизбежно придавало спорам о соотношении плановых и рыночных методов управления экономикой абстрактный характер.

В центре внимания исследователей была тема действия экономических законов, что поставило на первый план в дискуссиях о плане и рынке вопрос о соотношении закона планомерного, пропорционального развития и закона стоимости. В ходе обсуждения высказывались различные точки зрения: одни экономисты (например, Чжо Цзюн) утверждали, что «нет ни одного экономического закона, который имел бы такое богатое содержание, как закон стоимости» [272, с. 32]; их оппоненты отмечали, что при социализме «закон стоимости, будучи „слепым регулятором“ общественного производства, заменяется законом планомерного пропорционального развития» [145, с. 99]. Ведущие китайские экономисты (Лю Гогунан, Чжао Жэньвэй, Сюэ Муцяо) утверждали, что закон планомерного, пропорционального развития и закон стоимости, плановые и рыночные методы регулирования нельзя считать ни взаимоисключающими, ни взаимозаменяющими, они взаимосвязаны и дополняют друг друга. С точки зрения этих ученых, плановое регулирование, хотя и играет решающую роль, не в состоянии обеспечить эффективное развитие производства, поэтому его необходимо дополнить рыночным регулированием [102, с. 49; 103, с. 22]. Их мнение было поддержано большинством участников дискуссий.

Позиции ученых по вопросу о том, как соотносятся между собой план и рынок, изменялись вслед за развитием китайских реформ. Если в 1979—1980 гг. речь шла о «сочетании плана и рынка» и особое внимание обращалось на роль рыночных начал в экономике, то в начале 80-х годов под влиянием практических проблем в материалах дискуссии стала подчеркиваться важность усиления планового руководства и был выдвинут руководящий принцип «плановая экономика —

основная, рыночное регулирование — вспомогательное», который нашел отражение в материалах XII съезда КПК [473, 08.09.1982]. Предпочтение стало отдаваться уже упоминавшейся формулировке Чэнь Юня, утверждавшего, что рыночное регулирование должно проводиться в границах, определенных планом, и сравнившего рынок с птицей, а план — с клеткой для этой птицы: «Птицу нельзя зажать в руке, она может погибнуть, надо позволить ей летать; однако летать ей можно позволить только в клетке, когда не будет клетки, птица улетит. Если птица — это оживление экономики, то клетка — государственный план» [473, 03.12.1983].

Начиная с 1983 г., когда были выполнены основные задачи «урегулирования» и наметился курс на ускорение реформ, вновь возродился интерес китайских ученых к обсуждению теоретических проблем рыночного регулирования, которому наряду с направляющим планированием стала отводиться важная роль в системе управления.

Начало второго этапа дискуссий о плане и рынке (1984—1989) было обозначено выдвижением на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 г. концепции «социалистического планового товарного хозяйства». Официально она была изложена в «Постановлении ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы», признавшем, что товарное хозяйство является важнейшим этапом развития, который нельзя миновать [473, 23.10.1984].

Среди теоретических проблем, обсуждавшихся китайскими экономистами на этом этапе, важное место по-прежнему занимал вопрос о способах сочетания планового и рыночного регулирования. Однако специфика дискуссий середины 80-х годов состояла прежде всего в том, что официально зафиксированное возобновление реформ придало дискуссиям большую свободу и расширило их охват. На первое место вышла проблема практических шагов по переходу к рыночной экономике. Хотя эта цель не была намечена открыто (прежде всего по идеологическим соображениям), по существу дискуссии были сосредоточены вокруг нее. На этом этапе большинство их участников исходило из предпосылки о необходимости перехода к рынку. В центре спора оказался вопрос о том, как наилучшим образом совершить этот переход.

Отмечая рыночную направленность дискуссий середины 80-х годов, зарубежные исследователи, на наш взгляд, несколько преувеличивают зрелость «рыночного сознания» китайских теоретиков, противопоставляя дискуссии этого периода «смутным и общим» спорам 1979—1981 гг. [436, с. 187]. Абстрактные споры продолжались и в рассматриваемый период, о чем

свидетельствуют материалы общетеоретических обсуждений проблем сочетания плана и рынка 1984—1988 гг.

Вплоть до 1988 г. продолжалось дискутирование общих вопросов, что такое план, что такое рынок, какой должна быть модель их соединения. Вновь повторялось, что план не следует рассматривать как закон-директиву; признавалось, что план может быть не только директивным, но и направляющим; ставилась задача сокращения сферы директивного планирования и перехода к такой системе планового управления, в которой направляющее планирование играло бы ведущую роль [38, с. 30—31; 228, с. 10]. Критиковалась точка зрения, согласно которой план считался всеохватывающим и в деталях регламентирующим деятельность всех сфер народного хозяйства, предлагалось перенести центр тяжести в плановой работе на обеспечение сбалансированности по макроэкономическим пропорциям и на определение производственной политики. Обосновывалась несостоятельность концепций, в соответствии с которыми плановое управление отождествлялось с использованием натуральных показателей, с фондированным распределением факторов производства и готовой продукции, и ставился вопрос о необходимости широкого применения экономических рычагов (цен, налогов, кредитов) для регулирования хозяйственной деятельности [228, с. 10].

В ходе обсуждения вопроса о рынке подчеркивалось, что рыночный механизм не следует считать чуждым социализму явлением и ограничивать сферу его действия предметами потребления. Демонстрировались негативные последствия ограничения сферы рыночных отношений на практике и рассмотрения рынка в качестве «забытого уголка» в системе единого плана [38, с. 27; 228, с. 10]. Признавалось, что рыночные отношения имманентны социализму и что должен существовать рынок не только потребительских товаров, но и средств производства. Ставилась задача развития рынков финансов, трудовых услуг, техники и технологии, информации, т.е. создания системы социалистического рынка [38, с. 27; 228, с. 10].

При обсуждении вопроса о сочетании плана и рынка китайские экономисты рассмотрели несколько моделей соединения планового и рыночного регулирования.

Первая получила в китайской экономической литературе название модели «фрагментарного (*банькуай*) соединения планового и рыночного механизма». В соответствии с нею экономика механически делилась на две сферы, одна из которых регулировалась планом, а другая — рынком. Продукция, имеющая важное значение для народного хозяйства, подлежала централизованному планированию, а в отношении остальных

видов продукции должно было проводиться рыночное регулирование [228, с. 12].

Отличительная особенность второй модели, которую китайские экономисты называли моделью «взаимопроникающего (*шэньтоу*) соединения», состояла в том, что в ней плановое и рыночное регулирование рассматривались не как изолированные, а как взаимодополняющие. По этой модели плановое регулирование должно было проводиться с учетом требований закона стоимости, а рыночное регулирование — направляться и ограничиваться планом [228, с. 12].

И наконец, в соответствии с третьей моделью «органического (*юцзи*) соединения планового и рыночного регулирования» план и рынок составляют единое целое и регулируют функционирование народного хозяйства на различных уровнях. Плановое регулирование осуществляется главным образом на макроуровне, а рыночное распространяется на микроэкономическую деятельность. При этом основой для планового макроэкономического регулирования служат тенденции изменения рыночного спроса и предложения, а микроэкономическая деятельность направляется макроэкономическим планом [228, с. 12]. Такая модель, органически и «диалектически» сочетающая в себе плановое и рыночное регулирование, нашла концентрированное выражение в формуле «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия» и была официально закреплена в материалах XIII съезда КПК (октябрь 1987 г.). Как отмечал в докладе на нем Чжао Цзыян, «механизм социалистического планового товарного хозяйства должен воплощать в себе органическое единство планирования и рынка» [271].

Анализируя первую модель, одним из конкретных проявлений которой, по мнению китайских экономистов, являлся провозглашенный на XII съезде КПК принцип «плановая экономика — основная, рыночное регулирование — вспомогательное», ученые КНР обращали внимание на присущие ей недостатки. Так, Дун Фужэн считал, что модель, при которой функционирование народного хозяйства регулируется главным образом директивным планом, а рыночное регулирование играет подчиненную роль, не позволяет в корне изменить прежний хозяйственный механизм и преодолеть пороки традиционной системы [38, с. 28]. Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн сравнивали разделение всего народного хозяйства на сферы, подлежащие плановому и рыночному регулированию, с использованием на различных отрезках железнодорожной сети попеременно узкой и широкой колеи и заключали, что «фрагментарное соединение плана и рынка» хотя и

позволяет избежать трений на каждом конкретном участке, однако создает серьезные трудности для функционирования системы в целом [216, № 11, с. 14]. Ссылаясь на то, что осуществление на практике принципа «плановая экономика — основная, рыночное регулирование — вспомогательное» не позволило коренным образом повысить эффективность народного хозяйства, многие ученые КНР делали вывод об ограниченности модели «фрагментарного соединения планового и рыночного регулирования» [38, с. 28; 216, № 11, с. 14]. В результате, как подчеркивали сами китайские экономисты, число сторонников данной модели значительно уменьшилось [38, с. 28].

Особое внимание в ходе дискуссий было уделено рассмотрению второй модели, конкретным выражением которой стала сложившаяся в процессе осуществления хозяйственной реформы в КНР модель «двухколейного (*шуангуй*) функционирования экономики». В соответствии с этой моделью все народное хозяйство страны было разделено на сферы, подлежащие директивному планированию, направляющему (с помощью экономических рычагов) планированию и рыночному регулированию, а общая тенденция изменений в хозяйственном механизме представлена как постепенное сужение сферы директивного планирования и расширение сферы направляющего планирования. Характерная особенность модели состояла в том, что в ней одновременно использовались директивное планирование и рыночный механизм, причем такое «двухколейное» регулирование проводилось не только в масштабе народного хозяйства в целом, но и по отношению к одному и тому же виду продукции [38, с. 28; 216, № 11, с. 14—15].

Относительно модели «двухколейного функционирования» китайскими учеными были высказаны различные точки зрения. Некоторые экономисты рассматривали ее в качестве целевой модели хозяйственной реформы в КНР. Соглашаясь с тем, что в ходе реформы сфера директивного планирования должна сокращаться, они считали его полную ликвидацию недопустимой. По их мнению, директивное планирование является характерной особенностью социалистической экономики, поэтому его отмена равнозначна отрицанию социалистической экономики (см. [38, с. 28]).

Однако большинство участников обсуждения считали такую оценку данной модели необоснованной. Аргументируя свою позицию, они ссылались на опыт венгерской реформы, в ходе которой директивное планирование было отменено [38, с. 28]. По мнению сторонников этой точки зрения, планомерное регулирование рынка и контроль над ним со сторо-

ны государства необходимы, однако план не должен быть директивным, поскольку директивное планирование и рыночный механизм исключают друг друга. Анализируя особенности модели «двухколейного функционирования», Дун Фужэн обращал внимание на тот факт, что одновременное использование директивного планирования и рыночного механизма вело на практике к негативным последствиям — нарушался порядок в экономике, предприятия оказывались в зависимости от вышестоящих органов, с одной стороны, и от рынка — с другой. Действуя в условиях двойной зависимости, предприятия по-прежнему оставались заинтересованными в директивном плане, в соответствии с которым они могли рассчитывать на сбыт своей продукции, однако в то же время они стремились избавиться от вмешательства государства и получить право реализовать производимую продукцию по рыночным ценам, оставлять большую часть прибыли на предприятии. В результате складывалась ситуация, при которой предприятия скрывали реальные производственные возможности, чтобы получить меньшие плановые задания, увеличить производство сверхплановой продукции и сбыть ее по рыночным ценам, изыскивали способы для максимального обеспечения себя исходными ресурсами по государственным ценам [38, с. 28]. Использование двойных цен вело к хаосу в экономике, создавало почву для противозаконных действий [38, с. 28; 190, с. 17]².

Основываясь на конкретном анализе происходящих процессов, участники дискуссии заключали, что модель «двухколейного функционирования экономики» носит переходный характер и не может рассматриваться как целевая модель хозяйственной реформы в КНР [38, с. 28; 216, № 11, с. 15]. В то же время они по-разному представляли цель этого перехода и способы его осуществления. Часть экономистов считала, что существование «двухколейной системы» является главной причиной проблем, возникающих в ходе преобразований, и предлагала в кратчайшие сроки отменить ее (см. [216, № 11, с. 15]). Однако при этом одни выступали за возвращение к системе директивного планирования, а другие — за ускорение перехода к рыночному регулированию.

Анализируя позицию сторонников «рыночного направления», Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн отмечали, что для ускоренного перехода к рыночной системе в Китае отсутствуют необходимые условия, поэтому попытки форси-

² В рассуждениях Дун Фужэна о «двойной зависимости» явно прослеживается влияние концепции Я. Корнаи.

ровать этот процесс неизбежно приведут к усилению негативных тенденций стихийности и анархии и потребуют административного вмешательства, в результате чего вместо устранения «плановой колеи» будет ликвидирована «рыночная колея». Таким образом, по их мнению, позиция сторонников «рыночного направления» по сути мало отличалась от взглядов тех экономистов, которые выступали за возврат к директивному планированию, а преждевременная отмена «двухколейной системы» неизбежно должна была привести к возрождению традиционного хозяйственного механизма [216, № 11, с. 15].

По мнению многих исследователей, вплоть до настоящего времени «двухколейность» является определяющей характеристикой китайской модели реформ. Несмотря на то что понятийный аппарат китайских реформаторов был близок восточноевропейским концепциям «рыночного социализма» (ибо зачастую строился на прямых заимствованиях), нельзя не согласиться с Б.Нотоном, писавшим, что в данном случае «кажущееся сходство терминологий скрывает фундаментальное различие целей... Фундаментальные цели и процессы рационализирующих реформ настолько отличаются от китайских двухколейных реформ, что просто недопустимо объединять их в одну категорию» [436, с. 19]. Если «рыночный социализм» предполагал реформирование в рамках социализма, то «двухколейная» модель в ходе практического осуществления реформы вышла за эти рамки.

Наибольшее распространение в ходе обсуждения получила точка зрения, в соответствии с которой в качестве целевой модели хозяйственной реформы в КНР рассматривалась третья модель, нашедшая отражение в формуле «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия» [10; 38, с. 28—29; 228, с. 12]. Идея государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий высказывалась в Китае в 1986 г. при обсуждении проблем макроэкономического управления, в 1987 г. она была официально подтверждена на XIII съезде КПК: «Новый рабочий механизм экономики, говоря в целом, должен быть механизмом государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий». Разъясняя это положение, Чжао Цзыян подчеркивал, что «государство станет прежде всего при помощи экономических, юридических, а также необходимых административных средств регулировать соотношения между рыночным спросом и предложением, создавать благоприятную экономическую и социальную среду и тем самым подсказывать предприятиям правильные хозяйственные решения»

[271]. После съезда в центральной печати была опубликована серия статей китайских теоретиков, в которых комментировалось выдвинутое на съезде положение о «государственном регулировании рынка и рыночном ориентировании предприятий» [10; 105; 108].

Наряду с обсуждением проблем теории серьезное внимание в ходе дискуссий было уделено изучению вопроса о том, как на практике создать условия для перехода к новому хозяйственному механизму. К 1988 г. эта тема выдвинулась на первый план в исследованиях ведущих китайских экономистов. В материалах дискуссии было выделено три основных направления, по которым должен осуществляться переход к новому механизму: создание и совершенствование системы социалистического рынка, постепенная замена прямого макроконтроля косвенным, оживление предприятий общенародной собственности. Подчеркивалось, что без развития рынка, совершенствования макроконтроля и оживления предприятий механизм «государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий» не сможет эффективно функционировать [475, 06.05.1988]. Китайские исследователи концентрировали внимание на анализе практических трудностей, возникающих в ходе реформы в каждой из этих областей.

Так, Дун Фужэн подчеркивал, что задача формирования в Китае системы рынка не может быть решена в короткие сроки, поскольку в стране еще не созданы необходимые для функционирования рынка условия, не завершены реформы внешней торговли, цен, финансово-банковской системы. Ограничивающее воздействие на развитие рынка оказывают также неразвитость производительных сил современного Китая, сохранение в экономике страны натурального и полунатурального хозяйства. Анализируя практические трудности, на которые наталкивалось создание рыночной системы, Дун Фужэн отмечал, что в условиях деформированных цен предприятиям передается искаженная информация, возникают серьезные отклонения предложения от спроса. Поэтому он утверждал, что без реформы цен механизм рыночного регулирования работать не будет. Основываясь на анализе реальных проблем, возникающих в ходе хозяйственной реформы, Дун Фужэн заключал: «Сегодня задача создания и совершенствования рыночной системы представляется намного более сложной, чем это предполагалось ранее» [38, с. 29].

С точки зрения У Цзинляня, формирование рыночной системы было важнейшим направлением экономической реформы в КНР, поскольку из трех основных звеньев реформы

рынок представляет собой наиболее слабое звено. Как и Дун Фужэн, У Цзинлянь подчеркивал, что без установления рациональных цен рыночная система не сможет эффективно функционировать. Он обращал внимание на два аспекта проблемы: перекосы в ценах, которые ведут к снижению эффективности размещения ресурсов, и существование двойных цен, приводящее к нарушению порядка на рынке. Утверждая, что отсрочка реформы цен не позволит смягчить напряженности в экономике, У Цзинлянь выступал за ее безотлагательное проведение [190, с. 17—18].

Под несколько иным углом зрения рассматривал вопрос о формировании системы рынка Чэнь Ицзы, который обращал внимание на неразвитость в Китае рынка капиталов и утверждал, что «создание эффективного рынка капиталов является ключевым вопросом формирования системы социалистического рынка» [298, с. 14].

Обращаясь к проблеме совершенствования макроэкономического контроля, китайские исследователи также делали акцент на трудностях, выявившихся в ходе реформы. Например, Дун Фужэн подчеркивал, что переход от методов прямого контроля к косвенному в Китае происходит медленно — государственные административные органы по-прежнему продолжают вмешиваться в повседневную деятельность предприятий, работники государственных организаций в случае возникновения беспорядка в экономике, как правило, прибегают к непосредственному управлению [38, с. 29]. На сложность перехода к косвенному макроконтролю обращал внимание и Чэнь Ицзы. По его мнению, основная трудность перехода состояла в том, что государством не была четко разработана структурная политика, и он предлагал сосредоточить усилия на решении этой проблемы [298, с. 14].

Вопросу об оживлении предприятий в исследованиях китайских экономистов было уделено особое внимание. Одно из главных препятствий, затрудняющих использование в Китае методов рыночного регулирования, ученые КНР видели в том, что предприятия государственной собственности, занимающие ведущее место в экономике страны, не превратились в самостоятельных товаропроизводителей, отвечающих за прибыли и убытки, не стали субъектами рынка, что они слабо реагировали на рыночные сигналы и не принимали активного участия в конкуренции [38, с. 29—30; 298, с. 14]. Поскольку основной причиной такого положения, по мнению китайских экономистов, было сохранение общенародной собственности, они предлагали ускорить проведение реформы собственности и таким образом создать условия для перехода к новому меха-

низму «государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий».

Для нашего исследования дискуссии этого периода представляют особое значение, потому что именно в середине 80-х годов по мере углубления реформы все яснее вырисовывались неодинаковые подходы ученых КНР к стратегии и тактике преобразований, начали формироваться различные школы экономической мысли. Б.Нотон на основании изучения дискуссий того времени выделяет две основные противостоящие школы — сторонников реформы цен и сторонников реформы предприятий [436, с. 188]. Дж.Фьюсмит разделяет возглавляемую У Цзинлянем школу «скоординированных реформ» и школу «реформы собственности», лидером которой был Ли Инин, сводя различие между ними опять-таки к противопоставлению реформы цен реформе собственности [416, с. 184—185]. Помимо этих двух основных школ зарубежные исследователи считают возможным говорить как об автономной теоретической силе о китайских экономистах молодого поколения (Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь, Ло Сяопэн). Они, как и Ли Инин, отдавали приоритет реформе собственности, однако представляли ее содержание несколько иначе.

В целом такое разделение представляется правильным, ибо именно эти школы были наиболее влиятельными. Сами китайские ученые дают более глубокую и дифференцированную классификацию, выделяя семь школ экономической мысли, сформировавшихся в ходе реформ. Эта систематизация школ основывается не только на взглядах по проблеме плана и рынка, но и на проанализированных выше представлениях китайских ученых о собственности.

Первая школа, известная в КНР как «школа скоординированных реформ» (*сетяо гайгэ пай*), начала складываться в середине 80-х годов. Основатель этого направления — известный китайский экономист У Цзинлянь, который уже в 1985 г. выступил с критикой стратегии частичных преобразований. Ученый считал ошибочной точку зрения экономистов, отстаивавших тезис о необходимости «прорыва» в каком-либо одном звене реформы, и предлагал провести комплексную реформу хозяйственной системы, основными звеньями которой являются перестройка на предприятиях, совершенствование рыночного механизма и создание системы макроэкономического регулирования. Главные идеи сторонников этой школы нашли отражение в работе «Общий проект реформы экономической системы в Китае» [193]. Наряду с У Цзинлянем в разработке программы комплексной реформы участво-

вали молодые экономисты Чжоу Сяочуань, Го Шучин, Лоу Цзивэй, Ли Цзяньгэ.

Главная заслуга данной школы состоит в том, что ей принадлежит приоритет в выдвигании концепции рыночных реформ. Уже в 1986 г. У Цзинлянь выступил за усиление рыночной направленности преобразований, предложил обратить особое внимание на создание конкурентной рыночной системы и перейти от административного распределения ресурсов к их размещению главным образом через рыночный механизм. Впоследствии эти идеи были развиты и конкретизированы в трудах самого У Цзинляня, а также Го Шучина, Лю Цзижюя и других и послужили теоретической основой официального курса китайского руководства на создание в КНР системы социалистической рыночной экономики. У Цзинлянь и его последователи не только внесли вклад в развитие теории реформы, но и разработали детальный проект комплексных преобразований экономической системы КНР. Эти ученые также сыграли большую роль в ознакомлении китайской научной общественности с трудами реформаторов из стран Восточной Европы и с западной экономической мыслью, подготовили серьезные исследования, посвященные сопоставлению народного хозяйства КНР с экономикой зарубежных стран. Представителей теории «скоординированных реформ» критиковали в КНР за то, что они уделяли значительно больше внимания разработке конкретных мероприятий реформы, чем анализу фундаментальных теоретических проблем, углубленно изучали роль рынка в размещении ресурсов и не исследовали должным образом вопросы их планового распределения [43, с. 47—126].

Другая школа китайской экономической мысли получила название «школы сторонников реформы собственности» (*соючжи гайгэ пай*). Наиболее ярким ее представителем является Ли Инин, сходных взглядов придерживаются его ученики Лю Вэй, Пин Синьцяо, Ван Юэшэн и др. Согласно концепции Ли Инина, в качестве главного направления экономической реформы в КНР следует рассматривать перестройку отношений собственности, а не реформу цен. По мнению ученого, «экономическая реформа может закончиться неудачей из-за того, что потерпит поражение реформа цен, однако ее успех зависит не от реформы цен, а от реформы собственности» (цит. по [43, с. 130]). Представления сторонников реформы собственности были наиболее полно изложены в работах Ли Инина [63; 67].

Исходным моментом его концепции послужил тезис о неравновесном характере китайской экономики. Изучив запад-

ные теории неравновесия и представления известного венгерского экономиста Я. Корнаи о хроническом дефиците как «нормальном состоянии» социалистической экономики, Ли Инин применил их для анализа ситуации в КНР и пришел к выводу о существовании в экономике КНР особого типа неравновесия, которое ученый назвал «неравновесием второго типа». В соответствии с его теорией в отличие от «неравновесия первого типа», характерными чертами которого были несовершенный рынок и нерациональные цены, в условиях «неравновесия второго типа» отсутствовали и сами субъекты рыночных отношений — реальные товаропроизводители. Основываясь на анализе специфических особенностей китайской экономики, Ли Инин утверждал, что рынок в Китае сможет действовать только тогда, когда будут созданы субъекты рынка, т.е. проведена реформа на предприятиях. Рассматривая перестройку отношений собственности в качестве первого шага экономической реформы в КНР, он считал наиболее перспективным направлением преобразований акционирование крупных и средних государственных предприятий. Наряду с высокими оценками теории Ли Инина в КНР имела место и критика его взглядов: обращалось внимание на неправомерность противопоставления реформы на предприятиях реформе цен, высказывались сомнения, что перестройка отношений собственности может быть проведена в отрыве от других преобразований экономической системы [43, с. 127—213].

Третья школа современной китайской экономической мысли — школа сторонников реформы на макроуровне (*хунгуань гайгэ юсянь пай*). Главным теоретиком данной школы является Ван Чжо, представитель старшего поколения китайских экономистов. При обсуждении стратегии реформы ученый выступал за первоочередное проведение реформы макроэкономического управления. Ван Чжо считал ошибочными теории, отдающие приоритет перестройке отношений собственности и реформе цен, поскольку в условиях несбалансированности совокупного общественного спроса и общественно-го предложения проведение этих реформ не может привести к желаемым результатам. Согласно концепции Ван Чжо, главным «пунктом прорыва» должна была стать реформа на макроуровне, а центральным ее звеном — изменение функций правительства. В Китае обращалось внимание на ограниченность взглядов Ван Чжо и было признано, что ученый не уделял должного внимания разработке вопроса о том, каким образом реформа системы макроэкономического управления будет способствовать продвижению вперед реформ собствен-

ности и цен, упрощенно трактовал проблему соотношения плана и рынка, не исследовал особенностей взаимодействия между центральными и местными правительствами [43, с. 214—301].

Четвертая школа — школа сторонников свободной среды для экономической реформы (*цзинци гайгэ дэ куаньсун сюэпай*) — относится к числу наиболее авторитетных школ китайской экономической мысли. К данному направлению принадлежат видные китайские экономисты Лю Гогуан, Дай Юаньчэнь, а также ряд исследователей, работавших под их руководством в АОН Китая. Их теоретические концепции и практические рекомендации были изложены в «Среднесрочном проекте реформы экономической системы Китая (1988—1995)», ряде других работ [47; 98]. Эта школа начала складываться на рубеже 80-х годов. В 1979—1984 гг. основное внимание ее сторонники уделяли обсуждению вопроса о плане и рынке, в 1984—1987 гг. главной темой исследований стали проблемы целевой модели реформы, перехода от старой экономической системы к новой, с 1987 г. начали разрабатываться краткосрочные и среднесрочные проекты преобразований.

В основе теории Лю Гогуана и его последователей лежал тезис о том, что важнейшим условием успеха экономической реформы в КНР является создание «свободной среды». Согласно концепции Лю Гогуана, только при «ограниченном рынке покупателей», т.е. при незначительном превышении совокупного общественного предложения над совокупным общественным спросом, появляется возможность для развертывания роли рынка, для конкуренции между товаропроизводителями. Характерная черта школы свободной среды для экономической реформы состояла в том, что ее представители выступали против экспансионистской макроэкономической политики, считали неоправданной ориентацию на высокие темпы экономического развития. При обсуждении стратегии реформы Лю Гогуан и его единомышленники придерживались концепции постепенных преобразований и рассматривали в качестве главных звеньев экономической перестройки реформу предприятий и реформу цен. Благодаря соответствию специфическим условиям современного Китая и практической осуществимости многие идеи Лю Гогуана и его коллег нашли отражение в официальных документах о реформе. Однако, по мнению китайских ученых, сторонники этой школы, выступая за постепенный переход от старой хозяйственной системы к новой, не уделили необходимого внимания анализу сложных проблем, возникавших при длительном сосуществовании двух экономических систем [43, с. 302—415].

Пятая школа — школа сторонников реформы права хозяйствования (*цзиньинцюань чжудао гайгэ пай*) — сформировалась во второй половине 80-х годов, когда вопрос о путях углубления реформы на предприятиях вновь выдвинулся в КНР на первый план. Считая реформу на предприятиях центральным звеном экономической перестройки, сторонники данного направления предлагали передать право хозяйствования предприятиям, сохранив право собственности в руках государства. В основе теоретической концепции ученых, выступавших за «ослабление права собственности и усиление права хозяйствования», лежал тезис о возможности разделения права собственности и права хозяйствования, конкретным воплощением чего они рассматривали систему подрядной ответственности на крупных и средних государственных предприятиях. Проблемы подряда получили наиболее полное освещение в трудах Ян Пэйсиня — главного представителя этой школы, которому коллегами-экономистами было дано прозвище «Ян Чэнбао» («Ян Подряд»). Ученый не только исследовал теоретические аспекты разделения двух прав, но и выдвинул практические рекомендации по внедрению подрядной системы. Оценивая взгляды Ян Пэйсиня и его единомышленников, китайские ученые отмечали, что практический опыт подряда позволяет сделать вывод как об ограниченных возможностях подрядной системы, так и об уязвимости теории разделения двух прав [43, с. 416—483].

Шестая школа — школа сторонников реформы прав собственности (*чаньцюань гайгэ пай*) — сложилась в 1988 г. Как и теоретики подряда, представители данной школы считали главным направлением перестройки экономической системы реформу на предприятиях. Однако в отличие от первых приверженцы реформы прав собственности видели единственный путь превращения государственных предприятий в субъектов рынка в разграничении прав собственности и создании новой системы этих прав. Отличительная черта теоретических воззрений представителей этой научной школы состояла в том, что они обращали внимание на необходимость четкого определения прав собственности, рассматривали товарный обмен как обмен этими правами и выступали на практике за акционерную систему.

Авторы монографии «Теоретические школы китайской экономической реформы» выделяют в рамках данной научной школы три основных направления. Сторонники первого (Тан Фэнъи, Лю Шибо, Тянь Юань) выступили с теорией общественных прав собственности (*гунъю чаньцюань*), приверженцы второго (Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь, Ло Сяопэн) отстаивали

тезис о необходимости воссоздания индивидуальных прав собственности (*гэжэнь чаньцюань*), а представители третьего (Чжан Учан) разработали концепцию частных прав собственности (*сыжэнь чаньцюань*). Наибольшее развитие теория реформы прав собственности получила в 1988 — начале 1989 г. После событий мая—июня 1989 г. исследование этой проблемы по политическим причинам было прекращено. В 1990 г. возобновилась разработка теории общественных прав собственности. Что же касается концепций индивидуальных и частных прав собственности, то после июньских событий они временно не находили отражения в китайской экономической литературе [43, с. 484—561].

Седьмая школа получила название школы сторонников изменения институтов (*тичжи бяньгэ пай*). Это научное направление начало складываться на рубеже 90-х годов. К числу его главных теоретиков относятся молодые ученые Фань Ган, Линь Ифу, Шэн Хун. Представители данной школы отошли от традиционных методов экономического исследования и обратились к последним достижениям западной экономической мысли (прежде всего к теории новой институциональной экономики). Китайские ученые предприняли попытку подойти к реформе как к процессу изменения институтов и проанализировать издержки перехода от старых институтов к новым, исследовать особенности китайской реформы с точки зрения теории общественного выбора. В результате они пришли к выводу, что при определении стратегии и тактики реформы необходимо придерживаться принципа минимизации трансакционных издержек. Чтобы ослабить сопротивление реформам и уменьшить издержки перехода от старой институциональной структуры к новой, ученые КНР предлагали проводить преобразования поэтапно и выступали за соединение двух способов осуществления реформы — стихийного и насильственного, т.е. за сочетание реформ «снизу» и «сверху».

Заслуга этой школы заключается в том, что труды ее сторонников позволили не только глубже понять закономерности китайской экономической реформы, но и способствовали формированию в КНР нового экономического мышления. Главным недостатком школы считается отсутствие в работах ее теоретиков конкретных практических рекомендаций. Так, выступая за строгое соблюдение принципа минимизации трансакционных издержек, они оставили нерешенными вопросы о том, как измерить эти издержки и как определить, являются ли они минимальными. Молодые ученые критиковались за то, что при заимствовании зарубежных теорий они недостаточно учитывали специфику Китая [43, с. 562—594].

Рассмотренная классификация основных течений китайской экономической мысли представляется вполне научной и обоснованной, а оценки сложившихся в КНР школ — достаточно объективными. Однако, по нашему мнению, выделенные в монографии школы неравноценны, их вклад в формирование официальной концепции реформы и значение для развития китайской экономической мысли существенно различаются. Например, вряд ли можно считать сопоставимыми теорию сторонников свободной среды для экономической реформы, выдвинутую ведущими учеными АОН Китая, чьи рекомендации учитывались при корректировке экономической политики, и концепцию сторонников реформы на макроуровне, по сути дела являвшуюся отражением теоретических воззрений одного экономиста — Ван Чжо.

Не всегда можно согласиться с выводами о принадлежности ведущих китайских ученых к той или иной научной школе. Наибольшие возражения вызывает объединение в школу сторонников реформы прав собственности ученых, взгляды которых, как уже отмечалось, принципиально различались: одни выступали за сохранение ведущей роли общественной собственности, а другие считали «единственным рецептом» переход к частной собственности [43, с. 551]. С позиции сегодняшнего дня стало очевидным и различие позиций между молодыми экономистами в рамках школы сторонников изменения институтов, например между ориентирующимся на западную фундаментальную экономическую теорию Фань Ганом и выступающим с идеей учета китайской специфики при разработке экономической теории Шэн Хуном.

Вряд ли обосновано и включение профессора Гонконгского университета Чжан Учана (Steven N.S. Cheung, С.Чэн) в состав сложившейся в КНР школы сторонников реформы прав собственности. Речь идет не только о территориальном факторе. По нашему мнению, воздействие этого ученого на развитие китайской экономической науки носит исключительный характер, что выделяет его из рядов современных китайских экономистов. В своем научном творчестве Чжан Учан не только попытался применить западные экономические учения к китайской проблематике, но и способствовал ориентации экономической мысли в КНР на неинституционалистские теории. Еще в 1985 г. он писал, что «проблемы континентального Китая — это проблемы институтов, т.е. проблемы прав собственности, все остальные экономические теории для материкового Китая неважны» [261, с. 15]. Воздействие взглядов гонконгского ученого на развитие современной экономической мысли в КНР служит примером малоисследованного

влияния научного творчества зарубежных китайцев на обществоведение КНР.

Из изложенного выше можно сделать вывод, что в конце 80-х годов в китайской экономической науке действовали различные школы, соперничали различные мнения, проходили обсуждения самого широкого круга проблем. Как уже упоминалось, в 1989 г. из-за усиления политико-идеологического контроля за общественными науками наступила временная полоса «унификации взглядов» в экономических дискуссиях. Официальная позиция повлияла на обсуждение проблемы собственности, сходные изменения произошли в содержании дискуссий о плане и рынке.

На третьем этапе дискуссий, начало которому положили события мая—июня 1989 г., в официальных китайских материалах был выдвинут тезис о неприемлемости для Китая рыночной экономики и признана несостоятельной теория «всемогущества рынка», встречавшая поддержку в период студенческих волнений [472, 07.09.1989; 475, 10.10, 06.11.1989]. В ходе обсуждений вновь стало подчеркиваться, что социалистическая экономика является плановой [308, с. 5]. Предложения перевести народное хозяйство страны на рельсы рынка были названы проявлением «буржуазной либерализации». Утверждалось, что на этапе «оздоровления» экономики следует обратить особое внимание на плановое руководство и макроконтроль [473, 30.09.1989]. В качестве руководящих установок стали рассматриваться указания Дэн Сяопина о необходимости в период «оздоровления» усилить роль плана [473, 28.06.1989], заявления Чэнь Юня, который считал, что рыночное регулирование должно проводиться в границах, определенных планом [475, 16, 25.10.1989]. Критиковалась выдвинутая на XIII съезде КПК формула «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия». Участники обсуждения отмечали, что это — «модель рыночной экономики, в ней не остается места для плана» [307, с. 4]. По мнению ряда исследователей, данная модель неприемлема для Китая, поскольку ее выдвижение открывает «зеленый свет» реформе в направлении рынка, что, в свою очередь, влечет за собой приватизацию [307, с. 4]. Официальная позиция руководства КНР по вопросу о соотношении плана и рынка была сформулирована Цзян Цзэмином осенью 1989 г. как принцип «сочетания плановой экономики и рыночного регулирования» [473, 30.09.1989].

В начале 1990 г. в Китае было организовано обсуждение, которое, по словам его инициаторов, имело целью разъяснить этот «единственно правильный курс» [17, с. 1]. В «Цзинци

жибао» стали регулярно публиковаться материалы под рубрикой «Как соединить плановую экономику и рыночное регулирование». Однако уже тогда наряду со статьями пропагандистского характера начали появляться публикации, авторы которых сознательно не употребляли формулировку «сочетание плановой экономики и рыночного регулирования» [17, с. 49—68, 162—172]. Они выступали против отождествления плановой экономики с социализмом, а рыночной — с капитализмом и считали предложенную организаторами обсуждения постановку проблемы слишком абстрактной [17, с. 162—163, 166—167]. По мнению этих ученых, если на начальном этапе обсуждения определенный уровень абстракции был необходим, «сегодня уже нельзя ограничиваться поверхностными рассуждениями на тему, что такое план и рынок, что является главным, а что — второстепенным», речь должна идти о конкретных способах соединения плана и рынка в хозяйственном механизме современного Китая [17, с. 167]. Однако в целом среди публикаций о плане и рынке конца 1989 — начала 1990 г. преобладали статьи, комментирующие партийные решения и вносящие мало нового в разработку проблемы.

Постепенно под воздействием практики реформы характер обсуждения менялся, и уже в середине 1990 г. наметился переход к четвертому этапу дискуссий. Ведущие экономисты вновь получили возможность изложить свои концепции соотношения плана и рынка. В октябре 1990 г. в Пекине состоялась конференция по проблемам теории социалистической экономики, в которой приняли участие ведущие экономисты (Сюэ Муцяо, Ма Хун, У Цзинлянь, Гао Шанцюань, Ли Инин), а также практические работники. Одним из организаторов конференции выступил журнал «Гайгэ». Обсуждался широкий круг проблем: вновь были подняты как самые общие вопросы (например, определение плана и рынка), так и конкретные, связанные с дальнейшими шагами преобразований. Официальная формулировка «сочетание плановой экономики и рыночного регулирования» на конференции практически не обсуждалась, поскольку многие ученые были не согласны с ней по существу и считали «плановую экономику» и «рыночное регулирование» понятиями «асимметричными» и «разноуровневыми» [171, с. 25]. Возвращаясь в очередной раз к уточнению терминов «план» и «рынок», «плановая экономика» и «рыночная экономика», китайские экономисты стремились приблизить обсуждение к практическим потребностям реформы.

У Цзинлянь подчеркивал, что в понятия «плановая экономика» и «рыночная экономика» участники дискуссий вкладыва-

вают разный смысл. Некоторые ученые считают, что первое характеризует состояние экономики (*юньсин чжуантай*) и означает сознательное пропорциональное развитие народного хозяйства. В этом значении плановая и рыночная экономика не являются взаимоисключающими. Аргументируя свою точку зрения, У Цзинлянь цитировал высказывание Сюэ Муцяо, который еще в конце 50-х годов при обсуждении проблем товарного производства и закона стоимости отмечал, что «между законом планомерного, пропорционального развития и законом стоимости не существует взаимоисключающих отношений, как между черным и белым в круге с изображением сил *инь* и *ян*» [189, с. 21].

Однако понятия «плановая экономика» и «рыночная экономика» могут употребляться в другом смысле и означать два различных способа размещения ресурсов. В таком контексте возможно их противопоставление. Эти два подхода необходимо строго разграничивать. В ходе дискуссий внимание ученых должно быть сосредоточено на исследовании второго вопроса — поиске эффективных методов размещения ресурсов. Как подчеркивал У Цзинлянь, для размещения ресурсов с помощью плана необходимо, чтобы плановые органы имели информацию об экономической деятельности, а экономические субъекты — единые интересы. Поскольку эти условия создать практически невозможно, а опыт строительства социализма и реформ в странах Восточной Европы уже доказал неэффективность данного способа, предпочтение следует отдать рыночному методу размещения ресурсов. Но в чистом виде «рыночная экономика» не существует, опыт стран Запада свидетельствует, что государство регулирует развитие рынка и осуществляет контроль на макроуровне. Направляющая роль государства имеет особое значение для отсталых в экономическом отношении стран, осуществляющих индустриализацию.

По мнению У Цзинляня, особый интерес для Китая представляет реализуемая в новых индустриальных странах «азиатская модель», сочетающая рыночную экономику с административным руководством, поэтому внимание исследователей должно быть уделено ее изучению. Таким образом, У Цзинлянь выступал не за использование исключительно рыночного механизма размещения ресурсов, в чем его обвиняли некоторые участники обсуждения, а за рынок в качестве главного регулятора размещения ресурсов, дополненный контролем на макроуровне [189, с. 22—25].

Проблема размещения дефицитных ресурсов находилась в центре внимания другого ведущего экономиста — Ли Инина. Главный недостаток дискуссий о плане и рынке в Китае он

видел в том, что плановая работа, как правило, отождествлялась с рационированием. По мнению Ли Инина, такое отождествление неправомерно. Плановая работа включает в себя три момента: рационирование, собственно планирование и координацию. В условиях неравновесной экономики, какой является экономика Китая, рационирование необходимо и от него нельзя отказываться. Чем больше дефицит ресурсов, тем в большей степени государство должно нормировать их распределение. По мере достижения сбалансированности доля ресурсов, подлежащих нормированному распределению, будет сокращаться, а роль планирования и координации возрастать. Вопрос о том, каким образом следует осуществлять рационирование, также должен решаться с учетом реальной экономической ситуации в стране. Ли Инин подчеркивал, что в условиях «вялого» рынка рационирование должно принимать новые формы: следует отказаться от нормированного распределения тех видов продукции, которые имеются в избытке, сохранить рационирование дефицитной продукции.

Рассматривая вопрос о сочетании плана и рынка, Ли Инин отстаивал теорию «второго регулирования», согласно которой отношения между двумя способами регулирования должны строиться путем установления «контрольной линии». Когда определенные показатели экономической деятельности не превышают уровня такой «контрольной линии», используется рыночное регулирование; если же показатели выходят за «контрольную линию», то регулиющую роль играет государство. Таким образом, рыночное регулирование Ли Инин считал «первым регулированием», а плановое государственное — «вторым регулированием» [65, с. 2—8].

Мысль о том, что соотношение планового и рыночного регулирования должно соответствовать экономической ситуации в стране, прослеживалась и в выступлении Ма Хуна. Как и другие ведущие ученые, он не считал план и рынок несовместимыми. По его мнению, они являются не только взаимодополняющими, но и взаимопроникающими. Главную причину экономических трудностей Ма Хун видел в «негибкости рыночного механизма» и «неправильном использовании плановых методов». Согласно разработанной им концепции соединения плана и рынка («теории времени и места» — *шикун лунь*), сочетание плановых и рыночных методов регулирования должно быть неодинаковым в различных условиях и зависеть от времени и места их использования, формы собственности, соотношения спроса и предложения. Главным регулятором функционирования народного хозяйства на макроуровне, по мнению Ма Хуна, должен стать план, а рыночное

регулирование распространяться в основном на микроэкономическую деятельность [109, с. 69; 475, 19.10.1990].

Материалы конференции принципиальным образом отличались от публикаций конца 1989 — начала 1990 г. и не носили ярко выраженного пропагандистского характера. Ученые отстаивали концепции соединения плановых и рыночных методов регулирования, которые они выдвигали до июньских событий. Однако выступления ученых по-прежнему были крайне осторожными, экономисты не переходили того рубежа, которого достигло обсуждение к середине 1989 г.

Особенность дискуссий второй половины 1990 — начала 1991 г. состояла в том, что ведущие китайские экономисты стремились отойти от открытого обсуждения официальной формулировки «сочетание плановой экономики и рыночного регулирования» и таким образом отделить научные исследования экономических проблем от официальной экономической идеологии. Как говорил Лю Гогуан, «не следует поспешно делать выводы и давать конкретные формулировки соотношения плана и рынка, чтобы не сковывать ими последующие поколения и современников» [175, с. 6]. По его мнению, «поскольку в результате 11-летнего практического и теоретического поиска представления о плане и рынке серьезно изменились, не следует, используя старые понятия, вести многословные споры по поводу формулировок. Необходимо прилагать усилия для обобщения 11-летнего опыта реформы, изучать по существу, как в конечном счете должны быть соединены план и рынок, каковы способы и пути этого соединения» [175, с. 6].

Проблема сочетания плана и рынка стала одной из главных тем конференции по вопросам экономической реформы в Китае, которая проводилась осенью 1990 г. Государственным комитетом по реформе совместно со Всемирным Банком. Поскольку в ней участвовали не только китайские, но и зарубежные ученые, а ее материалы предназначались для внутреннего пользования, вопросы были поставлены более остро. По мнению участников конференции, в Китае сложилась ситуация, при которой «ущербная экономика директивного плана соединяется с неразвитым и хаотичным рыночным регулированием; сохранение такого положения не только еще больше исказит экономические отношения и увеличит просчеты в экономической деятельности, но и может привести к политическому разложению и распространению вредных поветрий в обществе» [239, с. 14].

Существующее взаимное наложение негативных сторон командной экономики и неразвитости рынка делает нереаль-

ной перспективу выборочного соединения всех потенциальных достоинств плана и рынка в действующей экономической системе. Напомним, что сходная мечта была присуща «наивным реформаторам» восточноевропейского социализма и ими же впоследствии раскритикована (см. [352]). В связи с этим в условиях Китая «необходимо создать систему, где при плановом управлении и при вмешательстве государства распределение ресурсов осуществляется главным образом с помощью рынка» [239, с. 14]. Вмешательство государства должно заключаться прежде всего в том, чтобы создать здоровую макроэкономическую среду, предотвратить монополизм и уменьшить последствия несправедливого распределения.

Зарубежные ученые обращали внимание на сложность реализации данной модели в современных условиях. В Китае, справедливо отмечали они, проводился курс на усиление директивного управления, права распределения материальных ресурсов вновь сосредоточивались наверху, что могло привести на практике к формированию модели, принципиально отличной от рекомендуемой. С точки зрения некоторых зарубежных специалистов, главная трудность перехода к новой модели соединения плана и рынка состояла не в экономике, а в политической сфере [239, с. 15]. Опасения зарубежных исследователей были вполне обоснованными и выражали ту тревогу, которую разделяли, но не могли столь же открыто высказать китайские экономисты, не хуже иностранных коллег понимавшие сложность проведения реформы в сложившихся условиях.

Разрабатывая концепцию сочетания плана и рынка, китайские ученые не только принимали во внимание выводы и рекомендации зарубежных исследователей экономики КНР, но и изучали теоретический и практический опыт зарубежных стран в данной области. Можно выделить два основных направления, по которым шло в Китае исследование иностранного опыта: во-первых, сопоставлялись способы соединения плана и рынка в различных странах; во-вторых, прослеживалась эволюция представлений о плане и рынке в социалистических странах.

При проведении компаративистских исследований плана и рынка китайские ученые стремились обобщить не только опыт Советского Союза и стран Восточной Европы, но и ряда развитых и развивающихся государств. По их мнению, в СССР и странах Восточной Европы рынок не получил должного развития, даже в годы реформы там не была создана рыночная система, не сформировался эффективный механизм макроконтроля, не была решена проблема соединения плана и

рынка [243, с. 43—46]. Среди стран Западной Европы особое внимание привлек опыт Франции, где на основе развитого рынка для обеспечения сбалансированного развития государством использовались плановые методы регулирования. Французскую модель ученые КНР называли «классическим примером успешного сочетания плана и рынка» [243, с. 46]. Крайне важным китайские исследователи считали опыт Японии и в особенности Южной Кореи. «Азиатская модель», предполагающая развитие рыночных отношений при ведущей роли государства, представлялась китайским ученым наиболее привлекательной [243, с. 48]. В качестве неудачного примера соединения плана и рынка рассматривалась индийская «смешанная экономика», сочетающая директивное планирование и рынок [243, с. 54].

На Западе, заключали китайские ученые, уже сложились современный рыночный механизм и эффективная система макроконтроля, а в развивающихся странах и странах с переходной экономикой рыночные отношения не получили необходимого развития. Поэтому особое внимание должно быть уделено изучению зарубежного опыта развития и оздоровления рыночного механизма и использования на этой основе методов макроэкономического контроля [243, с. 54]. Несмотря на то что проведенное сопоставление было весьма упрощенным, оно позволяло рассмотреть проблему соотношения плана и рынка в более широком контексте и отойти от идеологизированных представлений о плане как атрибуте социалистической, а рынке — капиталистической экономики, которые получили распространение в КНР после июньских событий.

Второе направление изучения в КНР зарубежных концепций соединения плана и рынка было связано с исследованием эволюции представлений о плане и рынке в СССР и странах Восточной Европы. В опубликованном в Китае докладе В.Бруса [5] отмечалось, что проблема совместимости плана и рынка выдвинулась на первый план в ходе реформ, ибо в предшествующий период она не ставилась ни марксистами — сторонниками централизованной плановой системы, ни приверженцами свободного рынка. В 50—60-е годы ученые стали выступать за использование в определенных масштабах рыночного механизма, не затрагивающего основ централизованной плановой системы. Впоследствии были признаны ошибочными представления о взаимокорректирующем воздействии плана и рынка и о том, что в результате их сочетания проявятся только плюсы того и другого; авторы подобных концепций были названы «наивными реформаторами».

В последние несколько лет, продолжал В.Брус, в ходе реформ в странах Восточной Европы все большее распространение стала получать «теория замены», согласно которой суть проблемы состоит не в улучшении социалистической плановой системы, а в ее полной замене развитой рыночной системой. Вместе с тем даже в странах, которые проявили полную готовность перейти к рынку, для проведения экстренных мероприятий и обеспечения стабильности оказалось необходимым усиление государственного вмешательства. В результате дискуссия о совместимости плана и рынка возобновилась уже на новом уровне, речь стала идти не о совмещении двух противоположных принципов координации экономической деятельности, а об определении конкретных сфер государственного вмешательства. Под влиянием реальных проблем представления о плане также коренным образом изменились: в ходе дискуссий стал обсуждаться вопрос, можно ли вообще называть регулирующую роль государства планом.

На наш взгляд, публикация в КНР доклада В.Бруса была не случайной, поскольку обсуждение китайскими экономистами вопросов плана и рынка развивалось в русле указанного в нем направления, однако в силу объективных причин ученые КНР не всегда имели возможность полностью излагать свои взгляды.

Дискуссии о плане и рынке, проходившие в КНР на рубеже 90-х годов, свидетельствовали, что теоретический поиск после 1989 г. не прекратился. Важнейшим итогом обсуждения стали признание нейтрального характера понятий «план» и «рынок» и рассмотрение планового и рыночного механизмов как двух различных способов размещения ресурсов. Изучение зарубежных концепций соединения плана и рынка позволило ученым КНР лучше понять собственные проблемы и наметить пути дальнейших преобразований. Однако в целом движение вперед в разработке вопроса о соотношении плана и рынка было незначительным, и, как справедливо писали сами китайские ученые, «многие формулировки и даже приводимые в ходе обсуждения примеры были теми же, что и в начале 80-х годов» [168, с. 63].

Другой важный итог дискуссий этого периода связан с практикой преобразований. Уже в 1989 г., когда положение в экономике КНР начало стабилизироваться, ведущие китайские ученые выступили с идеей использовать «благоприятный момент», «увеличить удельный вес реформы» при рыночной направленности преобразований [2, с. 20, 29; 47, с. 4; 89, с. 1; 175, с. 5—6; 472, 21.07.1990]. Летом 1990 г. состоялось совещание, на котором с предложениями ускорить реформу выступи-

пили Сюэ Муцяо, Лю Гогуан, У Цзинлянь, однако тогда их идеи не получили отклика. Более того, сторонники радикальных преобразований критиковались в печати за «раздувание поветрия реформ».

Во второй половине 1990 г. Сюэ Муцяо, У Цзинлянь, Чжан Чжоюань и другие ведущие экономисты выступили за переход к более радикальным экономическим преобразованиям. В их публикациях сложная экономическая ситуация объяснялась не развитием в Китае рыночных отношений, а отступлением от этого курса. Как подчеркивал Чжан Чжоюань, факторы экономической и социальной нестабильности накапливались в течение долгого времени, кризис осени 1988 г. возник не потому, что «реформа зашла слишком далеко», он был «порожден недостатками прежней системы и просчетами в политике». И «точнее будет сказать, что не движение к рынку зашло слишком далеко, а что реформа проводится недостаточно» [265, с. 21, 22]. Мысль о том, что реформы в Китае отклонились от курса на создание товарного хозяйства, четко выражена и в работах У Цзинляня. Серьезным препятствием на пути формирования рыночной системы, считал он, стала наметившаяся в середине 80-х годов тенденция к «административному разделению прав», выразившаяся в усилении функций местных органов власти, в их стремлении создать в каждом районе «целостную промышленную систему», в ограничении доступа продукции из других районов в условиях «вялого» рынка. По мнению ученого, нескоординированность между собой мероприятий реформы и неодинаковая степень либерализации различных блоков экономической системы также тормозили рыночные преобразования [181, с. 6—7]. Курс же на «оздоровление и упорядочение» также рассматривался китайскими исследователями как отступление от целевой модели реформы. Эта оценка нашла отражение в работах Сюэ Муцяо, который назвал чрезвычайные меры «зигзагом на пути реформы» [157, с. 10].

Рыночные идеи ученых КНР подготовили почву для перехода к ускорению преобразований, провозглашенного Дэн Сяопином в январе 1992 г. В свою очередь, выступление «архитектора китайских реформ» способствовало новой активизации дискуссий. При разработке проблемы соотношения плана и рынка ученые КНР стали использовать указание Дэн Сяопина о том, что плановую экономику не следует отождествлять с социализмом, а рыночную — с капитализмом, поскольку план и рынок являются двумя различными способами размещения ресурсов. Были осуждены представления, согласно которым развитие рыночных отношений считалось

«главным содержанием буржуазной либерализации» [182, с. 4]. Ведущие китайские ученые призывали «искоренить чувство страха перед рыночной экономикой» [472, 25.07.1992], подчеркивали, что распределение ресурсов должно осуществляться главным образом с помощью рыночного механизма.

В ходе дискуссий китайскими экономистами был выдвинут тезис о «социалистической рыночной экономике». В процессе обсуждения обращалось внимание на различие между товарной и рыночной экономикой, последняя рассматривалась как более высокая ступень развития товарного хозяйства [475, 22.08.1992]. По мнению китайских ученых, недостаток концепции «плановой товарной экономики» заключался в том, что она допускала различные толкования: одни экономисты использовали ее для обоснования рыночных реформ, другие же делали акцент на руководящей роли плана и считали рыночное регулирование вспомогательным. Теория «социалистической рыночной экономики» позволила преодолеть этот недостаток, признав за рынком главную роль в размещении ресурсов [25, с. 28—29]. В материалах дискуссий последовательно проводилась мысль, что успехи китайской реформы были достигнуты прежде всего благодаря использованию рыночных методов. Неудачи же реформ в бывших социалистических странах связывались с тем, что они не смогли создать рыночную систему в рамках социализма [110, с. 4].

XIV съезд КПК официально закрепил тезис о необходимости создания в Китае системы «социалистической рыночной экономики», узаконив те принципиальные положения, которые были высказаны Дэн Сяопином в начале 1992 г. и развиты в ходе теоретических дискуссий, организованных руководством КНР в период подготовки к съезду.

Знакомство с партийно-государственными документами оставляет немало вопросов. В чем заключается содержание концепции «социалистической рыночной экономики»? Какой смысл вкладывают китайские руководители в понятие «социалистический»? Как соотносятся между собой тезис о необходимости создания в стране «социалистической рыночной экономики» и неоднократно цитировавшийся на съезде призыв Дэн Сяопина «не сковывать себя абстрактными спорами о том, под каким именем выступают реформы — социализма или капитализма»?

На наш взгляд, возможны следующие ответы на поставленные вопросы. Во-первых, использование определения «социалистический» может рассматриваться как «идеологическое прикрытие» рыночных реформ. Аргументом в пользу данного объяснения служит тот факт, что в период подготовки к съез-

ду некоторые китайские ученые предлагали отказаться от определения «социалистический» и употребляли термины «рыночная экономика» или «современная рыночная экономика». Во-вторых, тезис о «социалистической рыночной экономике» позволяет дать теоретическое обоснование мерам по усилению макроконтроля, к которым китайское руководство прибегает в условиях «перегрева» экономики. В-третьих, поскольку в материалах съезда проводилась мысль, согласно которой успехи китайской реформы были достигнуты главным образом благодаря использованию рыночных методов, можно предположить, что с помощью формулировки «социалистическая рыночная экономика» КПК официально закрепила прогрессивные изменения, наметившиеся в экономике КНР в годы реформ, включив их в концепцию «строительства социализма со спецификой Китая».

Выдвижение концепции «социалистической рыночной экономики» оценивается в Китае как «новый теоретический прорыв в экономической теории социализма», «взлет теории реформы» [475, 22.08.1992]. Действительно, КПК впервые на программном уровне высказалась за развитие рынка и признала, что он «должен играть базовую роль». Концепция «социалистической рыночной экономики» развила и дополнила ключевые положения о плане и рынке, содержащиеся в материалах 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (1984 г.), выдвинувшего теорию «планового товарного хозяйства», и XIII съезда КПК, на котором была предложена модель «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия». Концепция «социалистической рыночной экономики» не отличалась принципиальной новизной, но ее выдвижение представляется особенно важным в связи с тем, что после июньских событий 1989 г. в Китае произошел временный отказ от представлений, сформировавшихся к моменту XIII съезда КПК.

Концепция «социалистической рыночной экономики» обозначила завершение определенного периода в развитии китайских реформ. Б.Нотон писал, что в 1993—1994 гг. «окончилась эра, когда Китай обдумывал приемлемую стратегию перехода при отсутствии согласия в высшем руководстве о цели этого перехода» [436, с. 306]. Такая оценка несколько категорична, поскольку нельзя исключить возможности новых разногласий по поводу целей китайских реформ. Это дополнительно подтверждают обсуждения синологами вариантов развития КНР после смерти Дэн Сяопина, причем в число возможных сценариев входит и консервативный поворот, способный повлиять на дальнейшую стратегию экономических реформ.

Слова Б.Нотона более подходят к сфере теоретических дискуссий. В обсуждениях темы «план и рынок» действительно наступил качественно новый этап. Принятие официальной концепции «социалистической рыночной экономики» дало теоретикам возможность выйти за рамки схемы «план—рынок», обратившись к экономическим теориям, находящимся за пределами этой дилеммы. В поле зрения китайских исследователей стали попадать новые концепции, разработанные современными западными учеными и способные более адекватно объяснить реальность китайских реформ.

Зарубежные ученые также обратили внимание на то, что простое противопоставления плановой экономики рыночной недостаточно для понимания китайской практики реформ. Изучая особенности экономического поведения китайских предприятий в период реформы, Д.Солинджер пришла к выводу, что новый хозяйственный механизм не может быть описан в рамках привычной дихотомии «план—рынок», поскольку многие его характерные черты в значительной степени зависят от ограничений, существующих независимо от плана и рынка (дефицитность ресурсов, отсутствие стандартизации, несовершенство информации и т.д.) [457, с. 107—109]. Чтобы раскрыть логику поведения предприятий в ходе реформы, Д.Солинджер обратилась к разработанной О.Уильямсоном теории «отношенческого контракта» («relational contracting») [457, с. 107—122]. Объясняя мотивы деятельности предприятий с помощью категорий транзакционной экономики, Д.Солинджер аргументированно доказала, что использование такой формы контракта на начальном этапе реформы в КНР было не только экономически оправданным, но и более рациональным, чем «переход к модели свободного рынка, описанной в неоклассических учебниках, при которой фирмы должны искать оптимального партнера для каждой новой сделки в масштабах всей страны» [457, с. 121].

К сходным выводам пришел Э.Уолдер: «Многие научные споры об экономической реформе соотносятся с противопоставлением рынка плану, противопоставлением жестких бюджетных ограничений мягким, нерегулируемым цен — административным, как если бы существовала некая разделительная полоса, за пределами которой экономическая реформа может „по-настоящему“ быть последовательной. Подход с точки зрения прав собственности, заимствованный из экономики организаций, помогает яснее понять важные изменения, появившиеся даже при „половинчатых“ реформах и даже в тех сферах экономики, что по общим меркам претерпели наименьшие изменения. Еще важнее то, что анализ прав соб-

ственности помогает нам понять феномен, загадочный с точки зрения общепринятых перспектив противопоставления рынка плану, — как и почему госаппарат может продолжать удерживать значительную власть даже после распространения рынка товаров; как и почему местная администрация становится главной действующей силой в экономике; почему у правительства есть стимулы для субсидирования неприбыльных фирм» [464, с. 15].

Многие китайские ученые также пришли к выводу о том, что жесткие рамки классических моделей слишком узки для описания того уникального, неповторимого опыта, который сложился в Китае в годы рыночных реформ. Главным достижением 80-х годов стало преодоление классической модели централизованной плановой экономики, которое произошло с опорой на абстрактную классическую модель рынка. Глубокое теоретическое (а не идеологически-декларативное) осознание того, что модель свободного рынка в своем классическом понимании слишком далека от китайской реальности, стало главной чертой дискуссий середины 90-х годов. По этой причине современные китайские экономисты внимательно изучают течения западной мысли, альтернативные неоклассической модели. Преодолев ограничения «плана», китайские ученые начали преодолевать ограничения «рынка», стремясь построить теоретическую модель, максимально соответствующую потребностям развития страны. Используя образное выражение Б.Нотона, можно сказать, что «выросшая из плана» китайская экономическая теория стала «вырастать из рынка». При этом процесс разработки новой модели носит открытый характер и строится на возможно полном учете достижений современной западной теории, опыта рыночных преобразований в других странах и национальной историко-культурной традиции.

Влияние зарубежных концепций на современную китайскую экономическую мысль

В ходе реформ, проводимых в Китае с конца 70-х годов, широко использовался зарубежный опыт экономического развития. Изучение его в КНР прошло несколько этапов, на каждом из которых отношение к нему определялось внутриполитическим курсом китайского руководства.

В конце 70-х — начале 80-х годов изучение и заимствование зарубежного опыта проводились в рамках официального курса «ставить иностранное на службу Китаю», который предусматривал широкомасштабное использование в КНР передовых методов хозяйствования и достижений мировой экономической мысли.

В начале 80-х годов в связи с выдвиганием руководством КНР задачи «строительства социализма со спецификой Китая» значение иностранного опыта перестало подчеркиваться, хотя он по-прежнему продолжал служить одним из источников разработки теории экономического развития страны.

После провозглашения в середине 80-х концепции «социалистической товарной экономики» в Китае возрос интерес к накопленному за рубежом опыту развития рыночного хозяйства и к западным экономическим теориям.

События мая—июня 1989 г. изменили отношение руководства КНР к иностранному опыту: в стране развернулись кампании борьбы против «буржуазной либерализации» и «всеобщей вестернизации», что, однако, не означало прекращения изучения зарубежной хозяйственной практики и экономической мысли.

В начале 90-х годов тезис о необходимости заимствовать зарубежный опыт вновь стал четко прослеживаться в выступлениях китайских руководителей, получили дальнейшее развитие научные исследования в данной области. В официальных публикациях обращалось внимание на различие между «всеобщей вестернизацией» и заимствованием полезных элементов зарубежного опыта, была признана необходимость «расширения открытости» в сфере экономической теории.

Несмотря на то что в ходе реформы официальная оценка значения для Китая иностранного опыта неоднократно менялась, его изучение велось непрерывно и целенаправленно. Поэтому представляется недостаточно обоснованной и тенденциозной господствующая в КНР точка зрения, согласно которой достижения китайской экономической науки, или, пользуясь принятой в КНР терминологией, «прорывы» в экономической теории, являлись плодами развития только китайской экономической мысли. Многие принципиальные положения, выдвинутые учеными КНР, были результатом обобщения и умелого приспособления к китайской действительности зарубежного теоретического и практического опыта.

Выделить те его элементы, которые были использованы для теоретического обоснования экономической реформы в КНР, крайне сложно. Во-первых, стремясь создать собственную, специфически китайскую концепцию экономического развития, руководители КНР объявляли отличительными чертами «китайской модели» не только хозяйственные формы, выработанные с учетом особенностей экономики КНР, но и те методы хозяйствования, которые не несли ничего специфически китайского и использовались ранее в других странах. Во-вторых, ни одна из западных концепций не заимствовалась в чистом виде, использовались лишь отдельные их положения, интерпретируемые применительно к условиям Китая. В-третьих, концепция экономического развития, разрабатываемая учеными КНР, включала в себя разнородные элементы, охватывая идеи представителей различных школ зарубежной экономической мысли. В-четвертых, сама китайская концепция претерпевала эволюцию, соотношение входящих в нее теоретических элементов менялось.

Сложность задачи связана также и с тем, что изучение в Китае идей зарубежных экономистов, как правило, проходило несколько этапов: сначала теория вызвала в научных кругах повышенный интерес и ее предлагалось использовать в ходе реформы, затем начинало формироваться критическое отношение к некоторым ее положениям, после чего делался вывод о несоответствии данной теории специфическим условиям Китая, однако ее отдельные элементы усваивались китайской экономической наукой.

Сходная мысль выражена в словах советника Всемирного Банка А.Кейделя III о том, что «экономические лидеры материкового Китая рассматриваются как „практики“ в их проектировании реформ и реформаторской политики, но за их практичностью лежит теоретическая схема понимания того, как работает экономика вообще и китайская в частности...

Эта схема экономической теории предстает комбинацией из марксистского, советского, кейнсианского подходов и принципов конкурентного рынка». Но она не представляет собой «четкого синтеза» этих элементов «и выглядит скорее как быстрый поток, на который воздействуют как политика, так и экономический опыт» [425, с. 233—234].

И действительно, внимание теоретиков китайской реформы привлекали прежде всего те концепции, которые способствовали осмыслению ситуации в экономике КНР и могли быть использованы при выработке практических рекомендаций для экономической политики.

Актуальность для Китая идей западных экономистов — чрезвычайно важная, но не единственная причина повышенного интереса китайских исследователей к тем или иным теоретическим концепциям. В Китае особенно заинтересовались зарубежными теориями, которые были созвучны традиционным китайским представлениям и соответствовали специфическому складу мышления китайцев. Именно поэтому, на наш взгляд, некоторые популярные на Западе теории оказывались в условиях Китая «нежизнеспособными», в то время как другие, находившиеся на периферии западной экономической мысли, были восприняты китайской экономической наукой.

Наличие особых, «внеэкономических» факторов культурно-цивилизационного порядка, облегчающих усвоение китайской экономической мыслью одних зарубежных теорий и затрудняющих восприятие других, — тема, заслуживающая специального изучения. О важности этих факторов свидетельствует то, что, несмотря на принципиальное различие экономической ситуации, одни и те же зарубежные теории вызывали повышенный интерес как в континентальном Китае, так и на Тайване.

Особое внимание китайские ученые проявили к тем зарубежным концепциям, в которых исследовались проблемы, возникавшие в ходе осуществления хозяйственной реформы в КНР. Пытаясь найти их решение, теоретики китайской реформы обращались к имеющемуся в данной области иностранному опыту.

Так, в начале 80-х годов в связи с возникновением бюджетного дефицита и развитием инфляционных процессов учеными КНР активно обсуждался вопрос о возможности применения идей Дж.М.Кейнса для анализа китайской экономики. Большая часть исследователей выступила против стимулирования экономического роста с помощью инфляции, доказав, что в условиях дефицита ресурсов и чрезмерного спроса такая политика может привести к стагфляции. Однако

при негативном отношении к кейнсианской доктрине в целом китайские исследователи высоко оценивали роль Кейнса как основоположника современной макроэкономики, проявляли интерес к содержащимся в его трудах положениям об активной роли государства в стабилизации экономики.

В середине 80-х годов в связи с углублением макроэкономических диспропорций и утратой контроля на макроуровне при переходе от административно-командной системы к рыночной китайские исследователи стали проявлять повышенное внимание к зарубежным теориям равновесия. Знакомство с ними стимулировало обсуждение в научных кругах КНР вопросов равновесия и неравновесия, макроэкономического роста и сбалансированности, а также способов достижения равновесия.

В условиях дефицитной экономики современного Китая особую актуальность приобрела теория известного венгерского экономиста Я.Корнаи, который одним из первых предпринял попытку проанализировать причины и механизм воспроизводства дефицита при социализме. Ведущие ученые КНР восприняли и развили его идеи о причинах дефицита, о путях преобразования административно-командной системы, о побочном эффекте реформы и стали широко использовать их для анализа экономической ситуации в стране и корректировки концепции реформы.

Несколько позднее в связи с выдвиганием на первый план задач развития в КНР рыночных отношений, создания системы рынков и перестройки денежно-кредитной системы возрос интерес китайских экономистов к монетаризму, прежде всего к концепции лидера монетаристской школы М.Фридмана. По мнению китайских исследователей, возможности использования его идей в Китае были ограничены, поскольку экономическая система КНР монетаризирована лишь частично. Вместе с тем исследование монетаристами способов воздействия денежной политики на экономику имело для китайских ученых определенную практическую ценность.

В связи с появлением в ходе реформы серьезных проблем в сфере распределения ученые КНР обратились к теории «погони за рентой», позволявшей с новых позиций объяснить причины получения частью людей неоправданно высоких доходов и наметить пути решения этой проблемы.

В конце 80-х годов, когда проблема перестройки отношений собственности вновь выдвинулась в КНР на первый план, китайские экономисты уделили особое внимание изучению теории прав собственности, и прежде всего взглядов ее основоположника Р.Коуза. Важнейшим научным достиже-

нием теоретиков прав собственности была признана «теорема Коуза», плодотворным представлялся китайским экономистам его вывод о необходимости четкого определения прав собственности, высоко оценивался анализ проблемы транзакционных издержек. Основные положения этой теории были восприняты китайскими учеными и стали использоваться при разработке проблемы собственности в КНР.

С начала 90-х годов ученые КНР стали обращаться к идеям Д.Норта об институциональной эволюции общества. Труды американского ученого использовались для того, чтобы теоретически обосновать избранную в КНР модель постепенных реформ и проанализировать практические проблемы, с которыми столкнулся Китай в рамках стратегии эволюционного перехода к рынку. Повышенный интерес в КНР вызвали рассуждения Д.Норта о связи между исторической спецификой страны и особенностями современных преобразований экономической системы, а также разработанная ученым теория зависимости пути развития от культурно-исторической традиции.

Специфические проблемы Китая — многонаселенность страны и технико-экономическая отсталость — обусловили интерес ученых КНР к теориям экономического роста развивающихся стран, а также к концепциям преодоления экономической отсталости, содержащимся в трудах классиков политической экономии XVIII—XIX вв.

В конце 80-х — начале 90-х годов внимание китайских экономистов привлекла сочетающая сильную государственную власть с развитием рыночных отношений «азиатская модель», реализованная в странах конфуцианского культурного региона. Концепции развития исторически и культурно близких Китаю азиатских стран представлялись им более приемлемыми для Китая, чем модели западной экономики.

На протяжении всего периода реформ китайские экономисты внимательно следили за ходом преобразований в России и странах Восточной Европы, изучали теоретический и практический опыт перехода этих стран к рыночной экономике. При освещении в Китае опыта бывших социалистических стран были ярко выражены политические мотивы. Так, после июньских событий были подвергнуты острой критике концепции ученых из стран Восточной Европы, отрицавших возможность реформирования социализма. Вывод восточноевропейских ученых о том, что идея «рыночного социализма» потерпела полный крах, вступил в противоречие с официальными установками руководства КНР, выступавшего за реформы в рамках социализма.

Таким образом, на формирование концепции экономической реформы в КНР оказывали влияние различные течения мировой экономической мысли, спектр зарубежных теорий, к которым обращались китайские ученые при подготовке теоретической базы реформы, был весьма широк.

Можно выделить следующие основные особенности изучения в КНР зарубежной экономической мысли.

- Изучение в Китае иностранного опыта велось последовательно и систематично, негативное отношение к нему руководства КНР на определенных этапах реформы не означало прекращения научных исследований в данной области.
- Зарубежные концепции изучались целенаправленно, иностранный опыт использовался для решения конкретных задач, поставленных практикой реформы.
- Идеи зарубежных ученых, воспринятые китайской экономической наукой, перерабатывались и интегрировались в концепции ученых КНР, что способствовало повышению уровня экономических исследований в Китае.
- Зарубежные экономические теории не копировались слепо, а критически анализировались и приспособлялись к китайской действительности. Приоритет отдавался тем зарубежным концепциям, которые в наибольшей степени соответствовали специфическим условиям Китая и особенностям его экономики, историческим и культурным традициям страны.

В данной работе наиболее подробно рассматриваются проблемы восприятия китайскими учеными идей Я.Корнаи, теории прав собственности Р.Коуза и дискуссии о мировоззренческих и методологических основаниях западной экономической науки. Эти три темы отражают хронологически последовательные этапы в процессе уяснения и переосмысления китайскими учеными западной экономической мысли.

Изучение в КНР зарубежной экономической теории началось с ознакомления с разработками восточноевропейских ученых (Я.Корнаи, В.Брус, О.Шик, О.Ланге). Наибольший резонанс получила книга Я.Корнаи «Экономика дефицита», позволившая в середине 80-х годов наилучшим образом объяснить ситуацию в экономике КНР. Хуа Шэн писал, что «в 1984 г. „Экономика дефицита“ Яноша Корнаи распространилась в Китае так широко, что стала стереотипной темой дискуссий. Затем восточноевропейские теории постепенно потеряли свое влияние в Китае, и на ведущие роли вышли западные теории, включая теорию цен, теорию фирмы и школу прав собственности». Первый этап — увлечение восточноевропейским опы-

том — Хуа Шэн сравнил с «поиском священных канонов на Востоке (на первом этапе реформ)», тогда как последующий этап он назвал «походом на Запад для поклонения Будде» [423, с. 92].

Знакомясь с экономической мыслью Запада, китайские ученые прежде всего обратились к магистральному направлению современного экономического анализа — неоклассической теории. Хотя неоклассическая методология способствовала формированию фундаментальных основ китайской экономической науки и использовалась при изучении рыночных реформ в КНР, неоклассика все же «не стала в Китае научной сенсацией, сопоставимой с восточноевропейскими теориями» [303, с. 70]. В 1986—1987 гг. китайские экономисты обратились к новому институционализму (теория прав собственности Р.Коуза, теория общественного выбора Дж.Бьюкенена и «логика коллективных действий» М.Олсона) [303, с. 70], в большей степени соответствовавшему задачам описания переходной экономики.

В начале 90-х годов китайские экономисты стали обращать все больше внимания на анализ базовых теоретических оснований западной экономической мысли, подвергая их сомнению и ревизии исходя из китайской практики. Была поставлена под вопрос предпосылка полной рациональности экономического поведения, особый интерес привлекли к себе темы национально-культурных факторов в экономическом развитии. Китайские экономисты заинтересовались изучением человеческих взаимоотношений и этики. Основным объектом критики западной экономической мысли стало отсутствие в структуре классической теории антропологической и моральной проблематики. На этом этапе с наибольшей очевидностью проявилась проходящая через все этапы сквозная тема взаимоотношений Китая и Запада в конкретной сфере экономической науки.

Изучение восточноевропейских теорий социалистической экономики («Экономика дефицита» Я.Корнай)

В истории экономической мысли XX в. выдающемуся венгерскому экономисту, действительному члену Венгерской академии наук, профессору Гарвардского университета Я.Корнай принадлежит особое место. Он широко известен во всем мире своими исследованиями проблемы дефицита — явления, хоро-

шо знакомого каждому, но до сих пор мало изученного. Его работы переведены на многие европейские языки и выдержали десятки изданий. В 1990 г. наиболее фундаментальный труд Я.Корнаи «Дефицит» вышел и в нашей стране [353]. Но нигде сочинения Я.Корнаи не вызвали такого интереса, как в Китае.

Хотя первые переводы работ Я.Корнаи на китайский язык появились на рубеже 70-х — 80-х годов (см. [31, с. 1—57]), имя ученого стало широко известно в КНР в 1985 г., когда он впервые посетил Китай и принял участие в Международном симпозиуме по макроэкономическому управлению. В своем выступлении Я.Корнаи предложил новую оригинальную классификацию моделей социалистической экономики, обобщил опыт венгерской реформы, высказал рекомендации по перестройке хозяйственного механизма КНР [31, с. 166—204; 473, 27, 30.12.1985]. Возможность использовать идеи Я.Корнаи в ходе экономической реформы в КНР заинтересовала научные круги. Уже в 1986—1987 гг. на китайский язык были переведены его основные труды [31, 56—59]. В центральной прессе и в специальных экономических журналах появились рецензии на «Экономику дефицита» [72; 235; 259], в Пекинском университете состоялось обсуждение фундаментальной работы венгерского экономиста. Были опубликованы многочисленные статьи, посвященные отдельным аспектам теории Я.Корнаи — трактовке причин хронического дефицита при социализме, критике теории общего равновесия Л.Вальраса, классификации моделей социалистической экономики [213; 275; 278; 300; 310].

Знакомство с теорией Я.Корнаи состоялось тогда, когда от обсуждения отдельных проблем политэкономии социализма ученые КНР перешли к разработке целостной концепции развития социалистической экономики. Ведущими экономистами — Юй Гуаньюанем, Цзян Сюэмо, Ли Инином и др. — была предпринята попытка системного изложения политической экономии [309]. В этих условиях концепция Я.Корнаи, содержащая систематизированное исследование хозяйственного механизма социалистического общества, отвечала на запросы научной и теоретической мысли. Имело значение и то обстоятельство, что теория Я.Корнаи имела не нормативный, а описательный характер: он видел свою задачу не в том, чтобы показать, как должна функционировать социалистическая экономика, а в теоретическом объяснении реальных экономических процессов [353, с. 41].

Наибольший интерес вызвало исследование Я.Корнаи проблемы дефицита, решение которой пытались найти теоретики

китайской реформы. О том, что для успешного осуществления экономической реформы в КНР необходимо иметь «рынок покупателей», неоднократно писал Лю Гогуан [90, с. 5; 92; 95]. Характеризуя ситуацию в экономике страны, он указывал, что «в Китае продавцы могут не учитывать требований покупателей к качеству продукции и ее ассортименту: подобно тому как дочь императора может не беспокоиться о замужестве, они могут не волноваться, что их товар не купят» [90, с. 5]. К проблеме дефицита обращались и другие ведущие китайские ученые — Сюэ Муцяо, Дун Фужэн, У Цзинлянь [37; 153, с. 76—84; 183]. Я.Корнаи одним из первых предпринял попытку проанализировать причины и механизм воспроизводства дефицита при социализме, поэтому его идеи приобрели для КНР особую актуальность.

Их распространению способствовало углубленное изучение зарубежной экономической теории, в особенности взглядов Дж.М.Кейнса. На начальном этапе реформы некоторые ученые предлагали перейти к политике «дефицитного финансирования» по Кейнсу, утверждая, что небольшой бюджетный дефицит и инфляция могут стимулировать экономический рост [238, с. 2—7]. Споря с этой позицией, Сюэ Муцяо писал, что «рецепт Кейнса уже малоэффективен для Запада и тем более неприменим для Китая» [238, с. 5], так как в капиталистических странах предложение превышает спрос, а в Китае спрос превышает предложение. Вывод о неприменимости в Китае теории Кейнса усилил интерес к концепции Я.Корнаи, который провел четкую грань между спросоограниченной и ресурсоограниченной экономическими системами и поставил во главу угла проблему превышения спроса над предложением.

Теорией Я.Корнаи в Китае заинтересовались еще и потому, что венгерский ученый поднял вопрос о моделях социалистической экономики, который с начала 80-х годов был остродискуссионным. Разрабатывая концепцию экономического развития, соответствующую специфике своей страны, китайские исследователи обращались к изучению моделей социализма, выделенных О.Ланге, В.Брусом, О.Шиком, и дали собственную классификацию таких моделей [29, с. 53—56; 300, с. 71—72]. Предложенный Я.Корнаи принцип классификации моделей в соответствии со способом функционирования хозяйственного механизма привлекал своей новизной. Глубокий анализ венгерской реформы, опыт которой внимательно изучался в КНР, и аргументированная критика командно-административной системы, содержащаяся в произведениях Я.Корнаи, также вызвали интерес у китайских экономистов. Ученым КНР импонировали мысли Я.Корнаи о про-

тиворечии между двумя системами ценностей — условиями эффективности и этическими принципами, о необходимости поиска компромиссных решений. Проблема соотношения «выгоды» и «справедливости» уже в древности обсуждалась конфуцианцами, она ставилась традиционной экономической наукой и на протяжении длительного времени обсуждалась ведущими учеными страны.

Восприятию идей Я. Корнаи во многом способствовали его представления об экономике как живом организме, широкое использование аналогий между экономикой и медициной, привычных и понятных китайскому читателю. Сильное воздействие на читателя оказывал и стиль его работ. «У всех, кто живет в условиях традиционной социалистической экономики, при чтении произведений Я. Корнаи возникает ощущение, будто им рассказывают дворцовые истории», — писал в предисловии к сборнику статей Я. Корнаи Линь Цзичжоу [31, с. 3].

Изучение взглядов венгерского экономиста в КНР прошло несколько этапов, на каждом из которых оценка его идей была неразрывно связана с ходом реформы.

На начальном этапе знакомства китайских ученых с теорией Я. Корнаи (1985—1986) основное внимание было уделено изложению и разъяснению ключевых моментов его концепции. Важнейшим научным достижением Я. Корнаи признавался его вывод о существовании при социализме хронического дефицита. Была воспринята его критика в адрес тех ученых, которые объясняли дефицит низким уровнем развития производительных сил, просчетами в плановой работе, а в теоретических исследованиях исходили из того, что экономическая деятельность при социализме ведется в условиях сбалансированности. Высоко оценивался данный Я. Корнаи анализ причин дефицита, с помощью которого он показал, что патерналистские отношения между государством и предприятием, отсутствие у социалистического предприятия жестких бюджетных ограничений ведут к постоянному увеличению спроса предприятий на ресурсы, порождают хронический дефицит. Чрезвычайно плодотворной представлялась также мысль Я. Корнаи о том, что в традиционной социалистической экономике решающую роль играют внеценовые сигналы, а прибыль, цены и другие экономические рычаги оказывают второстепенное влияние на поведение участников экономических процессов. В качестве теоретической новации рассматривался и его тезис, что в условиях централизованной плановой экономики стихийность не исчезает, а принимает форму «торговли по поводу плана» между предприятиями и вышестоящими органами [72, с. 24—27]. Все эти принципиальные положения,

выдвинутые венгерским ученым, считались в Китае «квинтэссенцией» его концепции [72, с. 24].

Особое значение, по мнению китайских исследователей, имел вывод Я.Корнаи о необходимости проведения комплексной реформы. Ссылаясь на уроки реформы в Венгрии, он подчеркивал, что меры по преобразованию хозяйственного механизма следует проводить взаимосвязанно, что осуществление любой из этих мер в отрыве от остальных может оказаться рискованным. Поскольку в середине 80-х годов многие ученые КНР предлагали сосредоточить усилия на каком-либо одном из направлений реформы (одни выступали за первоочередное проведение реформы цен, другие — реформы собственности) (см. [183, с. 5—6]), идея о комплексной реформе была воспринята с интересом.

Другой важный вывод Я.Корнаи, вытекающий из опыта венгерской реформы, заключался в том, что отказ от принципов командной экономики, ослабление прямого административного контроля не означают автоматического усиления роли рынка, а ведут к замене прямого административного контроля косвенным. В соответствии с разработанной Я.Корнаи классификацией современные экономические системы разделялись на четыре типа: 1А — прямое административное регулирование; 1В — косвенное административное регулирование; 2А — неконтролируемое рыночное регулирование; 2В — рыночное регулирование с контролем на макроуровне [31, с. 168—170]. Я.Корнаи показал, что в ходе реформы в Венгрии были проведены коренные преобразования командной системы (модели 1А), однако она была заменена не рыночным регулированием с контролем на макроуровне (моделью 2В), а косвенным административным регулированием (моделью 1В). В результате перехода к этой модели предприятия оказывались в условиях двойной зависимости: от бюрократии, с одной стороны, и от рынка — с другой.

Используя классификацию Я.Корнаи для анализа китайской ситуации, экономисты КНР обращали внимание на то, что в ходе реформы в Китае также наметилась тенденция к развитию в направлении модели 1В. Они подчеркивали, что при переходе к этой модели в специфических условиях Китая, характеризующихся неразвитостью товарно-денежных отношений, возникала реальная опасность дальнейшей бюрократизации управления экономикой, создавались широкие возможности для использования кадровыми работниками служебного положения в корыстных целях. Поэтому китайские экономисты предлагали серьезно изучать опыт Венгрии и обратить особое внимание на те негативные последствия, кото-

рые может иметь переход к косвенному административному регулированию в Китае [183, с. 9—10; 275, с. 25—29].

Крайне важным представлялся ученым КНР и вывод Я.Корнаи о неизбежности конфликта между требованиями повышения эффективности и этическими принципами социалистического хозяйствования. Опыт Венгрии, свидетельствовавший о появлении в ходе реформы новых социальных проблем, побуждал китайских ученых сосредоточить усилия на подготовке общественного сознания к возможным социальным последствиям радикальных преобразований, для чего следует «не преувеличивать выгод реформы для людей, не обходить вопросов о цене, которую придется заплатить за реформу, и об ударе, который она нанесет этическим принципам» [72, с. 30].

Вместе с тем уже на начальном этапе знакомства с идеями Я.Корнаи в КНР отмечалось, что при анализе причин дефицита он не раскрыл связи между хроническим дефицитом и сложившимися в рамках социалистической системы отношениями собственности. Ограниченность его концепции китайские авторы видели и в том, что он обобщил опыт лишь европейских социалистических стран [72, с. 31]. В рецензиях на «Экономику дефицита» обращалось внимание на «особую печать», которую наложила китайская специфика на явление дефицита в экономике КНР, на невозможность найти в работах Я.Корнаи «готовые ответы» на вопросы, поставленные китайской практикой [472, 14.02.1987; 473, 09.02.1987]. Однако следует отметить, что и сам Я.Корнаи предлагал крайне осторожно и осмотрительно относиться к использованию в условиях Китая опыта европейских стран и указывал на недопустимость рассматривать его работы в качестве «поваренной книги», содержащей готовые рецепты [31, с. 167].

В 1985—1986 гг. китайские экономисты получили достаточно полное представление о теоретических воззрениях Я.Корнаи, проявив повышенный интерес к его концепции. Как писал впоследствии, характеризуя начальный этап знакомства с теорией Я.Корнаи, китайский исследователь Юань Чжиган. «в экономических кругах вокруг идей Я.Корнаи возник ажиотаж» [310, с. 61].

Начиная с 1987 г. китайские экономисты, с одной стороны, предприняли попытку применить идеи Я.Корнаи для анализа ситуации в стране, с другой — вступили с ним в полемику по ряду вопросов. К теоретической концепции Я.Корнаи обращались участники дискуссии о выборе стратегии экономической реформы, которая развернулась в 1987 г. в КНР. Так, оценивая проводимые с конца 70-х годов меры по рас-

ширению прав предприятий, ведущие китайские ученые исходили из выдвинутой Я.Корнаи гипотезы об ограничениях. Влияние идей Я.Корнаи четко прослеживалось в рассуждениях У Цзинляня, который, по сути дела, развивал его мысль о том, что в социалистической экономике единственным реальным ограничением, сдерживающим рост производства, является физическая нехватка ресурсов. У Цзинлянь показал, что у китайских предприятий отсутствовали жесткие ограничения по спросу и финансам, поэтому в результате расширения прав предприятия стали бороться между собой за дефицитные ресурсы. Это привело к негативным последствиям: возрос совокупный спрос, увеличилось давление на ресурсы, обострилась проблема дефицита. На основании проведенного анализа У Цзинлянь заключал, что курс на расширение прав предприятий не должен рассматриваться в качестве главного содержания реформы в КНР, и предлагал сосредоточить усилия на упорядочении экономических отношений, создании эффективного механизма размещения ресурсов [183, с. 3—4].

Гипотеза Я.Корнаи об ограничениях нашла отражение и в статьях другого известного экономиста Сунь Сяоляна. Он попытался на китайском материале раскрыть тезис Я.Корнаи о том, что ограничения по спросу и финансам у социалистического предприятия в большинстве случаев носят формальный характер и предприятие практически всегда может рассчитывать на помощь со стороны государства. Ученый прослеживал, как в ходе реформы в КНР государство предоставляло финансовую помощь плохо работающим предприятиям, в результате чего они оказывались в более выгодном положении, чем предприятия, работающие хорошо. Главный вывод, к которому пришел Сунь Сяолян, заключался в том, что курс на расширение прав предприятий может иметь лишь ограниченный эффект [138]. Таким образом, идеи Я.Корнаи были использованы для оценки проводимых в стране хозяйственных преобразований и нашли отражение в представлениях ученых КНР об основном содержании реформы.

Воздействие теории Я.Корнаи прослеживалось также при обсуждении вопроса о способах осуществления реформы. Ссылаясь на его работы, китайские экономисты обосновывали необходимость проведения скоординированных между собой реформ в различных областях [138; 183 и др.]. Кроме того, ученые КНР часто обращались к разработанной Я.Корнаи классификации моделей экономических систем и высказывали опасения по поводу развития китайской экономики в направлении модели косвенного административного регулирования [275, с. 26—29].

Среди работ, содержащих критику отдельных теоретических положений Я.Корнаи, особый интерес представляет статья Ху Жуиня [213]. Подчеркивая, что «Корнаи был первым в Восточной Европе и в мире экономистом, который пошел к раскрытию тайны дефицита с точки зрения механизма функционирования экономики, а не с точки зрения идеологических представлений и концепций» [213, с. 28], он в то же время находил в теории Я.Корнаи серьезные недостатки. Самым уязвимым ее местом Ху Жуинь считал вывод о том, что главная причина дефицита при социализме связана с избыточным спросом. По мнению Ху Жуиня, основным источником хронического дефицита в социалистической экономике следовало искать в сфере предложения. Аргументируя свою позицию, он ссылаясь на опыт преобразований в сельском хозяйстве Китая в конце 70-х — начале 80-х годов, которые позволили повысить производственную активность крестьянства, увеличить предложение сельскохозяйственной продукции и тем самым способствовали решению проблемы дефицита [213, с. 30]. Исходя из этого, Ху Жуинь утверждал, что, анализируя факторы, порождающие хронический дефицит при социализме, необходимо «высветить причины дефицита, лежащие на более глубоких уровнях экономической системы» [213, с. 33].

В отличие от Ху Жуиня, который писал о необходимости углубления теории Я.Корнаи, Чжу Цзямин считал спорными многие ее утверждения. Острой критике был подвергнут тезис Я.Корнаи о дефиците как «нормальном состоянии» социалистической экономики. По мнению Чжу Цзямина, тем самым создается представление, будто дефицит «дарован социалистическому строю Верховным Владыкой» и «при социализме дефицит нельзя ликвидировать» [278, с. 52]. Он считал непоследовательной гипотезу Я.Корнаи об ограничениях, указывая на недостаточный анализ процессов в сфере предложения, критиковал Я.Корнаи за недооценку значения ценовых факторов, за преувеличение роли этических принципов, за описательный характер его теории, признавал применяемый им метод исследования ограниченным [278, с. 52—55]. Другими словами, многое в концепции Я.Корнаи, что ранее считалось ее достоинствами, рассматривалось Чжу Цзямином как недостатки.

На наш взгляд, не со всеми его критическими замечаниями в адрес Я.Корнаи можно согласиться. Представляются недостаточно аргументированными утверждения, что последний полностью отрицает возможность решить проблему дефицита при социализме, что гипотеза об ограничениях отличается непоследовательностью.

Изменения в оценках взглядов Я.Корнаи в ходе реформы свидетельствовали о новом подходе к изучению его теории. Как подчеркивали китайские ученые, «в экономических кругах КНР наметилась тенденция к переходу от „ажитожа вокруг Корнаи“, характерного для предшествующего периода, к трезвым размышлениям, от начального этапа перевода и ознакомления к углубленным исследованиям» [310, с. 61].

Критика идей Я.Корнаи получила дальнейшее развитие в 1988—1990 гг. Ученые КНР начали противопоставлять концепции Я.Корнаи теории ведущих китайских экономистов, доказывая их преимущества. Яркий пример такого противопоставления содержится в статье Хань Вэньсю, Лю Сяодуна и Чжао Цзяньпина, сравнивавших теоретические концепции Я.Корнаи и Ли Инина [210]. По мнению ее авторов, между ними имелось четыре основных различия. Во-первых, Я.Корнаи проводил исследование только на уровне предприятия, а Ли Инин анализировал функционирование экономики в целом, хозяйственную деятельность предприятий и экономическое поведение отдельного человека. Во-вторых, Я.Корнаи описывал до-реформенный хозяйственный механизм, а Ли Инин создал «конструктивное произведение» о послереформенной социалистической экономике. В-третьих, анализируя причины дефицита, Я.Корнаи искал их в области спроса, а Ли Инин уделил основное внимание изучению процессов в сфере предложения. В-четвертых, «Экономика дефицита» была написана как обобщение опыта реформ в странах Восточной Европы, а книга Ли Инина учитывала специфику Китая.

«Очевидные недостатки» работы Я.Корнаи авторы видели в том, что в ней не говорилось о социалистической товарной экономике, не исследовались проблемы собственности: «Реформа, направляемая такой теорией, не может стимулировать разработку концепции социалистического товарного хозяйства, не может затронуть старой системы собственности, а потому неизбежно будет половинчатой» [210, с. 38]. Они пришли к выводу, что работа Я.Корнаи не может рассматриваться как исчерпывающее исследование экономики социалистических стран, поскольку «Восточная Европа не дает представления о социалистической системе в целом», поэтому «необходимо преодолеть то увлечение идеями Корнаи, которое возникло после 1984 г.» [210, с. 41]. Ссылаясь на специфические особенности Китая — отсутствие жестких ограничений по некоторым видам ресурсов, своеобразии отраслевой структуры и системы хозяйствования, — авторы статьи заключали, что многие положения концепции Я.Корнаи неприменимы для Китая [210, с. 41].

Преимуществу китайских теорий посвящена также статья Ду Хуэя, который сопоставил предложенные Я.Корнаи и Лю Гогуаном классификации моделей социалистической экономики. По мнению Ду Хуэя, классификация Я.Корнаи является теоретической абстракцией, а модели Лю Гогуана («военный коммунизм», «традиционная система централизованного планирования», «улучшенная система централизованного планирования», «плановое хозяйство с рыночным регулированием», «рыночная социалистическая экономика») построены с учетом исторического опыта и более приближены к китайской действительности [29, с. 54].

Критика концепции Я.Корнаи получила дальнейшее развитие в серии статей Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня и Ло Сяопэна [216]. Хотя идеи Я.Корнаи «на начальном этапе реформы в КНР были теоретической пищей для китайских экономистов», однако общенародная собственность рассматривалась им в качестве «заранее определенной теоретической предпосылки», вследствие чего вопрос о правах собственности не был затронут [216, № 11, с. 21]. Именно нерешенность проблемы прав собственности, по мнению этих ученых, их подмена должностными правами являлись главной причиной кризиса экономических реформ в социалистических странах.

Следует отметить, что разработанная указанными авторами «теория должностных прав» также противопоставлялась концепции Я.Корнаи. «Раньше описание социализма содержалось, пожалуй, только в „Экономике дефицита“ Яноша Корнаи, — писала „Жэньминь жибао“. — На десятом году китайской реформы Хуа Шэн и его коллеги Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн показали, что традиционный социализм — это экономика должностных прав... Некоторые считают, что проведенный ими анализ системы прав, возможно, более глубок, чем описание явления дефицита» [473, 09.01.1989]. Критика Хуа Шэном командно-административной системы представлялась многим китайским рецензентам более основательной, чем содержащаяся в работах Я.Корнаи.

Несмотря на то что Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн критиковали Я.Корнаи, многие идеи венгерского экономиста нашли отражение в «теории должностных прав». Гипотеза Я.Корнаи об ограничениях и разработанная Р.Коузом теория прав собственности явились важнейшими источниками их воззрений. Однако при изложении «теории должностных прав» ее создатели практически не упоминали о концепции Я.Корнаи, поскольку многие ее положения уже адаптировались на китайской почве и воспринимались как составная часть китайской экономической мысли. В этом, на наш

взгляд, заключалась особенность третьего этапа распространения в КНР идей Я.Корнаи — они продолжали оказывать влияние на разработку экономических теорий, однако на авторитет Я.Корнаи китайские ученые уже не ссылались. Число публикаций о нем значительно сократилось, усилилась пропаганда собственных экономических концепций.

После событий мая—июня 1989 г. критика в Китае идей Я.Корнаи усилилась. Негативную реакцию вызвало появление на Западе его книги «Путь к свободной экономике» [427]. Причина критического отношения ученых КНР к этой работе заключалась в том, что в ней Я.Корнаи отрицал возможность реформирования социализма и предлагал перейти к частной собственности и свободному рынку. Его вывод о том, что на определенном этапе развитие рынка вступает в противоречие с основами социалистической системы, не соответствовал ни официальным установкам руководства КНР, ни представлениям большинства китайских экономистов, выступавших за реформы в рамках социализма. Я.Корнаи представлял в глазах ученых КНР целое направление в экономической науке стран Восточной Европы, сторонники которого считали, что в ходе реформы в социалистических странах может быть лишь два варианта развития событий: или создание подобия рынка под названием «рыночный социализм», или же уход от социализма [477, 1991, № 1, с. 21]. Такая постановка вопроса представлялась китайским экономистам глубоко ошибочной, свидетельствующей об «утрате веры в социализм» [477, 1991, № 1, с. 21], а тезис о несовместимости общественной собственности и рынка — не имеющим под собой реальных оснований. Показательно, что, знакомя научную общественность с содержанием книги «Путь к свободной экономике», китайские исследователи начали не с изложения основных идей Я.Корнаи, а с критической рецензии на его книгу А.Ноува, которая была перепечатана журналом «Цзинцзи шэхуй тичжи бицзяо» [122].

К самой работе венгерского экономиста ученые КНР стали обращаться лишь в конце 1992 — начале 1993 г., когда внутриполитическая и экономическая ситуация в стране изменилась и многие положения, высказанные Я.Корнаи, вновь приобрели для китайских исследователей аналитическую ценность. Как и в первых публикациях о книге «Путь к свободной экономике», ученые КНР утверждали, что содержащееся в ней «полное отрицание общественной собственности и социалистического пути развития в корне противоречит направлению и цели реформы экономической системы в Китае» и что концепция Я.Корнаи не может рассматриваться в каче-

стве «направляющей идеи» китайской экономической реформы [215, с. 81]. В то же время, писал автор процитированной выше рецензии Ху Юнмин, книга восполняла недостаток предшествующих работ Я.Корнаи, в которых не получил необходимой разработки вопрос о собственности, и содержала принципиальные положения, касающиеся преобразований в этой сфере. Его заинтересовали проведенный Я.Корнаи анализ внутренних противоречий концепции «рыночного социализма» и высказанные венгерским ученым опасения, связанные с той частью реформы собственности, которая предусматривает передачу государственной собственности другим государственным учреждениям и предприятиям в различных юридических формах. Ху Юнмин особо остановился на рассуждениях Я.Корнаи о необходимости передачи государственного имущества в руки действительно лучшего хозяина, на предложениях создать благоприятные условия для развития частного сектора экономики [215, с. 78—81].

Таким образом, хотя экономисты КНР и выступали против пропагандируемой Я.Корнаи идеи приватизации, они соглашались с выводом венгерского ученого о том, что в строгом смысле слова государственные предприятия в социалистических странах не являются субъектами рынка и необходима коренная перестройка системы прав собственности. Практическое значение для Китая имело исследование Я.Корнаи проблем акционирования: опыт Венгрии китайские экономисты предлагали принимать во внимание при создании акционерных предприятий в КНР. Ученые КНР также проявили интерес к анализу Я.Корнаи отношений между двумя секторами экономики: государственным и негосударственным. Ссылаясь на его идеи, китайские авторы доказывали необходимость дальнейшего развития частного сектора китайской экономики и более гибко трактовали тезис о ведущей роли государственной собственности: было признано, что в отдельных районах и отраслях государственная собственность может не играть ведущей роли и что в ходе реформы ее удельный вес может снижаться. При преобразовании государственной собственности предлагалось «думать не столько о социалистическом направлении реформы», сколько о необходимости создания новой системы социалистической рыночной экономики и об объективных требованиях экономического развития [215, с. 84].

Изучение китайских материалов, посвященных теоретическим воззрениям Я.Корнаи, позволяет заключить, что идеи венгерского ученого вызвали в КНР повышенный интерес. Дефицит, несправедливое распределение доходов, бюрократи-

зация, инфляция были реальными проблемами, с которыми столкнулось китайское общество в 80-е годы. В связи с тем, что Я.Корнаи одним из первых предпринял попытку их систематизированного исследования, его теория приобрела для китайских экономистов особую ценность. Она оказала влияние на характер выдвигаемых учеными КНР предложений по перестройке хозяйственного механизма, которые были применены для корректировки концепции реформы исходя из новых представлений о природе дефицита и способах его устранения. Об адаптации идей Я.Корнаи в Китае свидетельствуют не только изменения в логике рассуждений китайских экономистов, но и расширение используемого ими категориального аппарата. Его составной частью стала введенная венгерским ученым в научный оборот новая терминология — «нежесткое бюджетное ограничение», «торговля по поводу плана», «косвенное бюрократическое регулирование» и т.д.

Идеи Я.Корнаи критически осмысливались в КНР, были отмечены некоторые слабые стороны его теории: изучение лишь предельно централизованной системы управления, а не послереформенного хозяйственного механизма, неоправданная экстраполяция явлений, связанных с хозяйствованием на микроуровне, на функционирование социалистического способа производства, отсутствие необходимого внимания к разработке проблемы собственности и четких политических рекомендаций. Эти критические замечания китайских исследователей были, на наш взгляд, справедливы и совпадали с оценкой теории Я.Корнаи, содержащейся в работах ученых других стран — известного английского экономиста А.Ноува [122], польского ученого В.Заставного (см. [210, с. 39]).

С обращением китайских ученых к идеям Я.Корнаи в 90-е годы его ранние теории, столь оживленно дискутировавшиеся в предыдущее десятилетие, отошли на второй план. Сам он пересмотрел свои взгляды и выступил с резкой критикой «рыночного социализма». В связи с окончательной переориентацией Восточной Европы на либерально-рыночную линию реформ в КНР значительно понизился общий интерес к восточноевропейскому опыту, в том числе и к ассоциирующейся с Я.Корнаи венгерской модели. Новая радикальная экономическая концепция Я.Корнаи в целом не нашла в Китае заинтересованного отклика. По словам профессора Цуй Чжюаня (факультет политологии Массачусетского технологического института), «в ранний период Корнаи не был экономистом-неоклассиком, в книге 1971 г. „Антиравновесие“ он выступил против неоклассики. Однако в 1994 г. в личной беседе Корнаи сказал, что, поскольку на Западе было очень мало откли-

ков на „Антиравновесие“, он уже более не придерживается высказанных в ней положений. В недавней книге „Путь к свободной экономике“ он поддержал „шоковую терапию“, совершенно очевидно, что он находится в рамках парадигмы неоклассической экономики» [250, с. 25]. В условиях критики неоклассической теории в КНР в 90-е годы новые идеи Я.Корнаи не вызвали интереса.

В связи с противопоставлением двух моделей перехода к рынку китайским ученым кажутся неприемлемыми поддерживаемые Я.Корнаи идеи «шоковой терапии». При использовании критериев «шоковой терапии» и «большого взрыва» китайский путь реформ будет оцениваться как «половинчатый». Ученые КНР считают эту «половинчатость» проявлением осторожного прагматизма китайского руководства, тогда как позиции Я.Корнаи и Дж.Сакса представляются им следствием политических и идеологических «предвзвешиваний». В предисловии к книге «Путь к свободной экономике» Я.Корнаи писал, что «ядро представленных идей применимо не только в Венгрии, но и во всех других странах, переходящих от социалистического режима к свободной экономике» [427, с. 13]. Китайские авторы выразили по этому поводу несогласие, полагая, что радикальные рыночные преобразования не могут служить «вечной истиной» для абсолютно всех социалистических стран, осуществляющих экономические реформы [8, с. 37].

Своему теоретическому осмыслению пути «ухода от социализма» Я.Корнаи предпослал следующие слова: «Мы в Восточной Европе находимся на пути к свободному обществу и свободной экономике, и мы должны научиться преодолевать препятствия на этом пути. Этот процесс учебы должен быть усвоен всеми живущими на огромном пространстве между Эльбой и Желтым морем» [427, с. 17]. Активно используя частные аспекты его работ (в первую очередь детально разработанные в русле методологии неонституционализма концепции дефицита и нежестких бюджетных ограничений [458, с. 11]), китайские экономисты не признают за ученым роли арбитра в оценке реформ, отстаивая специфичность пути развития страны и ориентируясь на опыт Японии, Кореи и Тайваня. Претензии Я.Корнаи и других сторонников радикальной модели на общезначимость своих научных выводов вызывают у большинства китайских ученых сомнение и недоверие. Они не считают усвоение опыта «шоковой терапии» единственным возможным способом действий, однако в то же время внимательно следят как за развитием восточноевропейских рыночных реформ, так и за теоретическими разработками, лежащими в основе этой модели.

**Освоение современной западной
экономической мысли
(теория прав собственности,
теория институциональных изменений)**

Во второй половине 80-х годов внимание теоретиков китайской реформы переместилось на экономическую мысль Запада. К числу концепций, вызвавших в КНР наибольший интерес, относится теория прав собственности.

На протяжении долгого времени теория прав собственности была малоизвестна в нашей стране. В советской экономической литературе господствовала точка зрения, согласно которой буржуазная политическая экономия игнорирует отношения собственности. Единственной работой, посвященной анализу данной концепции, была книга Р.И.Капелюшникова [345]. Имя основоположника теории профессора Чикагского университета Р.Коуза привлекло внимание российской научной общественности только в 1991 г., после присуждения ученому Нобелевской премии по экономике «за пионерские работы по проблемам трансакционных издержек и прав собственности» [482, 13.11.1991]. В 1993 г. в России с большим запозданием была издана книга Р.Коуза «Фирма, рынок и право» [356].

В Китае идеями Р.Коуза заинтересовались во второй половине 80-х годов. На китайский язык были переведены его основные работы, выпущен сборник статей ученого, к которому он специально написал предисловие, адресованное китайским читателям [55]. Появились переводы трудов его последователей — А.Алчяна, Дж.М.Бьюкенена, Г.Демсеца, С.Пейовича, О.Уильямсона, Э.Фуруботна и др. [4; 40; 209 и др.]. В центральной прессе и специальных экономических журналах публиковались статьи, посвященные проблеме трансакционных издержек, «теореме Коуза», внешним эффектам рыночной деятельности [19; 30; 46; 85; 301]. О.Уильямсон, один из ведущих теоретиков прав собственности, был приглашен в КНР для чтения лекций на тему «Экономика трансакционных издержек».

На рубеже 90-х годов теория прав собственности стала предметом острых дискуссий в экономических кругах КНР. Одни ученые высоко оценивали ее как «расширяющую горизонты экономической науки», называли ее «революцией» в современном экономическом анализе, сравнивая с «открытием нового континента» [305а, с. 3]. Другие исследователи квалифицировали теорию прав собственности как несостоя-

тельную, а попытки ее применения в ходе реформы называли «классическим примером некритического отношения к зарубежному опыту» [12, т. 2, с. 815]. После событий мая—июня 1989 г. полемика вокруг теории прав собственности приобрела политический характер. В китайской печати усилилась критика взглядов Р.Коуза. Ссылки на теорию прав собственности стали рассматриваться как проявление «буржуазной либерализации». В начале 90-х годов китайские исследователи стали интересоваться теми аспектами теории прав собственности, которым в предшествующий период не уделялось должного внимания. Они обратились к идеям о необходимости включения в сферу исследований экономической науки вопросов культуры, изучения особенностей поведения, обычаев и традиций. Анализировался вклад этого направления в развитие представлений о государстве. Особый интерес был проявлен к анализу Р.Коузом и его последователями структуры и эволюции институтов исходя из понятия трансакционных издержек. Большое внимание стало уделяться изучению неоинституционализма, нового течения в западной экономической науке, основы которого были заложены Р.Коузом.

Почему эта теория, долгое время находившаяся на периферии мировой экономической мысли, была воспринята китайской экономической наукой, в то время как другие концепции, популярные на Западе, не привлекли внимания китайских ученых?

Для изучения в КНР зарубежной экономической мысли характерен прагматизм. Внимание теоретиков китайской реформы привлекали прежде всего те концепции, которые помогали осмыслить положение в народном хозяйстве страны и понять механизм функционирования китайской экономики.

Китайская научная общественность познакомилась с идеями Р.Коуза в конце 80-х годов. В то время проблема переустройства отношений собственности вновь выдвинулась в КНР на первый план: в условиях, когда в стране начала формироваться рыночная среда, но не были созданы субъекты рынка — независимые товаропроизводители, задача коренных преобразований собственности приобрела особую актуальность. Концепция Р.Коуза, позволявшая по-новому взглянуть на проблему собственности, отвечала запросам научной мысли. Уже сам факт, что центральной темой его исследования являлся вопрос о собственности, вызвал повышенный интерес в экономических кругах КНР. Знакомство с теорией прав собственности показало китайским ученым ошибочность распространенных ранее в КНР представлений, согласно которым проблема собственности находилась вне поля зрения запад-

ной экономической науки. В теоретическом плане имело значение и то обстоятельство, что работы Р.Коуза и его последователей давали возможность преодолеть упрощенный подход к проблеме собственности: в трудах теоретиков прав собственности речь шла не об одном и неделимом праве собственности, а о целой системе прав собственности, о сложной структуре правомочий.

Аналитическую ценность концепции Р.Коуза китайские экономисты видели также и в том, что теория прав собственности позволяла объяснить причины существования фирм, ответить на вопросы, почему экономика не может представлять собой «сплошного» рынка, почему часть экономической деятельности ведется не на рынке, а внутри фирм [305а, с. 9]. Свообразный подход к изучению проблемы фирмы, отказ от представлений о фирме как об исключительно производственной единице, как о «черном ящике», «куда вкладываются факторы производства и откуда выходит готовая продукция», также представлялся ученым КНР весьма плодотворным [301, с. 25].

Высокую оценку в китайской экономической литературе получила категория «транзакционные издержки», введенная Р.Коузом в научный оборот. По мнению авторов предисловия к китайскому изданию работ Р.Коуза Шэн Хуна и Чэнь Юя, выдвижение этой категории явилось «революцией в понятиях», «ключевым шагом в использовании методов экономической науки применительно к исследованию институтов» [305а, с. 3]. Ученые КНР отметили важность выделения особого класса издержек транзакции, включающих в себя затраты на поиск информации о ценах и качестве товаров, расходы, связанные с заключением контрактов, их выполнением и юридической защитой. Категорию «транзакционные издержки», которая в самом общем виде определялась как «издержки, существование которых невозможно себе представить в экономике Робинзона Крузо» (Чжан Учан), «издержки по поддержанию экономической системы на ходу» (К.Эрроу), китайские исследователи считали чрезвычайно полезной [305а, с. 8, 14; 85, с. 4].

В качестве теоретической новации рассматривалось использование Р.Коузом категории «транзакционные издержки» для объяснения существования фирм. С интересом был воспринят китайскими экономистами вывод теоретиков прав собственности, что фирма вытесняет механизм цен в той мере, в какой прямое управление позволяет сокращать транзакционные издержки. Ученые КНР часто цитировали высказывания теоретиков прав собственности, сравнивавших понятие «транзакционные издержки» с понятием «трение» в физике и

утверждавших, что экономист, игнорирующий существование трансакционных издержек, будет сталкиваться с такими же трудностями при объяснении экономического поведения, как физик, игнорирующий трение при описании движения физических объектов. Сами китайские исследователи сравнивали прогресс экономической теории, связанный с постановкой Р.Коузом проблемы трансакционных издержек, с переходом к физике Эйнштейна от физики Ньютона: подобно тому как «переход от абсолютных времени и пространства к относительным был шагом, приблизившим физику к реальной действительности, переход от мира нулевых трансакционных издержек к миру положительных трансакционных издержек предоставил экономической науке новые возможности для объяснения реальных экономических проблем» [305а, с. 8]. Идея положительных трансакционных издержек представлялась ученым КНР особенно актуальной для Китая, поскольку, как они утверждали, «мир нулевых трансакционных издержек намного дальше от китайской действительности, чем от действительности стран Запада» [305а, с. 13].

Теорией прав собственности в Китае заинтересовались также и потому, что Р.Коузом была поднята проблема «внешних эффектов» экономической деятельности (экстерналий), решение которой пытались найти китайские экономисты. Подход Р.Коуза к вопросу о побочных результатах экономической деятельности, которые достаются не самому индивиду, а посторонним лицам, был весьма оригинальным: в отличие от экономической теории благосостояния (А.Пигу), предлагавшей решать проблему внешних эффектов путем усиления государственного вмешательства, Р.Коуз призывал сосредоточить усилия государства на четком определении прав собственности и их защите, утверждая, что при четкой спецификации прав собственности и малых трансакционных издержках заинтересованные стороны могут сами найти наиболее рациональное решение проблемы и что рынок способен устранить внешние эффекты без вмешательства государства. Крайне важной представлялась ученым КНР мысль Р.Коуза о том, что внешние эффекты носят обоюдный характер и их можно уменьшить путем заключения сделки в результате переговоров между заинтересованными сторонами.

Важнейшим научным достижением теории прав собственности была признана «теорема Коуза», основывающаяся на утверждении, что внешние эффекты не ведут к нерациональному размещению ресурсов, если отсутствуют трансакционные издержки, а данные права собственности в достаточной степени определены и соблюдение их обеспечено. Произво-

датель и получатель внешнего эффекта будут стремиться к переговорам о взаимовыгодной сделке, т.е. об интернализации внешнего эффекта. Результат этой сделки, согласно теореме, будет одинаковым независимо от того, производитель или потребитель внешнего эффекта имеет право собственности и обладает правом вето на использование ресурсов [388, с. 82].

Повышенное внимание китайских исследователей к «теореме Коуза» объяснялось тем, что проблема эффективного размещения ресурсов, о которой шла речь в теореме, являлась в КНР остродискуссионной. Поскольку Р.Коуз предпринял попытку ее систематизированного исследования, его теория приобрела для китайских экономистов особую ценность. Взглядами Р.Коуза в Китае заинтересовались еще и потому, что ученый уделил серьезное внимание проблемам институциональной структуры. Мысль Р.Коуза о том, что для перехода к рынку необходим весь комплекс институтов, обеспечивающих его существование, представлялась китайским экономистам плодотворной.

Актуальность для Китая теории прав собственности — чрезвычайно важная, но не единственная причина повышенного интереса к ней китайских исследователей. Сыграла свою роль и нестандартность использованных Р.Коузом и его последователями аналитических инструментов, которые, по мнению китайских ученых, позволяли глубже понять экономические проблемы современного Китая. С точки зрения китайских исследователей, преимущество институционального подхода заключалось прежде всего в его «реалистичности»: Р.Коуз видел свою главную задачу в том, чтобы «изучать человека таким, каков он есть, действующим в ограничениях, налагаемых на него реальными институтами» [55, с. 8]. Достоинством концепции Р.Коуза китайские ученые считали и то, что, будучи объяснительной теорией, она позволяла глубже понять сложные процессы, происходящие в экономике страны.

Повышенный интерес к «объяснительным» теориям — характерная черта изучения в Китае зарубежной экономической мысли. Китайские экономисты, как отмечалось ранее, высоко оценивали теорию Я.Корнаи, показавшего, что экономическая деятельность направляется «невидимой рукой» не только при капитализме, но и при социализме, и описавшего механизм воспроизводства социалистической экономической системы. Интерес в Китае вызывали работы тех зарубежных ученых, которые уделяли первостепенное внимание изучению институциональных особенностей экономики, не ограничи-

ваясь чисто экономическим анализом, включали в сферу исследования социологические, психологические аспекты экономического развития.

Чтобы проиллюстрировать данное положение, вновь сошлемся на высокую оценку китайскими учеными концепции Я.Корнаи. Проведенный им анализ был связан с институциональными изменениями, были затронуты проблемы социологии, социальной психологии, политики [352, с. 90], что, на наш взгляд, способствовало распространению в Китае его идей. В этом контексте становится понятным интерес китайских экономистов к взглядам Р.Коуза и его последователей. Несмотря на различие во взглядах, и Я.Корнаи, и новые институционалисты углубленно анализировали институциональные особенности экономики и стремились создать объяснительную модель ее функционирования. На это сходство обратили внимание американские исследователи Д.Старк и В.Ни, по мнению которых «работы Я.Корнаи созвучны новым интеллектуальным течениям в американской общественной мысли», прежде всего неoinституционализму [458, с. 11].

Наблюдение Д.Старка и В.Ни подтверждает мысль о том, что процесс заимствования зарубежных экономических теорий в Китае имел свою внутреннюю логику, а концепциям, привлечшим внимание китайских ученых, были присущи некоторые общие черты. Интересно отметить, что Д.Старк и В.Ни при исследовании проблем современной китайской экономики также отдали предпочтение институциональному анализу и посвятили работу вопросам перестройки экономических институтов социализма в Китае и Восточной Европе. Свой выбор американские ученые аргументировали тем, что часть экономических явлений, с которыми они столкнулись в ходе исследования, не могла быть описана традиционными методами. На наш взгляд, аналогичные причины обусловили поворот китайских исследователей к новому институционализму. Теория новой институциональной экономики имела для них очевидные преимущества перед многими зарубежными концепциями, которые «оказывались безжизненными в условиях китайской действительности» и «бессильными перед многочисленными противоречащими разуму явлениями» [305а, с. 13].

Теория прав собственности пользовалась в КНР популярностью также и потому, что соответствовала особому складу мышления китайцев и удачно вписывалась в концепции ученых КНР. Идеи ее создателей, для восприятия которых на Западе требовалось взглянуть на экономическую реальность с принципиально новых позиций, представлялись китайской

научной общественности привычными и понятными, а постановки проблем, которые затрудняли освоение этой теории западными экономистами, облегчали ее проникновение в китайскую экономическую мысль. На Западе критическое отношение к теории прав собственности было во многом связано с ее особым, «прецедентным» стилем: вместо формализованных экономических моделей брался конкретный случай из деловой практики и прослеживалось, что можно извлечь из него с помощью инструментария экономической теории (см. [345, с. 77]).

В отличие от западных экономистов, ученые КНР считали такой подход чрезвычайно плодотворным. Они подробно излагали приводимые теоретиками прав собственности примеры (скот хозяина ранчо, регулярно заходящий на поля фермера; шум аэродрома, нарушающий покой окрестных жителей; фабричный дым, загрязняющий воздух на близлежащих фермах) и выводы, сделанные в результате анализа этих примеров. Рассуждения теоретиков прав собственности представлялись ученым КНР вполне логичными, а соответствующие китайскому образу мысли многочисленные описания конкретных случаев из деловой практики оценивались как сильная сторона теории. Отметим, что фундаментальные тексты древнекитайской классики состоят именно из конкретных историй-случаев, моральные обобщения и поучения строились в китайской традиции на базе этих частных историй. Современным китайским ученым нравилась «конкретность» работ Р.Коуза, они считали оправданным повышенное внимание ученого к фирме как общественному институту, учет особенностей реальной действительности. Стиль Р.Коуза они противопоставляли «философскому, дедуктивному, абстрактному» стилю работ Дж.Коммонса, который был одним из первых западных экономистов, обратившихся к исследованию проблемы «сделки» («транзакции») [305а, с. 6].

Усвоению китайской экономической наукой теории прав собственности способствовало и использование метода аналогий. Например, понятию «общее владение» (*public domain*), которое переводилось на китайский язык как *гунтун цайчань*, был найден аналог «общее поле» (*гун тянь*) в традиционной системе «колодезных полей» (*цзин тянь*). Несмотря на то что при такой аналогии понятие «общее владение» претерпевало смысловую трансформацию (в теории прав собственности понятие «общего владения» применялось, чтобы показать, что результаты деятельности собственника могут быть безвозмездно использованы другими лицами для получения выгод), подобный подход имел свои преимущества, поскольку позво-

лял исключить отождествление «общего владения» с «общественной собственностью» (*гунъю цайчань*) и четко разграничить эти понятия [30, с. 74]. Использование метода аналогий облегчало проникновение теории прав собственности в китайскую экономическую мысль и ее адаптацию на китайской почве.

Ученым КНР также импонировали особое отношение Р.Коуза к Китаю и его интерес к китайской экономической системе. По мнению авторов предисловия к китайскому изданию сборника «Фирма, рынок и право», «профессор Коуз испытывал по отношению к Китаю особые чувства» [305а, с. 12]. Хотя Р.Коуз никогда не был в Китае, он часто упоминал его в своих статьях. Первоначально слово «Китай» использовалось ученым в переносном значении и ассоциировалось с «загадочным, далеким местом» [305а, с. 13]. Так, формулируя цели своей научной деятельности, Р.Коуз писал: «Я намерен вновь поднять парус, и если, отыскивая дорогу в Китай, я открою на этот раз всего лишь Америку, то не буду разочарован» [55, с. 233]. Образное сравнение Р.Коузом своей «мечты», которая заключалась в «построении теории, позволяющей анализировать институциональную структуру производства», с «поиском дороги в Китай» [55, с. 233], неоднократно цитировалось учеными КНР. Впоследствии Китай стал для Р.Коуза не только образом далекого и неизведанного. Ученый с радостью воспринял появление своей работы на китайском языке и проявил интерес к вопросам структуры социальных институтов современного Китая. В предисловии к китайскому изданию сборника «Фирма, рынок и право» Р.Коуз призывал ученых КНР активно включаться в исследование поставленных им проблем на китайском материале, а в письме к одному из переводчиков сборника писал, что понимание процессов, происходящих в Китае, может значительно обогатить анализ институциональной структуры производства (см. [305а, с. 13]). Мысль Р.Коуза о важности исследования институциональной структуры Китая, существенно отличающейся от структуры институтов на Западе, была воспринята в КНР с особым интересом и нашла отклик у китайских экономистов: «Америка уже открыта, проф. Коуз должен понять Китай» [305а, с. 13].

Проблема освоения китайскими экономистами теории прав собственности чрезвычайно сложна. Она относится к числу нестандартных концепций, трудна для восприятия. Специфична и нетрадиционна методология теоретиков прав собственности, непривычен используемый ими понятийный аппарат. Основные понятия теории определяются различны-

ми учеными неодинаково (см. [345, с. 3—15, 28—32]). Не всегда обстоятельно аргументированные выводы, недостаточно стройная логическая структура концепции Р.Коуза также предоставляют возможности для различных толкований взглядов ученого.

При изложении на китайском языке теория прав собственности становится еще более сложной, так как увеличивается число возможных вариантов прочтения работ теоретиков прав собственности. Это частично связано с общей проблемой неопределенности перевода, возникающей при воспроизведении на переводящем языке сообщений исходного языка (см. [357, с. 53—78]). Анализ китайских переводов трудов теоретиков прав собственности затруднен также в связи с особенностями передачи на китайском языке основных теоретических терминов этих концепций. Например, для перевода термина «институт» использовалось сочетание *чжи ду*, которое в китайском языке имеет наряду с этим другое устоявшееся значение — «строй».

Заслуживает специального рассмотрения и вопрос о переводе на китайский язык ключевого понятия концепции Р.Коуза «права собственности». На протяжении последнего десятилетия китайской экономической наукой широко использовался термин *союцюань* — «право собственности» (например, в контексте «теории разделения права собственности и права хозяйствования»), отличающийся по значению от «прав собственности» в концепции Р.Коуза. Попутно отметим, что различие между единственным и множественным числом — между «правом собственности» и «правами собственности» — в китайском языке исчезает в связи с отсутствием в нем категории числа. Для того чтобы разграничить эти различные понятия, при передаче на китайском языке теории прав собственности в качестве эквивалента «правам собственности» было взято слово *чаньцюань*. Некоторые экономисты специально останавливались на проблеме различий между двумя терминами — *союцюань* и *чаньцюань*. Как указывал Дуань Ицай, первое понятие означает, что собственник имущества имеет право распоряжаться этим имуществом, а второе понятие применяется для того, чтобы показать, имеет ли право собственник имущества использовать свое имущество для нанесения ущерба правам других. Свою мысль Дуань Ицай пояснял условным примером: в случае, если на участок, принадлежащий собственнику земли, залетела утка соседа, он не имеет права выстрелить в нее из ружья, собственником которого он также является, поскольку в данной ситуации вопрос выходит за рамки *союцюань* и возникает проблема

чаньцюань [30, с. 72]. Другими словами, под «правами собственности» (*чаньцюань*) подразумеваются не законные права, которые имеет собственник, а права, санкционированные обществом, нормы поведения людей по поводу благ. Вывод о принципиальном различии между понятиями *союцюань* и *чаньцюань* содержался также в монографии Лю Вэя и Пин Синьцяо. По их мнению, если при использовании термина *союцюань* внимание акцентируется на принадлежности имущества собственнику, то при применении термина *чаньцюань* речь идет прежде всего об уяснении границ прав собственности в процессе сделки [86, с. 93, 99].

Эти замечания терминологического характера представляются необходимыми для того, чтобы показать трудности, возникающие при работе с китайскими текстами по проблеме прав собственности. С одной стороны, имеется возможность различных вариантов прочтения китайского текста и его перевода на русский язык. В случае, когда китайские экономисты предлагали искать объяснение проблем китайской экономики в *чжи ду* [216, № 11, с. 14], для нас открытым остается вопрос о том, что они имели в виду: выступали ли они за изменение существующих институтов или же призывали к смене строя. С другой стороны, в результате перевода работ китайских авторов на русский язык утрачивается связь концепций ученых КНР с одним из важнейших источников их теоретических воззрений — теорией прав собственности. Так, стремление «развести» при переводе на русский язык термины *союцюань* и *чаньцюань* приводит к тому, что некоторые отечественные исследователи в качестве эквивалента *чаньцюань* используют термин «имущественные права», не связанный с западной теорией прав собственности.

Следует также обратить внимание на изменения, связанные с попытками китайских ученых придать теории прав собственности не свойственную ей стройность, изложить ее в систематизированной форме и даже представить структуру теории в виде условной схемы. Отдельные положения теории при переводе на китайский язык теряли свой первоначальный смысл, поскольку передавались методом аналогий. Таким образом, сама теория прав собственности и в особенности ее китайский вариант предоставляют широкие возможности для различных интерпретаций взглядов Р.Коуза и его последователей. На это обстоятельство необходимо обратить особое внимание потому, что предметом обсуждения китайских экономистов нередко являлись интерпретации тех или иных положений теории прав собственности.

Изучение в Китае теории прав собственности прошло несколько этапов.

На начальном этапе (1987—1988) главное внимание было уделено изложению и разъяснению основных положений концепции Р.Коуза. Ученые КНР познакомили китайскую научную общественность с тем, как возникла эта теория и какую эволюцию она претерпела [30, с. 3—7; 86, с. 88—93; 320, с. 70—71]. Особый интерес был проявлен к двум ключевым статьям ученого — «Природа фирмы» (1937 г.) и «Проблема социальных издержек» (1960 г.), — которые оценивались в Китае как «классические произведения» [305а, с. 2]. Китайские авторы обращали внимание на тот факт, что статьи Р.Коуза пользуются большой популярностью и за рубежом: они относятся к числу наиболее цитируемых статей по экономике и являются обязательными для изучения на экономических факультетах многих университетов США.

При изложении концепции Р.Коуза китайские исследователи специально останавливались на разъяснении категории «транзакционные издержки», которую они считали «основой современной теории прав собственности», и «теоремы Коуза» — ее «ядра» [86, с. 93, 99]. В китайской экономической литературе подробно анализировались различные определения транзакционных издержек, содержащиеся в трудах теоретиков прав собственности. Было показано значение транзакционных издержек как центральной объясняющей категории теории Р.Коуза, позволяющей понять причины существования фирм.

Особый интерес в Китае был проявлен к «теореме Коуза». Поскольку идеи, высказанные Р.Коузом в его статьях, были впоследствии обобщены его учениками, которые по-разному формулировали и интерпретировали «теорему Коуза», китайскими экономистами были собраны и прокомментированы различные формулировки теоремы и исследован контекст, в котором Р.Коуз приводил ее развернутые доказательства. Чтобы разъяснить содержание теоремы, ученые КНР подробно излагали приводимые Р.Коузом условные примеры — как без вмешательства государства путем заключения соглашения может быть решен конфликт прав собственности между хозяевами расположенных по соседству земельной фермы и скотоводческого ранчо, — доказывающие независимость результата сделки от распределения прав собственности (в данном случае от того, обладает ли фермер правами собственности на взыскание убытков с хозяина ранчо за использование его полей или же хозяин ранчо имеет право на выпас скота на полях фермера). Одним из условий теоремы являлось

предположение о нулевых транзакционных издержках. Когда они положительны, отношения собственности начинают влиять на процесс производства и размещение ресурсов. Поскольку, как показал Р.Коуз, издержки транзакции никогда не бывают нулевыми, в реальном мире эффективное размещение ресурсов и отношения собственности всегда взаимосвязаны. Эта мысль Р.Коуза представлялась китайским экономистам крайне важной и «дающей богатую пищу для размышлений» [86, с. 100].

Получив достаточно полное представление о концепции Р.Коуза, китайские экономисты высказали предположение, что она «может получить в Китае более широкое распространение и более эффективное применение, чем на Западе» [305а, с. 14]. Они обращали внимание на то, что теория Р.Коуза построена на основе анализа частной собственности и направлена на ее совершенствование; поскольку задача китайской реформы состоит в укреплении общественной собственности, подобный подход представлялся для Китая неприемлемым. В то же время многие положения теории прав собственности, по их мнению, в условиях китайской реформы приобретали особую актуальность. По мнению Лю Вэя и Пин Синьцяо, теория прав собственности давала возможность глубже понять, что перестройка отношений собственности является центральным звеном всей экономической реформы, показать, что «разделение права собственности и права хозяйствования» не позволяет сделать предприятия ответственными за убытки, возложить на них предпринимательский риск, т.е. коренным образом решить проблему их самостоятельности. При разработке мероприятий реформы (в частности, при определении оптимальных масштабов предприятий) китайские экономисты предлагали учитывать вывод Р.Коуза о необходимости минимизации транзакционных издержек [85, с. 10—12]. Однако, как справедливо указывали китайские исследователи, ценность концепции Р.Коуза заключалась не в ее «утилитарности», «практической выгоде» [301, с. 29], она полезна прежде всего потому, что позволяла по-новому посмотреть на экономическую реальность.

Уже на начальном этапе знакомства с теорией прав собственности ученые КНР предприняли попытку применить ее для анализа экономической ситуации в стране. Ярким примером этого является серия статей Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня и Ло Сяопэна [216]. Воздействие идей Р.Коуза прослеживается уже в самой постановке проблемы китайскими экономистами. Исходный момент построений китайских ученых — положение об отсутствии в социалистической экономике прав

собственности в строгом смысле слова, что обуславливается господством общенародной собственности. Согласно их представлениям, в экономике, где права собственности существуют лишь номинально, они заменяются другими, имитирующими их правами — должностными. Разработанная Хуа Шэном, Чжан Сюэцзюнем и Ло Сяопэном концепция получила название «теории должностных прав», в чем также можно усмотреть аналогию с теорией прав собственности. К идеям Р.Коуза китайские ученые обращались и при анализе основных особенностей «экономики должностных прав». Например, они попытались на китайском материале раскрыть тезис теоретиков прав собственности о том, что иерархическая структура предоставляет широкие возможности для «оппортунистического поведения» (т.е. уклонения от выполнения условий контракта), и показали, как в условиях «экономики должностных прав» получает широкое распространение такая разновидность оппортунистического поведения, как отлынивание от работы. Влияние концепции Р.Коуза прослеживается и в рассуждениях китайских экономистов о причинах неудач реформ в социалистических странах — по их мнению, они связаны с противоречиями, возникающими между требованиями нового рыночного механизма и старыми институтами, нуждающимися в преобразовании. Выход из тупика, в котором оказались реформы в социалистических странах, они видели в воссоздании индивидуальных прав собственности.

Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн использовали идеи новых институционалистов для осмысления предварительных итогов экономической реформы в КНР. В поисках ответа на вопрос, была ли правильной стратегия китайской реформы, они обращались к положению о двух основных способах изменений институциональной структуры: стихийном, при котором действия части людей естественным путем приводят к перестройке прежней структуры прав, и сознательном, когда с помощью законов и указов правительства насильственным путем изменяются старые правила и вводятся новые. Рассматривая под этим углом зрения стратегию китайской реформы, ученые видели ее главное преимущество в соединении двух способов проведения реформы — стихийного и насильственного: сначала те, кто принимает решения, «сознательно позволяли» или «молча допускали» частичное нарушение прежних норм и правил, создавая таким образом условия для контролируемого использования первого способа, а когда реформа приводила к определенным результатам, правительство с помощью законов и указов изменяло старые нормы и правила и вводило новые [216, № 11, с. 11—12]. Та-

кая трактовка стратегии экономической реформы в КНР представляется весьма плодотворной и позволяет лучше понять причины ее успеха. Оценивая статьи Хуа Шэна и его коллег в целом, можно заключить, что китайские ученые проявили хорошее знание работ теоретиков прав собственности и умело использовали их идеи в своих построениях, хотя при изложении «теории должностных прав» ее создатели практически не ссылались на Р.Коуза и его последователей.

Уже во второй половине 80-х годов в китайских материалах стала проводиться мысль, что проблема прав собственности начала разрабатываться в КНР до того, как научная общественность страны познакомилась с идеями Р.Коуза. Наиболее полно данный вопрос был рассмотрен в монографии Лю Вэя и Пин Синьцяо [86]. Как они отмечали, этой проблемы касался Лю Шаоци в работах об отношениях собственности в деревне, она поднималась и современными экономистами (в частности, Линь Цзыли) при исследовании системы подрядной ответственности в сельском хозяйстве; применительно к реформе на предприятиях вопрос о правах собственности был поставлен Цзян Ивэем, выдвинувшим теорию «особого места предприятия»; заметный вклад в разработку проблемы внесли Дун Фужэн и Юй Гуаньюань. Таким образом, по мнению Лю Вэя и Пин Синьцяо, выход на проблему прав собственности был подготовлен исследованиями китайских экономистов, которые еще в конце 70-х — начале 80-х годов обратили внимание на важность темы и заложили основы для ее углубленного изучения.

Следует отметить, что уже на начальном этапе знакомства китайских экономистов с теорией прав собственности стало формироваться критическое отношение к отдельным утверждениям Р.Коуза. Вполне обоснованные замечания в адрес теории прав собственности высказывались в корректной форме, а полемика не выходила за рамки научных дискуссий.

После событий мая—июня 1989 г. проблема приватизации, ранее активно обсуждавшаяся, стала запретной темой в китайской экономической науке. Характер и содержание дискуссий о теории прав собственности изменились, обсуждение идей Р.Коуза приняло новые формы. Одни ученые стали обращаться к сложной и доступной лишь узкому кругу специалистов терминологии, чтобы выразить идеи, которые в новой политической ситуации не могли быть высказаны открыто. Другие выступили с критикой теории прав собственности, отождествляя предложения использовать концепцию Р.Коуза в ходе реформы в КНР с пропагандой частной собственности. В некоторых публикациях «теорема Коуза» была названа

«теоретическим обоснованием приватизации» (см. [55, с. 14]). Споры вокруг теории прав собственности вышли за рамки научных дискуссий, на нее стали ссылаться для аргументации своих взглядов не только ученые, но и политики.

Основное внимание в исследуемый период участники дискуссий уделили обсуждению «теоремы Коуза». На первый план в работах китайских экономистов выдвинулся вопрос о «провалах рынка», к числу которых относилась ситуация с внешними (экстернальными) эффектами экономической деятельности. Ученых КНР особенно интересовала проблема, является ли необходимым вмешательство государства с целью корректировки рыночного процесса или же рынок может сам справиться с внешними эффектами и обеспечить эффективное размещение ресурсов. В китайской экономической литературе подробно излагались позиции по данному вопросу А.Пигу и Р.Коуза. Как известно, согласно пигувианской традиции стандартным предписанием в ситуации с внешними эффектами было вмешательство государства и введение им специального налога на тех, кто порождает внешние эффекты.

Подход Р.Коуза к проблеме был принципиально иным: он отвергал вывод А.Пигу и утверждал, что рынок способен сам устранить внешние эффекты без вмешательства государства. Из «теоремы Коуза» следовало несколько важных выводов, на которые обращали внимание китайские экономисты. Теоретики прав собственности подчеркивали необходимость спецификации прав собственности до такой степени, чтобы все результаты деятельности каждого агента касались бы только его. Они видели главную причину внешних эффектов не в избыточном, а в недостаточном развитии частной собственности, доказывали, что общие задачи могут быть успешно решены на уровне частных инициатив.

Разъясняя содержание «теоремы Коуза», ученые КНР знакомили китайских читателей с идеями, которые были созвучны и близки их представлениям, однако могли быть изложены только в такой специфической форме, поскольку не соответствовали официальным установкам руководства КНР. Воспроизводя полемику между Р.Коузом и А.Пигу и излагая аргументы первого в пользу развития рынка и частной собственности, китайские ученые, по существу, продолжали обсуждение вопросов, поднятых в ходе экономических дискуссий конца 1988 — начала 1989 г.: следует ли дальше идти по пути развития рынка или же необходимо усилить государственное вмешательство в экономику, возможно ли реформировать общественную собственность или же надо от нее отказаться. Ссылаясь на «теорему Коуза», экономисты обосновы-

вали необходимость расширения рыночных отношений и перехода к частной собственности. Другими словами, интерпретация теории прав собственности позволила им донести до китайской научной общественности «запрещенные» после июньских событий идеи приватизации.

Среди материалов о теории прав собственности, опубликованных в КНР в 1989—1990 гг., подавляющее большинство составляют критические статьи. Достаточно полное представление о замечаниях в адрес этой теории можно получить, проанализировав статью профессора Народного университета Китая Гао Хунъе [19], которую сами китайские экономисты называли «классическим образцом» критической публикации о взглядах Р.Коуза [301, с. 23].

Изучив критические оценки, высказанные в адрес концепции Р.Коуза в зарубежной экономической литературе, Гао Хунъе заключил, что «на Западе правильность и практическая ценность теоремы Коуза подвергаются сомнениям» и «многие западные ученые считают теорему Коуза ошибочной или тавтологичной, а ее практическое значение — небольшим» [19, с. 42]. По мнению Гао Хунъе, одного факта, что «теорема Коуза» относится к числу дискуссионных проблем в западной экономической науке, уже достаточно, чтобы сделать вывод о невозможности использовать ее как теоретическую основу реформы собственности в Китае. Главная же причина неприемлемости «теоремы Коуза» для Китая виделась Гао Хунъе в том, что в ней «совсем не остается места для общественной собственности» [19, с. 42]. По его словам, использование данной теоремы в качестве теоретической основы реформы собственности в Китае, «будет равносильно полному отказу от общественной собственности и установлению системы частной собственности» [19, с. 42].

Эта критика получила дальнейшее развитие в статье Ху Дайгуана, где была осуждена позиция тех китайских ученых, которые «находились под воздействием теоремы Коуза». Как утверждал Ху Дайгуан, если теория прав собственности будет направлять реформу собственности в КНР, «без слов понятно, по какому пути пойдет китайская экономическая реформа» [12, т. 2, с. 815]. Он считал ошибочным тезис о том, что в условиях общенародной собственности права собственности неясны. Аргументируя свою позицию, Ху Дайгуан ссылаясь на «Закон КНР о промышленном предприятии общенародной собственности», где, по его мнению, все четко определено. По его словам, те, кто утверждает, что права собственности на государственных предприятиях в Китае неясны, «за деревьями

не видят леса, игнорируют специфику страны» [12, т. 2, с. 816].

Вывод о неприменимости к условиям Китая концепции Р.Коуза содержался также в статье Тан Фэнъи, который утверждал, что западная теория прав собственности не является «чудодейственным средством», применимым для решения проблем китайской экономики [12, т. 1, с. 462]. Однако необходимо отметить, что и сам Р.Коуз в предисловии к китайскому изданию сборника «Фирма, рынок и право» специально обращал внимание на то, что его теория разработана применительно к экономике стран Запада. Он писал, что исследует институциональную структуру таких стран, как Англия и США, которая принципиально отлична от институциональной структуры КНР, и предлагал «крайне осторожно и осмотрительно» относиться к использованию в Китае его идей [55, предисловие, с. 1].

Следует упомянуть и еще один весьма необычный способ применения идей Р.Коуза китайскими экономистами — использование понятийного аппарата и посылок теории прав собственности для обоснования официальных установок руководства КНР.

Примером такого подхода является статья Жун Чжаоцзы [46]. Как отмечалось выше, в своей работе «Природа фирмы» Р.Коуз задавался вопросом, почему экономика не может существовать в виде «сплошного» рынка и возникает альтернативная форма экономической организации — иерархические структуры, внутри которых проявляется часть деловой активности. Считая такую постановку вопроса вполне логичной для «классического западного экономиста», Жун Чжаоцзы, как ученый, работающий в условиях социализма, предлагал подойти к проблеме с противоположной стороны и попытаться ответить, почему экономика не может существовать в виде единой иерархической структуры — «одной большой компании» [46, с. 32]. Чтобы объяснить, что экономика не может строиться исключительно на командном механизме, Жун Чжаоцзы использовал понятие трансакционных издержек. На основании проведенного анализа он заключал, что в экономической системе современного Китая должны сосуществовать иерархические структуры и рынок, сочетаться плановый и рыночный механизмы. В то же время Жун Чжаоцзы указывал, что наметившаяся в ходе реформы тенденция к вытеснению иерархических структур рынком не может привести к конвергенции двух общественных систем, поскольку первоначальное распределение прав собственности (т.е. господство частной собственности при капитализме и общественной при

социализме) установило для каждой экономической системы строгие рамки, в которых может проходить урегулирование прав собственности. На наш взгляд, представляет интерес заключительная фраза статьи Жун Чжаоцзы: «Неважно, согласен ли Коуз [со сказанным], это исследование, несомненно, имеет глубокую логическую связь с проведенным им анализом» [46, с. 36].

Подобный подход был характерен и для других работ китайских экономистов, появившихся вскоре после июньских событий. Их в значительно меньшей степени, чем на начальном этапе дискуссий, интересовало содержание работ самого Р.Коуза, идеи ученого стали использоваться как аргумент при обсуждении вопроса о путях и методах реформы в КНР исходя из потребностей внутривластной борьбы.

Начиная со второй половины 1991 г. при обсуждении в Китае теории прав собственности стали прослеживаться новые тенденции. Был поставлен вопрос о том, насколько справедливыми являлись критические замечания в адрес концепции Р.Коуза, высказанные в ходе предшествующего периода дискуссий. Чэнь Юй [301] предложил вновь разобраться, в чем заключается «квинтэссенция» идей Р.Коуза и как он сам излагал содержание «теоремы Коуза». Разбирая основные положения статьи Гао Хунъе, он обращал внимание на неправомерность предъявляемых «теореме Коуза» обвинений в нереалистичности. отождествление «мира нулевых транзакционных издержек» с «миром Коуза» Чэнь Юй считал глубоко ошибочным. С его точки зрения, поскольку именно Р.Коуз первым обратил внимание на существование транзакционных издержек, мир нулевых транзакционных издержек был скорее «миром Пигу», или «миром не-Коуза» [301, с. 26]. Проанализировав критические замечания в адрес концепции Р.Коуза, Чэнь Юй заключал, что большая их часть «безосновательна, малозначительна или не имеет отношения к делу» (ср. [356, с. 143]) и что высказанные Р.Коузом положения часто понимались в Китае ошибочно [301, с. 28].

На новом этапе обсуждения китайские ученые вновь обратились к изучению трудов Р.Коуза и его последователей, стали уделять особое внимание разъяснению ключевых понятий теории прав собственности. Были опубликованы статьи Ян Сяовэя, исследовавшего основные категории теории экономических организаций [321], и Дуань Ицая, который провел разбор таких понятий, как неопределенность, общее владение, спецификация прав собственности, транзакционные издержки и др. [30]. Признавая вклад Р.Коуза и его последователей в развитие экономической теории, ученые КНР в то же

время находили в его концепции серьезные недостатки. Например, Дуань Ицай указывал на логические изъяны теории прав собственности, критиковал ее за отсутствие четкой структуры. Как следует из анализа статей китайских экономистов, опубликованных в 1992—1993 гг., теория прав собственности не копировалась ими слепо, а глубоко прорабатывалась и критически осмысливалась.

На новом этапе дискуссий китайские ученые стали обращаться к идеям современных институционалистов для того, чтобы дать новую интерпретацию известных фактов экономической истории Китая с точки зрения теории транзакционных издержек. Возникновению интереса к данной проблематике способствовало изучение трудов Д.Норта об институциональной эволюции общества, которые в начале 90-х годов были переведены на китайский язык [116]. Ученым КНР представлялся исключительно плодотворным подход новых институционалистов, объяснявших эволюцию институтов исходя из принципов транзакционной экономики. Были осмыслены принципиальные положения, на основании которых новые институционалисты строили свой анализ. Китайские экономисты видели их заслугу в выявлении связи между институциональной структурой общества и проблемой транзакционных издержек, считали крайне важным вывод о том, что главной функцией институтов является сокращение транзакционных издержек. Была воспринята идея современных институционалистов о двух типах издержек — связанных с функционированием уже действующих институтов и затрат, необходимых для преобразования сложившейся институциональной структуры, проявлен интерес к положению о том, что попытки изменения институциональной структуры будут предприниматься только в случае, если ожидаемые выгоды превышают ожидаемые издержки. Наибольшее внимание в Китае привлекла точка зрения теоретиков нового институционализма, согласно которой преобразование институциональной структуры общества происходит в соответствии с принципом минимизации транзакционных издержек при замене институтов. По мнению китайских экономистов, такая постановка вопроса имела значительную аналитическую ценность, поскольку позволяла по-новому осмыслить особенности эволюции институциональной структуры Китая.

Учеными КНР был избран один из аспектов проблемы институциональной эволюции китайского общества, который представлялся им особенно важным, — влияние неофициальных институтов на экономическую жизнь Китая. Иначе эта тема формулировалась как «Исторические традиции и изме-

нения в экономике». Исходный пункт анализа китайских ученых — деление институтов на официальные, включающие в себя политические нормы и правила, сознательно создаваемые людьми, и неофициальные, состоящие из ценностных убеждений, этических норм, моральных представлений, обычаев, идеологии. Задача, которую ставили перед собой китайские экономисты, заключалась в том, чтобы показать особую роль неофициальных институтов в эволюции китайского общества. Ученые стремились на китайском материале доказать тезис о том, что успех в обновлении институтов достигался прежде всего в случае, если при определении целей преобразований в полной мере учитывались особенности институционального наследия. Они утверждали, что в условиях, когда новые институты были совместимы с культурным наследием, издержки перехода к ним значительно снижались.

Свою позицию китайские экономисты иллюстрировали с помощью конкретных примеров. Ссылаясь на наличие общих моментов между конфуцианством и марксизмом, они доказывали, что марксизм был такой философией, которая могла «с наименьшими транзакционными издержками» заменить конфуцианство. Указывая на традиции централизации, присутствующие в восточных обществах, и недостаточно развитые представления об индивидуальных правах собственности, ученые КНР объясняли тот факт, что в Китае были легко восприняты идеи централизованной плановой экономики, основанной на общественной собственности. Чтобы показать, почему в Китае предпочтение было отдано «советской модели», они обращались и к другой идее теоретиков прав собственности, которые утверждали, что заимствование готовых институтов требует меньших издержек, чем создание новых [53, с. 70—75].

Анализируя мероприятия китайской реформы, ученые также рассматривали их с точки зрения учета традиционного наследия. По их мнению, именно использование форм производства и хозяйствования, базировавшихся на семейном труде, позволило Китаю добиться успехов в результате введения семейного подряда. Серьезное внимание экономисты КНР уделили вопросу об особом, «разумном» индивидуализме китайского типа, который, как они считали, дал стимул обновлению институтов и послужил социально-психологической основой для нарушения устоявшихся общественных норм на начальном этапе реформы (в частности, при переходе к системе подрядной ответственности в деревне) [53, с. 77].

Как отмечали китайские исследователи, роль традиции в процессе эволюции институтов была двойкой. С одной стороны, она создавала благоприятную почву для институциональ-

ных изменений и позволяла уменьшить издержки перехода к новым институтам. С другой стороны, складывавшиеся в течение тысячелетий неофициальные нормы и правила серьезно затрудняли обновление официальных институтов. «Институциональные привычки прошлого» [399, с. 31], препятствующие развитию китайской экономики, также анализировались учеными КНР, однако их исследованию уделялось значительно меньше внимания, поскольку изучение неофициальных институтов, способствующих развитию китайской экономики, представлялось китайским экономистам более важным, чем анализ факторов, тормозящих этот процесс.

Проследив на материале китайской истории связь традиций с изменениями в экономике, ученые КНР пришли к выводу о чрезвычайно глубоком воздействии неофициальных институтов на социально-экономическую жизнь страны. Ссылаясь на результаты проведенного анализа, китайские экономисты выступали за всестороннее изучение традиции и предлагали расширить сферу исследований экономической науки, включив в нее проблемы культуры, привычек и обычаев.

Таким образом, на новом этапе экономических дискуссий ученые КНР стали обращаться к современному институционализму, чтобы обосновать тезис о необходимости учета традиций и их умелого использования в ходе реформы. Воспроизводя рассуждения новых институционалистов о роли традиций в процессе институциональной эволюции общества, китайские экономисты также доказывали специфичность пути экономического развития Китая, обусловленную влиянием тысячелетней культуры.

Идеи современных институционалистов об обновлении институтов нашли отражение и в материалах дискуссий о темпах хозяйственной реформы в КНР конца 1992 — начала 1993 г. Одни ученые исходили из положения Д.Норта о том, что обновлению официальных институтов должно предшествовать изменение неофициальных норм и правил, и отстаивали тезис о невозможности завершить переход к рынку в короткие сроки. Другие экономисты (например, У Цзинлянь) указывали, что подобный подход нельзя считать в полной мере применимым к китайской ситуации, поскольку при такой постановке вопроса принимается во внимание только опыт плановой системы, который является опытом одного поколения, и не учитываются традиции рыночного хозяйства, имеющие в Китае глубокие корни. Ссылаясь на особые способности китайцев вести торговлю, У Цзинлянь заключал, что переход к рынку может быть ускорен [173, с. 3].

К трудам Д.Норта обращались также и для теоретического обоснования избранной в КНР модели постепенных преобразований командно-административной системы. Повышенный интерес в Китае вызвали его рассуждения о том, что создание институциональных основ современной рыночной экономики представляет собой эволюционный процесс, включающий изменения не только официальных институтов (формальных «правил игры»), но и неофициальных норм, и что отсутствие соответствующих изменений в неформальной общественной практике приведет к значительному увеличению транзакционных издержек и сделает новые институты неэффективными [446, с. 11—13]. Интерпретируя применительно к современному Китаю тезис Д.Норта об институциональной эволюции общества как непрерывном процессе изменений [446, с. 10—12], китайские экономисты объясняли, почему становление рыночной системы в КНР происходило поэтапно.

Идеи Д.Норта использовались не только для обоснования выбора китайским руководством стратегии постепенных преобразований, но и чтобы показать трудности, с которыми может столкнуться страна при постепенном переходе к рынку. Как подчеркивал Д.Норт, в ходе институциональных изменений возникает дилемма: быстрые сдвиги приводят к смуте в обществе, поскольку изменить в короткие сроки неофициальные нормы не представляется возможным; в случае же медленных преобразований нельзя исключить противодействия изменениям со стороны коррумпированной бюрократии, в результате чего продвижение реформ вперед будет существенно затруднено [446, с. 27].

Влияние взглядов Д.Норта четко прослеживается в исследованиях китайских экономистов, посвященных сложившейся в КНР в ходе постепенных реформ «двухколейной экономической системе». По мнению Фань Гана, ее главное достоинство заключалось в том, что сохранение «старой колеи» позволяло обеспечить соблюдение интересов, сформировавшихся в рамках прежней системы, и тем самым уменьшить сопротивление реформам. В то же время существовала серьезная опасность, что правительственные чиновники не будут заинтересованы в окончательном переходе к новым экономическим отношениям, поскольку с устранением «двухколейной системы» исчезнут и порожденные ею благоприятные условия для коррупции и взяточничества. Как отмечал Фань Ган, практика китайской реформы показала, что именно «погоня за рентой» коррумпированных правительственных чиновников явилась одной из главных причин жизнестойкости старой системы и привела к ее укреплению [414, с. 11—13].

Китайские исследователи также считали важным содержащееся в трудах Д.Норта утверждение, что экономические и политические организации, сформировавшиеся в рамках определенной институциональной структуры, будут заинтересованы в ее сохранении [446, с. 12]. Ссылаясь на это положение Д.Норта, они объясняли инерционность сложившихся в КНР экономических структур и показывали, почему при переходе к новым экономическим отношениям свойственные старой системе экономические, социальные и политические институты, мотивации и стереотипы поведения изменялись не сразу, а сохранялись на протяжении длительного времени [6, с. 72—73].

Особый интерес у китайских ученых вызвал вывод Д.Норта о зависимости модели институциональной эволюции общества от пути, по которому развивается страна [446, с. 15, 20]. Им представлялся чрезвычайно важным тезис Д.Норта о том, что институциональная эволюция той или иной страны определяется всем ходом ее предыдущего развития. В китайской экономической литературе часто цитировалось его предисловие к китайскому изданию книги «Структура и изменения в экономической истории», в котором выявлялась связь между исторической спецификой страны и особенностями современных преобразований экономической системы. Подчеркивая важную роль исторических условий в институциональных изменениях, Д.Норт писал: «История свидетельствует о том, что выбор, сделанный людьми в прошлом, определяет тот выбор, который они могут сделать сейчас» [116, с. 1].

Вопрос о влиянии предшествующего исторического развития на ход современной эволюции — одна из главных тем, поднятых Д.Нортом во время его выступления в Пекинском университете в марте 1995 г. Раскрывая основное содержание своей теории институциональной эволюции, Д.Норт обращал особое внимание на то ограничивающее воздействие, которое оказывает предыдущее развитие страны на ход институциональных изменений. По его утверждению, «история действительно играет важную роль: решения, принимаемые сегодня, доступные на данный момент времени альтернативы поведения на практике подвержены влиянию исторических факторов» [118, с. 78]. Разъясняя этот тезис, американский ученый подчеркивал, что в современных условиях «наше прошлое, наши культурные традиции, наша система вероисповедания являются серьезными ограничителями, которые необходимо глубоко уяснить и принять во внимание; только поняв, как шло предшествующее развитие, можно составить четкое представление о факторах, ограничивающих экономический рост

в будущем, и о доступных на сегодняшний момент альтернативах» [117, с. 8—9; 118, с. 81].

Содержащийся в выступлении Д.Норта анализ факторов, определяющих направление институциональных изменений, привлек повышенное внимание китайских теоретиков. По нашему мнению, ученые КНР заинтересовались рассуждениями американского экономиста прежде всего потому, что постановка им вопроса об изначальной заданности общего направления развития той или иной страны соответствовала распространенным в КНР представлениям об определяющей роли специфических особенностей Китая (*гоцин*) в процессе изменений экономической системы. Размышления Д.Норта о различных путях институциональной эволюции разных стран также были созвучны разработанной в КНР концепции «особого пути» развития Китая и служили для ученых КНР дополнительным аргументом в пользу того, что нельзя переносить в условия Китая зарубежные экономические модели.

Излагая суть выступления Д.Норта, китайские исследователи отводили центральное место разъяснению тезиса американского ученого о «зависимости от пути развития» (*«path dependence» — луцзин шай*).

Наиболее полное представление о том, как в Китае понимали данный тезис, позволяет составить следующий комментарий к выступлению Д.Норта: «В процессе институциональных реформ исторические условия и привычки оказывают серьезное влияние. Если не знать реальных ограничений, накладываемых на наше поведение, не учитывать влияния традиции, инерционности культуры, нельзя узнать и направления будущего развития. Это и есть зависимость от пути развития. В указанном смысле так называемое обновление институтов — это не обновление институтов вообще, а обновление институтов, проводимое в соответствии с конкретными местными условиями» [233, с. 1].

Подробное описание выдвинутого Д.Нортом положения о «зависимости от пути развития» содержалось также в работах ведущего китайского экономиста У Цзинляня. Высоко оценивая в целом теорию эволюции институтов, которая, по словам У Цзинляня, «имеет чрезвычайно важное значение для Китая, где происходят крупные институциональные изменения», ученый считал ядром этой теории вывод Д.Норта о влиянии начальных исторических условий на направление институциональной эволюции [184, с. 11].

Термин «зависимость от пути развития» был впервые использован в конце 80-х годов профессором Стэнфордского университета Б.Артуром и лишь затем заимствован Д.Нортом

[48, с. 18]. Идеи Б.Артура представлялись китайским ученым важными как для понимания концепции Д.Норта, так и для теоретического осмысления процессов, происходящих в экономике КНР (см. [1; 48]).

Главным научным достижением Б.Артура китайские исследователи считали разработанную им концепцию «механизма самоусиления» («self-reinforcing mechanism» — *цзы цзэнцян цзи-чжи*), центральным звеном которой являлась, по их мнению, теория «блокировки — зависимости от пути развития» («lock-in — path dependence», *содин — луцзин илай*). Раскрывая суть эффекта блокировки, китайские авторы отмечали, что с помощью этого понятия Б.Артур стремился ответить на вопрос, почему в реальной жизни экономика может погружаться в состояние равновесия, которое может оказаться далеким от эффективного [48, с. 18]. Теория же «зависимости от пути развития» была призвана показать, каким образом система переходит из одного состояния равновесия (или неравновесия) в другое и чем определяется направление происходящих изменений. Заслугу Б.Артура китайские экономисты видели также и в том, что он предпринял попытку объяснить, почему рационально действующему субъекту, стремящемуся к максимизации полезности, на практике часто не удается достигнуть этой цели. Как утверждали китайские исследователи, вопросы, поднятые Б.Артуром, находились вне поля зрения традиционной неоклассической теории, поэтому уже сам факт их постановки «позволял сократить разрыв между экономической теорией и действительностью и способствовал прогрессу экономической науки» [48, с. 18].

В своих исследованиях Б.Артур сделал особый акцент на важности случайных исторических событий. Он показал, «как в динамике эффект возрастающей отдачи (increasing returns) может привести к тому, что экономика замкнет себя на результат, вовсе не обязательно превосходящий альтернативы, который нелегко будет изменить и нельзя полностью предсказать заранее» [402, с. 128]. Китайских экономистов заинтересовало внимание Б.Артура к «малым событиям», которые могут в конечном счете определить направление развития экономики. Подобные события часто выпадают из поля зрения исследователя, но именно они могут сделать экономическое будущее непредсказуемым. Экономика в своем развитии не в состоянии «забыть» даже самых мелких исторических событий и полностью свести на нет их влияние. Эти случайные события могут «заблокировать» развитие экономики и направить его по тупиковому пути, свернуть с которого будет чем дальше, тем сложнее [402, с. 117].

Разработанная Б.Артуром концепция «зависимости от пути развития», дополненная Д.Нортом, в свою очередь, была заимствована учеными КНР, которые применили ее для анализа проблем китайской экономики. Комментируя выступление Д.Норта в Пекинском университете, У Цзинлянь подчеркивал, что характерная особенность перехода от плановой экономики к рыночной как «процесса серьезных институциональных изменений» состоит в «зависимости от пути развития» [184, с. 13].

В условиях происходящей в КНР трансформации социально-экономических систем наиболее значимой У Цзинлянь считал мысль Д.Норта о том, что важное влияние на ход институциональной эволюции оказывает «механизм самоусиления», о котором писал Б.Артур. Действие «механизма самоусиления» проявляется в том, что, если страна избирает определенный путь развития, процесс последующей институциональной эволюции будет происходить в русле избранного на начальном этапе преобразований направления. При этом, как показал Д.Норт на примере сопоставления исторических особенностей развития Англии и Испании с XVI в., а также Северной и Южной Америки, конечные результаты эволюции могут оказаться различными. В первом случае экономическая и политическая ситуация улучшается, а во втором институциональное развитие идет в направлении стагнации, экономика переходит в состояние «неэффективного» равновесия, возникает эффект блокировки. Поскольку под «равновесием» понимается состояние системы, в которое она возвращается в соответствии со своими собственными закономерностями, выйти из застоя становится чрезвычайно сложно, для этого, согласно концепции Д.Норта, требуются усилия извне или серьезные изменения в расстановке политических сил внутри страны.

Пытаясь применить выработанную Д.Нортом теоретическую схему для решения конкретных хозяйственно-политических проблем, возникших в процессе реформ в КНР, У Цзинлянь обратил внимание на два его положения, которые, по мнению китайского ученого, представляли особую аналитическую ценность.

Во-первых, из теории Д.Норта вытекал вывод о том, что путь реформы, избранный на начальном этапе ее осуществления, будет в значительной степени определять ход дальнейших изменений существующей системы, поскольку следовать в русле заранее намеченного направления преобразований всегда удобнее, нежели прокладывать новый путь.

Во-вторых, в работах Д.Норта проводилась мысль, что на ранних стадиях становления новой системы появляются груп-

пы людей, извлекающие выгоду из сложившейся переходной ситуации. Этим группировкам невыгодно создание более эффективного хозяйственного порядка, интересы самосохранения заставляют их принимать меры, направленные на укрепление существующей системы и препятствующие дальнейшему углублению преобразований.

Главный смысл этих положений Д.Норта У Цзинлянь видел в признании американским ученым особой роли, которую играют мероприятия начального этапа реформы в долговременном процессе трансформации экономической системы. Принципиально важным для понимания современной китайской ситуации У Цзинлянь считал сформулированный под воздействием взглядов Д.Норта тезис о том, что «тенденции, наметившиеся на ранней стадии преобразований, определяют рамки последующих реформ» [184, с. 13].

Проанализировав с помощью концепции Д.Норта опыт, накопленный Китаем за годы реформ, У Цзинлянь пришел к выводу, что из него можно извлечь ряд практических уроков. Как показали предварительные итоги китайской реформы, ее успех зависел не только от субъективного желания реформаторов и правильного определения конечной цели преобразований, но и от выбора пути реформы на ее начальной стадии. У Цзинлянь писал: «Даже если поставлена ясная цель, правильно определено общее направление конкретных мероприятий, однако на начальном этапе наметились незначительные отклонения при выборе пути, дальнейшее развитие будет следовать собственной логике, произойдет отход от поставленной цели, система будет эволюционировать в направлении, принципиально отличном от того, которое было намечено первоначально. Как говорят в народе, „крошечный промах может привести к серьезным последствиям“» [184, с. 14].

Это положение У Цзинлянь проиллюстрировал на примере проводимой в КНР реформы цен. Как известно, конечная цель реформы была определена в Китае как переход к свободному рыночному ценообразованию. В отличие от стран, применивших тактику «шоковой терапии», где либерализация цен проводилась в короткие сроки, Китай избрал путь постепенного перехода к рыночным ценам, предусматривающий использование наряду с государственными плановыми договорных и рыночных цен. «Двухколейная система» позволила сделать реформу цен менее болезненной для населения, однако в то же время привела к появлению чиновников, обогатившихся за счет разницы в ценах и всячески тормозящих процесс перехода к единым рыночным ценам.

Другим примером, по мнению У Цзинляня, могли служить итоги реформы на предприятиях государственного сектора. В китайских документах цель реформы определялась как превращение предприятий в самостоятельных товаропроизводителей. Чтобы повысить заинтересованность предприятий в результатах хозяйственной деятельности, с конца 70-х годов стали проводиться эксперименты по расширению их прав, в соответствии с которыми предусматривалось оставлять в распоряжении предприятий часть прибыли. После того как был избран такой путь преобразований государственного сектора экономики, вступил в действие «механизм самоусиления»: предприятия стали требовать дальнейшего увеличения прав и предоставления им все больших льгот. В результате сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, у предприятий по-прежнему отсутствовала необходимая самостоятельность и в их дела продолжали вмешиваться вышестоящие органы, а с другой — был утрачен контроль над их деятельностью, что затрудняло процесс структурной перестройки.

Ссылаясь на проблемы, выявившиеся в ходе реформ в различных областях, У Цзинлянь предостерегал: «На протяжении всего периода преобразований ни в коем случае нельзя терять бдительности и ошибочно полагать, что, если четко определена цель реформы — создание системы социалистической рыночной экономики — и правильно избрано ее общее направление, достаточно лишь продолжать преобразования, и рано или поздно будет достигнута поставленная цель. В действительности, если при проведении каких-либо мероприятий возникнут отклонения от цели, это создаст препятствия для последующих преобразований, результат окажется противоположным тому, который нужен („при взятом курсе на юг движение будет направляться на север“), реформы, возможно, даже зайдут в тупик, система станет работать неэффективно, наметится тенденция к застою» [184, с. 15].

По мнению ученого, в процессе реформ следовало обратить внимание на два момента. Во-первых, при принятии решений необходимо проявлять осторожность и думать не только о непосредственных результатах принятых мер, но и о влиянии, которое они могут оказать в перспективе, нельзя, стремясь к сиюминутной выгоде, создавать препятствия для дальнейших реформ. К таким последствиям приводила, в частности, проводимая в КНР политика предоставления особых условий и льгот экспериментальным предприятиям. Во-вторых, необходимо постоянно следить, идет ли реформа по правильному пути или же отклонилась от намеченной цели. Если обнаружилось отклонение от заранее определенного направ-

ления, требуется срочно принять меры, чтобы вернуться на прежний путь, поскольку в противном случае ситуация зайдет слишком далеко и накопившиеся проблемы будет трудно решить.

Оценивая современное положение в экономике КНР, У Цзинлянь отмечал, что непоследовательность и ненормативность реформ на начальном этапе перехода от плановой экономической системы к рыночной создали серьезные трудности для дальнейших преобразований. Чем более длительное время будет продолжаться движение по пути, отклонившемуся от намеченной цели, тем большую цену придется заплатить за возврат на правильный путь. Как считал У Цзинлянь, успех китайской реформы в конечном счете зависит от того, удастся ли своевременно изменить те элементы существующей системы, где наметились отклонения от главной цели преобразований — создания рыночной экономики [184, с. 15].

Как следует из работы У Цзинляня, обращение к концепции Д.Норта было необходимо ему прежде всего для того, чтобы глубже осмыслить проблемы, возникшие в КНР в рамках стратегии эволюционного перехода к рынку. Интерпретируя идеи Д.Норта применительно к современной китайской ситуации, У Цзинлянь стремился показать, к каким серьезным последствиям могут привести незначительные отклонения от «целевой модели» преобразований и какую реальную опасность для реформы таит в себе длительное сохранение элементов старой системы.

Взгляды Д.Норта использовались учеными КНР и для того, чтобы продемонстрировать не только минусы, но и плюсы эволюционного подхода к реформе и теоретически обосновать избранную в КНР модель постепенного перехода к рынку. По мнению многих китайских исследователей, происходящие в КНР процессы рыночной трансформации могли быть объяснены с помощью теории новой институциональной экономики, и прежде всего концепции институциональной эволюции Д.Норта. Эта теория в значительно большей степени, чем лежащая в основе политики «шоковой терапии» неоклассическая концепция, учитывала такие черты переходной экономики, как несовершенство информации, высокие транзакционные издержки, «зависимость от пути развития», и поэтому лучше подходила для анализа переходных процессов [432, с. 15].

Раскрывая логику экономической реформы в КНР, китайские ученые не ограничивались изложением главных моментов концепции Д.Норта, а стремились развить ее на китайском материале. С их точки зрения, поскольку Китаю удалось

добиться серьезных успехов в преобразовании командно-административной системы и в то же время избежать негативных последствий «шоковой терапии», опыт китайской реформы мог быть использован при построении общей теории перехода к рыночной экономике, представляющей интерес не только для Китая, но и для стран Восточной Европы [78, с. 240]. Концепция институциональных изменений Д.Норта, дополненная с учетом опыта китайской реформы, должна была, по мнению Линь Ифу, стать вкладом ученых КНР в развитие как китайской, так и мировой экономической науки [75, с. 14, 16—17; 78, с. 240]. Продолжая работать в русле этого направления, ученые КНР не только стремились к прогрессу китайской экономической мысли, но и рассчитывали на признание ее успехов мировой научной общественностью.

Идея конкретизации концепции Д.Норта применительно к китайским условиям особенно четко прослеживается в публикациях середины 90-х годов. Продолжая использовать положения американского экономиста при изучении китайской стратегии реформ, ученые КНР стали критиковать его концепцию за абстрактность: «Теория институциональных изменений как по форме, так и по содержанию не достигла высокой степени точности, во многих отношениях она носит слишком общий характер. Это становится особенно очевидным, когда ее пытаются использовать для анализа практики реформы в нашей стране. Поэтому мы должны надлежащим образом корректировать и развивать эту теорию» [73, с. 18].

Необходимо отметить, что разработанная Д.Нортом теория институциональных изменений привлекла внимание не только китайских ученых, но и западных исследователей экономической реформы в КНР. Так, идеи Д.Норта нашли отражение в работах В.Ни об экономических преобразованиях на юге Китая и об особенностях регионального развития страны [438]. Предложенный Д.Нортом подход к проблеме эволюции институтов представлялся В.Ни плодотворным и позволяющим глубже разобраться в происходящих в КНР процессах рыночной трансформации.

В статье о политических основаниях постепенных реформ в Китае С.Голдстейн также обосновывает применимость «исторического институционализма» к анализу китайской переходной экономики. По его мнению, суть концепции «зависимости от пути развития» состоит в том, что «институты „устойчивы“, а инерция институтов означает, что „история имеет значение“, поскольку „тени прошлого“, воплощенные в институциональных установлениях, продолжают формировать

сегодняшние возможности» [419, с. 1111]. По мысли С.Голдстейна, институциональный подход представляется наиболее соответствующим китайскому материалу также и потому, что легко соотносится с известной метафорой постмаоистских реформ — «переходить через реку, нащупывая камни».

Ученый попытался дать этому тезису институционалистскую трактовку. По словам С.Голдстейна, «интерпретируя данное высказывание, многие подчеркивают важность следования по пути постепенных реформ. Однако оно включает в себе нечто большее. Если вы переходите через реку по камням, вы ограничены таким их расположением, которое вы находите. Вы не можете просто бросать камни туда, куда вы хотите, вы должны принять их такими, какие они есть, а институты, которые формируют политическое основание реформ, сами являются результатом прошлых реформ. Никакая реформируемая система не начинает своего путешествия от берега, она уже находится где-то посреди реки. Это очевидное положение часто упускается из виду при сопоставлении Китая и Советского Союза, когда не принимаются во внимание различия в институциональной природе их дореформенных экономик. Переход по камням, ведущим от брежневской России, приводит на совершенно другой путь, чем переход по камням, ведущим от маоистского Китая. Здесь особенно важны результаты исторического разветвления. Экономические институты, созданные в прошлом, препятствуют движению в определенных направлениях» [419, с. 1111].

Для того чтобы осмыслить предварительные итоги экономической реформы в КНР, китайские ученые наряду с концепцией Д.Норта обращались также и к другим новым направлениям западной экономической мысли, возникшим на основе идей Р.Коуза.

Попытка проанализировать особенности китайской экономической реформы с точки зрения теории общественного выбора (public choice) была предпринята в статье Фань Гана [198]. Цель исследования Фань Гана состояла в том, чтобы, используя модель «парадокса голосования», выдвинутую в рамках теории общественного выбора, объяснить, почему пути реформы в социалистических странах различались и почему некоторыми странами была избрана стратегия радикальных реформ, а не путь постепенных преобразований.

Фань Ган выделил в обществе три условные группы людей, каждая из которых имеет особые экономические интересы, и предположил, что общество имеет возможность выбирать из трех альтернативных вариантов: X — не реформировать прежнюю экономическую систему, Y — реформировать ее посте-

пенно и Z — реформировать в короткие сроки. Каждая группа людей могла расположить эти три варианта в таком порядке, который соответствовал ее предпочтениям, после чего, используя процедуру голосования, предлагалось перейти к определению шкалы предпочтений в обществе. В случае, если три предложения будут поставлены на голосование одновременно, можно ожидать, что каждая группа будет голосовать за свое предложение и ни одно из предложений не получит большинства голосов. Поэтому избирается иная процедура определения предпочтений и принимается решение о двух турах голосования: сначала голосуются два предложения, а потом третье и победившее в первом туре предложение. В результате такой процедуры голосования может быть сделан выбор, не отражающий основных предпочтений в обществе, и возникает ситуация, получившая название «парадокса голосования».

Показав зависимость результатов голосования от его процедуры, Фань Ган использовал этот тезис для объяснения исторических реалий. Когда в процессе исторического развития перед обществом встает вопрос об определении наиболее подходящего проекта реформы, писал он, последовательность выбора часто заранее определена, а не избирается произвольно. На начальном этапе реформы общество сначала должно сделать выбор между двумя вариантами: X или Y. В случае, если побеждает вариант X, т.е. принимается решение о том, чтобы отложить проведение реформы, во «втором туре» проводится «голосование» по двум предложениям: X или Z. Если к моменту «второго тура» необходимость реформы станет уже очевидной, предпочтение отдается варианту Z, т.е. принимается решение о быстром реформировании прежней системы. Именно таким образом, по мнению Фань Гана, складывалась ситуация в бывшем Советском Союзе и в странах Восточной Европы, где на протяжении долгого времени проведение реформы откладывалось (вариант X), а в 80-е годы, когда путь постепенной реформы стал уже невозможным, была избрана стратегия радикальных преобразований прежней системы (вариант Z).

На основании проведенного анализа Фань Ган заключал, что главная задача реформаторов должна состоять в том, чтобы «не упустить благоприятный момент для проведения реформы» [198, с. 21], поскольку, если возможности для постепенных преобразований не будут своевременно использованы, в новых исторических условиях останется лишь один путь — проведение радикальных реформ. Фань Ган не был согласен с оценками тех ученых, которые объясняли выбор модели радикальных преобразований «отсутствием рационального под-

хода в обществе» [198, с. 24]. С его точки зрения, выбор каждого из членов общества был рациональным, нерациональность возникала в процессе реформы и была связана с процедурой определения предпочтений, в ходе которой могла возникнуть ситуация, сходная по сути с «парадоксом голосования».

Хотя Фань Ган прямо не ссылаясь на китайский опыт, анализ его статьи свидетельствует, что, когда ученый писал о стратегии постепенных реформ и противопоставлял ее опыту преобразований в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы, он имел в виду опыт экономической реформы в КНР. На наш взгляд, предложенный Фань Ганом вариант объяснения процессов, происходивших в социалистических странах, представляется весьма интересным и позволяет глубже понять специфику китайского пути развития.

Еще один пример использования теории прав собственности для объяснения успеха китайской реформы — статья Цянь Инъи (Стэнфордский университет) и Сюй Чэнгана (Лондонская школа экономики) [253]. Чтобы показать отличие китайской реформы от преобразований в других социалистических странах, они обратились к теории экономических организаций.

Основой их рассуждений послужило предложенное О.Уильямсоном деление иерархических структур на два типа — U и M, трактовка которых была модифицирована китайскими авторами. Если О.Уильямсон применял эти понятия для характеристики отдельных фирм, то Цянь Инъи и Сюй Чэнган использовали их при описании экономики в целом. Под структурой типа U имелась в виду высокоцентрализованная вертикальная иерархическая структура, построенная в соответствии с принципом отраслевого управления (*тяотяо*). Именно такая структура, как указывали авторы, сложилась в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы. Для социально-экономической системы как традиционного, так и современного Китая был характерен другой тип структуры, получивший название структуры типа M. В ее основе лежал принцип территориального управления (*куайкуай*), а главная особенность заключалась в высокой степени автономности местных правительств. Ученые обращали внимание на тот факт, что еще в дореформенный период в Китае сложилась ситуация, при которой местные правительства, не имевшие возможности «торговаться» с центром, были вынуждены делать ставку на развитие негосударственных секторов экономики, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей своей административной единицы. В период осуществления рефор-

мы эта тенденция стала прослеживаться особенно четко, негосударственные секторы экономики не только получили дальнейшее развитие, но и, как считали Цянь Инъи и Сюй Чэнган, сыграли решающую роль в переходе китайской экономики к рынку и обеспечили успех преобразований всей системы. Таким образом, согласно их концепции, именно особая структура китайской экономики (иерархическая структура типа М) создала условия для эволюционного развития негосударственных секторов и позволила избежать крупных потрясений при движении к рынку.

Ученые признавали, что структура типа М имеет серьезные недостатки, однако в статье они специально не рассматривались. Свою главную задачу Цянь Инъи и Сюй Чэнган видели в том, чтобы провести сравнительный анализ двух типов структур (U и М) и раскрыть связь структуры типа М с подъемом негосударственных секторов китайской экономики. Различие двух типов структуры ученые видели прежде всего в масштабах производства и степени специализации экономики, которые в условиях структуры типа М были значительно меньшими, чем при структуре типа U. В области обеспечения информацией структура типа U также обладала сравнительными преимуществами. Вместе с тем структура типа М создавала благоприятные условия для проведения экспериментов, в то время как в условиях структуры типа U возможности экспериментирования были ограничены. Ученые отмечали, что в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы также проводились эксперименты, однако при господстве структуры типа U, для которой характерна высокая степень зависимости различных районов друг от друга, шансы на успех регионального эксперимента были небольшими, а распространение его на другие районы сопряжено с серьезными трудностями; неудача эксперимента могла негативно повлиять на экономику всей страны. При структуре типа М таких проблем не возникало, издержки региональных экспериментов оказывались сравнительно низкими, а неудача эксперимента слабо сказывалась на других регионах.

Проследивая связь структуры типа М с развитием негосударственных отраслей, Цянь Инъи и Сюй Чэнган указывали, что именно она послужила «непосредственной причиной» быстрого роста негосударственного сектора в ходе реформы [253, с. 37]. При структуре типа М местные руководители не могли рассчитывать на помощь со стороны государства при решении их проблем и, в свою очередь, не имели возможности оказывать финансовую поддержку негосударственным предприятиям. Поэтому бюджетное ограничение последних было жест-

ким, что положительно влияло на эффективность негосударственных секторов. Наличие горизонтальных хозяйственных связей между районами в рамках структуры типа М также способствовало развитию негосударственного сектора и укреплению его конкурентоспособности. Имело значение и то обстоятельство, что структура типа М создавала возможности для предпринимательства: в условиях, когда у местных руководителей было мало шансов подняться наверх по служебной лестнице, они сосредоточивали усилия на бизнесе. В целом, как заключали Цянь Инъи и Сюй Чэнган, структура типа М давала мощный стимул развитию негосударственного сектора, что, в свою очередь, способствовало движению к рынку всей китайской экономики.

По мнению ученых, значение концепции двух типов иерархических структур состояло также и в том, что она позволяла лучше понять причины успеха таких направлений экономической реформы в КНР, как открытость, преобразования в деревне, перестройка системы цен. Например, структура типа М значительно облегчила введение системы двухколейных цен, которая фактически существовала в Китае и ранее, а в 80-е годы была лишь легализована. Исходя из особенностей структуры типа М, они объясняли и прогресс Китая в создании особых экономических зон, рассматривая открытую экономическую политику как своеобразный эксперимент по использованию иностранного капитала. Таким образом Цянь Инъи и Сюй Чэнган обосновывали принципиальное отличие реформы в КНР от преобразований в других социалистических странах.

Оценивая значение китайского опыта реформ, ученые исходили из теории институциональных изменений Д.Норта. Они утверждали, что переход Китая к рынку наилучшим образом может быть понят как «эволюционный процесс, характерная особенность которого — зависимость от пути развития» (цит. по [419, с. 1110]). Именно поэтому китайский опыт не может и не должен полностью заимствоваться другими странами. «Если же необходимо дать другим странам и регионам рекомендации на основании китайского опыта экономических реформ, то следует прежде всего принимать во внимание различия в организационной структуре управления экономикой и институциональной среде» [252, с. 253].

Обращение к современному институционализму для обоснования особого пути китайской реформы — отличительная черта третьего этапа изучения в Китае взглядов Р.Коуза и его последователей. Эта тенденция прослеживалась и в многочисленных публикациях, посвященных влиянию китайской тра-

диции на изменения в экономике, и в материалах, где неоинституционалистские теории применялись для обобщения итогов экономической реформы в КНР. Осмысливая опыт китайской реформы с позиций современного институционализма, ученые КНР акцентировали внимание на положительных результатах хозяйственных преобразований и предлагали использовать рациональные элементы этого опыта на последующих этапах перехода к рынку. Круг работ теоретиков нового институционализма, к которым обращались китайские экономисты, заметно расширился, наряду со статьями Р.Коуза ученые КНР стали привлекать работы О.Уильямсона, Д.Норта, Дж.Бьюкенена.

Интерес к их исследованиям в эти годы был вызван потребностями научного характера, а не политическими соображениями, как в период после июньских событий 1989 г. На новом этапе экономических дискуссий в КНР была продолжена работа по переводу и комментированию трудов современных институционалистов, большое внимание уделялось выяснению подлинного смысла их концепций, анализу используемых ими терминов и определений. Новый институционализм по-прежнему оказывал ощутимое влияние на развитие китайской экономической мысли, многие подходы западных теоретиков заимствовались учеными КНР и находили отражение в их построениях. Однако, излагая свои взгляды, китайские исследователи часто не упоминали о неоинституционалистских теориях, поскольку многие их положения уже ассимилировались и стали составной частью китайской экономической науки.

Анализ работ ученых КНР позволяет заключить, что знакомство с концепциями современных институционалистов имело важное значение для развития китайской экономической науки. Идеи Р.Коуза дали возможность значительно обновить ее аналитический арсенал и глубже осмыслить опыт проводимых в стране хозяйственных преобразований. В Китае не только восприняли методологические подходы Р.Коуза и его последователей, но и стали широко использовать новую терминологию («спецификация прав собственности», «трансакционные издержки», «экстерналии», «оппортунистическое поведение», «зависимость от пути развития»).

Анализ публикаций середины 80-х — начала 90-х годов позволил выделить некоторые характерные особенности изучения в Китае зарубежной экономической мысли.

Повышенный интерес в Китае был проявлен к «позитивным» экономическим теориям: концепции, позволявшие вскрыть общие закономерности функционирования реальных

экономических систем, представлялись ученым КНР более предпочтительными, нежели «нормативные», пытающиеся нарисовать идеальную модель экономики.

Особой популярностью среди китайских исследователей пользовались те работы зарубежных экономистов, которые были написаны с максимальной доступностью и отличались конкретностью анализа.

Внимание китайских ученых привлекли концепции, в которых «расширительно» толковались задачи экономической науки: в сферу ее исследований включались вопросы поведения, обычаев и традиций.

В Китае особенно заинтересовались теориями, в основе которых лежала идея «ограничений» экономической деятельности. Так, ученые КНР высоко оценивали концепцию Я.Корнаи, характеризовавшего капиталистическую экономику как ограниченную спросом, а социалистическую — как ограниченную ресурсами и сформулировавшего гипотезу нежесткого бюджетного ограничения социалистического предприятия. Китайские исследователи считали плодотворным методологический подход Р.Коуза, который обратил внимание на особый класс ограничений, обусловленных институциональной структурой общества. Экономическим теориям, выдвигавшим на первый план проблему «правил игры», отдавалось большее предпочтение, чем концепциям, в которых идея ограничений прослеживалась недостаточно четко.

Следует отметить, что восприятию в Китае зарубежных экономических концепций также были свойственны характерные черты. Теории зарубежных экономистов изучались в КНР глубоко и всесторонне, труды западных ученых переводились на китайский язык, публиковались многочисленные материалы, в которых излагались ключевые положения теории и исследовался ее понятийный аппарат. Ученые КНР прослеживали этапы формирования теории, анализировали новые направления экономической мысли, возникшие на ее основе. Внимание уделялось не только изучению самой теории, но и критических замечаний, высказанных в ее адрес. В результате научная общественность получала довольно полное представление о той или иной теории, ее отдельные элементы заимствовались китайской экономической наукой и начинали использоваться для анализа экономической ситуации в КНР.

Существенная особенность восприятия китайской экономической наукой зарубежных экономических теорий заключалась в ее высокой способности усваивать и перерабатывать различные идеи. Многие подходы, предложенные зарубеж-

ными экономистами, интегрировались в концепции ученых КНР и интерпретировались применительно к условиям Китая. Новые идеи, почерпнутые из различных и даже противоречивых доктрин, преломлялись сквозь старые знания и сосуществовали в теоретических построениях китайских ученых.

**«Китаизация» экономической мысли КНР.
Критика неоклассических концепций
и теоретическое осмысление национальной специфики**

Интерес китайских ученых к западной экономической теории был связан не только с процессами осмысления практики китайских реформ. Современная западная экономическая теория послужила стимулом для глубоких размышлений о сущности экономической науки как таковой, ее предмете, границах и методе. Начиная с середины 90-х годов ученые КНР обсуждают вопрос о состоятельности классического понимания экономической теории как абстрактной науки о рациональном выборе.

Одной из важных тем дискуссий в этой сфере стала проблема человеческого поведения. На первый план выдвинулся вопрос о том, каким образом возможно описать его при помощи моделей, отличающихся от модели рационального максимизатора полезности или прибыли, лежащей в основе господствующего на Западе неоклассического направления экономической теории. Важнейшими компонентами этой исходной модели являются целенаправленность человеческого поведения, предположение о совершенной информации, доступной при выборе и принятии решений, а также интеллектуальные способности человека, позволяющие ему рассчитать результаты своих поступков и выбрать наилучший вариант (см. [327, с 56—60]).

Китайские исследователи обратились к теме ограниченности рационалистической модели, поскольку в ходе реформ обостренно проявилась проблема нерационального поведения субъектов рынка, которое не может быть удовлетворительно объяснено с помощью неоклассической экономической теории. Современная западная критика рационалистической концепции и разработка проблем нерационального поведения стали дополнительным внешним стимулом для китайских теоретиков.

Ученые КНР полагают, что на этапе становления рыночной экономики в Китае, когда еще не созданы полностью необходимые нормы и институты рынка и не отлажены механизмы контроля со стороны правительства, создаются предпосылки для нерационального поведения на различных уровнях функционирования экономики [257, с. 7—8]. Помимо неразвитости механизмов рынка и их законодательной основы реально существующие общественные связи, субъективные отношения и личностные предпочтения образуют в китайской рыночной экономике значительный «пласт», не поддающийся анализу с точки зрения теории рационального выбора. Низкий уровень рыночной культуры (в ее западном понимании) у многих субъектов китайского рынка также способствует принятию экономических решений с нерациональной мотивацией. Игнорирование нерациональных факторов при разработке экономических планов и программ ведет к появлению «непредсказуемых» с точки зрения рационалистической теории диспропорций и перегревов в экономике, что побуждает китайских ученых к исследованию нерационального в экономике для преодоления разрыва имеющейся теории с практикой.

Интерес китайских ученых к теме нерационального поведения в экономике обусловил их внимание к идеям зарубежных экономистов, выступавших против абстрактных представлений о поведении человека, господствующих в западной экономической науке. Китайские ученые часто ссылаются на Р.Коуза, критически назвавшего современную западную экономическую мысль «экономикой классной доски», и призывают переходить от нее к экономике реального человека (см. [257, с. 9, 10, 25]). Углубленное исследование того, как ставится данная проблема в западной литературе, можно найти в работе Чжан Сюна [257].

Приоритет в ее постановке он отдает одному из основоположников американского институционализма, Т.Веблену, критиковавшему представления о человеке как об эгоисте с рациональным мышлением, интересующемся только деньгами, «молниеносно вычисляющем удовольствия и страдания, колеблющемся, подобно однородному шарикю, целиком состоящему из желания счастья, под воздействием стимулов, которые перемещают его в пространстве, ничего не меняя внутри его» (цит. по [395, с. 41]). По мнению Чжан Сюна, Т.Веблен первым выступил с опровержением лежащей в основе ортодоксальной экономической науки «гедонистической теории поведения», согласно которой «*homo oeconomicus*» стремится исключительно к получению максимальной выгоды для себя и подчиняет свои действия «арифметике пользы». Такая трак-

товка человека представляет его как пассивное существо, не имеющее внутренних поведенческих импульсов и ведущее себя как механизм, что, с точки зрения китайского автора, не соответствует реальности и не соотносится с данными психологии [257, с. 80—81].

Чжан Сюн также ссылается на известную работу М.Холлиса и Э.Нелла «Рациональный экономический человек. Философская критика неоклассической экономической теории» [421]. По словам этих ученых, «практически ни в одном учебнике не объясняется прямо, что такое рациональный экономический человек. Имплицитно предполагается, что таковой существует где-то между затратами и выпуском, стимулом и реакцией. Он не высокий и не низкий, не толстый и не худой, не женат и не холост; мы не знаем, любит ли он собак, любит ли свою жену, нравятся ли ему детские игры больше, чем стихи, мы не знаем, что он будет делать. Однако мы знаем — что бы он ни делал, он, несмотря ни на что, будет стремиться к максимизации» (цит. по [257, с. 81]).

Чжан Сюн находит доводы против гипотезы полной рациональности и в знаменитой работе Дж.М.Кейнса: «Наша критика общепринятой классической экономической теории заключалась не столько в отыскании логических изъянов ее анализа, сколько в установлении того факта, что ее молчаливые предпосылки редко или даже никогда не бывают убедительны и что она не может разрешить экономических проблем реальной жизни» [349, с. 453]. Чжан Сюн разъясняет, что английский экономист не выступал прямо против концепции человека, разработанной в рамках классической теории. Однако поскольку общеизвестно, что постулат о рациональном поведении лежит в основе этой теории, то мысль о его несостоятельности у Дж.М.Кейнса «подразумевается сама собой» [257, с. 82]. В качестве другого свидетельства негативного отношения Дж.М.Кейнса к концепции рационального поведения приводится его критика классических представлений об идеальном рынке, интерпретированная китайским ученым как «отрицание „полностью рационального рынка“ и „полностью рационального человека“» [257, с. 82].

Среди западных ученых, поставивших под сомнение идею рационального поведения, Чжан Сюн также называет Ф.Хайека, который подошел к проблеме рациональности с особых позиций. В работе «Индивидуализм и экономический порядок» он утверждал, что в трудах основоположника классической школы А.Смита не содержится постулата о рациональном поведении «*homo oeconomicus*» и что концепция рациональности была приписана А.Смиту позднее. С точки зре-

ния Ф.Хайека, если внимательно изучить основное сочинение А.Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», можно заключить, что человек нередко предстает в нем как «ленивый», «неблагоразумный» и «расточительный» по своей природе (см. [257, с. 83]).

Начало нового этапа в разработке проблемы человеческого поведения Чжан Сюн связывает с появлением работ профессора Чикагского университета, лауреата Нобелевской премии по экономике Г.Беккера, который первым включил в сферу экономического анализа не только рациональное, но и иррациональное поведение и выдвинул тезис о том, что «экономическая теория как научная дисциплина более всего отличается от прочих отраслей общественнознания не предметом, а своим подходом», уникальность которого состоит в способности интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения (цит. по [327, с. 26]). Главную заслугу американского экономиста Чжан Сюн видит в том, что «Беккер в крайне мягкой форме полноправно ввел нерациональность в сферу исследований экономической теории» [257, с. 17]. Вместе с тем, как справедливо отмечает китайский ученый, Г.Беккер не отказался от рационалистической концепции. Напротив, он дал рациональное обоснование нерациональности, показав, что все человеческое поведение в целом подчинено одним и тем же фундаментальным принципам, важнейшим из которых является принцип рационального максимизирующего поведения [257, с. 17].

С точки зрения Чжан Сюна, наибольший вклад в разработку проблемы нерационального поведения внес другой лауреат Нобелевской премии — Г.Саймон, профессор университета Карнеги-Меллона (США). В отличие от Г.Беккера, который не только не вышел за рамки рационалистической концепции, но и расширил сферу ее применения, Г.Саймон выступил с «беспощадной критикой» представлений о полной рациональности поведения «*homo oeconomicus*» [257, с. 17]. Значение его работ видится прежде всего в том, что он отвел проблеме «нерациональности» весьма важное место. Высокую оценку получила выдвинутая Г.Саймоном концепция «ограниченно-рационального поведения», описывающая процесс рационального принятия решений в условиях ограниченной информации. В соответствии с его определением «ограниченная рациональность» предполагает, что субъекты в экономике *стремятся* действовать рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в *ограниченной* степени» (цит. по [392, с. 41]).

Особое внимание в Китае привлекли рассуждения Г. Саймона о том, что в условиях неполной информации экономические субъекты не обязательно руководствуются в своей деятельности принципом максимизации полезности, а довольствуются достижением удовлетворительного результата. Это придает новый смысл категории рациональности, которая перестает рассматриваться как поиск наилучшего решения. Чтобы проиллюстрировать данное положение, Чжан Сюн обращается к конкретному примеру, приводимому Г. Саймоном: «Предположим, что в стоге сена рассыпаны иголки. Если стремиться к наилучшему варианту, необходимо сначала найти все иголки, а затем, сравнив их, выбрать самую хорошую. Если же искать решение, „соответствующее притязаниям“, то достаточно найти одну иголку, которая подходит для шитья» (цит. по [257, с. 87]). На практике это означает, что теория рациональности, не учитывающая ограниченности интеллектуальных способностей, информационных ресурсов и поисковых возможностей реального индивида, не только несовершенна, но и потенциально опасна, поскольку предлагаемая экономическая стратегия может оказаться несовместимой с объективной действительностью.

Обращаясь к рыночной практике, Чжан Сюн сделал вывод, что «поведение абсолютного большинства действующих на рынке субъектов относится ко второму типу. Это происходит потому, что процесс поиска наилучших решений намного сложнее, чем поиск решений, „соответствующих притязаниям“, поэтому издержки существенно растут» [257, с. 87]. Принимая во внимание приверженность китайских реформаторов прагматическому подходу к преобразованиям, можно сделать вывод, что концепции «ограниченной рациональности» и «удовлетворительного результата» вполне соответствуют этому подходу.

Известный экономист Шэн Хун отмечал, что дополнительным свидетельством несостоятельности концепции «полной рациональности» служит негативный опыт плановой системы. Весьма важно, что в конкретном контексте китайских дискуссий критика рациональности включает в себя как полемику с рационализмом западной традиции, так и осмысление собственных представлений о всемогуществе плана и человеческого разума, сложившихся во времена господства централизованной экономики.

В признании ограниченной рациональности Шэн Хун видит подтверждение ограниченности интеллектуальных возможностей зарубежных теоретиков. Следовательно, заключает он, простое использование западной теории для анализа и

оценки других культурных традиций и институтов содержит в себе огромную опасность [304, с. 50]. Поэтому не следует «исправлять» национальные традиции исходя из ограниченных теорий, сложившихся в иной культуре и несходной институциональной среде. Очевидно, что споры на темы ограниченности рационального в экономике в условиях современного Китая становятся частью дискуссий о «китайском» и «иностранным» путях развития нации. По словам Шэн Хуна, «по существу, я выступаю против полной вестернизации, опираясь на те же основания, что и в случае критики плановой экономики» [304, с. 55].

Современные китайские исследователи скептически относятся к сведению многообразия экономической жизни к формальным математическим моделям, построенным на базе рационалистической концепции. Чжан Сюн ссылается на ученого из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе А.Лейонхуфвуда, писавшего, что в западной экономической мысли математические модели из орудий анализа превратились в некие культовые тотемы экономической «касты», служащие ритуалу и по большей части не имеющие никакого практического применения [361, с. 279]. Однако китайский ученый выходит далеко за рамки шуточных рассуждений А.Лейонхуфвуда. Отталкиваясь от них, он обращается к принципам, которые в разной форме провозглашаются во всех сферах общественных наук КНР: исходить из китайских реалий, а не из абстрактных теорий, прокладывать путь развития страны с учетом национальной традиции. «На экономических факультетах университетов „модели“ оцениваются за их математическую „красоту“, а такие факторы, как практика экономической жизни, исторические и культурные традиции, социальные институты, — все это совсем не принимается во внимание творцами „моделей“» [257, с. 68].

В результате анализа западной экономической литературы Чжан Сюн приходит к заключению, что критика методологии, основанной исключительно на рационализме (*вэйлисинчжуи*), только начинается, расцвет ее придется на следующее столетие. Ссылаясь на многочисленные примеры критики рационализма в иных сферах общественного знания, Чжан Сюн выдвигает спорный тезис о том, что неоклассическое направление экономической теории стало «последним оплотом» рационалистической традиции. Поскольку темы иррационального наиболее успешно разрабатывались в западной философии и психологии, китайский автор призывает «непрестанно укреплять союз философии и экономики, дать экономике не-

обходимый инструментарий философского метода» [257, с. 89].

Необходимо отметить, что в китайском контексте обосновываемые ссылками на мировую науку призывы к критике рационалистической парадигмы приобретают иное значение. Как отмечает сам Чжан Сюн, чрезмерное преувеличение логического смысла гипотезы рациональности сложилось в мировой экономической теории в итоге более чем 200-летнего пути ее развития [257, с. 2]. В классической китайской мысли рационалистическая традиция в данном понимании была выражена несопоставимо слабее, чем на Западе. Поэтому критика рационализма будет менее актуальной для Китая, возобновившего серьезное освоение мировой экономической мысли лишь в 80-е годы. Более того, поспешный вывод об утрате рационалистической парадигмой своего научного значения способен негативно повлиять на развитие китайской экономической науки. Можно предположить, что интерес к зарубежной критике рационализма отчасти связан со сложившейся в новое время ориентацией китайских мыслителей на поиск на Западе того, что подобно китайскому, легко узнаваемо и воспринимается и свидетельствует о ценности национальной традиции.

Связывая концепцию иррационального с изучением практики рынка, Чжан Сюн предлагает ввести в сферу исследований китайской экономической науки такие проблемы, как желания (*юйван*), привычки и стереотипы поведения (*сису*), бессознательное (*уиши*), чувства (*цингань*) и эмоции (*цинской*), и проанализировать воздействие этих факторов на рыночные отношения в КНР. По мнению ученого, это позволит глубже понять причины таких явлений, как неопределенность, несовершенство информации, рыночное неравновесие, провалы рынка, столь характерных для современного этапа перехода китайской экономики к рынку; более того, будет способствовать «трансформации день ото дня становящейся все более и более абстрактной „экономики классной доски“ в „экономику реального человека“» [257, с. 10].

Сходные идеи были высказаны крайне популярным в экономических кругах КНР Д.Нортом в Нобелевской лекции, переведенной на китайский язык [120]. Американский ученый обратил внимание на то, что гипотеза рационального выбора может быть верной применительно к поведению индивида в условиях высокоразвитой современной рыночной экономики, однако она явно ошибочна в условиях неопределенности [120, с. 20]. Вывод Д.Норта о том, что именно эта неопределенность формировала и продолжает формировать специфику

экономического и политического выбора в ходе исторического развития, вполне соответствует направлению мысли современных китайских экономистов.

Критически пересматривая классическое определение экономической теории, китайские ученые подвергли сомнению не только тезис о рациональности поведения, но и понимание экономики как науки о выборе.

Показательно, что китайские ученые обратились не к западному материалу, а к собственным теоретическим разработкам. Объектом критики стали взгляды Фань Гана, умело и профессионально пользующегося инструментарием западной экономической науки. Он называет экономическую науку «наукой о выборе» (*сюаньцзэ дэ сюэвэнь*) и считает, что данное определение в его расширительном понимании может быть распространено на всю человеческую жизнь [203]. Этот выход теоретика-экономиста на уровень мировоззренческих обобщений вызвал критическую реакцию на страницах популярного у китайской интеллигенции журнала «Ду шу»: «Долгое время „наука о выборе“ была прерогативой философов. Однако „метафизические“ (*синьэршан*) атрибуты философии и таинственность теорий уводили рассуждения в заоблачные сферы, многие люди мечтали познать эту науку, но она была для них недостижимой, оставаясь достоянием небольшого числа аристократов духа, способных владеть этим „элитным знанием“. Что хочет сделать и что уже делает Фань Ган — это использовать „земную“ (*синьэрся*) экономическую науку для „популяризации“ (*су*) этого знания и снятия его с заоблачных вершин.

Экономическое понятие „альтернативные (вмененные) издержки“ (*цзихуй чэнбэнь*) в его строгом профессиональном определении многим людям было неоткуда узнать, но это и неважно. Важно то, что Фань Ган ввел его в жизнь обычных людей и „популярно“ показал им, в чем оно заключается и как применяется. Стержнем понятия „альтернативные издержки“ является то, что любое действие не следует квалифицировать как хорошее или плохое, его надо оценивать исходя из того, приносит ли оно выгоду или же ведет к убыткам» [131, с. 75].

Упомянутое в цитате понятие «альтернативные издержки» («*opportunity costs*») в современной экономической теории означает ценность, которую можно было получить в результате альтернативного действия, от которого пришлось отказаться [388, с. 366]. В западной экономической мысли, в русле которой писал Фань Ган, альтернативные издержки считаются основным движущим мотивом, заставляющим производителей максимизировать свои прибыли.

В китайских дискуссиях обсуждение проблем «альтернативных издержек» обретает очертания, знакомые по тысячелетней истории китайской культуры, становясь спором о соотношении «выгоды» и «долга», т.е. выбора, направленного на максимизацию прибыли, и моральных ценностей.

Су Куй продолжает: «Используя популярный язык изложения, Фань Ган сообщает людям, что понятие „альтернативные издержки“ помогает людям в „выборе“. Через „альтернативные издержки“ Фань Ган дает нам увидеть, что красота человеческой жизни (*жэньшэнь мэицзин*) вовсе не описывается упрощенным образом словом „успех“ (*чэнгун*)... Красота человеческой жизни связана не только с „предпочтениями“ или ценностными ориентациями индивида, но также с понесенными им издержками... Однако при благоприятных или недобрых поворотах судьбы — росте доходов или увеличении убытков — действительно ли необходимо раскрывать свою душу, следует ли терпеть нужду и страдания? В своем решении уравнения судьбы Фань Ган дает ответ: „Экономика как наука в принципе не дает никаких моральных поучений“, „что она может делать — при предпосылке учета специфических предпочтений с помощью позитивных методов сообщить нам, как надо поступать, а также в соответствии с предпочтениями предложить оптимальный вариант выбора“» [131, с. 75].

На фоне идущего в КНР в 90-е годы за рамками профессиональных экономических дискуссий идеологизированного обсуждения общих проблем выбора национального пути развития, морального воспитания и оценки китайской традиции можно понять, что стремление Фань Гана вынести экономически интерпретируемые проблемы выбора и предпочтений за пределы этики встретит негативную оценку. Ряд авторов полагает, что ориентация официальных теоретиков «социализма с китайской спецификой» на неразделимое слияние проблем человека, морали, экономики и рынка может быть наилучшим образом объяснена через традиционный китайский менталитет. Тайваньский ученый Ши Чжиюй отмечает, что понятие «альтернативные издержки» отсутствовало в имперской политической традиции, и обращает внимание на сложность его отношений с конфуцианским сознанием: «Если альтернативные издержки используются экономистами для определения рациональности решения, то конфуцианцами — для измерения ценности своих целей. Высокие альтернативные издержки не волнуют конфуцианцев; напротив, отсутствие альтернативных издержек вызывает у них заметно большее беспокойство. Альтернативные издержки означают для них приносимую жертву, и чем она значительнее, тем ярче их вер-

ность. Эта установка сознания явно не ведет к экономической эффективности» [455, с. 19].

По мнению Ши Чжияя, понятие об альтернативных издержках не сформировалось в КНР и при социалистическом строе в 50—70-е годы. Теоретическое обсуждение проблемы началось в русле споров об экономической реформе в 80-е годы. Тайваньский ученый заключает, что, «будучи естественным понятием, альтернативные издержки не есть исключительный аналитический инструмент профессиональных экономистов. Проведение политики на основании сравнения потенциальных выгод и альтернативных издержек, конечно, явно не в стиле традиционного режима... То, что понятие „альтернативные издержки“ стало легитимной темой споров, делает режим менее зависимым от использования моральных стимулов для мобилизации ресурсов. Даже духовные цели должны пройти проверку на издержки. В этом контексте социализм в Китае сможет выжить, только если он также обретет некоторые будничные функции, увеличивающие материальные поступления или сокращающие издержки для населения» [455, с. 31].

Можно сделать вывод, что понятие «альтернативные издержки» будет и далее укореняться в китайской экономической теории в процессе углубления реформ и дальнейшего освоения западной мысли. Однако попытки его мировоззренческой интерпретации встретят критическую реакцию из-за конфликта с официальной линией на трактовку экономики в понятиях морали (см. [64]), что связано с комплексами как традиционных конфуцианских, так и социалистических ценностей «духовной цивилизации с китайской спецификой».

В своем выступлении о статусе экономической теории как общественно-научной дисциплины Фань Ган подчеркнул, что понимает общественные науки прежде всего как науки, не разделяемые государственными границами. Он конкретизировал свою мысль следующим образом: «Общественные науки, как, например, фундаментальная экономическая теория, не имеют границ, что же касается конкретных экономических решений, то их применение обладает национальными границами и связано с особенностями национальной специфики и традициями. Это различие не проясняется, когда в настоящее время высказывается обеспокоенность в связи с вестернизацией китайских общественных наук. Если говорить о фундаментальной западной экономической теории, то вопрос для нас определенно состоит прежде всего в ее изучении. Здесь нет проблемы западной угрозы. Подлинная опасность вестернизации возникает тогда, когда слепо заимствуются конкрет-

ные экономические решения, разработанные на Западе, когда слепо верят мнениям западных экономистов о китайской экономике. Вот эти поверхностные суждения как раз и не заслуживают изучения» [306, с. 97].

«Проблема западной угрозы» в экономической науке обсуждается в КНР в середине 90-х годов весьма широко. Пути противостояния «полной вестернизации» китайским экономистам видятся не только отделение западной теории от практических предложений западных экономистов (как это предлагает Фань Ган и близкие ему по духу теоретики), но и пересмотр в национальном ключе фундаментальных основ западных экономических идей. Шэн Хун, активно выступающий с идеей учета китайской специфики при разработке экономической теории, заявляет о западной экономической мысли, что «чем более мы продвигаемся вперед, тем больше можем обнаружить в ней существенных недостатков и сомнительных мест в ее основаниях» [237, с. 53]. К числу таких «сомнительных оснований» Шэн Хун относит тезис о максимизации прибыли и рассмотрение экономической жизни с точки зрения издержек и выгод: «Психология стремления к максимизации прибыли совершенно естественна, но если не будет моральных ограничений, то могут возникнуть проблемы» [237, с. 54].

Китайская критика западной экономической мысли концентрируется вокруг тезиса о недостаточном внимании классической теории к моральной проблематике. Шэн Хун называет интерес к теме морали не иначе как «критерием зрелости экономиста»: «Когда только начинают заниматься экономической теорией, то знают лишь, что обойтись без рынка нельзя. Но в процессе размышлений выявляется, что обществу нужны еще и мораль, религия и самодисциплина» [237, с. 54]. Причину «незрелости» ряда западных и китайских экономистов он видит в том, что «мораль имеет „неоформленный“ (усин) характер, по сути, это неявное общественное соглашение. Но из-за ее неоформленности и естественности люди нередко смотрят на нее, но ее не видят. Они считают, что мораль не играет роли, однако в реальной жизни часто имеют значение такие факторы, которые мы привыкли не замечать. В исследованиях многих экономистов этот момент игнорируется» [237, с. 54—55].

На наш взгляд, с тезисом Шэн Хуна о том, что западная экономическая теория не занимается проблемами морали, вряд ли можно согласиться. Достаточно упомянуть имя Ф.Хайека, в чьих трудах моральная проблематика занимает значительное место. Заслуживает внимания тот факт, что он

пользуется особой популярностью среди тайваньских ученых-экономистов. По нашему мнению, его популярность на Тайване объясняется не только антикоммунистическими взглядами ученого и практическими потребностями экономического развития Тайваня, обусловившими интерес к Ф.Хайеку как оппоненту Дж.М.Кейнса, но и глубокой разработкой в его трудах проблем взаимоотношений между людьми, институтов, традиций и морали. В отличие от Тайваня, в континентальном Китае труды Ф.Хайека долгое время не получали признания, что связано прежде всего с содержащимися в них выводами о несостоятельности социализма, противоречащими официальным установкам руководства страны. Именно соображения политического характера стали препятствием для углубленного изучения в КНР идей Ф.Хайека и исключили из поля зрения китайских экономистов его разработки по проблемам морали. Только сейчас в китайской периодике появились статьи, посвященные трудам Ф.Хайека «Индивидуализм и экономический порядок» и «Конституция свободы» [472а, 1997, № 4, с. 76—78, № 8, с. 90—98].

Шэн Хун охарактеризовал схему отношений морали и рынка как некую «целостную структуру», подобную «деревянному сосуду, где отсутствие одного из звеньев делает весь сосуд непригодным. Элементы этой структуры служат основой друг для друга» [237, с. 53]. Ученый подчеркивает, что «взаимность» основы в его теории отличается от образа «пирамиды», где проще обнаруживается иерархия уровней построения системы. В изложении Шэн Хуна в сферу экономической теории вводится понятие не только морали, но и религии: «Для любой нации, государства, культуры обязательно должна быть опора на институт самодисциплины, т.е. на религию и мораль. Если этих вещей не хватает или они отсутствуют, то рынок, демократия и правовые институты не могут функционировать эффективно и даже могут развалиться» [237, с. 53].

На Западе классическим примером исследования связи экономического процветания с религиозной этикой стали труды М.Вебера (примечательно, что, по мнению Шэн Хуна, на Западе роль христианской этики в подъеме экономики была намного важнее, чем об этом писал сам М.Вебер). Однако нельзя не заметить, что в западной науке существует разделение социологической и экономической теорий, тогда как суждения ряда китайских теоретиков свидетельствуют не столько о пересмотре классического содержания экономической мысли, сколько о введении в нее социологических тем и подходов. Можно согласиться с Шэн Хуном, что с точки зрения классической теории не могут быть объяснены многие

реалии экономической жизни современного Китая, ибо особую роль в ней играют «невидимые» явления, «неписанные нормы» взаимоотношений между людьми [237, с. 55].

Поскольку даже критика Запада обосновывается ссылками на Запад, Шэн Хун ссылается на теорию новой институциональной экономики, в частности на идеи Д.Норта, поднявшего в своих исследованиях проблемы идеологии и неформальных ограничений и обратившего внимание на важность изучения неофициальных институтов. Заметим, что интерпретация китайским ученым взглядов Д.Норта не свободна от преувеличений. Это в первую очередь относится к утверждению, что в пекинских лекциях Д.Норт говорил о «проблемах культурного и морально-этического плана». На деле Д.Норт посвятил этой теме лишь несколько фраз, но именно они, столь созвучные внутрикитайским спорам, определили понимание китайским исследователем сути рассуждений западного экономиста.

Тема морали поднимается китайскими учеными не только при обсуждении предмета современной экономической теории, но и в связи с практическими проблемами, выявившимися в ходе реформы. Немало споров в экономических кругах КНР вызывают такие негативные явления, как коррупция и «погоня за рентой» чиновников. Известно, что в Китае эта деятельность осуществляется главным образом через неофициальные связи, строящиеся на отношениях землячества, кровного родства, семейных уз, а также на отношениях между друзьями и товарищами по учебе. Как отмечает Хэ Цинлянь, неофициальные связи играют в современной хозяйственной жизни страны особую роль, именно они стали «нервной системой», через которую осуществляется «обмен власти на деньги» [224, с. 9]. По мнению ученого, такая ситуация сформировалась под воздействием традиционной китайской культуры, которой свойственны пренебрежение к общественной морали и внимание к частным межличностным связям, ритуальность общения, придающая этический смысл человеческим отношениям, строящимся на взаимовыгодной основе. Особенность традиционной культуры заключается также и в том, что в глазах простых людей, далеких от конфуцианских идеалов, должность чиновника воспринимается как источник доходов [224, с. 9]. Именно поэтому в годы реформы получила широкое распространение коррупция, сложилась система неофициальных отношений, основанных на денежном интересе и охватывающих все сферы экономической жизни страны, — и все это не вызвало «сопротивления со стороны культуры» [224, с. 9].

Доказывая тезис о том, что традиционная китайская культура и коррумпированность чиновников тесно связаны между собой, Хэ Цинлянь приводит данные о масштабах коррупции в мире, в соответствии с которыми Китай, Тайвань и Гонконг входят в число первых 16 стран и территорий по этому показателю [224, с. 10]. Анализируя ситуацию в КНР, он отмечает, что континентальные китайцы не только не видят скрытой опасности в коррупции, но даже полагают, что она помогает уменьшить сопротивление преобразованиям и снизить их издержки. В последние годы в Китае получила распространение точка зрения, что в период реформ экономическое развитие и социальная справедливость вступают во взаимный конфликт (говоря словами Мэн-цзы, это взаимоисключающий выбор между рыбой и медвежьей лапой) и чтобы добиться экономического роста, надо забыть о справедливости. Иными словами, коррупция рассматривается как цена, которую требуется заплатить за реформы, и даже как необходимое условие экономического подъема [224, с. 10]. Ситуация усугубляется тем, что использование служебного положения в корыстных целях не вызывает осуждения и воспринимается как вполне допустимое явление [224, с. 11].

Хэ Цинлянь считает такие взгляды глубоко ошибочными, а коррупцию и взяточничество — слишком дорогой ценой реформ, поскольку они приводят к растратам ресурсов и наносят серьезный ущерб общественной морали. Для борьбы с коррупцией ученый предлагает не только создавать полноценные правовые институты, но и утверждать в китайском обществе «модернизованную» мораль и чувство политической ответственности. При создании политико-правового «hardware» (*инцзянь*) в лице государственных институтов, способных сдерживать распространение негативных явлений, Китай может использовать имеющийся зарубежный опыт. Наиболее трудным представляется изменение духовного «software» (*жуаньцзянь*), морального облика людей, поскольку самые совершенные институты опираются на людей и зависят от их человеческих качеств. Именно поэтому главную задачу современного этапа развития страны Хэ Цинлянь видит в том, чтобы наряду с углублением экономической реформы и созданием правовых институтов уделять особое внимание утверждению моральных норм и чувства политической ответственности в народе и в особенности у правительственных чиновников.

В своих рассуждениях Хэ Цинлянь исходит из того, что распространение в Китае коррупции связано прежде всего с низким моральным уровнем людей, находящихся у власти, и

не анализирует экономических причин, побуждающих чиновников злоупотреблять служебным положением. Такой подход представляется ограниченным, поскольку именно экономический анализ коррупции позволяет глубже понять суть этого явления и предложить эффективные способы борьбы с ним.

Можно согласиться с Чжан Учаном, объясняющим коррумпированность чиновников их стремлением к собственной выгоде: «Я убежден, что все индивиды — государственные чиновники, и политики не исключение, — являются максимизаторами своей целевой функции, действующими в определенных ограничениях (*constrained self-maximizers*)... Я уверен, что каждый чиновник и каждый политик имеют на уме только один приоритет. Как вы и я, они просыпаются утром и думают о том, как получить наибольший доход для себя, а при обычных социальных и политических ограничениях коррупция, как правило, является наиболее подходящим путем для достижения этой цели... Независимо от того, что говорят или делают политики и чиновники, я точно знаю, чего они хотят. Поэтому я убежден, что предписания и контроль часто создаются или поддерживаются для того, чтобы облегчить коррупцию» [407, с. 1—2]. Образно характеризуя сложившуюся в КНР ситуацию и намечая пути выхода из нее, Чжан Учан писал: «Бесполезно, поместив в мою спальню красивую обнаженную женщину, просить меня при этом не реагировать... Единственный эффективный способ избавиться от коррупции состоит в том, чтобы избавиться от различных предписаний, которые создают возможности для коррупции... В фундаментальном смысле предупреждение коррупции должно заключаться в том, чтобы успешно создать систему, при которой эти предписания будет трудно ввести. Единственная известная человечеству система, способная на такое волшебство, — это система четко определенных и охраняемых частных прав собственности» [407, с. 1—2].

В отличие от Чжан Учана, связывающего перспективы искоренения коррупции с переходом к системе частных прав собственности, Хэ Цинлянь предлагает сосредоточить усилия на нравственном совершенствовании людей, ставя успех в борьбе с коррупцией в зависимость от морального уровня чиновников. В трактовке Хэ Цинляня на первый план выдвигается морально-этический аспект проблемы, а наличие у чиновников собственного экономического интереса не принимается во внимание.

С точки зрения нашего исследования наиболее примечательно то, что рассуждения Хэ Цинляня завершаются обра-

щением к теории институциональной эволюции Д.Норта, прежде всего к его формулировке о «зависимости от пути развития». Признав особую роль «исторических привычек» в процессе институциональных изменений, Д.Норт пришел к заключению, что нация должна знать реальные ограничения, накладываемые на ее развитие традициями, и учитывать фактор инерционности культуры, поскольку без этого она будет неспособна правильно определить вектор своего будущего развития. Проецируя положения Д.Норта на китайские реалии, Хэ Цинлянь заключает, что зависимость нынешних проблем в области реформ в КНР от прошлого культурного пути обуславливает необходимость преодолевать инерцию культурного сознания с той же целеустремленностью, с какой нация преодолевает свою экономическую отсталость. «В максимально расширенном смысле так называемое институциональное строительство, по существу, есть вид культурного строительства» [224, с. 11].

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, китайские экономисты имеют достаточно полное представление о современных западных теориях и привлекают для аргументации своих суждений самые новые зарубежные разработки. Качественный рост уровня профессиональной подготовки позволяет им использовать западные идеи как для анализа практики реформ, так и для осмысления общетеоретических проблем экономической науки.

Во-вторых, главная линия критики западной экономической теории китайскими экономистами направлена против абстрактности ее исходных принципов. Ее обвиняют в забвении человека и односторонней ориентации на рациональный выбор. Поскольку китайские ученые считают, что в центре исследований должен быть человек, они сосредоточиваются на обновлении классической теории путем введения новой проблематики (иррациональное поведение, мораль, культурная традиция). При рассмотрении этих теоретических новаций стоит учитывать их скрытые национальные корни и принимать во внимание такие черты традиционной китайской мысли, как антропоцентричность, ориентация на практическое действие, внимание к иррациональным сферам деятельности человеческого сознания.

В-третьих, дискуссии середины 90-х годов выявили два течения в экономической мысли КНР, различающиеся в подходе к соотношению китайских и зарубежных элементов в экономической теории. Представители одного подчеркивают универсальность фундаментальных принципов экономиче-

ской науки. Сторонники другого отдают приоритет китайской специфике, исходя из которой общетеоретические положения должны корректироваться и дополняться. По их мнению, «экономику можно называть одним из видов западной науки, и примечательно, что с помощью этой науки очень просто обнаружить тенденциозность западной культуры» [304, с. 49].

Сторонники приоритетности национального фактора широко используют подтверждающие их позицию положения современной западной теории. Интерес к трудам Р.Коуза связан, в частности, с тем, что в них отчетливо сформулировано положение о несовершенстве классической теории выбора в понимании мотивов поведения людей. Критикуя господствующее среди западных ученых представление о природе экономической науки, Р.Коуз писал: «...у экономистов нет собственного предмета исследования. Ведь в мире животных человек вовсе не единственный, кто сталкивается с необходимостью выбирать, и можно предполагать, что тот же подход возможен при изучении крыс, кошек, осьминогов, которые, все без сомнения, максимизируют свою полезность, в основном так же, как человек» [356, с. 5—6].

По мнению китайских ученых, экономическая теория должна заниматься и тем, что отличает человека от животных, переходя от упрощенных схем в трактовке рыночной экономики к учету проблем морали, национальной культурной традиции, религиозных ценностей, политического сознания и т.п. Доводя до предела идею локальности применения западной экономической теории, китайские исследователи заявляют, что при изложении зарубежных теорий они зачастую ограничивают понятие «экономический агент» понятиями «западный человек» или «христианин», «дабы экономическая теория не вступала в конфликт с историей и реальностью» [304, с. 49].

Хотя ясное разделение между двумя течениями в китайской экономической мысли еще не оформилось, можно предположить, что оно произойдет в ближайшем будущем и будет носить долговременный характер. Подобные тенденции тесно связаны с дискуссиями о создании «общественных наук с китайской сущностью» [306, с. 94] в противовес их «вестернизации». Потенциальная устойчивость этих двух направлений обусловлена тем, что на уровне теоретической аргументации их разделение не связано с марксизмом и перспектива идеологической эволюции государства не окажет прямого влияния на содержание дискуссий. Современные экономические дискуссии возвращаются на качественно новом уровне в русло

главной темы внутрикитайских споров последних двух веков — взаимодействия Китая и Запада. Идущие на этом фоне процессы «китаизации» мировой экономической науки в КНР выводят дискуссии за пределы собственно экономической теории в смежные сферы морали, идеологии и культурологии.

Интерпретация древнекитайской традиции с позиций современной экономической теории

В наши дни китайские ученые интересуются не только применением западного теоретического инструментария к решению практических проблем экономического развития, но и возможностью осмысления заимствуемых зарубежных теорий в национальном культурно-цивилизационном контексте. Новые тенденции в развитии мировой экономической науки приносят новые акценты в процесс ее контекстуализации в Китае.

Современный этап развития экономической мысли Запада характеризуется как растущей формализацией в рамках основного течения современного экономического анализа («мэйн-стрима») — неоклассики, так и появлением новых теоретических направлений. Экономические методы анализа проникают в сопредельные области (см. [326; 381; 460]). Экономисты изучают не только поведение отдельного экономического субъекта, но и проявляют все больший интерес к вопросу о том, как взаимодействуют индивиды между собой, как они координируют свои решения [420, с. 49]. Предметом анализа становятся такие элементы экономической системы, как фирма и семья, которые раньше считались «черным ящиком» или, по словам Р.Коуза, «теневыми фигурами», подобными почтальону из рассказа Честертона «Человек-невидимка», настолько очевидными, что их долгое время не замечали [410, с. 3]. На повестку дня встает вопрос о влиянии предшествующего развития на ход экономических изменений, о «воздействии прошлого на настоящее и будущее» [442, с. 364]. Мировая экономическая наука середины 90-х годов выглядит принципиально иначе, чем два-три десятилетия тому назад.

К числу современных концепций, вызвавших заинтересованную реакцию как в континентальном Китае, так и на Тайване, относится новый институционализм. В КНР интерес к нему связан с потребностями реформы. Для «американизиро-

ванной» тайваньской экономической науки решающую роль сыграла высокая оценка мировым экономическим сообществом научных результатов, полученных представителями данного направления.

Концепции нового институционализма были легко усвоены китайской экономической наукой также и потому, что удачно вписывались в контекст национальной культурной традиции. Знакомство с трудами его сторонников, а также с теоретическими разработками представителей других новых направлений современной экономической мысли Запада (например, трудами Г.Беккера) послужило для китайских экономистов стимулом к переосмыслению традиционного культурного наследия с позиций новейших достижений мировой экономической науки.

Китайским ученым всегда было свойственно стремление найти в классических произведениях идеи, созвучные современным западным концепциям. В качестве примера можно привести работы известного тайваньского ученого Хоу Цзяцзюя, сопоставившего наследие доциньского конфуцианства с идеями свободной экономики [211]. Свою задачу Хоу Цзяцзюй видел в том, чтобы изложить концепции, выдвинутые в древности, на языке современной экономической науки и таким образом сделать их более понятными для читателя. Цитируя слова известного китайского философа и литературного критика начала XX в. Ван Говзя, он подчеркивал, что, если «для объяснения древности будут использованы древние понятия» (*юн гу цзе гу*), общая картина окажется нечеткой и «будет похожа на полотно художника-импрессиониста, изображившего негра, охотящегося новогодней ночью в лесу на кабана» [211, с. 2].

Анализируя классическое китайское наследие, Хоу Цзяцзюй использует понятия «свободная экономика» и «командная экономика», пишет о «макроэкономических» (*цзунти*) и «микроэкономических» (*гэти*) идеях ранних конфуцианцев, о «теории равновесия» Конфуция. Такой подход имеет право на существование и позволяет по-новому посмотреть на китайскую философскую классику, но связь между традиционными идеями и современными понятиями, с помощью которых они излагаются, представляется весьма поверхностной.

Однако, когда речь идет о новом институционализме, действительно прослеживается его глубинная, сущностная связь с китайской теоретической традицией. Он имеет гораздо больше точек соприкосновения с традиционными китайскими представлениями, чем экономический либерализм.

На сходство идей неoinституционализма и традиционных китайских концепций обратили внимание и сами китайские ученые. Об этом свидетельствует, в частности, опубликованная в тайваньском философском журнале «Кун Мэн сюэбао» («Вестник исследований Конфуция и Мэн-цзы») статья И Сяньжуна [49]. К выводу об общих чертах нового институционализма и традиционной китайской мысли пришли и профессиональные экономисты Гань Сюэпин и Хуан Чуньсин (экономический факультет Университета Цинхуа, г. Синьчжу): «В предшествующий период разграничение прав не входило в сферу исследований экономической науки. Однако выдающийся вклад Коуза, разработавшего теорию прав собственности, изменил взгляды всех экономистов. Раньше лишь немногие считали, что в Китае высказывались какие-либо важные экономические идеи, поскольку кроме трактата „Гуань-цзы“ и некоторых других разрозненных высказываний в древнем Китае не затрагивался вопрос о ценах. Когда мы узнали, что в сферу исследования экономической науки могут быть включены проблемы разграничения прав, организаций и институтов, китайская экономическая мысль сразу же живо предстала перед нами» [217, т. 2, с. 407].

Чтобы показать, в чем состоит сходство неoinституционализма и китайской традиционной мысли, следует обратиться к исследованию понятий китайской классической культуры, сопоставимых по своему смысловому содержанию с ключевыми понятиями нового институционализма — «институт» и «права собственности». Такой подход вполне соответствует основополагающим идеям самого Д.Норта, подчеркивавшего наряду с важностью унаследованных из прошлого традиций и культуры фундаментальное значение языка, «особым структурированным образом передающего и фильтрующего получаемую нами информацию и тесно связанного с культурой» [443, с. 16].

Понятие «институт» передается в современной китайской научной лексике с помощью сочетания *чжи ду*. В «Классическом словаре китайского языка» Куврера иероглиф *ду* переводится как «закон», «правило», «упорядочивать», а иероглиф *чжи* — как «устанавливать», «изобретать», «установление», «изобретение» [413, с. 277, 87]. Л.С.Переломов отмечает наличие нескольких значений у сочетания *чжи ду*. Он ссылается на голландского синолога Я.Дайвендака, предложившего трактовать его как «standarts and measures» — «стандарты и мера», и предлагает переводить *чжи ду* как «система управления», «исходя из его основного значения» и «памятуя при

этом, что речь идет о создании новой системы управления, т.е. введении новых мер, новых установлений, новых узаконений» [351, с. 276—277].

Наиболее ранние упоминания сочетания *чжи ду* содержатся в древнекитайской классической «Книге перемен» («И цзин») — в комментарии «Туань чжуань» к гексаграмме № 60 «Цзе» («Ограничение») говорится: «Небо и Земля ограничены (*тянь ди цзе*), образуются четыре времени (*эр сы ши чэн*); ограничивать при помощи установления правил (*цзе и чжи ду*), не причинять ущерба имуществу (*бу шан цай*), не наносить вреда народу (*бу хай минь*)» [400, с. 583]. Современные китайские исследователи дают следующее развернутое толкование этого комментария: «Так как Небо и Земля ограничены, четыре времени года могут последовательно сменять друг друга, мудрец должен подражать Небу и Земле, создавать *чжи ду*, чтобы ограничивать беспредельные желания, только тогда не будет потерь и не будет нанесен ущерб народу» [139, с. 324—325]. В словаре Куврера сочетание *цзе и чжи ду* переводится как «устанавливать правильную меру путем законов и правил» (*fixer la juste mesure au moyen de loi et de règlement*) [413, с. 277].

Таким образом, в «И цзине» *чжи ду* понимаются как нормы поведения, или установления, которые будут направлять человеческое поведение таким образом, что люди будут действовать в своих интересах, не нанося при этом ущерба общественному богатству и другим людям. По нашему мнению, имеется некоторое сходство между традиционными китайскими представлениями о *чжи ду* и определениями институтов, предлагаемыми новыми институционалистами. Д.Норт в своей Нобелевской лекции определяет институты как «созданные людьми ограничения, структурирующие взаимодействие между людьми», и сравнивает их с «правилами игры» [442, с. 360, 361]. Точкой соприкосновения двух подходов выступает понимание институтов — *чжи ду* — как неких «ограничителей» («constraints») — в тексте Д.Норта; «цзе» — в тексте «И цзина»), организующих отношения между людьми и задающих рамки возможных альтернатив индивидуального выбора.

Подчеркнем, что значение языковой формы и ее связь с «китаизацией» иностранных идей в процессе перевода становится особенно заметной при обращении к китайскому варианту данного Д.Нортом определения институтов. На китайском языке иероглиф *чжи* входит в это определение в различных сочетаниях три раза: «Институты (*чжи ду*) есть установленные (*чжи дин*) людьми ограничения (*сянь чжи*), сдер-

живающие (юэшу) поведение взаимодействующих сторон» [119, с. 7]¹.

Гипотеза о наличии сходства между современным институционализмом и традиционной китайской мыслью подтверждается также и близостью в представлениях о структуре институтов. По определению Д.Норта, институты включают в себя совокупность формальных и неформальных правил, ограничивающих действия экономических агентов, и характеристик принуждения по их выполнению (*enforcement characteristics*). Очень близкое понимание *чжи ду*, включающего этико-ритуальные общественные нормы, можно обнаружить в классическом конфуцианском трактате «Ли цзи» (IV—I вв. до н.э). В главе «Ли юнь» говорится: «Установленный порядок (*чжи ду*) заключается в ритуале (*ли*); культура-письменность (*вэнь*) заключается в ритуале; а осуществление всего этого принадлежит человеку» (цит. по [49, с. 205]). В словаре Куврера сочетание *чжи ду цзай ли* переводится как «церемониал предписывает меры для соблюдения» (*le cérémonial prescrit les mesures à garder*) [413, с. 277].

Из текста «Ли цзи» можно заключить, что в древнекитайской мысли институты — *чжи ду* — понимались как ритуалэтика (*ли*), без которого они утратили бы свое основание, а их функционирование тесно связано с культурой. Примечательно, что И Сяньжун, исходящий из предпосылки «институциональности» доциньской мысли, пришел к выводу, что, с точки зрения Конфуция, «благородный муж» (*цзюнь-цзы*), олицетворяющий высший этический стандарт поведения, является воплощением институтов, а выработанные им нормы могут рассматриваться как ограничители поведения других людей [49, с. 206]. В традиционном Китае нормы *ли* были не только коренящейся в культуре «неформальной» матрицей поведения, но и детально регламентированными «формализованными» предписаниями по исполнению ритуальных норм. Однако в целом они воспринимались как этическая и строящаяся на принципах гуманности альтернатива законам (*фа*), выступавшим в китайской традиции как аналог другого важного элемента институциональной структуры — формальных правил игры, правовых норм.

Понятие «права собственности», ключевое для нового институционализма, также имеет аналог в китайской классической культуре. По мнению Р.Коуза, в работах которого

¹ По нашему мнению, этот перевод на китайский язык, сделанный учеником Д.Норта Лю Жуйхуа, является наиболее адекватным и соответствующим оригиналу.

проблема прав собственности получила наиболее глубокую разработку, «разграничение прав» должно рассматриваться как существенная предпосылка рыночных трансакций [356, с. 142].

Тема «разграничения прав» (*дин фэнь*) занимает важное место в китайской традиционной мысли. Встречающееся в текстах доциньской эпохи сочетание *дин фэнь* переводится Л.С.Переломовым как «закрепление прав и обязанностей» (досл. «установление разграничений [в правах и обязанностях]») [351, с. 317]. По мнению Хуан Чуньсина и Гань Сюэпина, понятие *дин фэнь* было «главной темой» (*чжу ти*) китайской классической экономической мысли: «Можно без преувеличения сказать, что вся китайская экономическая мысль строится вокруг проблемы „дин фэнь“» [217, т. 2, с. 407].

Наиболее четко и образно суть древнекитайского понимания *дин фэнь* выражена в известной притче об охоте на зайца из трактата «Люй ши чунь цю» (цз. 17, гл. 5), автором которой считается представитель ранней легистской мысли Шэнь Дао (Шэнь-цзы, ок. 395 до н.э. — ок. 315 до н.э.): «Когда бежит заяц и за ним гонятся сто человек, то это не потому, что зайца можно поделить (*фэнь*) на сто человек, а потому, что не установлены (*вэй дин*) [ничьи права на этого зайца]. Когда право [собственности] еще не установлено, то даже Яо (легендарный совершенномудрый правитель Древнего Китая, образец морального поведения в конфуцианской традиции. — О.Б.) поддался бы силе [искушения] и присоединился бы к толпе [в погоне за зайцем], не так ли? [И наоборот], даже если весь рынок будет наводнен [продавцами] зайцев, никто не захочет выхватить [у продавца зайца], и не потому, что никто его не желает, а из-за того, что право [собственности] уже установлено (*фэнь и дин*). Когда право [собственности] установлено, то люди, хотя они и скупы, не вступают в борьбу (*бу чжэн*). Поэтому управление Поднебесной и ее царствами состоит в „дин фэнь“, и этого достаточно!» (цит. по [217, т. 2, с. 405]).

Разъясняя экономический смысл этой древнекитайской притчи, Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин писали: «В нашей стране уже в эпоху Чуньцю [-Чжаньго] Шэнь-цзы смог четко сформулировать тезис о том, что разграничение прав собственности является необходимым условием поддержания рыночного порядка» [217, т. 2, с. 405]. Люди бросаются в погоню за зайцем из-за того, что «права не разграничены» (*фэнь вэй дин*), что понимается учеными в смысле «права собственности еще не определены». Гипотетическое участие в предполагае-

мой погоне совершенномуудрого императора Яо свидетельствует о том, что даже наивысшие стандарты конфуцианской морали не выдерживают столкновения с ситуацией размытости прав собственности. «Конечно, нам неоткуда узнать, погнался ли бы за зайцем Яо, как об этом писал Шэнь-цзы; однако из приведенного высказывания ясно, как Шэнь-цзы трактует поведенческую предпосылку. Когда права собственности четко не определены, действующие в своих интересах (*цзывэй дэ*) люди не оставят зайца на поле другим. Напротив, на рынке люди не будут посягать на зайца не потому, что они не хотят его получить, а вследствие того, что права собственности уже четко определены. Люди, продающие и покупающие зайцев при гарантированных правах собственности, могут успешно провести сделку. После завершения сделки права собственности на зайца перейдут от продавца к покупателю. Другими словами, обмен товарами может рассматриваться как обмен правами собственности. Из этого примера мы можем понять, что одна из функций института прав собственности (*цайчаньцюань чжи ду*) состоит в том, чтобы перейти от погони [за зайцем] к купле-продаже на рынке» [217, т. 2, с. 405].

Предпринимаемая современными исследователями попытка сопоставления китайской классической традиции и западных неонституционалистских теорий наталкивается на проблему, коренящуюся в конфуцианском понимании связи между правами собственности и моралью. Тайваньский экономист Се Цзунлинь подчеркнул, что «в Китае конфуцианство не считает моральным поведение, направленное на уважение прав индивидуальной собственности» [126, с. 102]. Китайская традиция формировалась на основании идеи приоритета строящихся на гуманности и долге отношений между людьми над отношениями людей к их собственности. Такой подход закреплен в известном высказывании Конфуция, который в ответ на похвалу одним местным правителем поведения человека, донесшего о краже его отцом чужого барана, сказал, что настоящая прямота человеческого характера проявляется тогда, когда отцы укрывают детей, а дети — отцов [342, т. 1, с. 163].

Внимание современных авторов к притче о погоне за зайцем обусловлено тем, что «среди китайских философов, проявлявших интерес к проблемам благоденствия народа и политического порядка, похоже, только Шэнь Дао в эпоху [Чуньцю-]Чжаньго приблизился к решению вопроса прав собственности как вопроса морали» [126, с. 103].

Обращаясь к западной традиции трактовки уважения права индивидуальной собственности как моральной нормы, Се

Цзунлинь ссылается на Д.Юма и А.Смита. Трудно не отметить несоответствия идей А.Смита конфуцианским идеалам приоритета гуманности и справедливости над собственным интересом и эгоизмом: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах» [389, с. 91]. Исходя из этого же высказывания, Се Цзунлинь утверждает, что «рассуждения Шэнь-цзы о „действии в своих интересах“ (*цзывэй*) есть точная копия рассуждений Адама Смита, писавшего, что люди едят хлеб не потому, что пекарь добросердечен, а потому, что, выпекая хлеб для других, он удовлетворяет свои интересы (конечно, порождаящий этот результат рыночный процесс основывается на этике уважения прав индивидуальной собственности). В „Истории древнекитайской философии“ Ху Ши также обратил внимание на то, что *цзывэй* у Шэнь Дао сходно с понятием *цзывэй* в учениях европейских экономистов XVIII в. ... Ученые, не обращающие внимания на приверженность Шэнь-цзы идее законов, основывающихся на привычках (*сигуаньфачжуи*), приводят читателей к ошибочному заключению, что все легистские мыслители Древнего Китая придерживались идеи, ведущей к диктатуре законов, установленных властью (*шидинфачжуи*)» [126, с. 103].

Другие сопоставления китайских и западных представлений о правах собственности современными китайскими экономистами опираются на «теорему Коуза». Для ее иллюстрации в китайской экономической литературе, как правило, берется пример причинения паровозными искрами ущерба фермерам, чья собственность прилегает к железнодорожному полотну. При любом исходе судебного процесса одной из сторон обязательно будет нанесен ущерб — либо железной дороге, если будут защищены права фермеров и она будет обязана возмещать им ущерб, либо фермерам, если суд защитит права железной дороги. Коуз подошел к рассмотрению проблемы с точки зрения максимизации общественного богатства. Используя цепь аргументов, он показал, что эффективный результат не зависит от того, какая из сторон, производитель или потребитель внешнего эффекта, имеет право собственности и обладает правом вето на использование ресурсов (см. [388, с. 82]). В примере с железной дорогой и фермерами это означает, что, независимо от того, имеет или нет железнодорожная компания право на нанесение ущерба, это право будет приобретено тем, кто способен извлечь из него наибольшую выгоду.

Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин дают следующую формулировку «теоремы Коуза»: «Если предположить, что трансакционные издержки равны нулю, первоначальное распределение прав собственности не будет влиять на результат. Если права собственности четко определены, то в результате добровольной сделки они будут приобретены тем, для кого они представляют наибольшую ценность, что позволит максимизировать богатство всего общества» [217, т. 2, с. 412].

Далее они иллюстрируют «теорему Коуза» через сопоставление с древнекитайской притчей из «Люй ши чунь цю» о «человеке из царства Цзин (название царства Чу в эпоху Чуньцю. — О.Б.), потерявшем лук». Он не пошел искать свой лук, объяснив: «Человек из Цзин потерял его, человек из Цзин нашел его, зачем же искать?». По этому поводу приводятся два высказывания, приписываемые в «Люй ши чунь цю» Конфуцию и полубогатому основателю даосизма Лао-цзы. Первый сказал: «Можно опустить [название царства] „Цзин“», второй сказал: «Можно опустить [слово] „человек“» [217, т. 2, с. 408].

Трактуя притчу, авторы поясняли: оба древних мудреца считали, что нет нужды идти искать потерянный лук, но по разным причинам. «Конфуций полагал, что нет необходимости особо упоминать о царстве Цзин — если уж „человек“ потерял лук, то не нужно его искать, [так как другой человек его уже нашел]. Т.е. не нужно искать нигде — ни в царстве Лу, ни в царстве Чэнь, ни в царстве Сун, ни в царстве Цзи и т.д. Лао-цзы занимал иную позицию. Он полагал, что „царство Цзин“ утратило один лук и одновременно приобрело один лук, по этой причине нет никакой необходимости идти его искать» [217, т. 2, с. 409]. Рассматривая содержание притчи в связи с пониманием «общего» (*гун*) в контексте главы «Гуй гун пянь» («О ценности общего») трактата «Люй ши чунь цю», Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин отметили, что с точки зрения «общего» нет разницы, в чьих именно руках находится лук. Для Поднебесной как выражения «общего» главное — это взаимная выгода для всех, а не личная выгода в ущерб интересам других людей (*ли эр у ли* — досл. «выгода без выгоды»).

Таким образом, авторам древнекитайской притчи о потерянном луке было неважно, кому именно принадлежат права собственности на лук — потерявшему или нашедшему его; они ставили на первое место «взаимную выгоду» (*ху ли*). При этом Конфуцию, позиция которого — «человек потерял, человек нашел, зачем искать», приписывается универалистская озабоченность взаимной выгодой для всех людей, тогда как

Лао-цзы думал лишь о взаимной выгоде в пределах царства Цзин.

Сравнивая эту древнекитайскую притчу с «теоремой Коуза», тайваньские экономисты отмечают, что в притче о луке нет понятий «добровольная сделка» и «транзакционные издержки». Именно их введение в научный оборот позволило четко сформулировать «теорему Коуза». Тем не менее Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин полагают, что эту притчу можно рассматривать как пример «теоремы Коуза» в Древнем Китае. Согласно притче, с точки зрения «общего» лук не был потерян и для Поднебесной или общества не имеет значения, кому в конечном счете он принадлежит. По Коузу, при условии нулевых транзакционных издержек первоначальное распределение прав собственности также не имеет значения. Подобно тому как лук по-прежнему находится в царстве Цзин, к кому бы он ни перешел, не важно и то, кому принадлежит право собственности на искры в примере Коуза — оно по-прежнему будет находиться в пределах единой системы, образуемой железнодорожной компанией и фермером. В результате проведенного сопоставления Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин приходят к следующему выводу: «Современная теория прав собственности, как подчеркивал Коуз, утверждает, что разграничение прав собственности — это не проблема распределения прав, а вопрос о том, как добиться общей, а не только частной выгоды (*ли эр у ли*) и создать еще большее богатство для общего (*гун*). Что же касается размера выгоды, получаемой каждой из сторон после сделки, то эта проблема не входит в компетенцию разграничения прав собственности и решается, как и в других сделках, путем соглашения между двумя сторонами» [217, т. 2, с. 415].

Обращение к двум притчам из «Люй ши чунь цю» позволяет обнаружить некоторые черты, сближающие современную западную теорию прав собственности с древнекитайской мыслью, где идеи «разграничения прав» и «общей выгоды» были выражены достаточно четко. По нашему мнению, можно согласиться с тезисом тайваньских экономистов о том, что представления современных западных теоретиков о правах собственности «вовсе не отрицают мудрости древнекитайских ученых» [217, т. 2, с. 411].

Важно отметить, что эти авторы вовсе не стремятся обосновать культурно-цивилизационный «приоритет» Китая в изучении данной темы. Напротив, они подчеркивают, что разработка теории прав собственности ведется на Западе на принципиально ином, гораздо более высоком научном уровне. Сравнивая древнекитайское и современное понимание

проблемы, они пишут: «Древнекитайские мудрецы предостерегали правителей, что нельзя отдавать предпочтение частному (односторонне вставать на сторону частного — *бу пянь сы*), и призывали стремиться к общей, а не только к частной выгоде (*ли эр у ли*); если продвинуться еще на шаг вперед, то при предположении нулевых транзакционных издержек, как указал Коуз, добровольные сделки смогут завершить работу, и нет необходимости заботиться об этом» [217, т. 2, с. 415]. Рассмотренная попытка сопоставления «теоремы Коуза» с притчей из трактата «Люй ши чунь цю» исходит из гипотезы сходства внешней ситуации. Следует обратить внимание, что при этом тайваньские ученые не ставят перед собой задачи модернизировать традиционное наследие и «подтянуть» его «под Коуза».

Особенность работ Р.Коуза состояла в том, что в них сохранилось новое видение экономической реальности. Во главу угла ученый поставил проблему взаимодействия и сотрудничества между людьми, в экономическую теорию была введена специальная категория «транзакционные издержки» — своеобразные «препятствия на пути сотрудничества» [217, т. 2, с. 415]. Внимание обращается не только на поведение отдельного индивида — рационального максимизатора своей целевой функции, действующего независимо и самостоятельно, — но и на общество, которое представляет собой «систему с числом людей больше одного» [261, с. 207]. По нашему мнению, такой подход в целом соответствовал духу китайской интеллектуальной традиции, где человек осознавался прежде всего как часть целого, т.е. во взаимоотношениях с другими людьми, а не как изолированный индивид.

Как отмечалось ранее, в последние годы проблема взаимодействия индивидов занимает важное место в мировой экономической науке. Эта тема интересует не только сторонников нового институционализма или, например, представителей неоавстрийской школы, т.е. теоретических направлений, альтернативных основному течению современной экономической науки, она также привлекает внимание ученых, работающих в его русле.

В рамках «мэйнстрима» проблема взаимодействия между экономическими агентами была разработана в теории игр (*game theory*). Ее основоположниками были Дж. фон Нейман и О.Моргенштерн в 40-е годы, а в 1994 г. специалисты по проблемам теории игр Дж.Харсаний, Дж.Нэш и Р.Селтен стали лауреатами Нобелевской премии по экономике.

Теория игр подвергла пересмотру одну из основных предпосылок традиционной неоклассической экономической тео-

рии, согласно которой поведение каждого участника рынка не зависит от поведения остальных участников (см. [327, с. 63; 388, с. 200]). Теория игр исходит из того, что рациональному индивиду приходится принимать решения в условиях взаимодействия с другими индивидами, и уделяет особое внимание исследованию взаимодействия индивидуальных решений.

Оценивая значение теории игр, тайваньский экономист У Хуэйлинь писал, что она «расширила границы экономической теории, перейдя от традиционных представлений о максимизации индивидом полезности, или прибыли, к анализу совместных действий людей». С его точки зрения, «такой подход в большей степени соответствует реальной ситуации, при которой судьба человека зависит не только от принимаемого им решения, но и от его взаимодействия с группами людей» [179, с. 112].

Особое внимание и тайваньские экономисты, и ученые из континентального Китая уделяют обсуждению известной игровой модели, получившей в экономической литературе название «дилемма заключенного» (prisoner's dilemma) [217, т. 1, с. 183—186; 232, с. 242—277]. В этой модели рассматривается проблема принятия решения, возникающая перед двумя арестованными преступниками, которые подвергаются отдельным допросам. Каждый из них знает, что если ни один не сознается и не проинформирует следствие об участии другого в преступлении, то он будет освобожден или получит умеренное наказание. Однако если один из соучастников сознается, а другой нет, то сознавшийся будет освобожден, а другой будет сурово наказан. Если оба преступника сознаются, то они будут осуждены, однако каждый получит меньший срок заключения, чем в том случае, когда сознается один.

Игровая модель «дилеммы заключенного» в контексте данной работы представляет интерес прежде всего потому, что свидетельствует о возможности соглашения между индивидами с целью достижения взаимовыгодного результата. Для рационального агента, заботящегося только о собственной судьбе, есть стимул сознаться, предоставив остальным нести последствия его поступка. Однако если все примут такое решение, то результат для каждого будет хуже, чем он мог бы быть в том случае, если бы они могли договориться о том, что никто из них сознаваться не будет. Другими словами, в ситуации «дилеммы заключенного» преследование индивидом собственного интереса приводит к решению менее удовлетворительному, чем возможные альтернативы [388, с. 200, 400].

По мнению китайских экономистов, значение этого примера состоит прежде всего в том, что из него следует вывод о возможности достижения оптимального результата путем координации своих действий с действиями других людей. Ссылаясь на «дилемму заключенного», китайские ученые доказывают, что возможно такое равновесие, при котором взаимодействие будет более выгодным, чем рациональное преследование собственных интересов или, иными словами, проводят мысль о важности сотрудничества [217, т. 1, с. 186]. Этот вывод рассматривается тайваньскими экономистами как возможный выход из ситуации «войны всех против всех» по Гоббсу. «Представители основного течения — неоклассики — говорят нам: в заданных условиях исходящее из мотивов получения собственной выгоды (*цзы ли*) поведение индивида может привести к оптимальному размещению ресурсов. В этой сосредоточенной исключительно на индивиде модели „мира одного человека“ рыночные условия и ситуация в обществе рассматриваются по отношению к человеку как внешние заданные параметры, человеку необходимо только рассчитать способ поведения и стратегию, выгодные ему лично, и он будет жить в мире выгоды для себя и выгоды для других людей (*цзы ли ли жэнь*). Однако Гоббс указывал, что если человеку будет проще избрать поведение „выгоды для себя в ущерб другим“ (*хай жэнь ли цзи*), нежели „выгоды для себя и выгоды для других людей“, то тогда общество в конечном счете превратится в „джунгли“, в которых всеми действиями человека и размещением ресурсов будут управлять „сила и шантаж“. Используя игровую модель „дилеммы заключенного“, теоретики игр пытаются найти для людей, живущих в „джунглях“ Гоббса и действующих по принципу взаимного обмана и подозрений, способы, позволяющие им доброжелательно относиться друг к другу и сотрудничать между собой» [217, т. 1, предисл., с. 3—4].

Проблема оптимального построения гармоничных отношений сотрудничества между людьми занимала важное место и в китайской классической традиции. Неудивительно, что Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин доказывают, что «дилемма заключенного» и некоторые другие примеры теории игр органично вписываются в контекст древнекитайской мысли, полагая, что доциньские мудрецы также пытались найти альтернативу миру «войны всех против всех», или, в китайских понятиях, «обществу, не имеющему Дао-пути».

Проецируя модель «дилеммы заключенного» на древнекитайский материал, тайваньские экономисты оговаривают, что этот метод обычно не применяется при изучении китайской

философии, однако его использование позволяет составить более четкое представление о взглядах представителей различных философских школ [18, с. 138].

В качестве области применения этого метода был избран «путь преданности и великодушия» (*чжун шу чжи дао*), этические требования которого зафиксированы в тексте «Лунь юя». Изречение Конфуция: «Не делай людям того, чего не желаешь себе» [342, т. 1, с. 160]², — дает негативное определение «пути великодушия» (*шу дао*), а призыв «утверждать других в том, в чем желаешь утвердиться сам, подвигать других на то, на что желаешь подвигнуться сам» [350, с. 465], — суть позитивного «пути преданности» (*чжун дао*).

Другим примером стали идеи Мо-цзы о важности нравственного примера в добрых деяниях, способного изменить общество. Эта позиция нашла отражение в образе «дарения сливы в ответ на [дарение] персика» (*тоу тао бао ли*), который был заимствован Мо-цзы из «Ши цзина»:

Знай же, что слово найдет непременно ответ,
Блага, чтоб кануло без воздаяния, — нет...
Кто мне подарит душистого персика плод,
Сливу всегда от меня в благодарность возьмет
(перевод А.А.Штукина, цит. по [391, с. 159]).

Предложенный Мо-цзы принцип паритетного воздаяния анализируется с учетом введенного древним мудрецом дополнительного условия: «Я действую первым» (*во сянь цунши*).

Несмотря на различия в этических взглядах конфуцианцев и моистов, обе позиции рассматриваются тайваньскими экономистами как попытки разработать варианты стратегии, направленной на снятие «дилеммы заключенного». Весьма примечательна формулировка контрольного вопроса, который ставят перед студентами авторы учебника «Принципы экономической теории»: «В данной главе показано, что Конфуций и Мо-цзы пытались решить „дилемму заключенного“. Почему им это не удалось?» [217, т. 1, с. 234].

Отвечая на этот вопрос, авторы учебника доказывают, что, в отличие от современной теории игр, где важнейшей поведенческой предпосылкой является принцип личного интереса и главным побудительным мотивом для согласования стратегий игроков служит возможность получения каждым из них

² В энциклопедическом словаре «Китайская философия» дается другой перевод этого изречения: «Чего не желаешь себе, того не навязывай другим» [350, с. 465].

большей выгоды, у древнекитайских мудрецов такая мотивация отсутствует.

Вовсе не обязательно, что в реальной жизни люди непременно выберут предложенную Конфуцием стратегию ненавязывания другому того, чего не желаешь себе. Важная проблема состоит в том, как партнеры одновременно смогут убедить друг друга, что они искренне приняли стратегию «пути великодушия», как можно до принятия стратегии «шу дао» заставить партнера поверить в то, что ты сам ее примешь; как самому поверить в то, что партнер выберет стратегию «шу дао».

Сходная ситуация складывается в случае с этикой Мо-цзы, основывающейся на принципе «всеобщей любви и взаимной выгоды», хотя предложенная Мо-цзы стратегия поведения отличается от той, за которую выступал Конфуций.

Особенность этой стратегии можно пояснить на примере двух царств. Если одно из них пошлет войска походом на другое, то второе царство «ответит сливой на персик» — двинет свою армию. Наоборот, если первое царство не пошлет войск, то второе также последует его примеру. С этой точки зрения ситуация, при которой одна сторона посылает войска, а другая не делает этого, невозможна. Мо-цзы вводит дополнительное условие — «я действую первым», чтобы сторона, делающая первый ход, могла определить исход игры.

Однако нет уверенности в том, что все люди выберут стратегию воздаяния и «подарят сливу в ответ на [дарение] персика». Преследование своих интересов может привести к тому, что доброе дело останется безответным, а одно из царств, зная о мирных намерениях другого, может решиться на агрессию. Поскольку у начинающего игру отсутствует информация относительно возможной реакции партнера, ему приходится совершать добрый поступок, не будучи уверенным в том, что партнер выберет стратегию кооперативного поведения. В этой модели акцент делается не на экономических, а на нравственных мотивах поведения, поскольку предполагается, что начинающий игру должен быть высокоморальным человеком.

Несмотря на то что древнекитайские мыслители обсуждали проблему согласования стратегий индивидуального поведения, сходную по виду с «дилеммой заключенного» в ее современном понимании, они не дали ее решения. Определяющим фактором их неудачи стало отсутствие предпосылки учета индивидуальных интересов и выгод. Классические высказывания Конфуция — «отвечать добром на добро» (*и дэ бао дэ*) и «отвечать на зло справедливостью» (*и дэ бао юань*), также поддающиеся рассмотрению в терминах теории игр, — были направлены исключительно на этическую гармонизацию обще-

ственных отношений. Хотя доциньские мыслители имели достаточно разработанные представления о выгоде — *ли* — и различали выгоду для других (*ли та*) и выгоду для себя (*цзы ли*), с точки зрения экономической мотивации предложенные ими нормы взаимоотношений были недостаточны для приближения к идеалу общества, обладающего «истинным Дао-путем».

Как уже отмечалось, интерес к теории игр у китайских ученых вызван прежде всего тем, что в центре ее внимания находится проблема взаимодействия индивидуальных решений. Анализ игровой модели «дилемма заключенного» позволил расширить рамки традиционной неоклассической теории и перейти от изучения «мира одного человека» к «миру двух людей». Однако, как подчеркивают современные тайваньские экономисты, реальное общество значительно сложнее, чем «мир двух людей», — это «мир многих людей», в котором есть обычаи, этико-ритуальные нормы (*ли*), долг-справедливость (*и*), привычки, а также семья, рынок, фирмы, местные организации, правительства [217, т. 1, предисл., с. 4].

Одним из новых направлений современной экономической мысли Запада, вызывающим повышенный интерес китайских ученых, является экономический анализ семейных отношений. Долгое время семья трактовалась западной экономической теорией как мельчайшая, неделимая единица и отождествлялась с рациональным индивидом (главой семьи), максимизирующим полезность, а процессы, происходящие внутри семьи, не исследовались. Сегодня внутренняя структура семьи стала предметом анализа экономистов. Особый вклад в изучение семейных отношений внес профессор Чикагского университета Г.Беккер. Его работы пользуются большой популярностью на Тайване (см. [178; 180; 264]). К числу выдвинутых им теоретических моделей, которые привлекли внимание тайваньских экономистов, относится так называемая «теорема об испорченном ребенке» («Rotten Kid Theorem») — альтруистическая модель внутрисемейного распределения.

Интерес к этой теореме объясняется, по нашему мнению, не только стремлением тайваньских ученых лучше разобраться в проблемах семейных отношений. Сформулированная Г.Беккером теорема заинтересовала их также и потому, что американский ученый вписал в модель «человека экономического», действующего рационально (т.е. стремящегося к достижению наилучшего из возможных результатов), иной тип мотивации, отличный от эгоизма, — альтруистическое поведение.

Попытка объяснить альтруистическое поведение с точки зрения модели рационального выбора стала теоретической новацией для западной экономической науки. Еще более новаторским такое объяснение представляется с точки зрения китайской традиции, где альтруизм рассматривался исключительно как моральное поведение, не только не связанное с экономическими интересами, но и противостоящее им как выражение более высоких личностных добродетелей.

В соответствии с концепцией Г.Беккера альтруизм понимается как положительная зависимость между функциями полезности разных людей (например, благосостояние матери тем выше, чем благополучней ее ребенок). Исходя из такого понимания альтруизма американским ученым была сформулирована «теорема об испорченном ребенке», раскрывающая роль альтруизма в семье.

В основе предложенной Г.Беккером модели лежит аксиома, что в семье присутствует «альтруист» — глава семьи, структура предпочтений которого отражает заботу о благосостоянии всех остальных. Г.Беккер доказывает, что наличие одного альтруиста — главы семьи побуждает эгоистичных, но рационально действующих членов семьи вести себя в соответствии с принципами альтруизма, в результате чего внутрисемейное распределение ресурсов строится так, чтобы максимизировать функцию полезности альтруиста.

Другими словами, если глава семьи (бенефактор) является альтруистом, то даже «испорченный ребенок» (бенефициарий), движимый исключительно эгоистическими мотивами, будет демонстрировать альтруистическое поведение, стремясь способствовать максимизации общего уровня благосостояния семьи [403, с. 288; 346, с. 28—29].

Рассмотрим более подробно проводимое тайваньскими учеными сопоставление альтруистической модели внутрисемейного распределения Г.Беккера и классической конфуцианской концепции «добродетельного правления» (*дэ чжи*).

Анализируя модель «добродетельного правления» с точки зрения ее экономической эффективности, Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин рассматривают *дэ чжи* как институт, задаваясь при этом вопросом, действительно ли можно с помощью добродетели успешно управлять обществом. По мнению тайваньских исследователей, «этот вопрос заставляет вспомнить о „теореме об испорченном ребенке“, сформулированной Г.Беккером» [218, с. 170].

Возможность такого сопоставления основывается прежде всего на том, что с древности в китайской культурной традиции государство понималось как расширенная аналогия се-

ственных отношений. Хотя доциньские мыслители имели достаточно разработанные представления о выгоде — *ли* — и различали выгоду для других (*ли та*) и выгоду для себя (*цзы ли*), с точки зрения экономической мотивации предложенные ими нормы взаимоотношений были недостаточны для приближения к идеалу общества, обладающего «истинным Даопутем».

Как уже отмечалось, интерес к теории игр у китайских ученых вызван прежде всего тем, что в центре ее внимания находится проблема взаимодействия индивидуальных решений. Анализ игровой модели «дилемма заключенного» позволил расширить рамки традиционной неоклассической теории и перейти от изучения «мира одного человека» к «миру двух людей». Однако, как подчеркивают современные тайваньские экономисты, реальное общество значительно сложнее, чем «мир двух людей», — это «мир многих людей», в котором есть обычаи, этико-ритуальные нормы (*ли*), долг-справедливость (*и*), привычки, а также семья, рынок, фирмы, местные организации, правительства [217, т. 1, предисл., с. 4].

Одним из новых направлений современной экономической мысли Запада, вызывающим повышенный интерес китайских ученых, является экономический анализ семейных отношений. Долгое время семья трактовалась западной экономической теорией как мельчайшая, неделимая единица и отождествлялась с рациональным индивидом (главой семьи), максимизирующим полезность, а процессы, происходящие внутри семьи, не исследовались. Сегодня внутренняя структура семьи стала предметом анализа экономистов. Особый вклад в изучение семейных отношений внес профессор Чикагского университета Г.Беккер. Его работы пользуются большой популярностью на Тайване (см. [178; 180; 264]). К числу выдвинутых им теоретических моделей, которые привлекли внимание тайваньских экономистов, относится так называемая «теорема об испорченном ребенке» («Rotten Kid Theorem») — альтруистическая модель внутрисемейного распределения.

Интерес к этой теореме объясняется, по нашему мнению, не только стремлением тайваньских ученых лучше разобраться в проблемах семейных отношений. Сформулированная Г.Беккером теорема заинтересовала их также и потому, что американский ученый вписал в модель «человека экономического», действующего рационально (т.е. стремящегося к достижению наилучшего из возможных результатов), иной тип мотивации, отличный от эгоизма, — альтруистическое поведение.

Попытка объяснить альтруистическое поведение с точки зрения модели рационального выбора стала теоретической новацией для западной экономической науки. Еще более новаторским такое объяснение представляется с точки зрения китайской традиции, где альтруизм рассматривался исключительно как моральное поведение, не только не связанное с экономическими интересами, но и противостоящее им как выражение более высоких личностных добродетелей.

В соответствии с концепцией Г.Беккера альтруизм понимается как положительная зависимость между функциями полезности разных людей (например, благосостояние матери тем выше, чем благополучней ее ребенок). Исходя из такого понимания альтруизма американским ученым была сформулирована «теорема об испорченном ребенке», раскрывающая роль альтруизма в семье.

В основе предложенной Г.Беккером модели лежит аксиома, что в семье присутствует «альтруист» — глава семьи, структура предпочтений которого отражает заботу о благосостоянии всех остальных. Г.Беккер доказывает, что наличие одного альтруиста — главы семьи побуждает эгоистичных, но рационально действующих членов семьи вести себя в соответствии с принципами альтруизма, в результате чего внутрисемейное распределение ресурсов строится так, чтобы максимизировать функцию полезности альтруиста.

Другими словами, если глава семьи (бенефактор) является альтруистом, то даже «испорченный ребенок» (бенефициарий), движимый исключительно эгоистическими мотивами, будет демонстрировать альтруистическое поведение, стремясь способствовать максимизации общего уровня благосостояния семьи [403, с. 288; 346, с. 28—29].

Рассмотрим более подробно проводимое тайваньскими учеными сопоставление альтруистической модели внутрисемейного распределения Г.Беккера и классической конфуцианской концепции «добродетельного правления» (*дэ чжи*).

Анализируя модель «добродетельного правления» с точки зрения ее экономической эффективности, Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин рассматривают *дэ чжи* как институт, задавая при этом вопросом, действительно ли можно с помощью добродетели успешно управлять обществом. По мнению тайваньских исследователей, «этот вопрос заставляет вспомнить о „теореме об испорченном ребенке“, сформулированной Г.Беккером» [218, с. 170].

Возможность такого сопоставления основывается прежде всего на том, что с древности в китайской культурной традиции государство понималось как расширенная аналогия се-

мейного клана, а отношения «правитель—подданный» рассматривались как вариант более фундаментальной связи «отец—сын». Эта идея нашла отражение во времена китайского средневековья в важном памятнике политической и экономической мысли династии Сун (XI в.) — трактате Ли Гоу «План обогащения государства, план усиления армии, план успокоения народа», где говорилось, что «правитель — отец и мать, а народ — [его] дети» (цит. по [360, с. 301]).

Кроме того, сходство можно обнаружить между мыслью Г.Беккера, что альтруизм главы семьи может побуждать к кооперативному поведению даже «испорченного ребенка», движимого исключительно эгоистическими мотивами, и известной фразой Конфуция об управлении государством: «Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль (дэ) благородного мужа [подобна] ветру; мораль низкого человека [подобна] траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер» [342, т. 1, с. 161].

Таким образом, «теорема об испорченном ребенке» позволяет по-новому подойти к обсуждению вопроса о том, почему в Древнем Китае могло возникнуть требование к правителю стремиться к богатству, мощи и спокойствию (*фуцян аньлэ*) государства с помощью института добродетельного правления [218, с. 171].

Однако нельзя не отметить и существенное отличие конфуцианских идей от взглядов Г.Беккера. Если первые основывались на незыблемом убеждении в возможности неограниченного совершенствования человеческой природы под воздействием силы морального примера «добродетельного правления» властителя, то второй полагал, что в основе альтруистической модели лежит принцип рационального максимизирующего поведения. В соответствии с концепцией Г.Беккера, «испорченный ребенок» будет стремиться к улучшению положения семьи и воздерживаться от любых действий, наносящих ущерб ее благосостоянию прежде всего потому, что в противном случае он сам может оказаться в проигрыше [346, с. 28—29].

С позиции разработанного Г.Беккером «экономического подхода» действующий рационально «испорченный ребенок» будет демонстрировать кооперативное поведение с главой семьи и ее членами лишь до тех пор, пока оно может принести ему наибольшую выгоду. Вызванное к жизни соображениями экономической рациональности альтруистическое поведение на благо семьи, западная модель которой подразумевается в теореме Г.Беккера, может утратить для выросшего «испорченного ребенка» свою важность, став менее эффек-

тивным, чем эгоизм. Нечто сходное происходит и в государстве, в котором «добродетельное правление» оказывается действенным, пока подданные могут ожидать от него наибольшей выгоды. По мере того как люди обретают экономическую независимость от государства, эгоистические мотивы начинают преобладать над альтруистическими, несмотря на воздействие проводимого государством морального образования. Как в семье, так и в государстве альтруистическое поведение «испорченного ребенка» — «подданного» преобладает над эгоистическим лишь до тех пор, пока оно позволяет ему получить наиболее эффективный с экономической точки зрения результат [218, с. 170—172, 182].

Таким образом, проводимые современными учеными сопоставления новых направлений экономической мысли Запада с китайским классическим наследием свидетельствуют о наличии между ними точек соприкосновения. Это стало особенно заметным в последние годы вследствие расширения предметного поля современной экономической науки, освоения ею новых, нетрадиционных для нее сфер.

Подчеркнем, что речь идет именно о моментах совпадения, а не о тождественности. Проблемы, обсуждаемые мировой экономической наукой, созвучны вопросам, которые ставили древнекитайские мудрецы, что и дает возможность для их сравнения. Но это вовсе не означает, что древнекитайская философия уже дала на них удовлетворительные с экономической точки зрения ответы. Проведенные сопоставления выявили принципиальные различия между современной западной экономической теорией и классической мыслью Древнего Китая.

Различие фундаментального порядка состоит в понимании человека. При всем разнообразии моделей человека в современных западных теориях в большинстве из них важнейшим принципом человеческого поведения выступает стремление каждого человека удовлетворить свои собственные интересы. Древнекитайские мудрецы не только не считали этот принцип основополагающим, но и критиковали его, утверждая превосходство «долга-справедливости» над «пользой-выгодой». Доциньская мысль оформила базовую идею китайской культуры — возможность безграничного морального совершенствования человека через должное осуществление предписываемых ему социальных ролей. Она нашла свое выражение в утверждении «каждый человек может стать Яо и Шунем» [218, с. 182], т.е. сравняться по уровню своего морального совершенства с идеальными древними правителями. Его основанием была аксиома «изначальной доброты» человеческой при-

роды, заложенной в индивиде от рождения и лишь «раскрываемой» в процессе социализации. Исходя из такой поведенческой предпосылки, древнекитайские философы приходили к выводу, что люди абсолютно восприимчивы к моральному воздействию благородного примера. Именно на это различие обращают внимание тайваньские профессиональные экономисты, хорошо владеющие западной экономической теорией.

Однако есть и другая группа ученых, которая сопоставляет древнекитайскую философию и современную западную мысль с китаецентристских позиций. Акцентируя внимание на совпадении взглядов современных западных экономистов и древнекитайских философов, сторонники этого направления утверждают, в частности, что «доциньские конфуцианцы уже объяснили то, что было обнаружено Коузом и сформулировано в его теореме» [49, с. 216]. Подобное обоснование приоритета китайской традиции достигается с помощью многочисленных цитат из классических трудов китайских философов, но очевидной слабостью аргументации выступает не очень глубокое знание мировой экономической мысли.

Считается, далее, что все китайцы и в особенности представители интеллектуальной элиты достаточно хорошо знают традиционный материал. С нашей точки зрения, это не совсем так, по крайней мере когда речь идет о профессиональных экономистах. В континентальном Китае в экономическом образовании долгое время господствовал марксизм, в последнее десятилетие молодое поколение экономистов ориентируется на изучение западных теорий. Не знакомы в должной мере с традиционными идеями и студенты экономических факультетов университетов Тайваня, так как их учебные программы практически не отличаются от аналогичных курсов в американских университетах. В цитируемой нами работе тайваньских экономистов Хуан Чуньсина и Гань Сюэпина традиционный материал используется не столько для того, чтобы облегчить восприятие западных экономических концепций путем их сопоставления с китайским материалом, сколько в целях ознакомления тайваньских студентов-экономистов с традиционным наследием.

Наконец, существует распространенное представление, что древнекитайская мысль и ее сопоставление с общественной мыслью Запада являются исключительной областью историко-философских и культурологических исследований. Экономическая перспектива позволяет подойти к изучению китайской мысли с новых позиций. Новизна такого подхода проявляется в его отличии от культурно-философского течения «современного конфуцианства» и близкой к нему по духу

теории «конфуцианского капитализма». Представители этого направления пытаются обосновать важность традиционной конфуцианской «моральной метафизики» для формирования современной рыночной экономики в странах Восточной Азии.

Социально-политическая концепция «конфуцианского капитализма» имеет заметную идеологическую направленность и используется для доказательства превосходства экономических систем стран «конфуцианского ареала» над рыночными экономиками стран Запада. Основной причиной экономической динамики региона объявляются традиционные ценности, формирующие уникальную деловую этику как у предпринимателей, так и у работников. Исходя из этих предпосылок, некоторые ученые ставят вопрос об ограниченной применимости к анализу восточноазиатских «конфуцианских» экономик инструментария современной западной экономической теории. Характеризуя существо проблемы, тайваньский ученый Дж.С.Ли (Ли Чэн) писал: «Сегодня среди экономистов неоклассическая модель является первостепенным инструментом, используемым для объяснения экономического развития. Неоклассическая экономика дает важную часть, но все же только лишь часть картины экономического развития. Для получения более полной картины требуется исследовать роль культуры» [412, с. 1].

Однако развиваемые с позиций китайского культурного консерватизма доказательства «капиталистичности», «индустриальности» и даже «демократичности» конфуцианства не затрагивают существа вопроса о применимости неоклассического инструментария к опыту восточноазиатских экономик. Ответ на него сформулирован наиболее четко в исследовании Дж. и Э.Вонг из Национального университета Сингапура: имея дело с опытом Сингапура и других восточноазиатских «драконов», «экономисты не испытывают значительных затруднений в прослеживании основных источников экономического роста новых индустриальных экономик и объяснении их успеха в рамках стандартной неоклассической теории» [466, с. 297]. Дешевая рабочая сила, иностранные инвестиции, усилия в области народного образования, агрессивный экспорт на внешние рынки и «превосходное предпринимательство в подлинно шумпетеровском смысле» [466, с. 297] — все эти факторы не несут ничего специфически конфуцианского. Осторожно относясь к содержанию внеэкономических дискуссий об успехах «конфуцианского капитализма», сингапурские ученые считают полезным более глубокое исследование институциональных аспектов проблемы, подчеркнув, что

«хорошая политика или стратегия не вырастает из институционального вакуума» [466, с. 308]. Можно согласиться с их выводом, что для перевода дискуссии из цивилизационно-культурологического измерения в плоскость экономической науки необходимо глубоко и обоснованно проанализировать реальные механизмы воздействия конфуцианства на развитие экономик этих стран, тогда как «без этого споры останутся бесплодным интеллектуальным поиском, ограничивающимся тавтологиями» [466, с. 301].

В заключение отметим, что исходящие из методологии современного институционализма исследователи не пытаются вслед за Дж.Ли искать ответ на вопрос о том, «заменит ли Адам Смит Конфуция на Тайване, в Корее и других азиатских государствах, когда они войдут в ряды индустриальных экономик» [412, с. 6]. Они, скорее, стараются обосновать их совместимость, снимающую вопрос о механической «замене» Конфуция А.Смитом. Вместе с тем, принимая во внимание высокий уровень американизации и формализации экономической мысли на Тайване, фактически уже давно вытеснивших Конфуция за пределы серьезных научных дискуссий, можно сказать, что речь идет о поиске точек соприкосновения традиционной мысли с западной экономической теорией для демонстрации их непротиворечивости.

Обращаясь к развитию экономической науки в континентальном Китае, следует отметить, что выход за пределы марксистской политэкономии социализма открыл возможности для движения в направлении как А.Смита, так и Конфуция. В научных кругах КНР интерес к осмыслению экономического значения китайской культурной традиции выражен намного более отчетливо, чем на Тайване. В то же время при рассмотрении этой тенденции необходимо учитывать влияющий на нее политический фактор, связанный с партийной линией на противостояние вестернизации и противопоставление национального пути «навязываемым извне» западным ценностям.

Несмотря на отмеченные культурно-националистические тенденции, проявляющиеся в экономических дискуссиях как на материке, так и за его пределами, в целом современные сопоставления новых направлений в мировой экономической мысли с китайской классической культурой не ставят на первое место идею превосходства китайских моральных ценностей и не несут идеологической окраски. Они отличаются профессионализмом и научной объективностью, и можно предположить, что подобный подход откроет ученым Китая и Запада новые перспективы в их исследованиях как

традиционного китайского наследия, так и экономической теории.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что, несмотря на различия, обусловленные исторической и политической ситуацией, переход в русло современной мировой экономической мысли осуществляется как в континентальном Китае, так и на Тайване. В профессиональных экономических исследованиях китайская традиция является дополнением к западной теоретической основе, а интерпретация национальной культуры направлена на создание нового прочтения древности, обнаруживающего в ней черты сходства с современными идеями.

**Оценки теоретических основ
китайской модели перехода к рынку
учеными КНР и других стран**

Споры о соотношении национального и иностранного в развитии китайской экономической мысли обретают новое содержание в связи с результатами теоретического изучения сложившейся в КНР модели перехода к рынку. Результаты двух десятилетий хозяйственной реформы в КНР выглядят впечатляющими на фоне трудностей, с которыми столкнулись при преобразовании плановой экономической системы Россия и страны Восточной Европы. Практическая эффективность китайской модели рыночных реформ стала стимулом для нового развития китайской экономической теории в 90-е годы, когда ученые КНР обратились к осмыслению истоков успешности избранного в их стране пути преобразований.

Вопросы о причинах успеха китайской реформы и возможности переноса опыта КНР в другие страны закономерно вызывают повышенный интерес среди исследователей экономики постсоциалистических стран во всем мире. Можно без преувеличения утверждать, что сопоставление двух моделей перехода к рынку — «поэтапной» (КНР) и «радикальной» (Россия и страны Восточной Европы) — одна из центральных тем, дискутируемых в последние годы западными и китайскими экономистами.

Анализируя опыт хозяйственной реформы в КНР, западные исследователи уделили главное внимание выявлению специфических черт китайского пути перехода к рынку. Они искали ответ на вопрос, чем объясняются успехи китайской реформы: связаны ли они с особыми условиями страны или же достигнуты благодаря избранной в КНР стратегии преобразований. В ходе дискуссий достаточно четко сформировались две полярные позиции. Первая из них была наиболее полно представлена Дж.Саксом (Гарвардский университет) [453], вторая — Б.Нотомом (Калифорнийский университет, Сан Диего) [437].

По мнению Дж.Сакса, положительные результаты экономической реформы в КНР связаны прежде всего с особыми исходными условиями преобразований и специфической структурой китайской экономики. С его точки зрения, именно «преимущества отсталости» позволили Китаю успешно реализовать стратегию «двухколейного перехода к рынку», при которой динамичное развитие новых секторов экономики не сопровождалось разрушением старых, и достигнуть высоких темпов роста. Успеху китайской реформы способствовало также и то, что на рубеже 80-х годов в стране сложилась сравнительно благоприятная политическая и экономическая обстановка и имелась реальная возможность для постепенных преобразований командной системы. Процесс перехода от плановой экономики к рыночной был в Китае менее болезненным и потому, что централизованное планирование играло в КНР сравнительно меньшую роль, чем в СССР и странах Восточной Европы, а органы власти на местах обладали большей самостоятельностью. Быстрому росту китайской экономики и в первую очередь специальных экономических зон на юге страны способствовала финансовая помощь зарубежных китайцев — *хуацяо*.

Проанализировав «факторы успеха» экономической реформы в КНР, Дж.Сакс пришел к выводу, что ее достижения стали возможными главным образом благодаря специфическим особенностям китайской ситуации, во многом уникальной и принципиально отличной от российской и восточноевропейской. На этом основании он заключал, что китайский сценарий постепенного перехода к рынку непригоден для России и стран Восточной Европы. По его мнению, «простое пересаживание реформ китайского типа на российскую почву невозможно», а «те, кто поддерживает идеи плавного китайского подхода к реформе применительно к России, могут с таким же успехом посоветовать ей решать проблемы сельского хозяйства, перейдя с пшеницы на рис» [453, с. 23—24].

Ученый не только выступал против заимствования другими странами китайской модели перехода к рынку, но и утверждал, что ее нельзя считать оптимальной для Китая. Поэтапный переход Китая к рынку он рассматривал не как заранее продуманную стратегию преобразований, а прежде всего как «результат политического конфликта» внутри китайского руководства, борьбы консерваторов и реформаторов по вопросу о путях и методах экономического развития страны [453, с. 31—33]. Он подчеркивал, что не все китайские реформы проводились плавно, например, решающие преобразования

в сельском хозяйстве были осуществлены в сжатые сроки — «всего за три года, с 1979-го по 1982-й, коммуны, объединявшие более 600 млн. (!) крестьян и членов их семей, — были ликвидированы и фактически приватизированы» [386, с. 64]. Оценивая предварительные итоги хозяйственной реформы в КНР, Дж.Сакс видел главный недостаток избранного Китаем пути рыночной трансформации в том, что руководство КНР оказалось неспособным решить ключевые экономические проблемы: повысить эффективность государственных предприятий в промышленности, сократить разрыв в доходах жителей города и деревни, обеспечить стабильное динамичное развитие сельского хозяйства. Как справедливо отмечал Дж.Сакс, с наибольшими трудностями Китай столкнулся в ходе реформы крупных и средних государственных предприятий, около $\frac{2}{3}$ которых по-прежнему оставались убыточными или скрывающими убыточность. По мнению американского ученого, неудачные попытки повысить эффективность госсектора в рамках модели постепенного перехода к рынку ставили под сомнение ее предпочтительность для Китая и служили дополнительным аргументом против ее использования Россией и странами Восточной Европы, успех реформы в которых во многом зависел от результатов преобразования государственных предприятий.

Принципиально иной позиции придерживался Б.Нотон. Он не отрицал, что в момент начала реформ экономические условия Китая и стран Центральной и Восточной Европы существенно различались. Специфика Китая выражалась в более низком уровне экономического развития, в особенностях демографической ситуации, в сосредоточении достаточно сильной власти в руках местных правительств, а также в относительно развитых внешнеторговых связях со странами с рыночной экономикой. В силу всего этого Китай обладал большим потенциалом экономического роста, чем Россия и страны Восточной Европы. Однако, по мнению Б.Нотона, успехи КНР не могли быть объяснены только национальной спецификой, они являлись прежде всего «результатом особого подхода Китая к экономической реформе» [437].

В «китайском подходе» к реформе Б.Нотон выделял девять основных черт:

- «двухколейная система», предусматривавшая сосуществование планового и рыночного регулирования и двух видов цен на аналогичную продукцию (фиксированных государственных на продукцию, произведенную в рамках государственного плана, и свободных рыночных на сверхплановую);

- концентрация экономического роста в секторах, регулируемых рынком, и постепенное относительное сокращение сферы планового регулирования;
- ослабление монопольного положения государства в промышленности, создание условий для относительно свободного доступа на рынок новых фирм (как частных, так и коллективных), а также иностранных компаний и ужесточение в результате этого конкуренции внутри страны;
- поэтапная либерализация цен: переход в середине 80-х годов к рыночным ценам на сверхплановую продукцию государственных промышленных предприятий и постепенное, по мере достижения сбалансированности спроса и предложения, освобождение от государственного контроля цен на потребительские товары;
- углубление реформы управления на государственных предприятиях, постепенный отказ от оценки их деятельности по итогам выполнения государственного плана и переход к использованию прибыльности в качестве главного показателя работы госсектора; улучшение результатов хозяйственной деятельности государственных предприятий под давлением конкуренции как альтернатива широкомасштабной приватизации;
- предоставление возможности отдельным секторам экономики и отдельным районам действовать вне рамок централизованного планирования, создание относительно изолированных от экономики страны анклавов (например, ориентированных на экспорт специальных экономических зон);
- умелое использование в ходе реформы административных рычагов, в частности применение плановых инструментов регулирования для ликвидации наиболее острых народнохозяйственных диспропорций и выполнения задач макроэкономической стабилизации на начальном этапе преобразований;
- циклические колебания между различными методами экономической политики в процессе осуществления реформы, выражающиеся в чередовании периодов экспансионистской макроэкономической политики и жесткой политики сдерживания;
- сохранение высокого уровня сбережений и инвестиций при сокращении накоплений в общественном секторе экономики, ставшее возможным благодаря быстрому росту частных сбережений [437, с. 51—56].

По мнению Б.Нотоңа, «основные черты» китайского подхода к экономической реформе не несли ничего специфиче-

ски китайского. Все элементы избранной в КНР стратегии преобразований были, по его словам, «присущи, или потенциально присущи», реформам в России и странах Восточной Европы [437, с. 60]. Заслуга китайских реформаторов заключалась прежде всего в том, что им удалось найти оптимальное сочетание этих элементов и правильно наметить последовательность преобразований.

Обращаясь к вопросу о возможности заимствования китайской модели экономических реформ другими странами, Б. Нотон утверждал, что «нет ни одного фактора, который делал бы китайский опыт неприменимым к условиям стран Центральной и Восточной Европы» [437, с. 68]. Он считал, что из изучения китайского опыта и его сопоставления с реформами в других постсоциалистических странах можно извлечь несколько полезных уроков.

Во-первых, достигнутые Китаем успехи доказывали возможность плавного перехода к рынку и свидетельствовали о том, что мероприятия, необходимые для запуска реформ, не так сложны, как это предполагалось в дореформенный период. Для того чтобы сдвинуть с места рыночные реформы в КНР, оказались достаточными «минимальные критические усилия» [437, с. 69]. Пакет реформ, обеспечивших поступательное движение к рынку китайской экономики, включал в себя следующие меры: ослабление государственной монополии в экономике, открывающее возможность для появления и быстрого развития частных и коллективных мелких и средних предприятий; предоставление определенной самостоятельности предприятиям государственной собственности и улучшение стимулов их работы; переход к рыночному ценообразованию в отдельных сферах народного хозяйства; соблюдение макроэкономической дисциплины. Китайский опыт рыночной трансформации представлял интерес также и потому, что опровергал распространенную в западной экономической литературе точку зрения, согласно которой решительный подход к реформам позволял преодолеть сопротивление их противников, а постепенные преобразования неизбежно должны были привести к остановке реформ на полпути.

Во-вторых, из положительных итогов китайской реформы следовал вывод о том, что в определенных условиях плавные реформы могут оказаться более предпочтительными, чем стратегия перехода к рынку, делающая акцент на высоких темпах и одновременности преобразований. Одной из главных проблем, с которыми столкнулась реформа в России, стал распад ключевых экономических институтов. В стране сложилась ситуация, при которой новые институты рыночной

экономики еще не были созданы, а старые просто перестали работать вообще. В отличие от России характерная особенность китайской реформы состояла в отсутствии такого институционального вакуума. Хотя многие институты в Китае (например, банковская система) работали плохо, они продолжали функционировать, и недостатки их деятельности не создавали угрозы экономического коллапса. Серьезное отличие китайских реформ от преобразований в странах Центральной и Восточной Европы состояло также и в том, что консервативные силы в китайском руководстве действительно проводили консервативную экономическую политику, уделяя серьезное внимание проблемам инфляции, финансового и внешне-торгового дефицита, и в случае, когда они обострялись, требовали замедления реформ, чтобы не допустить углубления кризиса. Что же касается «консерваторов» в России и Польше, то вопросы макроэкономической стабильности волновали их даже меньше, чем сторонников радикальных реформ.

Главный вывод Б.Нотона состоял в том, что китайский подход к реформе отличался большей надежностью и меньшей степенью риска, чем радикальные преобразования в России и странах Восточной Европы. Теоретически, заключал он, страны Центральной и Восточной Европы могли бы заимствовать китайский подход к реформе, и ситуация в этих странах могла бы быть лучше, если бы они избрали стратегию преобразований, более сходную с китайской [437, с. 70].

Помимо крайних позиций Дж.Сакса и Б.Нотона имелись и промежуточные точки зрения. Их сторонники объясняли прогресс Китая в реформировании традиционной системы как специфическими условиями страны, так и отличной от других постсоциалистических стран стратегией перехода к рынку. В частности, Ф.Дж.Адамс писал об особенностях реалий КНР, во многом сближающих ее с другими странами Азии, и о принципиальном отличии китайской ситуации от положения в странах Центральной и Восточной Европы. В то же время успехи китайской реформы он связывал прежде всего с преимуществами поэтапного подхода к рыночным преобразованиям. По его мнению, достоинства этого подхода значительно перевешивали его недостатки, и именно поэтапные (по принципу «остановка—движение») преобразования позволили обеспечить поступательное развитие китайской экономики в направлении рынка [401, с. 232—236].

П.Нолан пишет о китайской реформе как о «загадке», поставившей в тупик многих зарубежных аналитиков. Сумма «консенсусных» взглядов по проблеме реформирования централизованных экономик, разделяемых большинством эконо-

мистов, обобщена П.Ноланом в следующем виде: «а) промежуточное строение „рыночного социализма“ обречено на провал; б) институциональные реформы не могут быть успешными без макроэкономической стабилизации; в) пока права частной собственности не установлены, предприятия будут неадекватно реагировать на сигналы рынка; г) даже если права частной собственности прочно установлены, попытки предприятий получить прибыль не будут давать социально желаемых результатов до тех пор, пока цены не будут определяться рыночными силами; д) каким бы ни было воздействие рыночных сил внутри национальной экономики, экономический процесс будет сильно тормозиться до тех пор, пока не наступит полная интеграция в мировую экономику; е) темпы перехода от централизованного планирования должны быть быстрыми; ж) экономические и политические реформы неразделимы» [441, с. 2—3]. Эти взгляды, в основе которых лежит неоклассическая теоретическая модель, были предложены советниками посткоммунистическим правительствам Восточной Европы и России. По мнению П.Нолана, если бы такая позиция была единственно правильной, то китайские реформы были бы неизбежно обречены на половинчатость и неудовлетворительные результаты; события 1989 г. по этой логике должны были стать концом реформ; неявным выводом из этих предпосылок является идея отстранения КПК от власти.

Однако китайская практика свидетельствует об обратном — «промежуточные» реформы дают очень хорошие результаты уже полтора десятилетия, политический поворот 1989 г. не оказал долговременного негативного влияния на экономику, а попытка устранения КПК из политической жизни может привести к последствиям, несопоставимым по тяжести с кажушимися выгодами от снятия идеологической и бюрократической опеки с экономики.

Анализируя опыт китайской реформы, П.Нолан обратил внимание на то, что по всем перечисленным ранее позициям Китай избрал собственный вариант решения, не только отличающийся от рекомендаций западного «экономического большинства», но и прямо противоположный им. Система «социалистической рыночной экономики» направлена на соединение механизмов плана и рынка; права собственности в государственном секторе определены нечетко, отсутствует частная собственность на землю в аграрном секторе; ценовая реформа отдает высший приоритет социальной стабильности; внутренние цены остаются изолированными от цен мирового рынка; международная экономическая деятельность определяется в большей степени административными решениями, чем реше-

ниями на уровне отдельных предприятий. Споря с теми, кто, исходя из абстрактной неоклассической модели, называет существующую в КНР систему «рыночным сталинизмом» [428, с. 573], П.Нолан отметил ряд общеизвестных достижений китайских реформ — быстрый и устойчивый рост ВВП, усиление контроля над ростом народонаселения (благодаря авторитарному политическому контролю), изменение «сталинского» соотношения между ростом тяжелой и легкой промышленности, сравнительно малую внешнюю задолженность, невысокую инфляцию. Ученый также выделил специфические благоприятные факторы в китайской реформе — роль сильного государства в переходе к рынку и влияние Тайваня и Гонконга как моделей развития и источников капиталов. Вывод П.Нолана — «успехи реформ в Китае могли действительно, хотя бы частично, быть результатом правильного выбора в экономической политике», что «должно дать экономистам повод для серьезных размышлений» [441, с. 15—16, 17].

Вопрос о причинах успеха китайской реформы вызвал повышенный интерес не только среди западных исследователей, но и среди ученых-экономистов из стран Азии.

С точки зрения П.Б.Раны и В.Паз (Азиатский банк развития), хотя разные исходные обстоятельства во многом обусловили различный ход преобразований в странах Азии и Европы, неодинаковые сценарии и последовательность проведения реформ также сыграли важную роль.

Если в Восточной Европе при «шоковой терапии» реформы проводились сверху и упор делался на преобразованиях в сфере макроэкономики, последовательность реформ в азиатских странах (Китай, Лаос, Вьетнам, Мьянма) была иной — перестройка традиционной системы начиналась «снизу», на первом этапе центральное место отводилось реформам на микроуровне. В отличие от европейского сценария, при котором реформы предполагалось проводить одновременно и в короткие сроки, азиатский подход был эволюционным, использовался «двухколейный» переход к рынку, когда допускалось развитие новых негосударственных секторов экономики при сохранении контроля над госсектором. Хотя реформы в некоторых европейских странах (Венгрии, Румынии, Болгарии) тоже можно назвать поэтапными, европейский постепенный подход к реформам в корне отличался от азиатского: в Европе приоритет отдавался преобразованиям на макроуровне («macro-first gradualist approach»), в то время как в Азии внимание акцентировалось на реформе в сфере микроэкономики («micro-first gradualist approach») [449, с. 120].

По мнению П.Б.Раны и В.Паз, опыт стран Азии «содержит ряд ценных уроков для переходных экономик» [449, с. 132]. Успехи реформ в Азии рассматривались ими как важный аргумент в пользу стратегии плавного перехода к рынку. Они утверждали, что «если политическая ситуация не диктует иного подхода, стратегия постепенных преобразований может оказаться действенной» [449, с. 133]. Достижения азиатских стран представляли интерес также и потому, что свидетельствовали о важности первоочередных преобразований в сельском хозяйстве и легкой промышленности, о необходимости создания условий для развития негосударственных предприятий, доказывали ошибочность представлений, согласно которым простого отказа от плана достаточно для утверждения рыночных отношений.

Вместе с тем П.Б.Рана и В.Паз предупреждали, что азиатский подход к реформам не следовало рассматривать как «панацею от всех бед» [449, с. 120]. За годы реформы азиатскими странами были достигнуты весьма «скромные успехи» в перестройке крупных государственных предприятий [449, с. 133]. В результате политики региональных экспериментов обострились диспропорции между различными районами и провинциями. Трудной задачей для многих азиатских стран оказалось проведение реформ на макроуровне. Местные правительства, получившие значительную власть в период микроэкономических реформ, не желали отказываться от своих прав и выступали против передачи части контролирующих функций центру. Ученые считали, что окончательные выводы о преимуществе азиатского подхода к реформе преждевременны, поскольку процесс перехода стран Азии к рыночной экономике далек от завершения, а новая фаза преобразований, в которую вступили азиатские страны, в том числе и Китай, является решающей и наиболее сложной.

Обобщение предварительных итогов экономической реформы в КНР и анализ причин ее успеха — важнейшая тема исследований китайских экономистов, работающих как в Китае, так и за его пределами.

Китайские ученые, ведущие научную деятельность за рубежом (главным образом в США), неодинаково оценивали избранную в КНР стратегию реформы и по-разному объясняли достижения Китая в преобразовании традиционной экономической системы. Некоторые исследователи придерживались взглядов, сходных с позицией Дж.Сакса. Они акцентировали внимание на специфических особенностях китайской действительности, облегчивших переход Китая к рынку, и утверждали, что китайский опыт неприменим к условиям во-

сточноевропейских стран и России. Такую точку зрения отстаивал, в частности, Ху Юнтай, выступавший соавтором Дж.Сакса в статьях, посвященных сопоставлению реформ в Китае и европейских странах [452; 453].

В то же время широкое распространение среди китайских ученых, работающих за границей, получили концепции, согласно которым быстрый экономический рост Китая был достигнут благодаря эволюционной стратегии перехода от командной экономики к рыночной. Высказывались мнения, что успехи Китая стали возможными в результате проведения реформ «снизу», опоры на экспериментальные методы преобразований. Так, Чэнь Пин [405], сравнивая реформы в Восточной Европе и в Китае, отмечал, что если в европейских странах стратегия преобразований разрабатывалась централизованно, а основные мероприятия по перестройке традиционной системы диктовались сверху, многие шаги китайской реформы не планировались заранее. Особенность китайского подхода к реформе заключалась в том, что руководство КНР не препятствовало проведению эксперимента на местах, а в случае, если он оказывался успешным, узаконивало его результаты. Чэнь Пин считал, что китайская стратегия реформ имела очевидные преимущества, поскольку предпочтение отдавалось хозяйственным решениям, апробированным на практике, а не импортированным извне. Это позволяло уменьшить неопределенность и сократить издержки перехода от старой экономической системы к новой. В отличие от китайской стратегии европейский сценарий реформ разрабатывался заранее и ориентировался на заимствование готовых моделей. При таком подходе сложная ситуация в странах, проводящих реформы, понималась упрощенно, фактор неопределенности не принимался во внимание, а проблемы, возникающие при использовании зарубежных рецептов в условиях этих стран, не учитывались в полной мере. Все это увеличивало риск принятия ошибочных решений и цену, которую приходилось платить за реформы.

Чэнь Пин подчеркивал, что сравнение реформ в Китае и Восточной Европе позволяло глубже осмыслить теоретические основы экономической политики, проводимой в этих странах. Сопоставляя два различных подхода к реформе — европейский, сторонники которого пропагандировали методы «шоковой терапии» и отстаивали тезис о том, что «нельзя перепрыгнуть через пропасть в два шага», и китайский, выраженный в лозунге «переходить через реку, нащупывая камни», — Чэнь Пин утверждал, что за столкновением метафор лежали различные теоретические представления об эволюции

экономических систем и неодинаковое понимание процессов, происходящих в народном хозяйстве постсоциалистических стран. Политика «шоковой терапии» основывалась на сформулированном в рамках неоклассической теории предположении о том, что отказ от централизованного планирования создаст условия для свободной игры рыночных сил, взаимодействие которых в конечном счете приведет систему в состояние равновесия. Однако практика реформ в восточноевропейских странах не подтвердила правильности данного предположения, а процесс рыночной трансформации оказался крайне сложным, нелинейным и непредсказуемым.

В то же время предварительные итоги китайской реформы свидетельствовали об эффективности избранной в КНР модели децентрализованных постепенных изменений, при которой на каждом из этапов реформы принимались решения, представлявшие собой компромисс между множеством различных предложений. В результате проведенного сопоставления Чэнь Пин пришел к выводу об ограниченных возможностях неоклассических теорий равновесия, лежащих в основе предложений сторонников «шоковой терапии», и призвал исследователей полнее учитывать в своих построениях реальные особенности функционирования экономики, а в более широком плане — обратиться к поиску новой парадигмы экономической науки [405, с. 140—141].

Позиции участников дискуссий об особенностях китайского пути перехода к рынку, развернувшихся за пределами КНР, существенно различались, однако расхождения касались прежде всего вопроса о том, что имело определяющее значение для успеха китайской реформы — исходные условия страны или особая стратегия преобразований. Другая проблема, вызвавшая острые разногласия среди ученых-экономистов, была связана с возможностью использования китайского опыта странами Центральной и Восточной Европы, осуществляющими переход к рыночной экономике. В остальном же взгляды участников обсуждения не только не вступали в противоречие между собой, но и удачно дополняли друг друга, что позволяло составить целостную, достаточно объективную картину китайской реформы и показать отличие китайского варианта преобразований от восточноевропейского.

Попытки осмыслить предварительные итоги экономической реформы в КНР предпринимались и китайскими исследователями, работающими внутри страны. Публикации, посвященные обобщению китайского опыта реформы, начали появляться в КНР уже в 80-е годы, а с конца 80-х — начала 90-х годов эта тема стала одним из главных сюжетов китай-

ских экономических дискуссий. Основное внимание уделялось обсуждению стратегии экономической реформы в КНР. В ходе преобразований трактовка данной проблемы не оставалась неизменной и была тесно связана с результатами реформы на каждом из ее этапов.

Особенность китайских публикаций заключалась в том, что в них использовалась принципиально иная система изложения материала, чем в работах западных экономистов. Преобладающая часть исследований западных ученых строилась следующим образом: сначала давалась общая характеристика результатов китайской реформы на фоне итогов рыночных преобразований в России и странах Восточной Европы, а затем анализировались причины успехов, достигнутых Китаем, раскрывалась специфика китайского пути перехода к рынку и исследовалась возможность применения опыта КНР другими странами. Работы же ученых КНР, как правило, начинались с описания основных этапов реформы, констатации ее достижений и выявления основных черт китайской модели рыночной трансформации, затем выделялись проблемы, которые не удалось решить в ходе реформы, и формулировались задачи нового этапа преобразований. В большинстве публикаций вопросу о причинах успеха экономической реформы в КНР уделялось значительно меньше внимания, чем в работах западных ученых, а прямые сравнения китайского пути преобразований с опытом стран Центральной и Восточной Европы отсутствовали (исключение составляли специальные компаративистские исследования китайских и восточноевропейских реформ).

По нашему мнению, избранная китайскими экономистами последовательность изложения объяснялась прежде всего конкретными задачами, которые ставились руководителями КНР перед учеными: они должны были проанализировать ситуацию, сложившуюся в народном хозяйстве страны, и на этой основе разработать дальнейшие мероприятия экономической политики. Стремление же ученых КНР отойти от критических оценок опыта других стран и его сопоставления с китайской моделью перехода к рынку было частично связано с официальной политической установкой китайского руководства, в соответствии с которой путь развития страны должен самостоятельно определяться ее народом.

В работах ученых КНР, опубликованных в 1993—1994 гг., т.е. тогда же, когда появились проанализированные ранее статьи западных исследователей, последовательно проводилась мысль, что позитивные перемены в экономике страны стали возможны прежде всего благодаря правильному выбору стратегии реформы.

По мнению этих авторов, главная особенность китайской стратегии состояла в том, что переход к современной рыночной системе осуществлялся постепенно, с учетом специфики страны. Конечная цель преобразований не определялась заранее, а уточнялась по мере углубления реформы. Так, не оставалась неизменной позиция руководства КНР по ключевому вопросу о соотношении планового и рыночного регулирования: в конце 70-х — начале 80-х годов выдвигался лозунг «плановая экономика — основная, рыночное регулирование — вспомогательное», в середине 80-х годов речь шла о «плановой товарной экономике», а в начале 90-х годов была поставлена задача создания системы «социалистической рыночной экономики».

Специфика китайского пути преобразований заключалась в «двухколейном переходе» от плановой системы к рыночной, при котором старая система не разрушалась, а существовала параллельно с динамично развивавшейся новой. В процессе реформы важная роль отводилась экспериментам, результаты которых внимательно анализировались и обобщались, после чего принимались решения об их распространении. Широкому использованию практики экспериментирования способствовала сложившаяся в КНР особая структура отношений между центральными и местными органами власти, при которой местам предоставлялась определенная хозяйственная самостоятельность и разрешалось действовать в соответствии со специфическими условиями региона. Характерная черта китайской модели перехода к рынку заключалась в том, что предпочтение отдавалось реформам «снизу», поскольку, как утверждали ученые КНР, рынок не мог быть создан в соответствии с разработанным заранее и спущенным сверху планом.

Позиция китайского руководства по отношению к проводимым преобразованиям отличалась прагматизмом и гибкостью, новые нестандартные хозяйственные решения «не поощрялись, но и не запрещались» [414, с. 5]. Не случайно, что некоторые ведущие ученые КНР (например, Фань Ган) считали китайский постепенный подход к реформам не столько сознательно избранной стратегией реформы, сколько «последующим описанием стихийного эволюционного процесса» [414, с. 4]. Китайская стратегия реформы характеризовалась также и тем, что она разрабатывалась с учетом возможных последствий преобразований для населения страны и оперативно корректировалась, если в процессе перехода к рынку возникали острые социальные проблемы.

Объясняя, почему в Китае был избран путь плавного перехода к рынку, ученые КНР ссылались на особые экономиче-

ские и политические условия, сложившиеся в стране к моменту начала реформ. По их мнению, в конце 70-х годов ситуация в народном хозяйстве КНР была «слишком хорошей» для того, чтобы применять тактику «шоковой терапии» [414, с. 2]. После завершения «культурной революции» положение в экономике стало улучшаться, а большинство населения сохраняло веру в традиционную систему. Широкое распространение получили представления, согласно которым неудачи «культурной революции» связывались с господством принципа «политика — командная сила» и утверждалось, что перенос центра тяжести на экономическое строительство позволит коренным образом решить проблемы, стоящие перед страной. По мнению китайских экономистов, «все эти соображения исключали возможность того, что Китай изберет радикальную программу реформ на начальном этапе преобразований» [414, с. 2].

Анализируя причины, обусловившие выбор Китаем стратегии поэтапного перехода к рынку, ученые КНР ссылались не только на особую ситуацию, сложившуюся в стране накануне реформ, но и на специфическую структуру экономики современного Китая. Как и Дж.Сакс, они обращали внимание на высокую долю занятых в сельском хозяйстве и на наличие избыточной рабочей силы в деревне, что, по их мнению, создавало благоприятные условия для развития негосударственных секторов и тем самым способствовало успешной реализации стратегии постепенных преобразований. Некоторые исследователи объясняли предпочтительность для Китая модели плавного перехода к рынку огромными масштабами и неравномерностью развития страны, что делало невозможным одинаковые темпы реформ в различных районах КНР [417, с. 133].

Обращение руководителей КНР к сценарию постепенной рыночной трансформации китайские теоретики связывали также и с тем, что в качестве «главных пунктов прорыва» традиционной системы были избраны секторы экономики, отличавшиеся наименьшей степенью сопротивления реформам. По их мнению, «обходной путь преобразований» имел очевидные преимущества, поскольку позволял безболезненно переходить от простых реформ к более сложным и избегать крупных социальных потрясений при движении к рынку. Важнейшей политической предпосылкой стратегии постепенных реформ китайские экономисты считали достаточно высокий авторитет руководства КНР и сохранение у него способности контролировать происходящие в стране процессы. Особую роль сыграла поддержка реформы большинством населе-

ния, которое получило в ходе преобразований значительные выгоды и было заинтересовано в сохранении стабильности. Среди экономических факторов, облегчивших плавный переход Китая к рынку, назывались также крупные капиталовложения зарубежных китайцев в экономику КНР [414, с. 8—9; 417, с. 33].

Признавая, что избранная в Китае стратегия реформы способствовала поступательному движению экономики страны в направлении рынка, ученые КНР в то же время обращали внимание на серьезные проблемы, которые не удалось решить в рамках китайской модели рыночной трансформации.

Уже в середине 80-х годов важнейшей темой исследований китайских экономистов стал анализ сформировавшейся в ходе реформы «двухколейной системы», а с начала 90-х годов этот вопрос выдвинулся в их работах на первый план. Оценивая «двухколейную» стратегию перехода к рынку, китайские авторы отмечали, что ей были свойственны не только достоинства, но и недостатки. С одной стороны, она позволяла уменьшить сопротивление реформам и минимизировать «издержки трения» при переходе от старой системы к новой [200, с. 7]. Поскольку экономический рост обеспечивался главным образом за счет динамичного развития «новой колеи» (прежде всего за счет быстрого подъема негосударственных секторов экономики), по мере углубления реформы создавались благоприятные условия для перестройки государственного сектора, функционировавшего в рамках «старой колеи», что выражалось в поэтапном формировании конкурентной рыночной среды, расширении сферы занятости для желающих работать вне госсектора, накоплении практических знаний о новой системе и т.д.

В то же время, так как при «двухколейном переходе» к рынку новая система создавалась поэтапно, путем неоднократного урегулирования экономических отношений, заметно увеличивались суммарные «издержки проведения реформы». Кроме того, поскольку переход к рынку осуществлялся не сразу, а в течение достаточно длительного периода времени, на каждом из этапов преобразований возникали отклонения от заранее намеченной «целевой модели» реформы.

Серьезная опасность для реформы была связана с сохранением «старой колеи», т.е. экономических структур, присущих административно-командной системе. Несмотря на предположение теоретиков реформы, что динамичное развитие новой системы сведет на нет роль «старой колеи», на практике наметилась тенденция к ее росту, поскольку значительные средства, полученные от деятельности новых, более эффек-

тивных, чем государственный, секторов экономики, направлялись на поддержку убыточных государственных предприятий. В сохранении «старой колеи» были заинтересованы значительные социальные группы, включая правительственных чиновников, поскольку «двухколейная система» создавала питательную почву для коррупции и взяточничества. Проанализировав ситуацию, сложившуюся в результате длительного сосуществования двух систем, китайские экономисты пришли к выводу, что при поэтапном переходе к рынку необходимо принимать жесткие меры, чтобы не допустить укрепления старой системы, так как в противном случае она не только не исчезнет автоматически, но и «будет процветать, паразитируя на новой колее» [414, с. 13]. Все большее число ученых стало склоняться к мнению, что этап конструктивного сосуществования двух систем близок к завершению и переход «с двух колеи на одну рыночную колею» должен быть ускорен [245, с. 4].

В начале 90-х годов китайские экономисты стали проявлять повышенный интерес к тем мероприятиям реформы, которые не были осуществлены в предшествующий период или не увенчались успехом. Поскольку реформа в КНР проводилась в последовательности «от простого к сложному», на начальном этапе преобразований в центре внимания находились вопросы, лежащие на поверхности, в то время как изменения, затрагивающие более глубокие слои экономических отношений, откладывались. К их числу ведущие китайские ученые относили прежде всего перестройку на предприятиях госсектора, эффективность которых оставалась крайне низкой. Они утверждали, что преобразование системы прав собственности на государственных предприятиях является «неотложной задачей дня» и что без ее выполнения не только затормозятся другие реформы, но и будет нанесен ущерб экономической стабильности. Наряду с коренными преобразованиями госсектора указывалось на необходимость углубления реформы цен. Ее центральным звеном на новом этапе перехода к рынку должна была стать перестройка системы цен на средства производства и основные виды сырья. В качестве важнейшего направления дальнейших преобразований рассматривалось также изменение функций правительства, которые требовалось привести в соответствие с реалиями создаваемой рыночной системы. Особое место в публикациях начала 90-х годов стало отводиться анализу практических трудностей, связанных с ухудшением управляемости экономикой, структурными диспропорциями, региональной дифференциацией, местным протекционизмом, социальным неравенством, неадекватностью

существующей банковской системы новым экономическим условиям и т.д. [199, с. 30—37; 295, с. 6—8; 414, с. 14—15]. Поскольку, по мнению китайских ученых, возможности решения этих проблем в рамках стратегии плавного эволюционного перехода к рынку были ограничены, в материалах дискуссий стала все более четко проводиться мысль о необходимости радикализации реформы.

Предложения ускорить темпы экономической реформы нашли отражение практически во всех исследованиях ведущих китайских ученых, опубликованных в первой половине 90-х годов. Разделяя общее мнение о необходимости сократить сроки перехода к новой системе, они по-разному подходили к вопросу о том, насколько решительно следует проводить дальнейшие преобразования. Наиболее радикальную позицию занимал У Цзинлянь. Придерживаясь в целом стратегии постепенного перехода к рынку, он считал возможным приступить к радикальным реформам в тех областях, где для этого имелись необходимые предпосылки. Ученый предлагал отказаться от «обходного пути реформ» и сосредоточить усилия на «фронтальном наступлении» — ускорить перестройку государственного сектора экономики, преобразовать систему макроэкономического управления, изменить функции правительственных органов. Как и большинство китайских исследователей, У Цзинлянь выступал за переход от частичных реформ к комплексным, от экспериментирования к заранее спланированным действиям. Если в 80-е годы новые нормативные акты принимались только после того, как мероприятия реформы апробировались на практике (*сянь фанкай, хоу гуйфань*), на следующем этапе преобразований У Цзинлянь предлагал в первую очередь создавать нормативную базу функционирования рыночной системы и лишь затем проводить дальнейшую либерализацию экономики (*сянь гуйфань, хоу фанкай*) (см. [169, с. 13—15]). Хотя другие ведущие китайские ученые (Лю Гогуан, Юй Цзуяо, Чэнь Дунци, Дай Юаньчэнь, Ма Цзяцзюй) по-разному характеризовали особенности нового этапа реформы (см. [245, с. 3—4; 295, с. 3]), все они были единодушны в том, что он будет принципиально отличаться от предыдущего.

Особое место в китайских экономических дискуссиях последних лет отводилось сопоставлению опыта реформ в КНР с преобразованиями в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе. Несмотря на то что многие авторы сознательно избегали прямых сравнений китайского опыта с восточноевропейским, эта тема имплицитно затрагивалась практически во всех работах, посвященных осмыслению итогов

экономической реформы в КНР, и в статьях о теории и практике преобразований в странах Восточной Европы и бывшем СССР. Специальные компаративистские исследования, подготовленные китайскими экономистами, немногочисленны, однако они представляют научный интерес, поскольку позволяют лучше понять отношение китайских ученых к зарубежному опыту постсоциалистической рыночной трансформации и их оценку на его фоне собственного пути перехода к рынку.

Эти исследования можно условно разделить на три группы, различие между которыми заключается в неодинаковых исходных установках их авторов: одни ученые ставили перед собой задачу доказать непригодность для Китая зарубежных моделей перехода к рынку, другие пытались оценить значение для страны иностранного опыта и найти в нем элементы, применимые в условиях нового этапа реформы, третьи старались показать универсальное значение китайского опыта для других стран с переходной экономикой.

Примером первого подхода может служить статья Чжоу Сяочуаня и Инь Вэньцюаня, в которой критикуется предлагаемый «экономистами-западниками» путь преобразований централизованной плановой системы, предусматривающий одновременное осуществление маркетизации, приватизации и демократизации [486, 07.05.1993]. С их точки зрения, главное внимание в ходе реформы следует сосредоточить на переходе к рынку, а приватизацию и демократизацию отложить на более поздние сроки, когда реформа уже приведет к реальному улучшению жизни большинства населения. Аргументируя свою позицию, они подчеркивали, что «шоковая терапия» и быстрая приватизация означают перераспределение общественного богатства между различными группами и неизбежно приведут к острым конфликтам. Об этом свидетельствуют предварительные итоги реформ в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе, где движение к рынку столкнулось с серьезными социальными и политическими проблемами. Чтобы сделать переход к новой системе более безболезненным и контролируемым, китайские экономисты предлагали отказаться от политики радикальных и всесторонних преобразований и выступали за осуществление небольших пакетов реформ на каждом из этапов преобразований. Рассматривая в качестве основного направления реформы формирование рыночной среды, Чжоу Сяочуань и Инь Вэньцюань считали ошибочными концепции, согласно которым стержневым элементом перестройки должна стать приватизация. Они также выступали против ускоренных демократических преоб-

разований, утверждая, что демократическое правительство может оказаться неспособным обеспечить политическую стабильность и действенное управление экономикой.

Предложенный Чжоу Сяочуанем и Инь Вэньцюанем подход к осуществлению реформы представляется вполне обоснованным и соответствующим специфическим особенностям китайской ситуации. Его достоинства заключаются в достаточно четкой схеме преобразований, повышенном внимании к социальным аспектам реформы, признании за государством регулирующей роли при переходе к рынку. Однако такой позиции, по нашему мнению, присуща определенная тенденциозность. По признанию самих Чжоу Сяочуаня и Инь Вэньцюаня, «в разработке теории реформы китайские экономисты были ограничены некоторыми предварительными условиями, не подлежащими пересмотру» [486, 07.05.1993]. К их числу относились прежде всего установки на сохранение ведущей роли общественной собственности при допущении развития других ее форм, а также на проведение фундаментальных экономических реформ без радикальных изменений в политической сфере. Представляется, что эти «предварительные условия» серьезно повлияли на выбор китайским руководством стратегии реформ и послужили одной из причин его отказа от курса на ускоренную приватизацию и демократизацию. Кроме того, в статье Чжоу Сяочуаня и Инь Вэньцюаня четко прослеживается изначально заданное негативное отношение к опыту реформ в странах Восточной Европы и бывшем СССР, ссылки на который используются исключительно для того, чтобы показать несостоятельность избранной этими странами стратегии и продемонстрировать преимущества китайского пути преобразований.

Принципиально иной позиции по вопросу о двух моделях перехода к рынку придерживался Фань Ган. Согласно его концепции, накопленный к настоящему времени опыт экономической трансформации не дает возможности заключить, что какой-то один из подходов к реформе — радикальный или постепенный — безусловно предпочтительнее другого. Он предлагал крайне осторожно относиться к сравнению различных путей перехода к рынку и считал, что ответить на вопрос о преимуществе того или иного подхода можно только тогда, когда будут решены все проблемы при обоих вариантах реформ. По мнению Фань Гана, поскольку с начала радикальных преобразований в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе прошло мало времени, а в Китае реформы проводятся уже на протяжении более полутора десятилетий, успехи, достигнутые Китаем к сегодняшнему дню, не следует

ошибочно воспринимать как свидетельство превосходства китайского пути [414, с. 14, 19].

Главный вывод Фань Гана состоял в том, что постепенные реформы в Китае и радикальные в России и странах Восточной Европы представлялись оптимальными для этих стран и соответствовали их исходным экономическим и политическим условиям. Объясняя причины успехов, достигнутых Китаем на пути перехода к рынку, он также ссылаясь на особые условия страны, позволившие осуществить многие мероприятия реформы на практике. По нашему мнению, позиция Фань Гана по данному вопросу близка к взглядам Дж.Сакса, который связывал прогресс Китая в реформировании традиционной системы со специфическими особенностями китайской ситуации.

Считая избранную Китаем стратегию реформ оптимальной, Фань Ган в то же время признавал, что возможен и лучший путь постепенных преобразований. Для повышения эффективности реформы в КНР он предложил конкретные рекомендации по корректировке экономической политики и призвал внимательно изучать и использовать зарубежный опыт рыночных преобразований. Подобная позиция в отношении зарубежного опыта отличалась от точки зрения большинства китайских и западных исследователей, которые советовали восточноевропейским странам перенять китайский подход к реформам. Фань Ган не отрицал значения китайского опыта для России и Восточной Европы, считая, что его отдельные элементы (прагматизм, гибкость в проведении преобразований и т.д.) могут быть полезными для других стран, осуществляющих переход к рынку. Как писал ученый, «у китайских политиков есть что предложить для улучшения методологии реформ» [414, с. 5]. Однако в центре его внимания находился вопрос о влиянии реформ в Восточной Европе и бывшем СССР на процесс преобразований в КНР. Такая постановка проблемы была вполне закономерна для ученого, который видел свою основную задачу в том, чтобы проанализировать ход китайской экономической реформы и оценить ее перспективы. Наибольший интерес, по нашему мнению, представляет его заключительный вывод, в соответствии с которым «любое улучшение ситуации в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе (как это произошло в Польше) ускорит реформу в КНР» [414, с. 20]. Таким образом, если в начале 90-х годов китайские ученые рассматривали в качестве одной из главных причин радикализации экономической реформы¹ в КНР распад СССР и события в странах Восточной Европы, в середине 90-х годов важнейшим факто-

ром ускорения китайской реформы стали считаться успехи, достигнутые этими странами на пути перехода к рынку. По мнению Фань Гана, значение для Китая позитивных изменений в Восточной Европе состояло прежде всего в том, что они «позволяли Китаю извлечь уроки по преодолению трудностей и оказывали давление на китайское руководство, ускоряя сближение Китая со странами Запада» [414, с. 20].

Сторонники третьего подхода акцентировали внимание на «всеобщем» значении китайского опыта рыночной трансформации. Аргументируя такую точку зрения, Линь Ифу, Цай Фан и Ли Чжоу ссылались на сходство экономической ситуации, сложившейся в бывших социалистических странах к моменту начала преобразований. Характерная особенность стратегии развития, избранной этими странами в дореформенный период, заключалась в ориентации на одностороннее развитие тяжелой промышленности. Как и в Китае, в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе господствовал механизм централизованного распределения ресурсов, государственные предприятия были лишены оперативно-хозяйственной самостоятельности, у рабочих и служащих отсутствовали стимулы к труду. Как считали ученые, поскольку все эти проблемы были общими для стран, осуществляющих переход от административно-командной системы к рыночной, а Китай добился заметных успехов в их решении, китайский опыт приобретал особую ценность для других переходных экономик [78, с. 255—256; 432, с. 12].

Сравнивая две модели постсоциалистической трансформации, Линь Ифу, Цай Фан и Ли Чжоу отдавали предпочтение китайскому эволюционному подходу к реформе. По их словам, избранная в КНР стратегия плавного перехода к рынку позволила Китаю достигнуть тех же позитивных результатов, что и радикальные преобразования плановой системы в других странах, и в то же время избежать издержек «шоковой терапии» [432, с. 15].

Они подчеркивали, что китайский опыт реформирования традиционной системы не только содержал полезные практические уроки, но и имел важное теоретическое значение. В отличие от политики «шоковой терапии», теоретической основой для которой послужила неоклассическая экономическая теория, предполагающая высокую степень развития рыночных отношений и рациональное поведение экономических агентов, для объяснения происходящих в КНР процессов рыночной трансформации могла быть использована теория новой институциональной экономики, и прежде всего разработанная Д.Нортом концепция институциональных из-

менений. Особенность институциональной парадигмы состояла в том, что она в большей степени, чем неоклассическая теория, учитывала такие свойственные переходной экономике черты, как несовершенство информации, неопределенность, риск, оппортунистическое поведение индивидов, а также влияние предшествующего развития на ход современных институциональных изменений. В соответствии с концепцией Линь Ифу, Цай Фана и Ли Чжоу, «если принять во внимание трансакционные издержки и зависимость институциональной эволюции общества от траектории предшествующего развития, то китайский постепенный подход к реформе будет и практически, и теоретически предпочтительнее радикального» [432, с. 15].

Отметим, что и Д.Норт в своей Нобелевской лекции обращал внимание на несостоятельность аналитических инструментов неоклассики применительно к изучению расцвета и упадка СССР, предлагая исследовать происходящие процессы с помощью институциональных методов. По мнению американского экономиста, формальные политические и экономические нормы успешно функционирующей западной рыночной экономики в случае их переноса в страны «третьего мира» и Восточной Европы не встретят там того набора неофициальных норм, сочетание с которыми необходимо для создания такой же эффективной экономики. К примеру, с точки зрения Д.Норта, приватизация сама по себе не является панацеей для повышения эффективности экономик стран с более низким уровнем развития [120, с. 22].

Подчеркнем, что речь идет не о том, хороши ли либеральные методы реформирования экономики как таковые. Проблема состоит в том, что их использование в странах с совершенно иными неформальными правилами и характеристиками принуждения приводит к другим, нежели на Западе, результатам. Д.Норт выделил следующие уроки из современного опыта экономических реформ — необходимость понимания, «какими различными становятся правила при их переносе из одного места в другое», и то, «что важна политика, а не экономика» [443, с. 21].

Поясняя соотношение экономики и политики, ученый указал на сложность разработки политических мероприятий, которые могли бы «порождать стабильные правила игры и обеспечивать соблюдение экономических правил, предоставляя русло для успешного поступательного развития экономики» [443, с. 20]. Опыт российских реформ, по его мнению, лучше всего свидетельствует о том, что хотя потенциально в России возможно экономическое развитие, «однако не будет

стабильного роста без стабильной политической структуры» [443, с. 21]. Экономическая либерализация сама по себе не сможет «заставить экономику и общество создать институциональную структуру, которая позволит экономике работать». Современная Россия выступает для Д.Норта примером, свидетельствующим о важности механизмов принуждения. По его словам, «либерализация цен работает только тогда, когда у вас есть набор правил игры, который позволит вам развивать эффективные рынки. Если в начале этого не будет, вы получите то, что имеется сейчас в России, где к соблюдению правил игры принуждает мафия» [443, с. 21—22].

Обращаясь к китайскому опыту, Д.Норт акцентировал внимание на проблеме адаптивной эффективности (adaptive efficiency): «Сейчас нас волнует, как создать политико-экономические институциональные рамки, которые на протяжении долгого времени будут продолжать структурировать игру, чтобы мы могли адаптироваться к шокам, напряженности и ко многим вещам, которые могут произойти с каждой экономикой, а также корректировать их» [443, с. 23]. Подчеркивая, что эта сложная проблема не нашла своего решения в стандартной экономической теории, ученый обратился к интерпретациям китайского опыта.

«Я часто слышу, как мои коллеги-экономисты, в особенности занимающиеся проблемами развития, говорят: „Ах, эта экономика успешно развивается уже 10 или 15 лет, и поэтому они на правильном пути“. Такие фразы относятся прежде всего к континентальному Китаю. Но это нонсенс. Адаптивная эффективность создает фундаментальные правила игры, позволяющие пройти через трудности, потрясения, напряженность и хаос, к которым неизбежно приводит развитие и которые тем не менее можно урегулировать. США и Западная Европа делают это на протяжении двух веков — это и есть адаптивная эффективность. Проблема в том, что мы не знаем, как это делается... Создание адаптивной эффективности — это действительно идеальная цель, которую нам хотелось бы достигнуть» [443, с. 23]. Китайский опыт слишком краткосрочен, чтобы говорить о том, что в Китае уже сформировались механизмы адаптивной эффективности, которые смогут обеспечить приспособление к будущим трудностям. Особо подчеркнем, что эта важная мысль Д.Норта пока еще не нашла отклика в экономических кругах КНР, столь внимательно изучающих и положительно воспринимающих неинституционалистские теории.

Таким образом, вопросы стратегии экономической реформы вызвали у ведущих китайских экономистов повышенный

интерес. В центре внимания исследователей находились реальные проблемы, с которыми столкнулся Китай при переходе к рыночной экономике. Китайскими учеными были критически проанализированы и глубоко осмыслены предварительные итоги экономической реформы в КНР, показаны плюсы и минусы избранного пути постепенных преобразований. Особенность китайских публикаций, посвященных различным моделям перехода к рынку, заключалась в том, что они отличались большим прагматизмом, чем аналогичные исследования западных экономистов. Главные усилия китайских ученых были сосредоточены на решении конкретных задач, связанных с преодолением возникших в ходе реформы трудностей и разработкой конкретных мероприятий экономической политики. Под таким же углом зрения велось в КНР и изучение зарубежного опыта рыночной трансформации: наибольший интерес был проявлен к тем его элементам, которые могли быть использованы в китайских условиях.

Трудам китайских авторов были свойственны черты, сближающие их с работами западных экономистов. Ученые КНР вели исследования в том же русле, что и их коллеги на Западе, и считали главной целью своих научных разработок поиск наиболее эффективных и безболезненных путей перехода к рынку, соответствующих специфическим условиям страны. На наш взгляд, развернувшиеся в КНР дискуссии о стратегии реформы являются важной составной частью споров о двух моделях преобразований, которые ведутся сегодня во всем мире, и без учета их результатов представления о теории и практике перехода от командной экономики к рыночной будут неполными.

Китайская экономическая мысль в поисках новой парадигмы

Подводя итоги нашего исследования, можно определить общее направление эволюции китайской экономической мысли и выявить три основных этапа этого процесса.

Первый этап (конец 70-х — начало 80-х годов) был связан с пересмотром теоретических представлений, господствовавших в китайской экономической науке в дореформенный период. В то время основная часть китайских экономистов вела исследования в рамках марксистской концептуальной схемы, которую ученые стремились усовершенствовать и дополнить с учетом изменившейся экономической ситуации.

На втором этапе (середина 80-х — начало 90-х годов) под влиянием практики реформы и знакомства с зарубежной экономической мыслью ученые КНР предприняли попытку выйти за пределы устоявшихся теоретических представлений и обратились к поиску новой методологии экономической науки.

Начало третьего этапа пришлось на середину 90-х годов. Его содержание определялось прежде всего сравнением китайского опыта с уроками рыночного реформирования в восточноевропейских странах и России. В результате этого сопоставления ученые КНР стали воспринимать «бескризисную» китайскую модель рыночной трансформации как источник формирования новой теоретической концепции, значимой и для других стран с переходной экономикой. Базой для создания собственной теории послужили изучение опыта, накопленного Китаем, и усвоенные достижения западной экономической мысли.

Необходимо отметить, что предложенная периодизация весьма условна. Во-первых, уже в 80-е годы некоторые молодые китайские экономисты, получившие образование на Западе, отстаивали тезис о том, что прежняя экономическая теория «устарела» (*go shi*) и не может адекватно описать новую реальность [201, с. 72]. Во-вторых, до настоящего времени господствующей методологией официальной экономической

науки КНР остается марксизм, и авторы многих публикаций в центральной китайской прессе (в особенности представители старшего поколения экономистов) по-прежнему придерживаются в своих исследованиях марксистской схемы. Однако если в 80-е годы концепции, разработанные молодыми китайскими учеными с учетом достижений мировой экономической теории, не вызвали должного интереса в научных кругах КНР, то в последние годы новые методологические подходы получают в Китае все большее распространение. На наш взгляд, при всей схематичности выделение трех этапов в развитии китайской экономической теории представляется вполне оправданным, поскольку дает возможность выявить общее направление движения китайской экономической мысли и главные тенденции ее эволюции.

Уже на начальном этапе экономической реформы в работах ведущих китайских ученых стала проводиться мысль об ограниченности утвердившихся в научных кругах КНР теоретических концепций и их несоответствии задачам познания действительности. В условиях «кризиса науки», когда экономическая теория оказалась неспособной объяснить новые явления хозяйственной практики современного Китая, ученые КНР обратились к пересмотру теоретических представлений, получивших распространение в Китае в дореформенный период.

Главное внимание исследователи уделили критике «советской политэкономической концепции», которая в 50—70-е годы оказывала серьезное воздействие на формирование китайской экономической теории. После того как китайские исследователи стали широко использовать понятие «парадигма» (*фаньши*), введенное в современный науковедческий оборот американским историком науки Т.Куном [359, с. 11], процессы, происходившие в китайской экономической теории в 80-е годы, стали характеризоваться учеными КНР как «критика „советской парадигмы“» [201, с. 70—72].

Признавая, что прежней «политэкономии социализма» свойственны серьезные недостатки и что она неспособна описать свой объект в новом состоянии, ученые КНР предлагали различные пути пересмотра устоявшихся теоретических представлений.

Сторонники одного подхода акцентировали внимание на несоответствии «советской парадигмы» «первоначальному смыслу» высказываний классиков марксизма и подчеркивали, что «политэкономия социализма» включает в себя многие ошибочные утверждения, сформулированные под влиянием работ И.В.Сталина, а также советского учебника полити-

ческой экономии. Они предлагали «вернуться к Марксу», восстановить подлинное содержание его концепции и освободить экономическую теорию марксизма от более поздних заимствований из «советского издания политэкономии» [201, с. 71].

Представители другого подхода видели главный недостаток «советской парадигмы» в том, что она отличалась догматизмом и закостенелостью и потому была бессильна в объяснении быстро меняющейся реальности. Они выступали за обновление экономической теории, ее дополнение с учетом ситуации, сложившейся в народном хозяйстве страны, считали, что экономическая наука должна быть тесно связана с хозяйственной практикой, и предлагали сосредоточить усилия на исследовании конкретных проблем реформы.

Несмотря на то что китайские ученые по-разному характеризовали недостатки прежней «политэкономии социализма» и выдвигали неодинаковые предложения по ее перестройке, их работам была свойственна общая черта: критические замечания в адрес господствовавшей в КНР теоретической парадигмы сочетались с утверждением, что она в основном соответствует условиям современного Китая, хотя и нуждается в серьезных дополнениях и корректировке. Концептуальные основания китайской экономической науки не подвергались сомнению; считалось, что магистральное направление ее развития должно оставаться прежним. Большинство китайских экономистов, как и раньше, пользовались в своих исследованиях марксистской методологией и терминологией. Вопросы о необходимости «научной революции» и «смены господствующей парадигмы» на этом этапе развития китайской экономической теории поставлены не были [201, с. 72].

По мере углубления реформы и накопления практического опыта преобразований число задач, не разрешимых в рамках и средствами прежней экономической теории, увеличивалось. Китайская экономическая наука должна была осмыслить предварительные итоги реформирования административно-командной системы, дать теоретическое истолкование все большему числу новых фактов и явлений, способствовать разработке реалистической политики государства на перспективу.

Радикальные изменения экономической ситуации явились важнейшей причиной возросшего интереса китайских ученых к проблеме выбора теоретической концепции для исследования. Однако запросы практики были не единственным поводом обращения китайских экономистов к поиску новых методологических подходов. Такой поворот объяснялся не только новыми тенденциями в экономике страны, но и глубокими

переменами, которые произошли в годы реформы в китайской экономической науке в результате знакомства ученых КНР с достижениями зарубежной экономической мысли.

В конце 70-х — начале 80-х годов благодаря переводам на китайский язык трудов представителей различных направлений и школ зарубежной экономической мысли в сравнительно короткие сроки был преодолен отрыв китайской экономической науки от мировой и ликвидирован пробел в освоении учеными КНР западной экономической теории. Публиковавшиеся в это время работы показали, что многие китайские исследователи, в особенности ученые молодого поколения, составили достаточно полное представление об отличных от марксистской экономической теории исследовательских программах (см. [368, с. 16]), к которым они стали активно обращаться в поисках ответов на новые вопросы, поставленные реформой.

За весьма краткий период в Китае получили известность различные немарксистские экономические теории — кейнсианство, неоклассика, институционализм. Все они оказали существенное влияние на развитие современной китайской экономической мысли, причем, как представляется, на каждом конкретном этапе реформы особой популярностью пользовалась одна из этих теорий.

В конце 70-х — начале 80-х годов в центре внимания китайских ученых находилось кейнсианство. В условиях бюджетного дефицита и нарастающих инфляционных тенденций в научных кругах КНР активно обсуждался вопрос о возможности использования кейнсианской теории для анализа экономической ситуации в стране. Китайские исследователи считали заслугой Дж.М.Кейнса поворот к макроэкономическому анализу, проявляли повышенный интерес к идеям ученого об особой роли государства в регулировании экономических процессов.

С середины 80-х годов ученые КНР стали широко использовать в своих построениях положения неоклассической экономической теории. Этой переориентации способствовал, на наш взгляд, все более четко обозначившийся в КНР курс на рыночные реформы. Поскольку господствовавшая в КНР теория не позволяла описать происходившие в стране процессы рыночной трансформации, китайские ученые обратились к идеям неоклассической школы — главного направления современного экономического анализа. Неоклассическая парадигма сыграла важную роль в формировании теоретических воззрений нового поколения китайских экономистов, которые активно применяют инструменты неоклассического анализа

для решения конкретных проблем реформы. Положения, выдвинутые представителями неоклассического направления, учитывались и при разработке экономической политики китайского руководства.

В конце 80-х годов китайские ученые и политики проявили повышенный интерес к монетаризму. Об этом, в частности, свидетельствуют приглашение в КНР лидера монетаристской школы М.Фридмена и его встречи с высшим руководством страны.

Уже на ранних этапах изучения в КНР неоклассической экономической теории китайские исследователи стали выступать с критикой ее отдельных положений. Главное направление критики было связано с анализом методологических и поведенческих предпосылок, лежащих в основе неоклассической теории, которые, по мнению китайских авторов, не соответствовали реальной ситуации, сложившейся в экономике КНР. В китайской экономической литературе обращалось внимание на тот факт, что использование неоклассического подхода предполагает высокий уровень монетаризации экономики и рациональное поведение экономических агентов. Поскольку китайская экономика не была полностью монетаризованной системой, а поведение индивидов не могло быть описано с помощью модели простого рационального поведения, направленного на максимизацию полезности, возможности применения в Китае неоклассических концепций представлялись некоторым ученым КНР ограниченными.

В 80-е годы основные линии критики неоклассической школы были лишь намечены. Замечания, высказанные китайскими учеными в адрес неоклассической теории в тот период, были дополнены и конкретизированы на более поздних этапах изучения в КНР зарубежной экономической мысли. Наибольшую остроту критика неоклассической школы приобрела в связи с освоением китайскими исследователями идей институционализма, который возник на Западе как альтернатива ортодоксальной экономической теории и потому подвергал сомнению ее основные методологические принципы. Однако в 80-е годы институциональная проблематика еще не привлекала особого внимания китайских исследователей и не стала в КНР предметом специального изучения. Весьма показательна в этом отношении монография Фань Гана [202], где анализировались кейнсианский, неоклассический и марксистский подходы, а институционализм не рассматривался в качестве самостоятельного направления западной экономической мысли.

Интересно отметить, что воздействие неоклассической теории на формирование концепции реформы в Китае было меньшим, чем в странах Восточной Европы. В отличие от России и стран Восточной Европы, реформы в которых были начаты по рецептам неоклассиков, китайские руководители не следовали при проведении экономических преобразований этой теоретической модели. Приступая к перестройке административно-командной системы, руководители восточноевропейских стран четко определяли целевую модель реформ и формулировали ее как «возврат в Европу» и переход к свободной рыночной экономике.

В Китае ситуация складывалась иначе. Как подчеркивают сейчас ведущие китайские экономисты, среди высших лидеров страны сложилось единое мнение, что централизованная система нуждается в коренной перестройке, однако четкая целевая модель реформы на ее начальном этапе отсутствовала [8, с. 108; 414, с. 3—4]. По образному выражению Ван Сяоцзяна, «к несчастью или к радости, не было „Европы“, в которую Китай мог бы вернуться. Хотя с 1978 г. Китай и испытывал огромное влияние Запада в различных сферах, однако в процессе принятия практических решений ясная целевая модель реформы так и не была определена» [8, с. 108]. Поскольку у китайского руководства отсутствовала единая точка зрения по вопросу о конечной цели преобразований и «было неизвестно, где находится другой берег реки» [8, с. 108], на практике был избран путь, получивший название «перехода через реку, нащупывая камни», при котором целевые модели реформы постоянно менялись.

Если восточноевропейские страны стремились извлечь уроки из успешного опыта рыночного развития стран Западной Европы, то Китай имел перед собой эффективную, однако не вписывающуюся в рамки классических представлений о свободной рыночной экономике модель экономического развития Японии, Южной Кореи и Тайваня. Учитывая положительный опыт азиатских государств, и прежде всего новых индустриальных стран, руководство КНР стремилось найти свой собственный путь, который, по словам китайских авторов, «отличался бы от социализма, пропагандировавшегося в советских учебниках, от капитализма, описанного в американских учебниках, а также от так называемого „третьего пути“, предлагавшегося ранее теоретиками из стран Восточной Европы, и был бы похож на пятнистую кошку-многоцветку» [8, с. 109—110]. Китайские реформы разворачивались без изначально определенной целевой модели, без ориентации на копирование евроамериканской системы свобод-

ного рынка и постоянно корректировались с учетом практического опыта преобразований. Все эти факторы обусловили меньшее, по сравнению со странами Восточной Европы, влияние неоклассической концепции на разработку экономического курса.

После того как Россия и восточноевропейские страны столкнулись с серьезными трудностями при реформировании своих экономик, критическое отношение китайских ученых к идеям неоклассической школы усилилось, а возможность их использования в качестве теоретической основы преобразований была поставлена под сомнение.

В результате углубленного изучения в конце 80-х — начале 90-х годов идей современного институционализма (прежде всего теории прав собственности Р.Коуза и теории институциональных изменений Д.Норта) китайские экономисты стали уделять все большее внимание сопоставлению исходных принципов неоклассики и нового институционализма. Они стремились ответить на вопрос, насколько каждая из этих исследовательских программ пригодна для объяснения процессов, происходящих в переходной экономике вообще и в современной китайской экономике в частности. Другая тема, вызвавшая повышенный интерес ученых КНР, касалась совместимости неоклассического и неoinституционального методологических подходов с прежней теоретической традицией (как классической китайской, так и марксистской).

По мнению китайских исследователей, в условиях трансформации экономических систем неoinституционалистские теории приобретали особую аналитическую ценность, поскольку были в большей степени ориентированы на экономику переходного типа, чем неоклассическая концепция, основанная на описании моделей развитого рыночного хозяйства. Очевидное преимущество нового институционализма состояло в том, что он рассматривал больший спектр проблем и потому был реалистичнее неоклассической концепции. Имело значение и то обстоятельство, что в ходе реформирования командно-административной системы задача институциональных преобразований выдвинулась на первый план, а неoinституционализм мог предложить интересные подходы к ее решению.

Сравнивая исходные принципы неоклассической и неoinституциональной школ с точки зрения их соответствия национальной теоретической традиции, ученые КНР обращали внимание на сравнительную легкость освоения китайской экономической мыслью неoinституциональной теории, или, пользуясь словами самих китайских исследователей, на низ-

кие «издержки проникновения» в Китай идей институционализма [249, с. 21].

Легкость восприятия китайскими учеными неинституциональной экономической теории объяснялась, на наш взгляд, следующими причинами.

Представления неинституционалистов и неоклассиков о моделях индивидуального поведения и человеческой натуре несколько различались. Философской основой неоклассической теории является классический либерализм, исходная поведенческая предпосылка которого — принцип индивидуализма. Сторонники неоклассического направления предполагают, что человеческая личность действует независимо и самостоятельно, а психологические реакции людей однотипны. В неоклассической интерпретации человек представляется как рациональный максимизатор полезности, систематически сопоставляющий выгоды и издержки принимаемых решений.

Новые институционалисты вносят некоторые изменения в предпосылки анализа, касающиеся как самих экономических субъектов, так и среды, в которой они действуют. Важной познавательной предпосылкой, принятой в новой институциональной теории и относящейся к экономическому субъекту, является предпосылка «ограниченной рациональности» [392, с. 41]. Новые институционалисты также несколько модифицируют предпосылки, касающиеся внешней среды, предполагая неполноту информации, которая проявляется в наличии трансакционных издержек и недостаточной определенности прав собственности (см. [326, с. 8]). Исходя из этих предположений сторонники современного институционализма приходят к выводу об особой роли институтов (как официальных, так и неофициальных), структурирующих взаимоотношения между людьми и образующих нормативные рамки для их поведения в обществе.

Представления современных институционалистов об основополагающем значении норм и правил в большей степени соответствуют китайской культурной традиции, чем ортодоксальная неоклассическая теория, оставлявшая институциональную проблематику за пределами анализа. Эти идеи органично вписываются в контекст китайской общественной мысли, традиционно акцентировавшей внимание на особой роли этикоритуальных норм поведения. На сходство основных положений нового институционализма с идеями Конфуция и Мэн-цзы обратили внимание и сами китайские исследователи, по мнению которых экономическую теорию нового институционализма можно даже назвать «современной трансформацией институциональных идей доциньских конфуцианцев» [49].

Интерес сторонников неоинституциональной школы к проблеме взаимодействия между людьми также сближает это направление современной экономической мысли Запада с традиционными этико-антропологическими ценностями китайской культуры. Тема взаимодействия экономических агентов не получила необходимого освещения в неоклассической теории, акцентировавшей внимание на их автономности и равноправности (см. [397, с. 24—25]). Хотя новый институционализм сохранил присущую неоклассике индивидуалистическую предпосылку в анализе экономического поведения, его сторонниками были более глубоко разработаны темы отношений между людьми и их взаимодействия. Эти проблемы также вписываются в контекст китайской мысли, ставившей на первый план не единичного индивида, а социальное целое и образующие его связи. В Китае человек осознавался не изолированно, а в его взаимоотношениях с другими людьми.

Внимание китайских ученых привлекло не только соответствие современного институционализма традиционным китайским ценностям, но и его «экономический империализм» — вторжение в новые области общественно-научного знания, не входившие ранее в сферу экономических исследований. В ходе развития неоинституционализма появились новые направления применения экономических методов, среди которых можно назвать экономику права (Р.Коуз), экономический анализ политики (Дж.Бьюкенен), новую экономическую историю (Р.Фогель, Д.Норт). Отсутствие четких границ между экономическим знанием и смежными с ним дисциплинами было свойственно и традиционной китайской экономической мысли, включавшей в свое предметное поле вопросы культуры, этики и права.

В отличие от неоклассической экономической теории, оставлявшей историю за пределами анализа, особенность современного институционализма заключалась в повышенном внимании к историческим аспектам исследования. Такой подход был характерен и для китайской экономической науки, которая широко использовала исторический материал и призывала к его детальному эмпирическому анализу. Не случайно, что и в более ранний период в Китае проявляли повышенный интерес к идеям предшественника германской исторической школы Ф.Листа, а также к взглядам представителей исторической школы [106].

Совместимость многих положений неоинституционализма с китайской культурной традицией способствовала проникновению его идей в современную китайскую экономическую мысль. Сыграли свою роль и представления некоторых уче-

ных о том, что неоинституционалистские теории сравнительно «легки» для понимания, так как не требуют овладения сложным математическим инструментарием, не применявшимся как в марксизме, так и в традиционной экономической науке Китая. Факторы «традиционности» и «доступности» существенно облегчили восприятие идей нового институционализма в Китае. Для их освоения современным китайским ученым требовались меньшие интеллектуальные усилия, чем для восприятия неоклассических концепций.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что интерес к неоинституционализму возник в Китае под воздействием новых тенденций, наметившихся в последние годы в развитии экономической науки на Западе. Усиление позиций нового институционализма и возрождение моды на него (что выразилось, в частности, в присуждении Нобелевских премий Р.Коузу, Дж.Бьюкенену и Д.Норту) сделали эту теорию особенно привлекательной для молодого поколения китайских исследователей (Линь Ифу, Фань Ган, Шэн Хун и др.), стремящихся работать на уровне мировой экономической науки. В начале 90-х годов в китайской экономической мысли стало складываться целое научное направление, получившее название «школы сторонников изменения институтов» [43, с. 562—594]. Использование аппарата неоинституционализма не только давало ученым КНР возможность по-новому посмотреть на происходящие в стране процессы, но и позволяло «приблизить» китайскую экономическую науку к мировой.

Углубленное изучение в КНР различных систем экономической теории являлось важным фактором развития китайской экономической мысли в годы реформы. Вместе с тем главным стимулом для переосмысления китайскими учеными основ экономической теории стали результаты осуществления реформы на практике. В середине 90-х годов успехи, достигнутые Китаем в ходе преобразования централизованной системы и представлявшиеся особенно очевидными на фоне трудностей, возникших при реформировании экономик России и стран Восточной Европы, заставили ученых КНР обратиться к сопоставлению исходных принципов, лежащих в основе двух различных моделей перехода к рынку — радикальной (Россия и страны Восточной Европы) и постепенной (Китай).

Сравнивая опыт рыночной трансформации в восточноевропейских странах и Китае, китайские исследователи искали ответ на вопрос, почему реформы в странах Восточной Европы, следовавшие четкой теоретической схеме, проходят трудно и мучительно, а китайская, не имевшая заранее опреде-

ленной целевой модели, увенчалась успехом. Другая проблема касалась возможности использования не оправдавшей возлагавшихся на нее надежд либерально-рыночной концепции для оценки экономической ситуации в Китае и других бывших социалистических странах.

Анализируя предварительные итоги преобразований в КНР и странах Восточной Европы, гонконгские ученые Хэ Гаочао и Ло Цзиньпи писали: «Потрясающие успехи китайской реформы привели к глубокому кризису теории: китайская реформа, проводимая по принципу „переходить через реку, нащупывая камни“, так непоследовательна, ей так не хватает размаха, присущего „большому взрыву“ или „шоковой терапии“, многие специфически китайские методы преобразований и создаваемые в ходе реформы институты так далеки от предусмотренных моделью свободной рыночной экономики, основанной на частной собственности, а ведь именно эту описанную в учебниках модель многие считали единственным приемлемым способом преобразования социалистической плановой экономики. В условиях, когда бывший Советский Союз и страны Восточной Европы, начавшие реформу в соответствии с этой моделью и избравшие рецепты „большого взрыва“ или „шоковой терапии“, потерпели поражение, а „ни на что не похожая“ (*сы бу сян дэ*) китайская реформа полна жизненной силы, люди не могут не посмотреть в лицо фактам и не задуматься, что же в конечном счете оказалось ошибочным: китайская реформа, проводимая не по правилам, или же принятая за образец модель свободной экономики?» [221, с. VII—VIII].

О «вызове китайской практики неоклассической политической экономии» писал и Цуй Чжиюань. Свою статью он начал с высказывания, принадлежащего известным специалистам по современной японской экономике Ч.Джонсону, Л.Тайсон и Дж.Зисману: «Если подходить с точки зрения традиционного экономического анализа, то Япония смогла стать крупнейшей мировой индустриальной державой только потому, что многое делалось неправильно. Однако на самом деле значительные успехи Японии свидетельствовали о неправильности традиционных представлений об экономическом развитии и движущих силах международной торговли» [250, с. 1]. Как считал Цуй Чжиюань, в Китае сложилась аналогичная ситуация: в ходе реформы были достигнуты заметные результаты, хотя многие ее мероприятия не соответствовали рекомендациям господствующей экономической теории. Поэтому ученому представлялась вполне правомерной следующая постановка вопроса: «Если Япония смогла добиться успехов, так

как действовала неправильно, то почему же этого не может сделать Китай?» [250, с. 24].

Сопоставляя предварительные итоги реформ в Китае и странах Восточной Европы, китайские ученые делали акцент на образовавшемся разрыве между теорией и практикой: в ходе преобразований в восточноевропейских странах, проводившихся по рецептам «правильной» теории, возникли кризисные явления, а «избравшая ложный путь» китайская реформа достигла позитивных результатов [250, с. 2]. Из обнаружившегося несоответствия следовало прежде всего то, что происходящие в Китае процессы не вписывались в рамки господствующей экономической теории и не могли быть объяснены с ее помощью. Как подчеркивали китайские авторы, «догмы свободной рыночной экономики» сковывали исследователей и делали их «бессильными перед сложной и быстро меняющейся действительностью» [221, с. VIII].

В условиях, когда многие положения доктрины свободного рынка оказались непригодными для анализа китайских реалий, на первый план в исследованиях ученых КНР вновь выдвинулась задача пересмотра основ экономической теории. Подобно тому как в начальный период реформы китайские экономисты стремились переосмыслить марксистскую политэкономическую концепцию, в 90-е годы некоторые ученые КНР обратились к пересмотру ряда ключевых принципов неоклассической теории. Например, ссылаясь на опыт реформы цен и преобразования отношений собственности в Китае, они доказывали ограниченность таких стандартных положений неоклассической теории, как необходимость «упорядочения цен» («getting prices right») и «упорядочения прав собственности» («getting property rights right») [250, с. 3—20]. В результате сопоставления конкретных шагов китайской реформы с рекомендациями неоклассиков было признано, что китайская практика, поставившая под сомнение многие исходные посыпки неоклассической школы, представляет собой серьезный «вызов» этой теории [221, с. IX; 250, с. 2]. Хэ Гаочао и Ло Цзиньпи писали: «Если теория не может объяснить практики, значит, настало время „вызова“ стандартным теоретическим представлениям и их революционного переосмысления. Выйдя за рамки догм, мы сможем не только надлежащим образом объяснить победы и поражения китайской реформы, но и глубоко разобраться в сложной практике китайских преобразований, создать на этой основе новую теорию и открыть новые возможности для экономического развития в будущем» [221, с. VIII—IX].

В отличие от периода второй половины 80-х годов, когда китайские ученые в поисках ответов на вызовы практики обращались к западным теориям, альтернативным основному направлению современной экономической науки, в 90-е годы они стали подчеркивать важность всестороннего изучения китайского опыта реформы и разработки на этой основе собственной теоретической концепции. Если на ранних этапах реформы в работах ученых КНР утверждалось, что экономические преобразования в Китае осуществлялись методом «проб и ошибок» и у руководства страны не было заранее разработанной программы мероприятий, то в рассматриваемый период все большее число китайских экономистов стало склоняться к мнению, согласно которому реформа в КНР следовала собственной логике, принципиально отличавшейся от рекомендаций неоклассиков. Этой точки зрения придерживался, в частности, Шэн Хун — один из ведущих китайских исследователей теоретических проблем переходной экономики. Он писал: «Среди стран, в которых раньше господствовала плановая экономика, рыночные реформы в Китае, возможно, наиболее успешны. Однако эти успешные реформы проводились отнюдь не в соответствии с рекомендациями ортодоксальной экономической теории. Можно даже сказать, что именно те реформы, которые оказались не слишком успешными, проводились в соответствии с проектами, разработанными в рамках ортодоксальной экономической теории. Уже сам этот факт представляет собой вызов ортодоксальной экономической теории. Есть ли в ней пробелы, которые могут быть восполнены с помощью китайского опыта? Или, может быть, за успешными реформами в Китае стоит некая иная экономическая теория, отличная от ортодоксальной экономической теории Запада? Если — да, то какова она?» [303, с. 69].

Необходимо отметить, что на присущую китайской экономической реформе внутреннюю логику обращали внимание и некоторые западные исследователи современного Китая. Интересен факт, приводимый Цуй Чжиюанем: по его информации, известная американская исследовательница китайской экономики проф. С.Ширк предполагала назвать свою последнюю крупную работу о Китае «Политический провал экономической реформы в Китае», однако после посещения бывшего Советского Союза она пришла к выводу, что по сравнению с преобразованиями в бывшем СССР китайская реформа была крайне успешной, и приняла решение изменить название книги, озаглавив ее «Политическая логика экономической реформы в Китае» [250, с. 1—2].

В работах западных ученых также нашла отражение и мысль о противоречии между китайской практикой и преобладающим в настоящее время направлением экономического анализа. Так, Б.Нотон ставил вопрос о том, «не представляет ли Китай... вызова господствующей экономической теории?» [436, с. 322].

Относительно того, в чем состояла логика проводимых в Китае преобразований и какой концептуальной схеме следовала реформа, в КНР высказывались различные мнения. На наш взгляд, особый интерес представляет точка зрения Линь Ифу. По его мнению, для описания китайского пути перехода к рынку может быть использована теория «индуцированного институционального обновления» (*ючжисин чжи ду чуансинь*), разработанная в трудах Д.Норта и дополненная самим Линь Ифу [432, с. 15].

С середины 90-х годов в работах китайских авторов стала все более четко формулироваться мысль о том, что успехи Китая в экономическом развитии должны привести к подъему китайской экономической науки и к укреплению ее позиций на мировой арене.

Характеризуя основные вехи развития мировой экономической мысли, Линь Ифу писал, что экономическая наука зародилась в конце XVIII в. в Англии, которая со времени промышленной революции до начала 30-х годов XX в. была наиболее развитой в экономическом отношении державой. Все известные экономисты в тот период также были англичанами или же работали в Англии, поскольку именно они находились в наиболее благоприятных условиях (досл. «В тереме, находящемся близ воды, раньше виден месяц») [75, с. 13]. В 30-е годы XX в. центром мирового экономического развития стали США, куда постепенно переместились основные научно-исследовательские организации и переехали наиболее видные ученые-экономисты. В последнее время мир стал свидетелем «китайского чуда»: в КНР достигнуты заметные успехи в формировании централизованной системы, на протяжении всего периода преобразований сохраняются высокие темпы роста экономики, четко прослеживается тенденция к усилению экономической мощи страны. По мнению многих аналитиков, уже в 30-е годы XXI в. Китай сможет претендовать на роль экономической державы номер один, что приведет к усилению его влияния на ход мирового экономического развития.

В этих условиях закономерно возрастает интерес мировой научной общественности к китайской проблематике: если в начале 80-х годов в ведущих западных журналах крайне редко

публиковались статьи, посвященные китайской экономике, то сегодня практически во всех экономических изданиях обсуждаются проблемы современного Китая, причем такие статьи часто становятся главными материалами номера [75, с. 14]. Как подчеркивают ученые КНР, «китайское чудо» заключается не только в ускорении экономического развития страны, и в особенности пяти приморских провинций (Шаньдуна, Цзянсу, Чжэцзяна, Фуцзяни и Гуандуна), которые достигли сопоставимых с «четырьмя маленькими драконами Азии» темпов экономического роста, а по населению и площади превышали эти государства соответственно в 4 и 5 раз [77, с. 18]. Опыт Китая представляется уникальным еще и потому, что «впервые в истории человечества развитие цивилизации шло сначала от расцвета к упадку, а затем — от упадка к расцвету» [77, с. 19].

Примечательно, что трактовка феномена «китайского чуда», предложенная Линь Ифу, вполне соответствует традиционным представлениям о развитии мира, выработанным китайской культурой и рассматривавшим историческое развитие как циклический процесс чередования расцвета и упадка. На наш взгляд, даже современные китайские экономисты по-прежнему продолжают испытывать на себе влияние традиционных представлений о времени, о чем свидетельствуют, в частности, анализируемые нами китайские разработки по проблемам институциональных изменений, в которых идея эволюции выражена намного слабее, нежели у западных теоретиков.

По мнению Линь Ифу, новые тенденции, связанные с превращением Китая в одну из ведущих экономических держав мира, выдвигают китайских ученых на передний край экономических исследований и создают благоприятные возможности для того, чтобы «следующий век стал веком китайских экономистов» [75, с. 13].

В новых условиях перед учеными-экономистами были поставлены три задачи: «китаизация» (*бэньтухуа*, досл. «отуземливание»), «стандартизация» (*гуйфанхуа*) и «интернационализация» (*гоцзихуа*) [75, с. 14]. По мнению ученых КНР, чтобы грядущее столетие стало «веком китайских экономистов», необходимо добиться международного признания результатов китайской экономической науки, для чего, в свою очередь, следует «китаизировать» объект исследования.

С точки зрения китайских ученых, первым шагом в обновлении экономической теории должно было стать глубокое понимание реальных процессов, происходящих в китайской экономике, поскольку именно практический опыт реформы

рассматривается в качестве главного источника новой теории. Анализируя, почему современная китайская экономическая наука не дала авторитетных ученых, способных оказать влияние на развитие мировой экономической мысли, Линь Ифу отмечал, что многие экономисты китайского происхождения, получив за рубежом образование и степень, оставались в западных университетах на преподавательской работе, их «жизненный опыт был ограничен рамками кампусов», они наблюдали за общественной жизнью со стороны, «любовались цветами в тумане» и не могли проникнуть в суть реальных явлений [75, с. 15]. Хотя они хорошо овладели математическим инструментарием и добились серьезных успехов в составлении формализованных моделей, их исследования были оторваны от китайской действительности и потому представляли ценность лишь для узкого круга специалистов. В условиях, когда повысился статус КНР на международной арене и возросло значение китайского опыта экономического развития для других стран, китайские исследователи получили «естественные сравнительные преимущества», став непосредственными свидетелями происходящих в Китае изменений [75, с. 15]. Поскольку ход китайской реформы вызывал повышенный интерес на Западе, «китаизация» объекта исследования, т.е. сосредоточение усилий на теоретическом осмыслении собственного опыта, рассматривалась учеными КНР как важная мера, позволяющая привлечь внимание международной научной общественности к китайской экономической науке.

Обращение к китайской проблематике должно было не только укрепить международные позиции китайской экономической науки, но и способствовать разработке новых теорий, применимых к исследованию экономики КНР. В связи с тем, что господствующее направление западной теоретической мысли построено на основе ряда допущений, сформулированных в условиях стран с развитой рыночной экономикой, а китайская реальность расходится с этими условиями, ученые КНР предлагали внимательно проанализировать факторы, от которых абстрагировалась западная экономическая теория, и уяснить, какие из этих переменных были важны для Китая, а какие нет. По мнению китайских экономистов, западная теория имеет для КНР практическое значение только в том случае, если ее исходные предпосылки соответствуют особенностям китайской ситуации.

Аналитические возможности зарубежных теорий представлялись ученым КНР ограниченными также и потому, что проблема перехода от плановой экономики к рыночной была сравнительно новой и еще не получила на Западе соответ-

ствующей разработки. Так как зрелая теория переходной экономики отсутствовала, на первый план в исследованиях китайских ученых выдвинулась задача ее создания. Они отмечали ее особую сложность. Ссылаясь на традиционные китайские представления о трех типах знания — врожденном (*шэн эр чжи чжи*), приобретенном в процессе учебы (*сюэ эр чжи чжи*) и полученном в результате упорной работы (*кунь эр чжи чжи*), ученые КНР относили создание новой экономической теории к третьему типу знания, поскольку «готовые ответы» на вопросы, поставленные практикой реформы, отсутствовали. Они предлагали сосредоточить усилия на обобщении и упорядочении эмпирического материала, построении на этой основе абстрактных моделей и сопоставлении полученных теоретических выводов с реальными экономическими фактами [77, с. 20—21].

Как подчеркивали ученые КНР, для того чтобы достижения китайской экономической науки были восприняты мировым научным сообществом, недостаточно «китаизировать» объект исследования и разработать на этой основе собственную экономическую теорию, необходимо также изложить полученные результаты на профессиональном языке современной экономической науки и добиться, чтобы разработки китайских экономистов соответствовали уровню международных научных стандартов (*гуйфаньхуа*).

«Стандартизация» имела два аспекта: содержательный и формальный. Ранее уже отмечалось, что характерная особенность китайской экономической теории заключалась в ее восприимчивости к различным течениям западной экономической мысли и способности усваивать влияния различных научных школ. Использование теоретического материала, наработанного различными школами зарубежной экономической мысли, приводило к тому, что в ходе дискуссий китайские ученые пытались подтвердить или опровергнуть выводы, сформулированные в рамках одной теоретической системы, с помощью положений, заимствованных из другой. Поскольку в основе различных теоретических систем лежали различные картины экономической реальности, при таком подходе нарушалась не только стройная логическая схема, присутствующая каждой из этих систем, но и важнейшие принципы ведения дискуссий. По образному выражению ученых КНР, складывалась ситуация, при которой «каждый настаивал на своем» (досл. «когда говорит свекор, прав он, когда говорит свекровь, права она» — *гун шо гун ю ли, по шо по ю ли*), и в ходе обсуждения не мог быть достигнут реальный прогресс в понимании и развитии экономической теории [75, с. 16].

Именно поэтому китайские исследователи обращали особое внимание на необходимость «стандартизации методологии» (*фанфалунь гуйфаньхуа*) и соблюдения общепринятых правил ведения научных дискуссий.

Помимо содержательной стороны «стандартизация» имела также формальную. По мнению ученых КНР, для того чтобы обеспечить «состыковку» китайской экономической науки с мировой, необходимо освоить общий язык профессионального сообщества и хорошо знать формальные требования, предъявляемые к научным публикациям. Эта задача приобрела особую важность в связи с тем, что на протяжении длительного времени стандартные нормы подготовки профессиональных публикаций в Китае не соблюдались, получил широкое распространение плагиат. В качестве необходимой меры, способствующей повышению престижа китайской экономической науки, рассматривалось воссоздание культуры научного аппарата. Разъясняя этот тезис, китайские экономисты подчеркивали, что публикуемые в научной периодике статьи следует начинать с обзоров, суммирующих результаты, достигнутые мировой экономической наукой на данном направлении исследований, и фиксирующих уровень разработки проблемы, что при изложении точек зрения, принадлежащих другим ученым, необходимо ссылаться на первоисточник. Подготовка публикаций также предлагалось проводить в соответствии с общепринятыми правилами: статью следовало направлять на рецензию одному из ведущих специалистов по данной проблематике, после утверждения автором окончательного текста статьи редактору запрещалось самовольно сокращать ее или вносить в текст изменения. Соблюдение формальных требований, предъявляемых к профессиональным публикациям, рассматривалось ведущими учеными КНР как «элементарное условие, необходимое для превращения китайских экономических исследований в действительно научные исследования» [75, с. 16]. Отметим, что эти особенности китайских публикаций должны учитываться зарубежными исследователями, поскольку те или иные положения иностранных концепций, используемые китайскими экономистами без ссылки на первоисточник, могут быть приняты за творческие находки китайских теоретиков.

Формулируя условия, необходимые для дальнейшего повышения международного статуса китайской экономической науки, Линь Ифу писал, что «при изучении зарубежной экономической мысли крайне важно не преклоняться перед авторитетами, а рассматривать западные теории с точки зрения их применимости к общественной, исторической и культур-

ной ситуации в стране, а также проверять с помощью общепринятых критериев соответствие сформулированных в рамках этих теорий выводов реальным фактам китайской действительности» [75, с. 17]. По словам ученого, если следовать в русле этого направления, «китайская экономическая наука не окажется в подчиненном положении по отношению к западной (досл. „не станет колонией западной экономической науки“), а китайские ученые-экономисты получат возможность, встав на плечи других гигантов науки, внести вклад в развитие экономической мысли всего человечества» [75, с. 17].

В работах китайских исследователей не только проводилась мысль о возможности достижения экономистами КНР результатов, которые будут признаны мировым научным сообществом, но и определена конкретная сфера экономической теории, где они могут быть получены. Как подчеркивал Шэн Хун, в середине 90-х годов в Китае сложились благоприятные условия для развития экономической науки, и ученым представился редкий случай для того, чтобы «совершить прорыв в экономических исследованиях и, возможно даже, выйти на уровень, достигнутый в ведущих странах мира в области экономической теории» [306, с. 95]. По его мнению, главным направлением «прорыва» в китайской экономической мысли могла бы стать разработка теории институциональных изменений. Для этого сложились благоприятные условия: в КНР уже создана теоретическая база для исследований, так как в период реформ шло освоение западной экономической мысли и классической китайской философии. Кроме того, поскольку Китай переживает период глубоких институциональных изменений, экономисты, работающие внутри страны, могут использовать в своих исследованиях результаты непосредственных наблюдений за хозяйственной практикой, в отличие от западных ученых, например Д.Норта, вынужденных создавать теоретические схемы на основании исторического материала. Именно поэтому с середины 90-х годов в качестве «первостепенной задачи», стоящей перед китайскими экономистами, стало рассматриваться изучение конкретных перемен, происходящих в китайской экономике в процессе рыночных реформ, и накопление эмпирического материала, необходимого для построения в будущем новой теории [303, с. 80].

Китайские публикации свидетельствуют о том, что работа в данном направлении уже ведется некоторыми влиятельными научными центрами страны. Так, например, учеными из Пекинского экономического института Тяньцзэ осуществляется фундаментальный проект — «Исследование на конкрет-

ных примерах проблем институциональной эволюции Китая», а важнейшей долгосрочной темой научной работы Китайского центра экономических исследований при Пекинском университете является углубленное изучение процесса перехода к рынку китайской экономики (см. [303, с. 80]). Дополнительным фактором, способствующим развитию в КНР теории институциональной эволюции, Шэн Хун считал также и то, что в китайской экономической науке отсутствовало деление на магистральное (*чжунлю*) и «немагистральное» (*фэй чжунлю*) направления, а ученые не были скованы рамками господствующей в западной экономической мысли парадигмы неоклассической теории. Эти «особые преимущества», заключал Шэн Хун, открывали перед китайскими экономистами широкое поле деятельности и создавали хорошие перспективы для разработки в КНР институциональной экономической теории [306, с. 95].

За два десятилетия социально-экономических реформ китайская экономическая наука прошла путь быстрого развития. Теоретические исследования стали значительно менее идеологизированными, чем в конце 70-х годов. Возрастающее влияние на развитие китайской экономической мысли оказывает сегодня новое поколение ученых, получивших образование на Западе. Их разработки, отличающиеся профессионализмом и соответствующие международным стандартам экономических исследований, вызывают все больший интерес как в самом Китае, так и за его пределами.

Китайская экономическая наука вышла за годы реформ на качественно иной, более высокий теоретический уровень как в области ассимиляции достижений западной мысли, так и в понимании особенностей развития Китая. Осознание китайскими экономистами невозможности механического применения в Китае западных рецептов строится в наши дни не на идеологических запретах, а на значительно углубившемся по сравнению с уровнем конца 70-х годов понимании проблем экономической теории и практики рыночных реформ. Вместе с тем современная экономическая мысль КНР не закрывается от внешних влияний, занимаясь активным поиском того, что в зарубежной науке может быть применено к анализу экономики Китая и адаптировано исходя из практических потребностей страны. Изучение моделей экономического развития новых индустриальных стран и территорий Восточной Азии также дает ученым КНР примеры успешной ассимиляции западного опыта и мировой экономической мысли. В то же время опыт Тайваня, Японии, Южной Кореи, Сингапура побуждает исследователей к анализу возможных воздействий национальной культурной традиции как части предшествовавшего «пути развития» на китайскую экономику.

Особый интерес представляют новые тенденции в развитии китайской экономической мысли, наметившиеся в середине

90-х годов и связанные с теоретическим осмыслением китайской модели постепенных преобразований. Успехи экономических реформ в КНР служат стимулом для разработки китайскими учеными собственной теории перехода к рынку, отличной от концепций, лежащих в основе «шоковой» модели рыночной трансформации. В последние годы вопрос о том, может ли неоклассическая теория служить фундаментом для реформирования централизованной плановой системы, активно обсуждается западными исследователями переходной экономики [433; 434]. Теоретические проблемы перехода от централизованной экономики к рыночной глубоко изучаются российской экономической наукой [326; 481; 1996, № 10, с. 5—19]. Примечательно, что отечественные исследователи также уделяют все большее внимание изучению концепций институционалистской направленности с точки зрения их применимости к анализу переходной экономики [480, 1997, № 3, с. 4—94, № 7, с. 35—96, № 10, с. 58—116]. В этих условиях исследования китайских ученых могут рассматриваться как важная составная часть дискуссий о теории перехода к рынку, ведущихся сегодня во всем мире.

По нашему мнению, разработки китайских экономистов заслуживают пристального изучения, поскольку опираются на фактический опыт переходной экономики КНР и связаны с традициями страны, не принадлежавшей к западной цивилизации и не обладавшей в прошлом развитыми рыночными институтами. Специфичность китайского опыта рыночных реформ и китайской экономической теории затрудняет их прямое использование в других странах. Однако в том случае, если опыт Китая будет аналитически ассимилироваться — подобно тому, как избирательно усваивается исходя из потребностей собственных реформ иностранный опыт самими китайцами, — он может оказаться полезным для стран с переходной экономикой, стремящихся разработать эффективную программу преобразований.

1. *Асэ Булэйэнь* [Артур Б.]. Цзинцзисюэ чжун дэ цзы цээнцян цзичжи (Экономическая теория механизма самоусиления). — ЦШТБ. 1995, № 5.
2. «Ба у» цзинцзи фачжань: фанчжэнь, туцзин юй чжэнцэ. — Гоу юань фачжань яньцзю чжунсинь «ба у» цзихуа цзибэнь сылу яньцзю сяоцзу (Экономическое развитие в период восьмой пятилетки. Группа по изучению основных идей относительно плана восьмой пятилетки Центра исследований развития при Госсовете КНР). — ЦЯ. 1990, № 7.
3. Бицзяо яньцзю жэнь чжун дао юань. — Цзи «Бицзяо» цзачжи чуанкань ши чжоунянь цзотаньхуй (Сравнительные исследования: задача сложна, путь далек. Конференция, посвященная десятилетию создания журнала «Бицзяо»). — ЦШТБ. 1995, № 6.
4. *Буканьянь* [Бьюкенен Дж.]. Цзыю, шичан юй гоцзя: 80 няндай дэ чжэнчжи цзинцзисюэ (Свобода, рынок и государство: политическая экономия 80-х годов). Шанхай, 1989.
5. *Булусы И.* [Брус В.]. Дуй цзихуа юй шичан цзяньжунсин дэ чунсинь сыкао (Новое осмысление проблемы совместимости плана и рынка). — ЦШТБ. 1991, № 2.
6. *Ван Диндин.* Цзинь нянь лай цзинцзи фачжань лилунь дэ цзяньшу юй сыкао (Краткое изложение теории экономического развития в последние годы и размышления о ней). — ЦЯ. 1994, № 7.
7. *Ван Диндин.* Чжиду чуансинь дэ ибань лилунь (Общая теория обновления институтов). — ЦЯ. 1992, № 5.
8. *Ван Сяоцян.* «Мочжэ шитоу го хэ». Цун Чжунго цзягэ гайгэ цзинъянь фаньбо «да баочжа» фанъянь («Переходить через реку, наступывая камни». Опровержение проекта «большого взрыва» исходя из опыта реформы цен в Китае). — СШКС. 1995, июль (спецвыпуск)
9. *Ван Хайбо.* Мао Цзэдун «Синь миньчжучжуй лунь» яньцзю (Изучение работы Мао Цзэдуна «О новой демократии»). — ЦЯ. 1993, № 12.
10. *Ван Юй.* Шэхуйчжуй цзихуа тяоцзе юй шичан тяоцзе нэйцзай тунъи (Внутреннее единство планового и рыночного регулирования при социализме). — ЖМЖБ, 01.04.1988.
11. *Вого гупяо шичан чао юн хэ фан?* (Куда движется волна рынка ценных бумаг нашей страны?). — ШЛШ. 1992, № 9.

12. Во дэ цзинцзи гуань. Дандай Чжунго бай мин цзинцзисюэцзя цышу (Мои экономические взгляды. 100 современных китайских экономистов о себе). Т. 1—5. Нанкин, 1991—1992.
13. *Вэй Сикхуа, Хун Иньсин, Вэй Цзе.* Цзинцзи юньсин цзичжи гайлунь (Общая теория механизма функционирования экономики). Пекин, 1989.
14. *Вэй Цзе.* Хунгуань цзинцзи чжэнцэсюэ тунлунь (Общая теория макроэкономической политики). Пекин, 1990
15. *Вэй Ши.* Чжэнбэнь цинъюань, туйцзинь цзинцзи кэсюэ дэ цзянькан фачжань (Коренным образом реформировать экономическую науку и обеспечить ее здоровое развитие). — ЦД. 1989, № 9.
16. Вэй шэмма Чжунго бу нэн шисин сыюхуа (Почему в Китае нельзя осуществить приватизацию). — ЦЖБ, 04.07.1989.
17. Гайгэ дэ мубяо — цзихуа юй шичан сян цзехэ (Цель реформы — соединение плана и рынка). Пекин, 1990.
18. *Гань Сюэпин, Хуан Чуньсин.* Жу мо цзай гунгун гуйфань шан дэ чжуаньцзе (Общее в представлениях конфуцианцев и моистов по вопросу об общественных нормах). — Чжэсюэ юй гунгун гуйфань (Философия и общественные нормы). Тайбэй, 1995.
19. *Гао Хунье.* Кэсы динли юй вого соючжи гайгэ (Теорема Коуза и реформа собственности в нашей стране). — ЦЯ. 1991, № 3.
20. *Гао Шанцюань.* Чжунго дэ цзинцзи тичжи гайгэ (Реформа экономической системы в Китае). Пекин, 1991.
21. *Гао Шанцюань (ред.).* Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ ши нянь (Десять лет реформы хозяйственной системы в Китае). Пекин, 1988.
22. *Гао Шанцюань.* Яо сян Сунь Ефан тунчжи иян ганьюй чунпо чуаньтун цзинцзи тичжи лилунь (Надо, подобно тов. Сунь Ефану, смело отбросить теорию традиционной экономической системы). — ЦЯ. 1993, № 4.
23. *Го Шуцин.* Моши бяньгэ юй бяньгэ дэ моши (Изменение модели и модель изменений). Шанхай, 1989.
24. Гою цие гайгэ чулу хэ цзай? (Как решить проблемы реформы на государственных предприятиях?) — Бэйцзин дасюэ чжунго цзинцзи яньцзю чжунсинь. Цзяньбао (Вестник Китайского центра экономических исследований при Пекинском университете). 1995, № 4.
25. Гуаньси сяньдайхуа цзяньшэ цюаньцзюй дэ и гэ чжунда вэньти. Цзяньли шэхуйчжуи шичан цзинцзи тичжи битань (Один важный вопрос, связанный с общей обстановкой модернизации. Заметки о создании системы социалистической рыночной экономики). — ЦШ. 1992, № 23.
26. *Дай Юаньчэнь.* Яоцю ю игэ гун да юй цю сяндуй куансун дэ хуаньцзин хайши ю игэ вэньдин цзэнчжан дэ хуаньцзин (Стремиться к созданию относительно благоприятной среды, характеризующейся превышением предложения над спросом, или среды для стабильного роста). — ЦЯ. 1987, № 4.

27. *Дин Ниннин*. Гуаньюй гайгэ лилунь гуаньдянь шан дэ чжэнлунь (Дискуссия о теоретических положениях реформы). — ЦЯ. 1987, № 4.
28. *Ду Хайянь и др.* Гою цие дэ цзычжуоань, шичан цзегоу хэ цзили чжиду. 403 цзя гою цие дяоча фэньси цзун баогао (Самостоятельность государственных предприятий, рыночная структура и система стимулов. Доклад об обследовании 403 государственных предприятий). — ЦЯ. 1990, № 1.
29. *Ду Хуэй*. Цзинци гайгэ лилунь дэ лэнцин сыкао. Лю Гогуан цзинци сысян шупин (Трезвые размышления над теорией экономической реформы. Обзор экономических идей Лю Гогуана). — ЦЯ. 1988, № 7.
30. *Дуань Ицай*. Сифан чаньцюань лилунь цзегоу фэньси (Анализ структуры западной теории прав собственности). — ЦЯ. 1992, № 8.
31. *Дуаньцюэ юй гайгэ*. Кээрнэй цзинци тичжи луньвэнь сюань (Дефицит и реформа. Избранные статьи Корнаи об экономической системе). Харбин, 1987.
32. *Дуй цзи нянь лай цзинци цзяньшэ юй цзинци гайгэ дэ фаньсы* (Соображения относительно экономического строительства и экономической реформы в последние несколько лет). — ЦЯ. 1987, № 3.
33. *Дун Фужэн*. Гуаньюй вого шэхуйчжуи соючжи синши вэньти (К вопросу о формах социалистической собственности в Китае). — ЦЯ. 1979, № 1.
34. *Дун Фужэн*. Лунь Сунь Ефан дэ шэхуйчжуи цзинци лилунь (О теории социалистической экономики Сунь Ефана). Ухань, 1983.
35. *Дун Фужэн*. Тань гайгэ кайфан чжун дэ чжэнлунь (Поговорим о дискуссиях в процессе реформ и открытости). — Г. 1992, № 3.
36. *Дун Фужэн*. Таньтань гайгэ чжун дэ бяньсин вэньти (Поговорим о проблеме «превращенных форм» в ходе реформы). — ЖМЖБ, 12.12.1988.
37. *Дун Фужэн*. Таньтань цие почаньчжи (Поговорим о системе банкротства предприятий). — ЖМЖБ, 10.10.1986.
38. *Дун Фужэн*. Цзинци юньсин цзичжи дэ гайгэ хэ соючжи гайгэ (Реформа механизма функционирования экономики и реформа собственности). — ЦЯ. 1988, № 7.
39. *Дун Фужэн (ред.)*. Шэхуйчжуи цзинци чжиду цзи ци юэсин (Экономическая система социализма и ее преимущества). Пекин, 1981.
40. *Дэмусайцы [Демсец Г.]*. Гуаньюй чаньцюань дэ лилунь (О теории прав собственности). — ЦШТБ. 1990, № 6.
41. *Дэн Сяопин вэньсюань (1975—1982)* (Избранные произведения Дэн Сяопина. 1975—1982). Пекин, 1983.
42. *Дэн Сяопин*. Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ дэ шэхуйчжуи (Строительство социализма со спецификой Китая). Пекин, 1985.
43. *Е Юаньшэн (ред.)*. Чжунго цзинци гайгэ лилунь люпай (Теоретические школы китайской экономической реформы). Чжэнчжоу, 1994.

44. *Жун Цзиньбэнь*. «Фубай: цюаньли юй цзиньцянь дэ цзяохуань» суйянь (Предисловие к сборнику «Коррупция: обмен власти на деньги»). — ЦШТБ. 1995, № 4.
45. *Жун Цзиньбэнь*. Цзюши няньдай бицзяо яньцзю дэ чжаньван (Перспективы сравнительных исследований в 90-е годы). — ЦШТБ. 1990, № 1.
46. *Жун Чжаоцзы* «Кэсы динли» юй лян чжун цзинцзи чжиду («Теорема Коуза» и две экономические системы). — ЦЯ. 1991, № 9.
47. И гайгэ цу вэньдин, цзай вэньдин чжун фачжань. Цзюши няньдай «вэнь чжун цю цзинь» дэ фачжань хэ гайгэ дэ цзибэнь сылу (В ходе реформы содействовать укреплению стабильности, в условиях стабильности добиваться развития. Основные соображения относительно развития и реформы в 90-е годы). — ЦЯ. 1990, № 7.
48. И гэ фую лилунь хэ шицзянь ии дэ цзинцзисюэ синь сысян. «Цзинцзисюэ чжун дэ цзы цзэнцян цзичжи» пинцзя (Новые экономические идеи, имеющие теоретическое и практическое значение. Оценка «Экономической теории механизма самоусиления»). — ЦШТБ. 1995, № 5.
49. *И Сяньжун*. Сянь Цинь жуцзя чжиду сысян дэ сяньдай чжуаньхуа — юй сяньдай чжиду цзинцзисюэ бицзяо яньцзю (Современная трансформация институциональных идей доциньских конфуцианцев — сравнение с экономической теорией нового институционализма). — Кун Мэн сюэбао. 1995, март, № 69.
50. *Кайэньсы* [*Кейнс Дж.М.*]. Цзюе, лиси хэ хоби тунлунь (Общая теория занятости, процента и денег). Пекин, 1981.
51. *Канмэнсы* [*Коммонс Дж.*]. Чжиду цзинцзисюэ (Институциональная экономика). Т. 1, 2. Пекин, 1981.
52. Куйнай цзинцзи чжуцзо сюаньцзи (Избранные экономические сочинения Кенэ). Пекин, 1981.
53. *Кун Цзиньюань*. Чжунго цзинцзи шэнхо чжун дэ фэй чжэнши чжиду аньпай (Неофициальные институциональные установления в экономической жизни Китая). — ЦЯ. 1992, № 7.
54. *Кун Цзиньюань*. Шичанхуа юй чаньцюань чжиду: бяньцянь гочэн дэ лилунь фэньси (Маркетизация и система прав собственности: теоретический анализ процесса изменений). — ЦЯ. 1994, № 6.
55. *Кэсы* [*Коуз Р.*]. Цие, шичан юй фалюй (Фирма, рынок и право). Шанхай, 1990.
56. *Кээрнэй* [*Корнаи Я.*]. Дуаньцюэ цзинцзисюэ (Экономика дефицита). Т. 1, 2. Пекин, 1986.
57. *Кээрнэй* [*Корнаи Я.*]. Маодунь юй куньцзин (Противоречия и дилеммы). Пекин, 1982.
58. *Кээрнэй* [*Корнаи Я.*]. Туцзинь юй хэсе дэ цзэнчжан (Скачкообразный и гармоничный рост). Пекин, 1988.
59. *Кээрнэй* [*Корнаи Я.*]. Цзэнчжан, дуаньцюэ юй сяолюй (Экономический рост, дефицит и эффективность). Чэнду, 1986.
60. *Ли Инин*. Гоминь цзинцзи гуаньлисюэ (Теория управления народным хозяйством). Шицзячжуан, 1988.

61. *Ли Инин*. Гою цие цзай гуньючжи цзичу шан шисянь гуфэньчжи дэ туцзин (Перспективы акционирования государственных предприятий на основе общественной собственности). — Г. 1991, № 1.
62. *Ли Инин*. Гуфэньчжи ши минцюэ цие чаньцюань гуаньси дэ цзуйхао синши (Акционерная система — лучшая форма уяснения имущественных отношений на предприятии). — ХЦ. 1988, № 1.
63. *Ли Инин*. Фэй цзюньхэн дэ Чжунго цзинцзи (Неравновесная экономика Китая). Пекин, 1990.
64. *Ли Инин*. Цзинцзисюэ дэ луныли вэньти (Этические проблемы экономической науки). Шанхай, 1995.
65. *Ли Инин*. Цзихуа пэйчжи юй шичан цзичжи (Плановое размещение и рыночный механизм). — ЦЛЦГ. 1991, № 1.
66. *Ли Инин*. Цун «чжэнцзюань шуцзи жэ» со сяндао дэ (Размышления в связи с «ажитожем вокруг подписки на ценные бумаги»). — ЦЛШ. 1992, № 9.
67. *Ли Инин*. Чжунго цзинцзи гайгэ дэ сылу (Пути реформы экономической системы Китая). Пекин, 1989.
68. *Ли Инин*. Шэхуйчжуи чжэнчжи цзинцзисюэ (Политическая экономия социализма). Пекин, 1986.
69. *Ли Ляньчжун*. Сыюуха сычао чаньшэн юаньинь поуси (Анализ причин появления идейного течения приватизации). — ЦЖБ, 03.11.1989.
70. *Ли Маошэн*. Гоючжи гайгэ: куньцзин, сяньцзин хэ цяньцзин. Цзянь юй Хуа Шэн тунчжи шанцюэ (Реформа государственной собственности: трудности, ловушки и перспективы. Дискуссия с Хуа Шэном). — ЦЯ. 1989, № 9.
71. *Ли Чаовэнь*. Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ дэ шэхуйчжуи цзинцзи таолунь цзуншу (Обобщение дискуссии по вопросу о строительстве социалистической экономики со спецификой Китая). — ЦЯ. 1984, № 5.
72. *Ли Чжэннин*. Кээрнэй цзинцзи сысян цзинхуа (Квинтэссенция экономических идей Корнаи). — ЦЯ. 1986, № 9.
73. *Ли Шаогуан*. Чжиду бяньцянь лилунь юй вого гайгэ чжаньлюэ дэ сюаньцзэ (Теория институциональных изменений и выбор стратегии реформ в нашей стране). — ЦШТБ. 1996, № 3.
74. *Ли Юнцюань*. Сулянь гайгэ дэ хуйгу юй сыкао (Ретроспектива советской реформы и ее осмысление). — ЦШТБ. 1991, № 3.
75. *Линь Ифу*. Бэньтухуа, гуйфаньхуа, гоцзихуа: цинчжу «Цзинцзи яньцзю» чуанкань 40 чжоунянь (Китаизация, стандартизация, интернационализация: отмечая 40-летие создания «Цзинцзи яньцзю»). — ЦЯ. 1995, № 10.
76. *Линь Ифу*. Чжиду, цзишу юй Чжунго нунье дэ фачжань (Институты, техника и развитие сельского хозяйства Китая). Шанхай, 1992.
77. *Линь Ифу*. Чжунго цзинцзи гайгэ юй цзинцзисюэ дэ фачжань (Китайская экономическая реформа и развитие экономической

- науки). — Цзинцзисюэ юй чжунго цзинцзи гайгэ (Экономическая наука и китайская экономическая реформа). Шанхай, 1995.
78. *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжюу.* Чжунго дэ цизци: фачжань чжаньлюе юй цзинцзи гайгэ (Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа). Шанхай, 1994.
 79. *Линь Лин.* Цун чэнбаочжи дао гуфэньчжи (От подряда к акционерной системе). — ЦШ. 1988, № 4.
 80. *Лисыты [Лист Ф.]*. Чжэнчжи цзинцзисюэ дэ гоминь тиси (Национальная система политической экономии). Пекин, 1981.
 81. Лицзятю чжуцзо хэ тунсиньцзи (Собрание сочинений и писем Рикардо). Т. 1. Пекин, 1981.
 82. *Ло Чжизжу, Фань Цзясян, Ли Инин, Ху Дайгуан.* Дандай сифан цзинцзи сюэшо (Современные западные экономические учения). Т. 1, 2. Пекин, 1989.
 83. *Лу Хао.* Ли Инин цзинцзисюэ сысян шупин (Обзор политэкономических идей Ли Инина). — ЧШК. 1992, № 6.
 84. *Лу Чжунъюань.* Соючжи, шичан хэ сяюлюй. Сююхуа дэ гоцзи цзиньнянь хэ циши (Собственность, рынок и эффективность. Международный опыт приватизации и его уроки). — Г. 1993, № 4.
 85. *Лю Вэй, Пин Синьцяо.* Сяндай сифан чаньцюань лилунь юй цие синвэй фэньси (Современная западная теория прав собственности и анализ поведения предприятий). — ЦЯ. 1989, № 1.
 86. *Лю Вэй, Пин Синьцяо.* Цзинцзи тичжи гайгэ сань лунь: чаньцюань лунь, цзюньхэн лунь, шичан лунь. Гуаньюй шэхуйчжуи цзинцзи сысян ши дэ сыкао (Три теории реформы экономической системы: теории прав собственности, равновесия и рынка. Размышления об истории экономической мысли социализма). Пекин, 1990.
 87. *Лю Вэй, Ян Юньлун, Лу Линьшу, Чжан Лисянь, Лю Цзяци.* Цзьюань пэйчжи юй цзинцзи тичжи гайгэ (Размещение ресурсов и реформа экономической системы). Пекин, 1989.
 88. *Лю Гогуан.* Лунь цзинцзи гайгэ юй цзинцзи тяочжэн (Об экономической реформе и регулировании экономики). Нанкин, 1983.
 89. *Лю Гогуан.* Люэ лунь и гайгэ цуцзинь вэньдин, цзай вэньдин чжун цю фачжань (Вкратце о том, как содействовать стабильности с помощью реформы и как развиваться в условиях стабильности). — Чжунго гунье цзинцзи яньцзю. 1990, № 5.
 90. *Лю Гогуан.* Люэ лунь цзихуа тяоцзе юй шичан тяоцзе дэ цизгэ вэньти (Вкратце о некоторых вопросах планового и рыночного регулирования). — ЦЯ. 1980, № 10.
 91. *Лю Гогуан.* Нянхуай Сунь Ефан тунчжи, туйцзин гайгэ да е (Вспоминая тов. Сунь Ефана, продвигать вперед дело реформы). — ЦЯ. 1993, № 2.
 92. *Лю Гогуан.* Сань лунь майфан шичан (В третий раз поговорим о рынке продавцов) — ЖМЖБ, 15.09.1986.
 93. *Лю Гогуан.* Сюэси Мао Цзэдун цзинцзи сысян, точжань цян го фу минь чжи лу (Изучать экономические идеи Мао Цзэдуна, ид-

- ти по пути усиления государства и обогащения народа). — ЦЯ. 1993, № 12.
94. Лю Гогуан (ред.). Тичжи бяньгэ чжун дэ цзинци вэньдин цэнчжан (Стабильный рост экономики в ходе системных изменений). Пекин, 1990.
 95. Лю Гогуан. Цай лунь майфан шичан (Еще раз поговорим о рынке продавцов). — ЖМЖБ, 23.09.1983.
 96. Лю Гогуан. Чжунго гоючжи цзинци гайгэ дэ таньсо (Поиск путей экономической реформы государственной собственности в Китае). Пекин, 1989.
 97. Лю Гогуан. Чжунго гоючжи цзинци гайгэ дэ таньсо (Поиск путей экономической реформы государственной собственности). — СВ. 1991, № 2.
 98. Лю Гогуан (ред.). Чжунго цзинци тичжи гайгэ дэ моши яньцзю (Исследование моделей реформы экономической системы в Китае). Пекин, 1988.
 99. Лю Гогуан. Чжунго цзинци тяочжэн юй гайгэ дэ минъюнь (Урегулирование китайской экономики и судьба реформы). — ЦЖБ, 28.02.1989.
 100. Лю Гогуан (ред.). Чжунго цзинци фачжань чжаньюэ вэньти яньцзю (Исследование проблем стратегии экономического развития Китая). Шанхай, 1984.
 101. Лю Гогуан, Ван Мэнкуй, Ян Цисянь, Сунь Сяоян, Хэ Вэй и др. Цзюши няньдай Чжунго цзинци фачжань чжаньван битань (Заметки о перспективах развития экономики Китая в 90-е годы). — ЦЦГ. 1991, № 2.
 102. Лю Гогуан, Чжао Жэньвэй. Лунь шэхуйчжуи цзинци чжун цзихуа юй шичан дэ гуаньси (О соотношении плана и рынка в социалистической экономике). — ЦЯ. 1979, № 5.
 103. Лю Гогуан, Чжао Жэньвэй. Цзихуа хэ шичан гуаньси дэ цзигэ вэньти (Несколько вопросов отношений плана и рынка). — ХЦ. 1979, № 9.
 104. Лю Гуанди. Лунь гуфэньчжи цай шэньхуа цие гайгэ чжун дэ цзююн (О роли акционерной системы в углублении реформы на предприятиях). — ХЦ. 1988, № 12.
 105. Лю Жунцан, Ли Сяоси, Сун Цзэ. Цзинци юньсин цзичжи гайгэ дэ мубяо чжунда цзюэцэ (Важное решение о цели реформы механизма функционирования экономики). — ЖМЖБ, 04.12.1987.
 106. Лю Тяньшэнь. Лисытэ цзинци сюэшо дэ цай пинлунь (Переоценка экономической теории Листа). — ЦК. 1979, № 1.
 107. Лю Шибо. Шэхуйчжун шанпинь цзинци юй цие чаньцюань (Социалистическое товарное хозяйство и права собственности предприятий). — ЦЯ. 1988, № 3.
 108. Ма Пяо, Чжоу Фусян, Чжун Чэн. Гоцзя тяоцзе шичан, шичан иньдао цие (Государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия). — ГМЖБ, 12.12.1987.
 109. Ма Хун. Гуаньюй цзихуа юй шичан дэ гуаньси вэньти (Проблема отношений плана и рынка). — Г. 1991, № 1.

110. *Ма Хун*. Цзяньли шэхуйчжуи шичан цзинци синь тичжи (Создать новую систему социалистической рыночной экономики). — ЦЯ. 1992, № 11.
111. *Ма Хун*. Чжунго цзинци тяочжэн, гайгэ юй фачжань (Урегулирование, реформа и развитие китайской экономики). Тайюань, 1982.
112. *Ма Хун, Сунь Шанцин (ред.)*. Чжунго цзинци цзегоу ваньти яньцзю (Изучение проблем экономической структуры Китая). Т. 1, 2. Пекин, 1982.
113. *Ма Янь*. Гайгэ: цзыбэньчжунхуа, хайши шэхуйчжуи дэ цзыво ваньшань? (Реформа: капиталистическая трансформация или самосовершенствование социализма?) — ЖМЖБ, 16.10.1989.
114. Мао Цзэдун сысян ваньсуй (Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна). Токио, 1969.
115. *Масезр [Маршалл А.]*. Цзинцзисюэ юаньли (Принципы экономической науки). Т. 1, 2. Пекин, 1982.
116. *Носы Даогэласы [Норт Д.]*. Цзинци ши чжун дэ цзегоу юй бяньцянь (Структура и изменения в экономической истории). Шанхай, 1994.
117. *Носы [Норт Д.]*. Чжиду бяньцянь лилунь ганьяо (Основные положения теории институциональных изменений). — Цзинцзисюэ юй Чжунго цзинци гайгэ (Экономическая теория и китайская экономическая реформа). Шанхай, 1995.
118. *Носы Даогэласы [Норт Д.]*. Чжиду бяньцянь хэ цзинци гайгэ (Институциональные изменения и экономическая реформа). — ЦК. 1995, № 2.
119. *Носы Даогэласы [Норт Д.]*. Чжиду, чжиду бяньцянь юй цзинци чэнцзю (Институты, институциональные изменения и функционирование экономики). Тайбэй, 1994.
120. *Носы Даогэласы [Норт Д.]*. Шицзянь цзиньчэн чжун дэ цзинци чэнсяо (Экономические результаты во времени). — ЦШТБ. 1995, № 6.
121. *Нофу Алекэ [Ноув А.]*. Кэсин дэ шэхуйчжуи цзинцзисюэ (Реальная экономическая наука социализма). Пекин, 1991.
122. *Нофу Алекэ [Ноув А.]*. «Шичан шэхуйчжуи» хэ «цзыю цзинци» («Рыночный социализм» и «свободная экономика»). — ЦШТБ. 1991, № 1.
123. Пэйди цзинци чжуцзо сюаньцзи (Избранные экономические сочинения Петти). Т. 1, 2. Пекин, 1981.
124. Пэйтао. Гайшань. Шэньхуа. Фачжань (Комплексность. Улучшение. Углубление. Развитие). — ЧЦТГ. 1988, № 8.
125. *Самуэрсэнь [Самуэльсон П.]*. Цзинцзисюэ (Экономика). Пекин, 1988.
126. *Се Цзунлинь*. Даодэ юй цайчаньцюань. Цун Хайекэ дэ «Бу яомин дэ цзыфу» чжэ бэнь шу таньци (Мораль и права собственности. Начнем разговор с книги Хайека «Пагубная самонадеянность»). — ЦЦ. 1995, № 40.
127. *Си Минь*. Сюаньчуань бумэнь дэ синь лилунь (Новая теория органов пропаганды [КНР]). — 90 няньдай 1992, № 9.

128. *Сикэсы [Хикс Дж.]*. Цзячжи юй цзыбэнь (Стоимость и капитал). Пекин, 1981.
129. *Син Цзюньфан*. И нянь лай цзинцзисюэ цзе гуаньюй чжэнчжи цзинцзисюэ дуйсян вэньти дэ таолунь (Обсуждение в течение года в экономических кругах КНР проблемы объекта изучения политической экономии). — ЦЯ. 1980, № 9.
130. *Синь Вэнь*. Гою цие нэнфоу ваньюань цзычжу цзиньин хэ цзыфу инькуй (Могут ли государственные предприятия полностью самостоятельно хозяйствовать и быть самокупаемыми). — ЦЯ. 1988, № 5.
131. *Су Куй*. «Цзинцзисюэ дэ» шэньин (Голос «экономической науки»). — Ду шу. 1995, № 3.
132. Сулянь цзинцзи вэйци: бимянь бэнькуй дэ бучжоу (Экономический кризис в Советском Союзе. шаги, направленные на предотвращение краха). — ЦШТБ. 1991, № 3.
133. *Сунь Ефан*. Дуй «Лунь цзовэй чжэнчжи цзинцзисюэ дуйсян дэ шэнчань гуаньси» и вэнь дэ пипаньчжэ дэ дафу (Ответ критикам статьи «К вопросу о производственных отношениях — объекте изучения политической экономии»). — ЦЯ. 1982, № 10.
134. *Сунь Ефан*. Лунь цзовэй чжэнчжи цзинцзисюэ дуйсян дэ шэнчань гуаньси (К вопросу о производственных отношениях — объекте изучения политической экономии). — ЦЯ. 1979, № 8.
135. *Сунь Ефан*. Цзинцзисюэцзе дуй Ма Иньчу тунчжи дэ и чан цоу вэйгун цзи ци цзяосюнь (Ошибочные нападки экономических кругов на тов. Ма Иньчу и [вытекающие из этого] уроки). — ЦЯ. 1979, № 10.
136. *Сунь Ефан*. Шэхуйчжуи цзинцзи дэ жогань лилунь вэньти. Суйцзи (Некоторые теоретические вопросы социалистической экономики. Продолжение). Ухань, 1982.
137. *Сунь Ефан*. Шэхуйчжуи цзинцзи луньгао (Теории социалистической экономики). Пекин, 1985.
138. *Сунь Сяоян*. Лунь цзинцзи гайгэ мяньлинь дэ цзюэцзэ (Об альтернативах, перед которыми стоит экономическая реформа). — ГМЖБ, 03.01.1987.
139. *Сунь Чжишэн (ред.)*. И цзин цзинь и (Современный перевод «И цзина»). Ханькоу, 1988.
140. *Сунь Шанцин*. Цяньцзинь чжун дэ Чжунго цзинцзи (Продвигающаяся вперед экономика Китая). Шицзячжуан, 1983.
141. *Сунь Шанцин, У Цзинлянь и др.* Лунь Сунь Ефан дэ шэхуйчжуи цзинцзи лилунь тиси (О теоретической системе социалистической экономики Сунь Ефана). — ЦЯ. 1983, № 1.
142. *Сунь Шанцин, Чжан Чжоюань, Чэнь Циюань*. Шипин вого цзинцзисюэ цзе саньши нянь лай гуаньюй шэхуйчжуи шанпинь, цзячжи гуйлюй вэньти дэ таолунь (Попытка оценки 30-летнего обсуждения в экономических кругах нашей страны вопросов социалистического товара и закона стоимости). — ЦЯ. 1979, № 10.

143. *Сыдигэлицы* [Стиглиц Дж.]. Гуаньюй чжуаньгуй вэньти дэ цзигэ цзяньи (Несколько предложений, касающихся перехода [к рынку]). — ЦШТБ. 1997, № 2.
144. *Сымы Ядан* [Смит А.]. Гоминь цайфу дэ синчжи хэ юаньинь дэ яньцзю (Исследование о природе и причинах богатства народов). Т. 1, 2. Пекин, 1981.
145. *Сюй Дисинь*. Лиюн цзячжи гуйлюй, вэй шэхуйчжуй фуу (Используя закон стоимости, служить социализму). — ХЦ. 1978, № 3.
146. *Сюй Дисинь*. Лунь «шюн году» (О «переходе в условиях бедности»). — ЦЯ. 1979, № 4.
147. *Сюй Дисинь*. Лунь шэхуйчжуй дэ шэнчань, лютун хэ фэньпэй. Ду «Цзыбэньлунь» бицзи (О социалистическом производстве, обращении и распределении при социализме. Заметки при чтении «Капитала»). Пекин, 1979.
148. *Сюй Дисинь*. Сяньдай Чжунго шэхуйчжуй цзяньшэ юньюн цзинци гуйлюй дэ вэньти (Применение экономических законов в социалистическом строительстве современного Китая). Пекин, 1978.
149. *Сюй Дисинь*. Чжунго шэхуйчжуй цзинци фачжань чжун дэ вэньти (Проблемы развития социалистической экономики Китая). Пекин, 1982.
150. *Сюй Дисинь*. Ю гуань шэхуйчжуй чжэнчжи цзинцзисюэ дэ цзигэ вэньти (Несколько вопросов, связанных с политической экономией социализма). — СЮ. 1979, № 1—2.
151. *Сюй Дунхай*. Далу цзинцзисюэ фачжань дэ яньбянь юй синшуай (Развитие экономической науки в континентальном Китае: изменения, подъемы и падения). — Гундан вэньти яньцзю. Т. 22. 1996, май, № 5.
152. *Сюнбитэ* [Шумпетер Й.]. Цзыбэньчжуй, шэхуйчжуй хэ миньчжучжуй (Капитализм, социализм и демократия). Пекин, 1979.
153. *Сюз Муцяо*. Вого гоминь цзинци дэ тяочжэн хэ гайгэ (Урегулирование и реформа народного хозяйства нашей страны). Пекин, 1982.
154. *Сюз Муцяо*. Гуаньюй цзинци гуаньли тичжи лилунь сюяю шэньжу таолунь дэ цзигэ вэньти (О нескольких вопросах теории экономической реформы, обсуждение которых необходимо углублять). — ЦЯ. 1983, № 1.
155. *Сюз Муцяо*. Гуаньюй шэхуйчжуй цзинци дэ жогань лилунь вэньти (О некоторых теоретических проблемах социалистической экономики). — ЧШК. 1991, № 1.
156. *Сюз Муцяо*. Данцянь вого цзинци жогань вэньти (Несколько проблем экономики нашей страны на современном этапе). Пекин, 1981.
157. *Сюз Муцяо*. Лишунь уця, пинчжэн шичан, шэньхуа гайгэ (Упорядочить цены, сбалансировать рынок, углубить реформу). — Г. 1991, № 1.

158. Сюэ Муцяо. Лиюн цзячжи гуйлюй вэй цзинци цзяньшэ фуу (Используя закон стоимости, служить экономическому строительству). — ХЦ. 1979, № 1.
159. Сюэ Муцяо. Хуайнянь Ефан (Вспоминая [Сунь] Ефана). — ЦЯ. 1993, № 2.
160. Сюэ Муцяо. Цзай лунь цзихуа тяоцзе юй шичан тяоцзе (Еще раз о плановом и рыночном регулировании). — ХЦ. 1981, № 1.
161. Сюэ Муцяо. Цзинци гуаньли тичжи гайгэ вэньти (Проблемы реформы системы управления). — ХЦ. 1979, № 8.
162. Сюэ Муцяо. Цзихуа цзинци вэй чжу, шичан цзинци вэй фу (Плановая экономика — основа, рыночное регулирование — вспомогательное). — ХЦ. 1982, № 8.
163. Сюэ Муцяо. Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ дэ шэхуйчжуи (Построить социализм со спецификой Китая). — ХЦ. 1982, № 19.
164. Сюэ Муцяо. Чжунго цзинци тяочжэн дэ сяньчжуан хэ гайгэ (Современное положение в урегулировании экономики Китая и реформа). — Чжаньван. 1981, № 465.
165. Сюэ Муцяо. Чжунго шэхуйчжуи цзинци вэньти яньцзю (Изучение экономических проблем социализма в Китае). Пекин, 1979.
166. Сюэ Муцяо. «Чжунго шэхуйчжуи цзинци вэньти яньцзю» бо (Послесловие к книге «Изучение экономических проблем социализма в Китае»). — ХЦ. 1981, № 21.
167. Сян Циюань. Цзинци лилунь чжаньсянь фаньдуй цзычань цзэци цзыюухуа юй «шуан бай» фанчжэнь (Борьба против буржуазной либерализации на фронте экономической теории и курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»). — ЦК. 1989, № 5.
168. Сяньцзай чжэн ши бицзяо яньцзю дэ хао шицзи. «Бицзяо» чуанкань у нянь цзотаньхуй цзюяо (Сейчас хороший момент для сравнительных исследований. Запись совещания, посвященного пятилетию создания «Бицзяо»). — ЦШТБ. 1990, № 5.
169. Сянь цзедуань цзинци гайгэ дэ жогань чжаньлюэсин вэньти цзи чули фанши (Некоторые стратегические проблемы экономической реформы на современном этапе и пути их решения). — Г. 1993, № 4.
170. Сяо И. Цзюши няндай хоуци: жэн цзян ши «цзяньцзинь ши гайгэ» чан чжуцзяо. Фань Ган боши фан тань лу (Вторая половина 90-х годов: главную роль по-прежнему будут играть «поэтапные реформы»). Запись беседы с доктором Фань Ганом). — ГН. 1995, № 16.
171. Сяо Лян. Данцянь ю чжэньи дэ шигэ цзинци лилунь вэньти (Десять дискуссионных теоретических проблем экономики на нынешнем этапе). — ЦД. 1990, № 9.
172. Сяо Лян. Ши нянь лай соючжи яньцзю хэ гайгэ дэ хуйгу (Ретроспектива десяти лет изучения собственности и реформы). — ЦШ. 1988, № 11.
173. Сяо Мэн. Гоучжу шичан цзинци цзичу, та шан сяндайхуа чжи люй. Чжуань фан У Цзинлянь цзяошоу (Создать основу рыноч-

- ной экономики, встать на путь модернизации. Интервью с профессором У Цзинлянем). — ЦШТБ. 1993, № 1.
174. *Сяо Мэн*. Чжунго цзинци гайгэ юй сяньдай вэйгуань цзинцзисюэ лилунь. Сюй Чэнган боши фантаньлу (Китайская экономическая реформа и современная микроэкономическая теория. Запись беседы с доктором Сюй Чэнганом). — Г. 1993, № 5.
175. *Сяо Мэн, Чунь Линь*. Цзай лунь цзяда гайгэ дэ фэньлян. Чжумин цзинцзисюэцзя Лю Гогуан чжуаньфан (Еще раз об увеличении удельного веса реформ. Интервью с известным экономистом Лю Гогуаном). — ЦШТБ. 1991, № 1.
176. *Тянь Гоцянь (ред.)*. Шичан цзинцзисюэ пуцзи цуншу (Библиотека популярных знаний о рыночной экономике). Т. 1—14. Шанхай, 1993.
177. *Тянь Цзяньхай*. «Гуаньюй гайгэ чжаньлюэ сюаньцзэ дэ жогань сыкао» и вэнь иньци дэ лянсян (Ассоциации, вызванные статьей «Некоторые размышления о выборе стратегии реформы»). — ЦЯ. 1987, № 4.
178. *У Хуэйлинь*. И бэнь куа сюэжэ линьюй дэ чжуиъяо шуцзи — «Циши цзинцзисюэ» (Важное междисциплинарное исследование — «Экономика дискриминации»). — ЦЦ. 1997, № 49.
179. *У Хуэйлинь*. Фантань 1994 нянь Нобэйэр цзинцзисюэ цзян дэжэнь, ши цзи цита (Поговорим о лауреатах Нобелевской премии по экономике за 1994 г. — о людях, их делах и др.). — ЦЦ. 1995, № 37.
180. *У Хуэйлинь*. Цзифу жэньсин дэ 1992 нянь Нобэйэр цзинцзисюэ цзян дэчжу Бэйкэ (Самый «гуманный экономист» — лауреат Нобелевской премии по экономике за 1992 г. Беккер). — ЦЦ. 1993, № 29.
181. *У Цзинлянь*. Гоминь цзинци дэ куньцин хэ чулу (Трудности в народном хозяйстве и выход из них). — ЦШТБ. 1990, № 6.
182. *У Цзинлянь*. Гуаньюй цзякуай гайгэ буфа дэ цзи дянь сыкао (Несколько соображений по поводу ускорения поступи реформ). — ЦЯ. 1992, № 4.
183. *У Цзинлянь*. Гуаньюй чжаньлюэ сюаньцзэ дэ жогань сыкао (Некоторые размышления о выборе стратегии реформы). — ЦЯ. 1987, № 2.
184. *У Цзинлянь*. Луцзин илай юй чжунго гайгэ (Зависимость от пути развития и китайская реформа). — Цзинцзисюэ юй чжунго цзинци гайгэ (Экономическая теория и китайская экономическая реформа). Шанхай, 1995.
185. *У Цзинлянь*. «Сюньцзу» лилунь юй вого цзинци чжун дэ моусе сяоцзи сяньсян (Теория «погоны за рентой» и некоторые негативные явления в экономике нашей страны). — ЦШТБ. 1988, № 5.
186. *У Цзинлянь*. Тун сян шичан цзинци чжи лу (Путь к рыночной экономике). Пекин, 1992.
187. *У Цзинлянь*. «Фубай: цюаньли юй цзиньцянь дэ цзяохуань» цзайбань дяньянь (Предисловие к новому изданию сборника «Коррупция: обмен власти на деньги»). — ЦШТБ. 1995, № 4.

188. *У Цзинлянь*. Цзихуа цзинцзи хайши шичан цзинцзи (Плановая экономика или рыночная экономика). Пекин, 1992.
189. *У Цзинлянь*. Цзихуа юй шичан гуаньси дэ таолунь хэ вого цзинцзи тичжи дэ цюйсян (Обсуждение соотношения плана и рынка и направленность экономической системы в нашей стране). — Г. 1991, № 1.
190. *У Цзинлянь*. Цзягэ гайгэ юй чэнбаочжи (Реформа цен и подрядная система). — ЦЦТГ. 1988, № 8.
191. *У Цзинлянь*. Цзякуай гайгэ буфа дэ цзи дянъ сыкао (Некоторые соображения относительно ускорения поступи реформ). — ЦЯ 1992, № 4.
192. *У Цзинлянь*. Чжунго цзинцзи гайгэ чжаньлюэ взньти дэ фэньси юй сюаньцзэ (Разногласия по вопросу стратегии экономической реформы в Китае и ее выбор). — Г. 1989, № 1.
193. *У Цзинлянь (ред.)*. Чжунго цзинцзи гайгэ чжэнти шэцзи (Общий проект реформы экономической системы в Китае). Пекин, 1988.
194. *У Цзинлянь, Жун Цзинбэнь, Чжао Жэньвэй*. Хуйгу хэ чжаньван. Цинчжу «Цзинцзи шэхуй тичжи бицзяо» чуанкань ши чжоунянь (Ретроспектива и перспективы. Отмечая 10-летие журнала «Цзинцзи шэхуй тичжи бицзяо»). — ЦШТБ. 1995, № 4.
195. *У Цзяньцзи*. Вого данцянь гуфэньчжи шицзянь чжун дэ маодунь (Противоречия в практике акционерной системы в нашей стране). — ЦЯ. 1989, № 5.
196. *У Шуцин*. Цзяньчи гайгэ кайфан дэ шэхуйчжун фансян. Цзяньпин Чжао Цзыян юй и гули дэ «сююхуа» юйлунь (Придерживаться социалистического направления политики реформы и открытости. Критика теории приватизации, которую поощрял Чжао Цзыян). — Бэйцзин жибао, 06.08.1989; ГМЖБ, 08.08.1989.
197. *У Юйшань*. Юаньли шэхуйчжуи: Чжунго далу, Сулянь хэ Болань дэ цзинцзи чжуаньсин (Отход от социализма: экономическая трансформация в континентальном Китае, России и Польше). Тайбэй, 1996.
198. *Фань Ган*. Гунгун сюаньцзэ юй гайгэ гочэн. Бу тун гайгэ даолу шисянь юаньин дэ и чжун бицзяо яньцзю (Общественный выбор и процесс реформы. Сравнительное исследование причин выбора различных путей реформы). — ЦШТБ. 1993, № 1.
199. *Фань Ган*. Лунь шичан чжун дэ чжэнфу (О правительстве в условиях рынка). — Г. 1993, № 5.
200. *Фань Ган*. Лян чжун гайгэ чэнбэнь юй лян чжун гайгэ фанши (Два типа издержек реформы и два способа реформы). — ЦЯ. 1993, № 1.
201. *Фань Ган*. «Сулянь фаньши» пипань (Критика «советской парадигмы»). — ЦЯ. 1995, № 10.
202. *Фань Ган*. Сяньдай сань да цзинцзи лилунь тиси дэ бицзяо юй цзунхэ (Сопоставление и синтез трех современных теоретических экономических систем). Шанхай, 1990.
203. *Фань Ган*. Цю цзе минъюнь дэ фанчэн (Решение уравнения судьбы). Пекин, 1993.

204. *Фань Ган, Чжан Шугуан, Ван Лиминь*. Шуангуй году юй «шуангуй тяокун». Данцянь хунгуань цзинци вэньти юй дуйцэ (Двухколейный переход и «двухколейное регулирование». Современные макроэкономические проблемы и пути их решения). — ЦЯ. 1993, № 10—11.
205. *Фань Ган, Чжан Шугуан, Ян Чжунвэй, Чжан Яньшэн, Юань Ганмин*. Гунъючжи хунгуань цзинци лилунь да ган (Макроэкономика общественной собственности). Шанхай, 1990.
206. *Фаньболунь [Веблен Т.]*. Юсянь цзеци лунь (Теория праздного класса). Пекин, 1981.
207. *Фолидэмань Мизрдунь [Фридмен М.]*. Фолидэмань вэньцуй (Основные труды Фридмена). Пекин, 1991.
208. *Фу Цзинь*. Пин «сючжи сюаньянь» дэ фань жэньминь бэньчжи (Об антинародной сущности «Декларации частной собственности»). — ГМЖБ, 28.07.1989.
209. *Фулубудунь, Пэйцзевэйкэ [Фуруботн Э., Пейович С.]*. Чаньцюань юй цзинци лилунь: цзиньци вэньсянь гайлань (Права собственности и экономическая теория: обзор литературы последнего времени). — ЦШТБ. 1991, № 1.
210. *Хань Вэньсю, Лю Сяодун, Чжао Цзяньпин*. Кээрнэй «Дуаньцюэ цзинцзисюэ» хэ Ли Инин «Шэхуйчжуи чжэнчжи цзинцзисюэ» дэ бицзяо яньзыю (Сравнительное исследование «Экономики дефицита» Я. Корнаи и «Политической экономии социализма» Ли Инина). — ЦК. 1988, № 1.
211. *Хоу Цзяцзюй*. Сянь Цинь жуцзя цзыю цзинци сысян (Идеи свободной экономики в трудах доциньских конфуцианцев). Тайбэй, 1983.
212. *Хоцисунь [Дж. М. Ходжсон]*. Сяньдай чжидучжуи цзинцзисюэ сюаньянь (Манифест современной институциональной экономики). Пекин, 1993.
213. *Ху Жуинь*. Дуаньцюэ гуйинь лунь (О причинах дефицита). — ЦЯ. 1987, № 7.
214. *Ху Жуинь*. «Цзыбэньлунь» дэ фэньси куанцзя (Рамки анализа «Капитала»). — ХЦ. 1988, № 6.
215. *Ху Юнмин*. Кээрнэй «Тунсян шичан цзинци чжи лу» чжун чаньцюань гайгэ сысян пинцзя. Цзянь лунь гунъючжи юй шичан цзинци нэн фоу цзяньжун (Оценка идей Корнаи о реформе прав собственности в книге «Путь к свободной экономике». А также о том, можно ли совместить общественную собственность и рыночную экономику). — Г. 1993, № 2.
216. *Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь, Ло Сяопэн*. Чжунго гайгэ ши нянь: хуйгу, фаньсы юй чжаньван (Десять лет китайской реформы: ретроспектива, осмысление и перспектива). — ЦЯ. 1988, № 9, 11, 12.
217. *Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин*. Цзинцзисюэ юаньли (Принципы экономической теории). Т. 1, 2. Тайбэй, 1994.
218. *Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин*. Ю минь бэнь сысян дэ лоши юй фачжань лунь чжэнфу цзучжи дэ фэньгун юаньцэ (Поговорим

- о принципе разделения труда в правительстве исходя из проведения в жизнь и развития идеи «народ — корень-основа»). — Чжэсюэ юй гунгун гуйфань (Философия и общественные нормы). Тайбэй, 1995.
219. Хуан Югуан, Ян Сяокай. Вэй хэ Чжунго ин и тяо го хэ дэ цзиньсин миньинхуа? (Почему Китай должен одним прыжком перепрыгнуть через реку и перейти к народному хозяйствованию?) — Шицзе цзинцзи даобао, 06, 20.02.1989
 220. Хэ Вэй (ред.). Чжунго гайгэ чжи яньцзю (Исследование реформы в Китае). Пекин, 1990.
 221. Хэ Гаочао, Ло Цзинь. Иньянь: Чжиши дэ бэньчжи ши кайфан дэ (Предисловие: Знание не знает границ). — СШКС. 1995, июль (спецвыпуск).
 222. Хэ Цзяньчжан. Жэньчжэнь ваньшань хэ фачжань чэнбаочжи (Как следует совершенствовать и развивать подрядную систему). — ЦЯ. 1989, № 4.
 223. Хэ Цзяньчжан, Чжан Чжоюань. Сунь Ефан гунчжи цзай цзинцзи лилунь шан дэ чжунъяо гунсянь (Важный вклад тов. Сунь Ефана в экономическую теорию). — ХЦ. 1982, № 4.
 224. Хэ Цинлянь. Цюань цянэ цзяои: Чжунго данцянь сюньцзу ходун дэ тэдянь, туцзин цзи шэхуй чэнбэнь (Обмен власти на деньги: особенности, пути и социальные издержки «погони за рентой» в современном Китае). — ДФ. 1995, № 6.
 225. Цай Фан. Юн чжунго цзинъянь фэнфу хэ чуансинь фачжань цзинцзисюэ. Ду Линь Ифу «Чжиду, цзишу юй Чжунго нунье фачжань» (Используя китайский опыт, обогатить и обновить экономическую теорию развития. Читая книгу Линь Ифу «Институты, техника и развитие сельского хозяйства Китая»). — Г. 1993, № 5.
 226. Цай цзинянь Сунь Ефан гунчжи шиши 10 чжоуянь цзотаньхуй шан фаянь (Выступления на конференции, посвященной 10-летию со дня смерти Сунь Ефана). — ЦЯ. 1993, № 4.
 227. Цзи Пэн. Лунь цие соючжи юй цие фажэнь союцюань (О собственности предприятий и праве собственности предприятия как юридического лица). — ЦЯ. 1988, № 6.
 228. Цзинцзи гайгэ синь сыкао (Новые идеи относительно хозяйственной реформы). Пекин, 1988.
 229. Цзинцзи ланьпишу. 1995 нянь дэ Чжунго: цзинцзи синши фачжань юй юйцэ (Синяя книга по экономике. Китай в 1995 г.: анализ и прогноз экономического положения). Пекин, 1995.
 230. Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли (1981—1991). Чуанкань ши нянь цзэнкань (Экономическая теория и экономическое управление. 1981—1991. Специальный номер, посвященный 10-летию журнала). Пекин, 1990.
 231. Цзинцзи тичжи гайгэ чжаньлюэ таолунь (Обсуждение стратегии реформы экономической системы). — ЦЯ. 1987, № 4.
 232. Цзинцзисюэ юй чжунго дэ гайгэ (Экономическая наука и китайская экономическая реформа). Шанхай, 1995.

233. Цзинь гай соючжи ши бу гоу дэ (Только изменения собственности недостаточно). — ГН. 1995, № 8.
234. Цзинь нянь лай гуаньюй цзинцзи гуаньли тичжи гайгэ вэньти дэ таолунь (Обсуждение в течение последних лет проблем реформы системы управления экономикой). — СВ. 1981, № 9.
235. *Цзинь Пин, Дай Гоцин.* «Дуаньцюэ цзинцзисюэ» хэ вогу дэ цзинцзи тичжи гайгэ («Экономика дефицита» и реформа экономической системы в нашей стране). — ГМЖБ, 14.02.1987.
236. *Цзо Му.* Таньтань гуфэньчжи дэ цзигэ лилунь хэ чжэнцэ вэньти (Поговорим о нескольких теоретических и политических проблемах акционерной системы). — ХЦ. 1988, № 1.
237. Цзылюй. Чуаньгун. Чжиду цзяньшэ. Фан цзинцзисюэцзя Шэн Хун (Самодисциплина. Традиции. Строительство институтов. Интервью с экономистом Шэн Хуном). — ДФ. 1995, № 6.
238. Цзэньян кань данцянь дэ цзинцзи синши (Как оценивать современное экономическое положение). — ХЦ. 1981, № 6.
239. Цюоши няньдай Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ. «Гаоцзи яньтаохуй» югуань цзыляо (Реформа экономической системы в Китае в 90-е годы. Материалы совещания на высоком уровне). — Цзинцзи тичжи гайгэ нэйбу цанькао. 1991, № 1.
240. Цзян Ивэй тунчжи шэнпин (Биография тов. Цзян Ивэй). — Г. 1993, № 2.
241. *Цзян Сюэмо.* Пин «соючжэ цюэвэй лунь» (Оценка теории «вакантного места собственника»). — ЦЯ. 1988, № 3.
242. *Цзян Чжунчжэн.* Чжунго цзинцзи сюэшо (Китайская экономическая теория). [Б.м.], 1943.
243. *Цзян Чуньцзэ, Ван Хайцзюнь.* Цзихуа юй шичан: жогань гоцзя шили таолуньхуй дэ чэнго (План и рынок: результаты обсуждения примеров нескольких стран). — ЦШТБ. 1991, № 2.
244. Цзяньго илай чжэнчжи цзинцзисюэ чжуньяо вэньти чжэнлунь (1949—1980) (Дискуссии по основным проблемам политэкономии со времени образования КНР 1949—1980). Пекин, 1981.
245. Цзяньли шэхуйчжуи шичан цзинцзи тичжи дэ лилунь сыкао юй чжэнцэ сюаньцэ (Теоретические размышления о создании системы социалистической рыночной экономики и выбор политики). — ЦЯ. 1993, № 8.
246. Цзяньчи гуньючжи, пипань сыюхуа (Придерживаться общественной собственности, критиковать приватизацию). — ГМЖБ, 07.10.1989.
247. Цзяотяо тупо юй чжиду чуансинь. Чжунго гайгэ цзиньгянь фаньсы (Прорыв догм и обновление институтов. Переосмысление опыта экономической реформы в Китае). — СШКС. 1995, июль (спецвыпуск).
248. *Цинмучаньянь [Локи М.]* Бицзяо чжиду фэньси: ци инь хэ исе чубу дэ цзелунь (Сравнительный анализ институтов: причины [его появления] и некоторые предварительные результаты). — ЦШТБ. 1997, № 1—2.

249. *Цинь Хай*. Цие гоубин чжун дэ чаньцюань вэньти (Проблема прав собственности при покупке и слиянии предприятий). — ЦЯ. 1995, № 3.
250. *Цуй Чжюань*. Чжунго шицзянь дуй синь гудяньчжуи цзинцисюэ дэ тяочжань (Вызов китайской практики неоклассической политической экономии). — СШКС. 1995, июль (спецвыпуск).
251. Цун цзюйти моши дэ таньсо цзоу сян шэньцэн дэ лисин сыкао (От поиска конкретных моделей к глубоким рациональным размышлениям). — ГМЖБ, 29.04.1989.
252. *Цянь Инъи, Сюй Чэнган*. Фэй гоючжи цзинци чусянь хэ чэнчжан дэ чжиду бэйцзин (Институциональные основы появления и развития экономики негосударственного сектора). — СШКС. 1995, июль (спецвыпуск).
253. *Цянь Инъи, Сюй Чэнган*. Чжунго дэ цзинци гайгэ вэй шэмма юй чжун бу тун. М син дэ цэнцичжи хэ фэйгою бумэнь дэ цзиньжу юй кочжан (Почему китайская экономическая реформа отличается от реформ в других странах. Многоуровневая иерархическая структура типа М и развитие негосударственного сектора). — ЦШТБ. 1993, № 1.
254. *Чжан Гопин, Мо Син*. Дандай Чжунго лилунь цзинцисюэ чжюя люпай (Основные школы современной китайской экономической мысли). Харбин, 1990.
255. *Чжан Синьцзин (ред.)*. Гайгэ ши нянь шэхуй кэсюэ чжунъяо лилунь гуаньдянь цзуншу (1978—1988) (Обобщение основных теоретических взглядов за десять лет реформы 1978—1988). Пекин, 1990.
256. *Чжан Сэнь*. Сулянь цзинци лилунь вэньти таолуньхуй цзай Цзин чжаокай (Совещание по вопросам советской экономической теории в Пекине). — СВ. 1983, № 11.
257. *Чжан Сюн*. Шичан цзинци чжун дэ фэйлисин шицзе (Мир нерациональности в рыночной экономике). Шанхай, 1995.
258. *Чжан Сюэцзюнь*. Дуй вого хунгуань цзинци яньцзю чжун жогань цзибэнь гуаньдянь дэ пинцзя (Оценка некоторых основных точек зрения, содержащихся в макроэкономических исследованиях в нашей стране). — ЦЯ. 1987, № 8.
259. *Чжан Сяогуан*. «Дуаньцюэ цзинцисюэ» цзи ци шиши («Экономика дефицита» и мысли, на которые она наводит). — ЖМЖБ, 09.02.1987.
260. *Чжан Учан*. Коусы сяочжуань (Краткая биография Коуза). — ЦЦ. 1992, № 25.
261. *Чжан Учан*. Цзай лунь Чжунго (Еще раз о Китае). Тайбэй, 1989.
262. *Чжан Учан*. Цунь ван чжи цю (Судьбоносное время). Тайбэй, 1989.
263. *Чжан Цинси*. Данъин шиэ, данъюань пиньдэ юй чжэндан фу-хуа — «бу сяо цзы динли» дэ инъюн (Предприятия партии, моральные качества членов партии и разложение политической партии — применение «теоремы об испорченном ребенке»). — ШЦ. Т. 23. 1995, № 1.

264. *Чжан Цинси*. Циши юй Бэйкэ цзинцзисюэ жу мэнь (Дискриминация и введение в экономическую теорию Беккера). — ЦЦ. 1993, № 29.
265. *Чжан Чжоюань*. Юсянь вэньдин цзинцзи, цзякуай гайгэ буфа (Прежде всего — стабилизировать экономику, ускорить темпы реформы). — Г. 1991, № 2.
266. *Чжан Чэнлянь*. Синь тиси да сылу: гунъючжи цзинцзи цзэнъян сюэси хэ цзецзянь сифан лилунь хэ гуаньли цзинъянь (Размышления о новой системе: как в условиях экономики общественной собственности изучаются и используются западная экономическая теория и опыт управления). Пекин, 1991.
267. *Чжан Шаоцзе*. Гайгэ чжаньлюэ сюаньцзэ ши гэ дуй гайгэ тяоцзянь юй мубяо моши гуцзи вэньти (Выбор стратегии реформы — вопрос оценки условий реформы и целевой модели). — ЦЯ. 1987, № 4.
268. *Чжан Яньнин*. Гуаньюй гуфэньчжи дэ цзигэ вэньти (О нескольких проблемах акционерной системы). — ЧЦТТ. 1988, № 10.
269. *Чжао Жэньвэй*. Цзовэй гайгэ дэ фансян хэ мубяо ин ши цзинцзисин фэньцюань хэ синчжэнсин фэньцюань дэ цзехэ (Направлением и целью реформы должно стать сочетание экономического и административного распределения прав). — ЦЯ. 1987, № 4.
270. *Чжао Жэньвэй, Чэнь Дунци, Ван Чжунлинь*. Шичанхуа гайгэ цзиньчэн чжун дэ шиухуа цинсян (Тенденция к натурализации в процессе реформы в направлении рынка). — ЦЯ. 1989, № 4.
271. *Чжао Цзыян*. Яньчжэ ю чжунго тэсэ дэ шэхуйчжуи даолу цяньцзинь (Вперед по пути социализма с китайской спецификой). — ЖМЖБ, 04.11.1987.
272. *Чжо Цзюн*. Цзячжи гуйлюй юй сыгэ сяньдайхуа (Закон стоимости и программа «четырёх модернизаций»). — СЮ. 1979, № 1.
273. *Чжоу Лунбинь*. Пин сыюхуа сычао (Критика идейного течения приватизации). — ЖМЖБ, 04.09.1989.
274. *Чжоу Лунбинь*. Цзинцзи сыюхуа дэ сюаньчуань ши цзычань цзецзи сыюхуа фаньялань дэ цзучэн буфэнь (Пропаганда приватизации — составная часть буржуазной либерализации). — ГМЖБ, 04.07.1989.
275. *Чжоу Сяочуань*. Цие цзинъян тичжи цзи ши дуйин дэ чжэнти цзинцзи моши (Система управления предприятием и соответствующая ей общая экономическая модель). — ЦЯ. 1987, № 4.
276. *Чжоу Шулянь, У Цзинлянь, Ван Хайбо*. Шэхуйчжуи цзинцзи цзяньшэ хэ макэсычжуи чжэнчжи цзинцзисюэ (Социалистическое экономическое строительство и марксистская политэкономия). Пекин, 1982.
277. *Чжу Минцян, Су Хэн*. Бухалинь дэн цзинцзисюэцзя фоудин шэхуйчжуи цзинцзи сыюхуа (Бухарин и другие экономисты отрицают приватизацию социалистической экономики). — Чжунго жэньминь дасюэ шубао цзыляо чжунсинь. Фуинь баокань цзыляо. Чжэнчжи цзинцзисюэ (шэхуйчжуи буфэнь). 1990, № 4.

278. *Чжу Цзямин*. Пин Кээрнай дэ фэй Ваэрла цзюньхэнлунь (О теории не-Вальрасова равновесия Корнаи). — ЦЯ. 1987, № 10.
279. *Чжуан Ици*. 1992 нянь Нобэйэр цзинцзисюэ цзян дэчжу Бэйкэ цзяошоу дэ сюэшу гунсянь (Научный вклад лауреата Нобелевской премии по экономике за 1992 г. проф. Беккера). — ЦЦ. 1993, № 29.
280. Чжуацзинь юли шицзи, цзякуай гайгэ буфа. Шоуду буфэнь чжун циннянь цзинцзисюэчжэ битань (Использовать благоприятный момент, ускорить поступь реформы. Мнения части столичных экономистов молодого и среднего поколения). — ЦЯ. 1992, № 5.
281. Чжунго гайгэ да цыдянь (Большой словарь китайской реформы). Пекин, 1992.
282. Чжунго гунчаньдан ди ши и цзе чжунъян вэйюаньхуй ди сань цы цюаньти хуйи гунбао (Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва). — ХЦ. 1979, № 1.
283. Чжунго дандай цзинцзисюэцзя вэньцун (Библиотека избранных произведений современных китайских экономистов). Тайюань, 1985—1992.
284. Чжунго дандай цзинцзисюэцзя чжуаньлюэ (Биографии современных китайских экономистов). Т. 1—5. Шэньян, 1986—1990.
285. Чжунго цзинцзи кэсюэ няньцзянь. 1986 (Ежегодник китайской экономической науки за 1986 г.). Пекин, 1986.
286. Чжунго цзинцзи кэсюэ няньцзянь. 1988 (Ежегодник китайской экономической науки за 1988 г.). Пекин, 1988.
287. Чжунго цзинцзи кэсюэ няньцзянь. 1992 (Ежегодник китайской экономической науки за 1992 г.). Пекин, 1992.
288. Чжунго цзинцзи кэсюэ няньцзянь. 1994 (Ежегодник китайской экономической науки за 1994 г.). Пекин, 1994.
289. Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981 (Ежегодник китайской экономики за 1981 г.). Пекин, 1981.
290. Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1982 (Ежегодник китайской экономики за 1982 г.). Пекин, 1982.
291. Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1983 (Ежегодник китайской экономики за 1983 г.). Пекин, 1983.
292. Чжунго чжумин цзинцзисюэцзя лунь гайгэ (Известные китайские экономисты о реформе). Пекин, 1992.
293. Чжунго шэжюань цзинцзисюэ кэ шоу пи хо юань юсю чэнго цзян чжуцзо пинцзя (Оценка первой группы трудов Отделения экономики АОН Китая, получивших премии Академии за лучшие научные результаты). — ЦЯ. 1993, № 12.
294. *Чжэн Фэнь*. Вого цзинцзи шэхуй фачжань чжаньлюэ вэньти таолунь цзуншу (О дискуссии по вопросу о стратегии экономического и социального развития в нашей стране). — ЦЯ. 1983, № 1.
295. Чжэнти пэйтао, чжундянь тупо — цзинцзи гайгэ синь цзедуань дэ чжути (Общая скоординированность, прорыв в ключевых

- пунктах — основные моменты нового этапа реформы). — ЦЯ. 1994, № 1.
296. Чжэнчжи цзинцзисюэ цыдянь (Политэкономический словарь). Т. 1—3. Пекин, 1980—1981.
297. Чжэнчжи цзинцзисюэ чжэнлунь (1977—1980 нянь ся) (Дискуссии по вопросам политэкономии 1977 — лето 1980 г.). Сиань, 1982.
298. Чэнь Ицзы. Цзинцзи тичжи гайгэ дэ саньгэ наньдянь (Три трудности реформы хозяйственной системы). — ЦСВ. 1988, № 9.
299. Чэнь Сюлян. Сунь Ефан гэмин шэнья люши нянь (60 лет революционной деятельности Сунь Ефана). Шанхай, 1984.
300. Чэнь Цзяшэн. Кзэрнай дэ цзинцзи тичжи моши куанцзя (Модели экономических систем Корнаи). — ЦСВ. 1988, № 6.
301. Чэнь Юй. Сюньшю шэнчань дэ чжиду цзегоу. Гуаньюй Кэсы хэ «Кэсы динли» (Поиск институциональной структуры производства. О Коузе и «теореме Коуза»). — ЦЯ. 1991, № 9.
302. Шэн Хун. Вэй шэммо сифан вэньмин бу нэн цзю шицзе (Почему западная цивилизация не может спасти мир). — ГН. 1995, № 19.
303. Шэн Хун. Гуаньюй Чжунго шичанхуа гайгэ дэ году гочэн дэ яньцзю (Изучение переходных процессов в ходе рыночных реформ в Китае). — ЦЯ. 1996, № 1.
304. Шэн Хун. Цзинцзисюэ цзэнъян тяочжань лиши (Какой вызов бросает истории экономическая наука). — ДФ. 1996, № 1.
305. Шэн Хун. Шичанхуа дэ тяоцзянь, сяньду хэ синши (Условия, ограничения и формы рыночной экономики). — ЦЯ. 1992, № 11.
- 305а. Шэн Хун. Чэнь Юй. Ичжэ дэ хуа (Предисловие переводчиков). — Кэсы. Цие, шичан юй фалюй (Коуз. Фирма, рынок и право). Шанхай, 1990.
306. Шэхуй кэсюэ цзай Чжунго дэ цзинь и бу фачжань. «Чжунго шэхуй кэсюэ цзикань» чубань цзотань цзияо (Дальнейшее развитие общественных наук в Китае. Краткая запись обмена мнениями по проблемам издания «Чжунго шэхуй кэсюэ цзикань»). — ДФ. 1995, № 2.
307. Шэхуйчжуи цзинцзи гайгэ лилунь таолуньхуй цанькао цзыляо. Гуаньюй цзихуа юй шичан тяоцзе вэньти дэ таолунь цинкуан (Материалы конференции по проблемам реформы социалистической экономики. Обсуждение вопроса о плановой экономике и рыночном регулировании). Пекин, 1990.
308. Шэхуйчжуи цзинцзи гайгэ лилунь таолуньхуй цанькао цзыляо. Гуаньюй шэхуйчжуи шанпинь цзинцзи вэньти дэ бу тун гуаньдянь цзуншу (Материалы конференции по проблемам реформы социалистической экономики. Изложение различных точек зрения по вопросу о социалистической товарной экономике). Пекин, 1990.
309. Шэхуйчжуи чжэнчжи цзинцзисюэ лилунь тиси цзицзинь (Теоретические системы политической экономии социализма). Ханчжоу, 1986.

310. *Юань Чжиган*. Е тань Кээрнай «фэй Ваэрла цзюньхэнлунь» (Поговорим также о теории «не-Вальрасова равновесия» Корнаи). — ЦЯ. 1988, № 1.
311. *Юй Гуаньюань*. Дуй цие соючжи фачжань цянъту дэ сыкао (Размышления над перспективами развития собственности предприятий). — ЦЯ. 1988, № 6.
312. *Юй Гуаньюань*. Таньтань «шэхуйчжуй цзинци мубяо лилунь вэньти» (О «теории цели социалистического производства»). — ЦЯ. 1979, № 11.
313. *Юй Гуаньюань*. Хуайнянь Ефан (Вспоминая [Сунь] Ефана). — ЦЯ. 1993, № 4.
314. *Юй Цзунсянь*. Тайвань цзинци сюэшу яньцзю дэ яньбянь (Изменения в экономических исследованиях на Тайване). — Шаньдун вэньсянь. Т. 22. 1996, № 1.
315. *Юй Цзунсянь*. Цун у дао ю: Чжунхуа цзинци яньцзююань дэ фачжань личэн (Становление из ничего: история развития Института экономических исследований Чжунхуа). — Чжунвай цзачжи. 1995, № 7.
316. *Юй Цзюяо*. Дуй шэньхуа гайгэ дэ чжаньлюэ сюаньцзэ дэ цзай сыкао (Новые соображения о выборе стратегии углубления реформы). — ЦЯ. 1988, № 5.
317. *Юй Цзюяо*. Цзяньшэ шэхуйчжуй шичан цзинци дэ лилунь цзичу. Чуду «Дэн Сяопин вэньсюань» ди сань цзюань (Теоретическая основа строительства социалистической рыночной экономики. Читая третий том «Избранных произведений Дэн Сяопина»). — ЦЯ. 1993, № 12.
318. *Ян Жуйлун*. Лунь вого чжиду бяньцянь фанши юй чжиду сюаньцзэ мубяо дэ чунту цзи ци сетяо (О конфликте между способом изменения институтов и целью выбора институтов в нашей стране и разрешении этого конфликта). — ЦЯ. 1994, № 5.
319. *Ян Жуйлун*. Чаньцюань минсихуа юй шуанцэн гуфэньчжи моши (Уяснение прав собственности и модель двухуровневой акционерной системы). — ЦЯ. 1988, № 2.
320. *Ян Лун, Ло Цзин*. Чаньцюань цзинцисюэ (Экономическая теория прав собственности). — ЦЯ. 1989, № 4.
321. *Ян Сяовэй*. Буцзюэдинсин, дайли вэньти хэ гою цзычань чаньцюань цзегоу дэ сюаньцзэ (Неопределенность, проблема агентных отношений и выбор структуры прав собственности на государственных предприятиях). — ЦЯ. 1992, № 12.
322. *Ян Сяокай*. Цие лилунь дэ синь фачжань (Новое развитие теории фирмы). — Г. 1993, № 4.
323. *Ян Сяокай*. Цие лилунь дэ синь фачжань (Новое развитие теории фирмы). — ЦЯ. 1994, № 7.
324. *Ян Цзяньбай*. Лунь гунье хэ нунье дэ гуаньси (О взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства). Пекин, 1981.

325. *Авдокушин Е.Ф.* Теоретические основы экономической реформы в КНР. М., 1990.
326. *Автономов В.С.* Политическая экономия переходного периода. — МЭ и МО. 1996, № 9.
327. *Автономов В.С.* Человек в зеркале экономической теории (очерк теории западной экономической мысли). М., 1993.
328. *Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение. — THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима 1993. Том 1. Вып. 1. М., 1993.
329. *Бергер Я.М.* Социальные процессы в современной китайской деревне. М., 1988.
330. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
331. *Борох О.Н.* Концепции экономического развития Китая (1978—1982). — Концепции экономического развития Китая. М., 1985.
332. *Борох О.Н.* Развитие китайской экономической науки в период реформ. ИБ ИДВ РАН. 1997, № 10—11.
333. *Борох О.Н.* Стратегия экономической реформы в КНР в оценках западных и китайских ученых. — Восток. 1996, № 3.
334. *Борох О.Н.* Экономическая мысль современного Тайваня: взгляд из России. — Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона. М., 1997.
335. *Бьюкенен Дж.М.* Сочинения. — Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. М., 1997.
336. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
337. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
338. *Ганшин Г.А.* Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды. М., 1997.
339. *Гельбрас В.Г.* Экономическая реформа в КНР. Очерки, наблюдения, размышления. М., 1990.
340. *Гутник В.П.* Ренессанс теории хозяйственного порядка. — МЭ и МО. 1996, № 10.
341. *Гутник В.П.* Рыночные институты и трансформация российской экономики. — МЭ и МО. 1995, № 5.
342. Древнекитайская философия. Т. 1, 2. М., 1972.
343. *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987.
344. *Капелюшников Р.И.* В наступлении — homo oeconomicus. — МЭ и МО. 1989, № 4.
345. *Капелюшников Р.И.* Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М., 1990.
346. *Капелюшников Р.И.* Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению. — США: экономика, политика, идеология. 1993, № 11
347. *Карагедов Р.Г.* Механизм функционирования социалистической экономики. — Известия СО АН СССР. 1982. Серия общ. наук, № 11, вып. 3.
348. *Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996.
349. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
350. Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.

351. Книга правителя области Шан. М., 1993.
352. *Корнаи Я.* Венгерская реформа: подходы, надежды и реальность. — ВЭ. 1988, № 12.
353. *Корнаи Я.* Дефицит. М., 1990.
354. *Корнаи Я.* Здоровье нации. — ЭКО (Экономика и организация промышленного производства). 1987, № 9.
355. *Корнаи Я.* Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту экономических преобразований. М., 1990.
356. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М., 1993.
357. *Крушинский А.А.* Творчество Янь Фу и проблема перевода. М., 1989.
358. *Кузнецов В.И.* К теории переходной экономики. — МЭ и МО. 1994, № 12.
359. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
360. *Лапина Э.Г.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.
361. *Лейонхуфвуд А.* Жизнь среди экононов. — THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Осень 1993. Т. 1. Вып. 3. М., 1993.
362. *Макконнел К., Брю С.* Экономикс. Принципы, проблемы и политика. Т. 1, 2. М., 1992.
363. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23.
364. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 1—3. М., 1983.
365. *Молодцова Л.И.* Особенности формирования промышленной системы КНР. 1949—1985. М., 1988.
366. *Мюрдаль Г.* Современные проблемы третьего мира. М., 1972.
367. *Наумов И.Н.* Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР. М., 1993.
368. *Негиши Т.* История экономической теории. М., 1995.
369. *Новоселова Л.В.* Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М., 1996.
370. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое видение. — THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. М., 1993.
371. *Норт Д.С.* Институты, идеология и эффективность экономики. — От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993.
372. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа. — ВЭ. 1997, № 3.
373. *Ойкен В.* Основы национальной экономики. М., 1996.
374. *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.
375. *Пивоварова Э.П.* Опыт акционирования в КНР. — ПДВ. 1995, № 2.
376. *Пивоварова Э.П.* Социализм со спецификой Китая: поиск пути. М., 1992.
377. *Портяков В.Я.* КНР: поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х — первая половина 90-х годов). — ИБ ИДВ РАН. 1995, № 10—12.

378. *Портяков В.Я.* Научный поиск видного китайского экономиста. — ПДВ. 1985, № 1.
379. *Портяков В.Я.* Традиции и рыночная экономика в современном Китае. — ПДВ. 1996, № 3.
380. *Портяков В.Я.* Экономические идеи Чэнь Юня и их изучение в Китае (1981—1982). Научно-аналитический обзор. М., 1983.
381. *Радаев В.* О рациональности и коллективном действии (о книге М.Олсона «Логика коллективных действий»). — ВЭ. 1996, № 10.
382. *Рейснер Л.И.* Развивающиеся страны: очерк теорий экономического роста. М., 1976.
383. *Ремыга В.Н.* Реформа системы управления промышленностью КНР. М., 1989.
384. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки. — THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима 1993. Т. 1. Вып. 1. М., 1993.
385. *Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления. — THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Осень 1993. Т. 1. Вып. 3. М., 1993.
386. *Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия. М., 1994.
387. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
388. Словарь современной экономической теории Макмиллана. М., 1997.
389. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — Антология экономической классики. Т. 1. М., 1993.
390. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. М., 1994.
391. *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
392. *Уильямсон О.* Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. — THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Осень 1993. Т. 1. Вып. 3. М., 1993.
393. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. СПб., 1996.
394. *Фань Ган.* Реформы «по нарастающей» и «двухколейный переход»: осмысление опыта Китая. — ПДВ. 1995, № 3.
395. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки. — THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. 2. Вып. 4. М., 1994.
396. *Хейне П.* Экономический образ мышления. М., 1992.
397. *Шаститко А.В.* Неоклассическая экономическая теория: критический анализ предпосылок. — МЭ и МО. 1995, № 10.
398. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
399. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982.
400. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». М., 1993.

401. *Adams G.F.* Economic Transition in China: What Makes China Different? — From Reform to Growth: China and Other Countries in Transition in Asia and Central and Eastern Europe. P., 1994.
402. *Arthur B.* Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events. — *The Economic Journal*, № 99 (March 1989).
403. *Becker G.S.* A Treatise on the Family. Cambridge (Mass.)—London, 1991.
404. *Chen Derong.* Chinese Firms between Hierarchy and Market. The Contract Management Responsibility System in China. N.Y., 1995.
405. *Chen Ping.* China's Challenge to Economic Orthodoxy: Asian Reform as an Evolutionary, Self-Organizing Process. — CER. Vol. 4. 1993, № 2.
406. *Cheung S.N.S.* The Contractual Nature of the Firm. — *The Journal of Law & Economics*. Vol. XXVI (1). 1983, April.
407. *Cheung S.N.S.* A Symplistic General Equilibrium Theory of Corruption. — *Contemporary Economic Policy*. Vol. XIV. 1996, July.
408. *China's Economic Dilemmas in 1990s: The Problems of Reforms, Modernization, and Interdependence.* Ed. by the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Armonk, New York, 1991.
409. *Clausen S.* Chinese Economic Debates after Mao and the Crisis of Official Marxism. — *The Chinese Economic Reforms*. Ed. by S.Feuchtwang and A. Hussain. London—Canberra, 1983.
410. *Coase R.H.* Essays on Economics and Economists. Chicago—London, 1994.
411. *Coase R.H.* The Firm, the Market and the Law. Chicago—London, 1988.
412. *Confucianism and Economic Development.* Ed. by Tzong-shian Yu and Joseph S.Lee. Taipei, 1995.
413. *Dictionnaire classique de la langue chinoise.* Par F.S.Couvreur S.J. Sien-Hsien. Imprimerie de la mission catholique. 1930.
414. *Fan Gang.* Incremental Changes and Dual-Track Transition: Understanding the Case of China (Preliminary Draft). Beijing, 1994.
415. *Fei J.C.H.* Chinese Cultural Values and Industrial Capitalism. — *Confucianism and Economic Development*. Taipei, 1995.
416. *Fewsmith J.* Dilemmas of Reforms in China: Political Conflict and Economic Debate. Armonk, New York, 1994.
417. *Gao Shangquan.* Taking a Market-Oriented Direction and Pushing Forward in a Gradual Way — The Basic Experience of China's Economic Reform. — CER. Vol. 4. 1993, № 2.
418. *Goldman M.I.* Gorbachev's Challenge. Economic Reform in the Age of High Technology. N.Y.—L., 1987.
419. *Goldstein S.* China in Transition: The Political Foundations of Incremental Reform. — CQ. № 144, 1995, December. Special Issue.
420. *Hahn F.* The Next Hundred Years. — *The Economic Journal*. 1991, January, Vol. 101 (404).
421. *Hollis M., Nell R.* Rational Economic Man. A Philosophical Critique of Neo-Classical Economics. L., 1975.

422. *Hsu R.* Economic Theories in China, 1979—1988. Cambridge—New York, 1991.
423. *Hua Sheng, Zhang Xuejun, Luo Xiaopeng.* China: From Revolution to Reform. N. Y., 1993.
424. *Kane D.* The social and intellectual elite. — China's Quiet Revolution. New Interactions Between State and Society. Ed. by D.S.C. Goodman and B. Hooper. N.Y., 1994.
425. *Keidel A.* Domestic Impact of China's External Economic Ties. — PRC Tomorrow: Development under the Ninth Five-year Plan. Kaohsiung, 1996.
426. *Khan A.R., Griffin K., Riskin C., Zhao Renwei.* Household Income and Its Distribution in China. — CQ. № 132, 1992, December.
427. *Kornai J.* The Road to a Free Economy. Shifting from a Socialist System: The Example of Hungary. N.Y.—L., 1990.
428. *Kornai J.* The Socialist System. The Political Economy of Communism. Oxf., 1992.
429. *Krueger A.* The Political Economy of the Rent Seeking Society. — The American Economic Review. 1974, June. Vol. 64, № 3.
430. *Lee K.* Making Another East Asian Success in China. — From Reform to Growth: China and Other Countries in Transition in Asia and Central and Eastern Europe. P., 1994.
431. *Levy R.* Corruption, Economic Crime and Social Transformation Since the Reforms: The Debate in China. — The Australian Journal of Chinese Affairs, 1995, № 1.
432. *Lin Justin Yifu, Cai Fang, Li Zhou.* Why China's Economic Reforms Have Been Successful: Implications for Other Reforming Economies. — WP. 1995, № E1995002.
433. *Murrell P.* Can Neoclassical Economics Underpin the Reform of Centrally Planned Economies? — Journal of Economic Perspectives. 1991, vol. 5, № 4.
434. *Murrell P.* Evolutionary and Radical Approaches to Economic Reform. — Economics of Planning. 1992, vol. 25.
435. *Naughton B.* Deng Xiaoping: The Economist. — CQ. № 135, 1993, September. Special Issue.
436. *Naughton B.* Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978—1993. Cambridge—New York, 1995.
437. *Naughton B.* Reforming a Planned Economy: Is China Unique? — From Reform to Growth: China and Other Countries in Transition in Asia and Central and Eastern Europe. P., 1994.
438. *Nee V.* Institutional Change and Regional Growth: An Introduction. — The Economic Transformation of South China. Reform and Development in the Post-Mao Era. Ithaca—New York, 1994.
439. The New Palgrave. A Dictionary of Economics. Vol. 2. L., 1987.
440. *Nolan P.* China's Rise, Russia's Fall: Politics, Economics and Planning in the Transition from Stalinism. N.Y., 1995.
441. *Nolan P.* Introduction: The Chinese Puzzle. — China Economic Reforms: The Costs and Benefits of Incrementalism. Basingstoke, 1994.

442. *North D.C.* Economic Performance Through Time. — The American Economic Review. 1994, June, vol. 84, № 3.
443. *North D.C.* Institutions and Economic Development. — *LIJL*. 1995, т. 23, № 1.
444. *North D.C.* Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. N.Y., 1990.
445. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y., 1981.
446. *North D.C.* Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance (Occasional Papers). San-Francisco, 1992.
447. The Political Economy of Reform in Post-Mao China. Ed. by Perry E. and Wong C. Cambridge (Mass.), 1985.
448. *Prime P.* The Study of the Chinese Economy. — American Studies of Contemporary China. N.Y., 1993.
449. *Rana P.B., Paz W.* Economies in Transition: The Asian Experience. — From Reform to Growth: China and Other Countries in Transition in Asia and Central and Eastern Europe. P., 1994.
450. *Rawski T.* Implications of China's Reform Experience. — CQ. № 144, 1995, December, Special Issue.
451. Research in the History of Economic Thought and Methodology. A Research Annual. Vol. 6. Greenwich—London, 1989.
452. *Sachs J., Wing Thye Woo.* Structural Factors in the Economic Reforms of China, Eastern Europe and the Former Soviet Union. — Economic Policy. 1994, vol. 18, № 1.
453. *Sachs J., Wing Thye Woo.* Understanding the Reform Experiences of China, Eastern Europe and Russia. — From Reform to Growth: China and Other Countries in Transition in Asia and Central and Eastern Europe. P., 1994.
454. *Selden M.* The Political Economy of Chinese Development. Armonk, New York, 1992.
455. *Shih Chih-yu.* State and Society in China's Political Economy. The Cultural Dynamics of Socialist Reform. Boulder, 1995.
456. *Shirk S.L.* The Political Logic of Economic Reform in China. Berkeley, 1993.
457. *Solinger D.J.* China's Transition from Socialism. Statist Legacies and Market Reforms. 1980—1990. Armonk, New York, 1993.
458. *Stark D., Nee V. (ed.).* Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe. Stanford, 1989.
459. State and Society in China: the Consequences of Reform. Ed. by A.L. Rosenbaum. Boulder, 1992.
460. *Stigler G.J.* Economics — The Imperial Science? — The Scandinavian Journal of Economics. 1984, vol. 86, № 3.
461. *Stiglitz J.* Post Walrasian and Post Marxian Economics. — Journal of Economic Perspectives. 1993, Winter, vol. 7, № 3.
462. *Su Shaozhi.* A Decade of Crises at the Institute of Marxism-Leninism-Mao Zedong Thought, 1979—1989. — CQ. № 134, 1993, June.
463. *Walder A.* China's Transitional Economy: Interpreting its Significance. — CQ. № 144, 1995, December, Special Issue.

464. *Walder A.G.* Evolving Property Rights and Their Political Consequences. — China's Quiet Revolution. New Interactions Between State and Society. Ed. by D.S.C.Goodman, B.Hooper. N.Y., 1994.
465. *White G.* Riding the Tiger: The Politics of Economic Reform in Post-Mao China. Basingstoke, 1993.
466. *Wong J., Wong A.* Confucian Values-as a Social Framework for Singapore's Economic Development. — Confucianism and Economic Development. Taipei, 1995.
467. *Wu Yu-Shan.* Comparative economic transformations. Mainland China, Hungary, the Soviet Union, and Taiwan. Stanford, 1994.
468. *Yang Xiaokai.* Theories of Property Rights and China's Reforms. — CER. 1993, vol. 4, № 2.
469. *Zhang Weiyang.* Decision Rights, Residual Claim and Performance: a Theory of How the Chinese State Enterprise Reform Works. — WP. 1995, № E1995004.

Периодические издания

470. Бэйцзин жибао
471. Гайгэ
472. Гуанмин жибао
- 472а. Ду шу
473. Жэньминь жибао
474. Цзефан жибао
475. Цзинцзи жибао
476. Цзинцзи цяньчжань
477. Цзинцзи шэхуй тичжи бицзяо
478. Цзинцзи яньцзю
479. Чжунго цинняньбао
480. Вопросы экономики
481. Мировая экономика и международные отношения
482. Независимая газета
483. Общая газета
484. Проблемы Дальнего Востока
485. Beijing Review
486. China Daily
487. China Economic Review
488. The China Quarterly

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЭ	— Вопросы экономики
Г	— Гайгэ
ГН	— Гайгэ нэйцань
ГМЖБ	— Гуанмин жибао
ДФ	— Дунфан
ЖМЖБ	— Жэньминь жибао
МЭ и МО	— Мировая экономика и международные отношения
ПДВ	— Проблемы Дальнего Востока
СВ	— Синьхуа вэньчжай
СШКС	— Сянган шэхуй кэсюэ сюэбао
СЮ	— Сюэшу юэкань
ХЦ	— Хунци
ЦК	— Цзинцзи кэсюэ
ЦД	— Цзинцзисюэ дунтай
ЦЖБ	— Цзинцзи жибао
ЦЛЦ	— Цзинцзи луньвэнь цункань
ЦЛЦГ	— Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли
ЦЛШ	— Цзягэ лилунь юй шицзянь
ЦСВ	— Цзинцзисюэ вэньчжай
ЦЦ	— Цзинцзи цяньчжань
ЦШ	— Цюши
ЦШТБ	— Цзинцзи шэхуй тичжи бицзяо
ЦЯ	— Цзинцзи яньцзю
ЧЦТГ	— Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ
ЧШК	— Чжунго шэхуй кэсюэ
CER	— China Economic Review
CQ	— The China Quarterly
WP	— China Center for Economic Research, Peking University. Working Paper Series.

- Авдокушин Е.Ф. 8
Автономов В.С. 24
Адамс Ф.Дж. (Adams F.G.) 217
Алчиян А. (Alchian A.) 135
Аоки М. (Aoki M.) 58
Артур Б. (Arthur B.) 158—160
- Беккер Г. (Becker G.) 58, 175,
190, 204—206
Брус В. (Brus W.) 10, 32, 108,
109, 120, 123
Будда 48, 121
Бухарин Н.И. 42, 81
Бьюкенен Дж. (Buchanan J.) 8,
53, 58, 121, 135, 170, 244, 245
- Вальрас Л. (Walras L.) 122
Ван Говэй 190
Ван Сяоцян 241
Ван Чжо 97, 101
Ван Юй 71
Ван Юэшэн 96
Вебер М. (Weber M.) 33, 183
Веблен Т. (Veblen T.) 53, 173
Вонг Дж. (Wong J.) 209
Вонг Э. (Wong A.) 209
Вэй Цзе 7, 36
- Ганшин Г.А. 8
Гань Сюэпин (Steven S. Kan)
191, 194, 197, 198, 201, 205,
208
Гао Хунье 150, 152
Гао Шанцюань 26, 103
Гельбрас В.Г. 8
Го Шудин 36, 96
Гоббс Т. (Hobbes T.) 201
- Голдман М. (Goldman M.) 9
Голдстейн С. (Goldstein S.) 164,
165
Гу Чжунь 9
Гуань-цзы 191
- Дай Юаньчэнь 98, 228
Дайвендак Я. (Duyvendak J.) 191
Демсец Г. (Demsetz H.) 135
Джонсон Ч. (Johnson Ch.) 246
Ду Хуэй 130
Дуань Ицай 143, 152, 153
Дун Аньчи (Tung An-Chi) 7
Дун Фужэн 3, 28, 40, 50, 64,
65, 68, 71, 72, 89, 91, 93, 94,
123, 148
Дэн Сяопин 9, 11, 26, 47, 48,
59, 61, 62, 83, 84, 102, 110—
112
- Жун Чжаоцзы 151, 152
- Заставный В. (Zastawny W.) 133
Зисман Дж. (Zysman J.) 246
- И Ган 55
И Сяньжун 191, 193
Инь Вэньцюань 230, 231
- Капелюшников Р.И. 135
Карлусов В.В. 8
Кейдель А. III (Keidel A. III)
16, 116
Кейн Д. (Kane D.) 13
Кейнс Дж.М. (Keynes J.M.) 5,
9, 33, 53, 117, 118, 123, 174,
183, 239

- Кенэ Ф. (Quesnay F.) 53
 Коммонс Дж. (Commons J.) 33, 53, 141
 Корнаи Я. (Kornai J.) 8, 10, 16, 33, 36, 50, 53, 66, 81, 82, 91, 97, 118, 120—134, 139, 140, 171
 Конфуций (Кун-цзы) 190, 191, 193, 195, 197, 202, 203, 206, 210, 243
 Коуз Р. (Coase R.) 8, 53, 57, 58, 74, 118—121, 130, 135—152, 165, 169—171, 173, 188, 189, 191, 193, 196—199, 208, 242, 244, 245
 Крюгер А. (Krueger A.) 58
 Куврер С. (Couvreur F.C.) 191—193
 Кун Т. (Kuhn T.) 237
 Ланге О. (Lange O.) 33, 81, 120, 123
 Лао-цзы 197, 198
 Лейонхувуд А. (Leijonhufvud A.) 177
 Ленин В.И. 44
 Ли Годин (Li K.T., Li Kwoh-ting, Li Kuo-ting) 16
 Ли Гоу 206
 Ли Инин 3, 7, 12, 21, 22, 32—35, 38, 69, 71, 82, 95—97, 103—105, 122, 129
 Ли Цзяньгэ 36, 96
 Ли Чжоу 232, 233
 Ли Чэн (Ли Дж.) (Lee Joseph S.) 209, 210
 Линь Ифу (Lin Justin Yifu) 22, 37, 38, 55, 100, 164, 232, 233, 245, 249—251, 253
 Линь Цзичжоу 124
 Линь Цзыли 148
 Лист Ф. (List F.) 53, 244
 Ло Гэнмо 3, 31
 Ло Сяопэн 14, 37, 70, 71, 75, 78, 89, 91, 95, 99, 130, 146, 147
 Ло Цзиньи 246, 247
 Ло Чжижу 33
 Лоу Цзивэй 36, 96
 Лю Вэй 3, 22, 35, 36, 96, 144, 146, 148
 Лю Гогун 3, 22, 28, 40, 68, 69, 76, 82, 86, 98, 106, 110, 123, 130, 228
 Лю Гуанди 71
 Лю Жуйхуа (Liu Ruey-Hua) 7, 193
 Лю Сяобо 79
 Лю Сяодун 129
 Лю Цзижуй 96
 Лю Шаоци 26, 148
 Лю Шибо 71, 99
 Ма Иньчу 31
 Ма Хун 3, 28, 103, 105
 Ма Цзяцзюй 7, 52, 228
 Мальтус Т. (Malthus T.) 31
 Мао Цзэдун 9, 20, 42, 45, 46, 47, 48, 52
 Маркс К. (Marx K.) 33, 36, 42—46, 50, 75, 77, 238
 Маршалл А. (Marshall A.) 33, 53
 Молодцова Л.И. 8
 Моргенштерн О. (Morgenstern O.) 199
 Мо-цзы 202, 203
 Мэн-цзы 185, 191, 243
 Наумов И.Н. 8
 Нейман Дж. (Neumann J.) 199
 Нелл Э. (Nell E.) 174
 Ни В. (Nee V.) 10, 140, 164
 Новоселова Л.В. 8
 Нолан П. (Nolan P.) 15, 16, 17, 217—219
 Норт Д. (North D.) 8, 53, 55, 58, 119, 153, 155—161, 163—165, 169, 170, 178, 184, 186, 187, 191—193, 232—234, 242, 244, 245, 249, 254
 Нотон Б. (Naughton B.) 12, 14, 85, 92, 95, 112—114, 212, 214—217, 249
 Ноув А. (Nove A.) 131, 133
 Ньютон И. (Newton I.) 138
 Нэш Дж. (Nash J.) 199

- Олсон М. (Olson M.) 121
- Паз В. (Paz W.) 219, 220
- Пейович С. (Pejovich S.) 135
- Пельцман С. (Peltzman S.) 58
- Переломов Л.С. 191, 194
- Петти У. (Petty W.) 53
- Пивоварова Э.П. 8
- Пигу А. (Pigou A.) 138, 149
- Пин Синьцяо 96, 144, 146, 148
- Познер Р. (Posner R.) 58
- Портяков В.Я. 8
- Прайм П. (Prime P.) 17
- Рана П.Б. (Rana P.B.) 219, 220
- Ремыга В.Н. 8
- Рикардо Д. (Ricardo D.) 53
- Робинзон Крузо (Robinson Crusoe) 137
- Роски Т. (Rawski T.) 16, 17
- Саймон Г. (Simon H.) 175, 176
- Сакс Дж. (Sachs J.) 16, 134, 212—214, 217, 220, 221, 225, 231
- Самуэльсон П. (Samuelson P.) 53
- Се Цзунлинь (Hsieh Tsung-lin) 195, 196
- Селтен Р. (Selten R.) 199
- Смит А. (Smith A.) 53, 174, 175, 196, 210
- Солинджер Д. (Solinger D.) 9, 11, 113
- Сталин И.В. 48, 237
- Старк Д. (Stark D.) 10, 140
- Стиглиц Дж. (Stiglitz J.) 17, 58
- Су Куй 180
- Су Шаочжи 23, 42, 43, 49, 50, 79
- Сунь Ефан 3, 9, 21, 28, 29, 30, 36, 38, 40, 42, 64
- Сунь Сяолян 127
- Сунь Шанцин 3, 28, 40
- Сю Р. (Hsu R.) 11, 12, 13
- Сюй Дисинь 9, 28, 30, 40, 64
- Сюй Чэнган 167—169
- Сюн Инъу 48
- Сюз Муцяо 3, 9, 26, 28, 30, 38, 40, 51, 64, 81, 86, 103, 104, 110, 123
- Сяо Лян 68, 71
- Сяо Чжоцзи 71
- Тайсон Л. (Tyson L.) 246
- Таллок Г. (Tullock G.) 58
- Тан Фэнъи 99, 151
- Тун Далинь 26
- Тянь Юань 99
- У Хуэйлинь (Wu Hwei-Lin) 200
- У Цзинлянь 3, 7, 12, 14, 22, 28, 32—34, 38, 57, 68, 69, 93—96, 103, 104, 110, 123, 127, 155, 158, 160—163, 228
- У Шуцин 78, 79
- У Юйшань (Wu Yu-Shan) 18
- Уильямсон О. (Williamson O.) 8, 53, 58, 113, 135, 167, 170
- Уолдер Э. (Walder A.) 16, 113
- Фан Личжи 79
- Фань Ган 3, 7, 22, 35, 36, 38, 100, 101, 156, 165—167, 179—182, 224, 230, 231, 232, 240, 245
- Фогель Р. (Fogel R.) 244
- Фридмен М. (Friedman M.) 53, 79, 118, 240
- Фуруботн Э. (Furubotn E.) 135
- Фьюсмит Дж. (Fewsmith J.) 12, 13, 95
- Фэн Ланьжуй 42
- Хай Вэнь 7, 55
- Хайек Ф. фон (Hayek F. von) 33, 174, 175, 182, 183
- Хань Вэньсю 129
- Харсаний Дж. (Harsanyi J.) 199
- Хикс Дж. (Hicks J.) 53
- Холлис М. (Hollis M.) 174
- Хоу Цзяцзюй (Hou Chia-chu) 190
- Ху Дайгуан 150
- Ху Жуинь 44, 45, 128
- Ху Цяому 26, 39, 56

- Ху Ши 196
 Ху Юнмин 132
 Ху Юнтай (Woo Wing Thyе) 221
 Ху Яобан 59
 Хуа Шэн 14, 23, 36—38, 44, 65, 70, 71, 75, 78, 89, 91, 95, 99, 120, 121, 130, 146—148
 Хуан Чуньсин (Hwang Chung-Sin) 7, 191, 194, 197, 198, 201, 205, 208
 Хуан Югуан 75
 Хуанпу Пин 61
 Хэ Вэй 7, 28
 Хэ Гаочао 246, 247
 Хэ Цзяньчжан 76
 Хэ Цинлянь 184—187

 Цай Фан 232, 233
 Цзи Пэн 70
 Цзян Ивэй 21, 28, 148
 Цзян Сюэмо 28, 70, 122
 Цзян Цзэминь 62, 84, 102
 Цзян Чуньцзэ 56
 Цуй Чжиюань 133, 246, 248
 Цянь Инъи 167—169

 Честертон Г.К. (Chesterton G.K.) 189
 Чжан Сюн 173—178
 Чжан Сюэцзюнь 14, 37, 70, 71, 75, 78, 89, 91, 95, 99, 130, 146, 147
 Чжан Учан (Cheung Steven N.S.) 18, 54, 100, 101, 137, 186
 Чжан Цинси (Chang Ching-hsi) 7
 Чжан Чжоюань 3, 69, 110
 Чжао Жэньвэй 7, 74, 81, 86
 Чжао Цзыян 23, 26, 43, 77, 79, 89, 92
 Чжао Цзяньпин 129
 Чжо Цзюн 86
 Чжоу Сяочуань 14, 96, 229, 230
 Чжоу Шулянь 3
 Чжоу Тайхэ 26
 Чжоу Шулянь 28

 Чжу Цзямин 128
 Чжу Юньпэн (Chu Yun-peng) 7
 Чжун Пэнжун 36
 Чжэн Цзунхань 79
 Чэнь Дайсунь 33
 Чэнь Дунци 228
 Чэнь Жуймин 49
 Чэнь Ицзы 23, 26, 86, 94
 Чэнь Пин 221, 222
 Чэнь Чжэньхань 33
 Чэнь Шэнчан 49
 Чэнь Юй 137, 152
 Чэнь Юнь 47, 87, 102

 Ши Чжиюй (Shih Chih-yu) 180, 181
 Шик О. (Sik O.) 32, 81, 120, 123
 Ширк С. (Shirk S.) 15, 248
 Штукин А.А. 202
 Шульц Т. (Schultz T.) 37, 38
 Шунь 207
 Шэн Хун 3, 22, 100, 101, 137, 176, 177, 182—184, 245, 248, 254, 255
 Шэнь Дао (Шэнь-цзы) 194—196

 Эйнштейн А. (Einstein A.) 138
 Энгельс Ф. (Engels F.) 43—45
 Эрроу К. (Atrow K.) 137

 Юань Чжиган 126
 Юй Гуаньюань 28, 40, 42, 122, 148
 Юй Цзунсянь (Yu Tzong-shian) 7
 Юй Цзюяо 71, 74, 228
 Юм Д. (Hume D.) 196

 Явлинский Г.А. 58
 Ян Жуйлун 69
 Ян Пэйсинь 99
 Ян Сяовэй 152
 Ян Сяокай 75
 Ян Цзяньбай 3, 28, 40
 Яо 194, 195, 207

SUMMARY

Olga N. Borokh

Contemporary Chinese Economic Thought

**Moscow, Russian Academy of Sciences "Vostochnaya Literatura"
Publishers, 1998**

This book is a general study of the main trends in the development of Chinese economic thought since the late 1970s during twenty years of reform. Special attention is paid to analyzing the theoretical views of leading economists of the young and middle generations, whose ideas will shape Chinese economics in the next decade. Problems of the creative assimilation of Western economic ideas in contemporary China had not been fully treated by the sinological community due to an underestimation of the theoretical achievements of a new generation of Chinese economists and a prevailing interest in the practical consequences of Chinese transformations. This book does show how contemporary economic thought has influenced the path of Chinese transformations and examines Chinese economic debates within the context of the development of contemporary economic theory. The author takes ideology into consideration in analyzing the contents of Chinese discussions, but avoids a reduction of contemporary Chinese thought to official economic ideology.

The book traces three main stages in the development of contemporary Chinese economic thought. The first is a critical re-evaluation of the "Soviet paradigm" of the Marxist political economy from the late 1970s to the early 1980s. In the mid-1980s — the early 1990s Chinese scholars started to search beyond the limits of official ideology, demonstrating a growing interest in Western economic theories. Currently, in a stage which started in the mid-1990s, Chinese economists are more engaged in rethinking the significance of their national tradition and they are attempting to create an indigenous economic theory, while taking into account the achievements of world economic thought.

The author gives us an analytical survey of the contents of Chinese theoretical discussions in the core problems of Marxist political economy, exploring the evolution of Chinese views on

ownership, planning and market in connection with the transformation of the domestic political situation of mainland China. These discussions were greatly influenced by but not halted by the events of 1989. Although scholarly arguments in favor of privatization and advanced marketization were officially condemned, as manifestations of a dangerous "bourgeois liberalization", since the early 1990s there has emerged a tendency to separate theoretical discussions on ownership and planning from ideology. The author systematically explores the contents of theoretical views on economic reforms in different schools of contemporary Chinese economic thought.

The impact of Western theory on contemporary Chinese economic thought is becoming more and more visible and significant. Since the late-1970s Chinese debates on Keynesianism, neoclassical economics, and new institutionalism were explicitly goal-oriented and closely connected with both the practical and theoretical challenges of reforms. Foreign ideas are being systematically digested and incorporated into the thinking of Chinese economists.

The book also provides a detailed elaboration of specific features of the Chinese assimilation of ideas of the Eastern European reformers, exemplified by discussions on the *Economics of shortage* by J.Kornai in the mid-1980s. Chinese scholars were attracted by Kornai's explanations of chronic shortages under socialism and his idea of the necessity of coordinated reforms. This scholarly interest in his analysis of the problems of shortages, income distribution, bureaucracy and inflation had developed into the broad application of his ideas (usually without any reference to J.Kornai himself) by the end of the 1980s. By then Chinese scholars had incorporated Kornai's views into their own theories of reform, along with some of his categories and concepts such as "soft budget constraint", "paternalism", "plan bargaining", "indirect bureaucratic control", "dual dependence", etc. But in the early 1990s Kornai was criticized in China because of his skeptical re-assessments of "market socialism" and of his own evolution in the direction of "free economy" theory and "shock therapy" strategies of economic transition.

Chinese attempts to adapt the property rights theory of R.Coase to their own needs started in the late 1980s. Chinese scholars were particularly interested in Coase's concepts of "transaction costs" and "externalities"; they also actively discussed the "Coase theorem". After the events of 1989, references to R.Coase's ideas helped Chinese scholars to continue temporarily prohibited discussions of privatization. Special attention is given by the author of this book to the terminological difficulties emerging in the

process of translating new institutionalist concepts into Chinese language (e.g., the differentiation between *suoyouquan* (ownership) and *chanquan* (property rights) or the adoption of *zhidu* for "institution").

Contemporary Chinese economists are interested in the possibility of applying new institutional research methods to the study of the influences of the institutional evolution of Chinese society on the current economic reforms. D.North's institutional change theory has been used to prove that Chinese reformers should take the existing informal norms into consideration in order to diminish the costs of transition and to support the chosen course of incremental reforms. His notion of "path dependence" (*lujing yilai*) offered Chinese scholars a new vision of China's reforms experience and prompted them to call for a greater attention to the historical, traditional and cultural factors in economic reforms. New institutionalism appears to be a promising methodological tool, not only for Chinese economists, but also for foreigners researching Chinese transformations. By now the theories of R.Coase and D.North are already deeply rooted in Chinese economic thought and their terminology ("specification of property rights", "transaction costs", "externalities", "opportunism", "path dependence") is widely used by Chinese scholars. In contemporary China the Western new institutionalism has acquired an added significance due to its ability to describe a transitional economy. New institutionalist thought had also demonstrated a significant degree of compatibility with the Chinese classical tradition.

There is, then, in this book, an analysis of "sinified" concepts, borrowed by contemporary Chinese scholars from different and even mutually contradictory Western theoretical systems. These concepts, embraced from the perspective of the current mainland Chinese scholarly ideas, are co-existing within the theories of Chinese economists. The book also examines many newly-emerging trends in Chinese thought, among them criticisms of neoclassical economics, a rising interest in a theoretical comprehension of national characteristics, and the spreading introduction of ethical, ethnocultural and sociological problems into the sphere of economic studies. Chinese scholars are demonstrating a strong interest in defining the scope of economics and revising the basic assumptions of mainstream economic theory. Current debates on the problem of "opportunity costs" are acquiring greater and greater resemblance to traditional Confucian discussions on choices between moral duties and profits.

The author also explores different ways of interpreting ancient Chinese traditions from the standpoint of contemporary economic theories which are being proposed by scholars from mainland

China and Taiwan. These studies of the contemporary Chinese attempts to harmonize Western economic ideas with indigenous traditions could help to identify general patterns of Sino-Western civilizational interactions in economic theory.

Particular attention is also paid in this book to comparing the theoretical grounds of the Chinese model of a "gradual" transition with the "big bang" reform strategy. Some Chinese scholars (Fan Gang) argue that China's recent practice of economic transformation does not demonstrate the unconditional superiority of gradualism over radicalism. Other economists (like Lin Yifu) suggest that China's gradual approach is both theoretically and empirically superior to "shock therapy". It also contains some useful lessons for other countries in transition. The practical results of Chinese reforms are frequently seen as a challenge to the reform strategies prescribed by the "correct" neoclassical economics. Many Chinese and overseas scholars view the "crisis-free" Chinese model of market reforms as a source of a new theoretical concept that would be valid for other transitional economies.

The author concludes the monograph with an analysis of formation of a new paradigm of Chinese economics and of the roles of its two rival trends. One stresses the universal nature of contemporary economic theory, while the other gives intellectual priority to national characteristics. Although the ideas being elaborated by Chinese economists still cannot be transferred and applied mechanically to other countries, the analytical assimilation of the Chinese experience may prove useful for countries in transition trying to develop an efficient reform strategy.

Введение	3
Глава 1. Возрождение китайской экономической науки в период реформ: новые тенденции и направления развития ..	25
Глава 2. Переосмысление теоретических концепций централизованной экономики	63
Дискуссия о собственности	63
Обсуждение вопросов плана и рынка	85
Глава 3. Влияние зарубежных концепций на современную китайскую экономическую мысль	115
Изучение восточноевропейских теорий социалистической экономики («Экономика дефицита» Я. Корнаи)	121
Освоение современной западной экономической мысли (теория прав собственности, теория институциональных изменений)	135
«Китаизация» экономической мысли КНР. Критика неоклассических концепций и теоретическое осмысление национальной специфики	172
Интерпретация древнекитайской традиции с позиций современной экономической теории	189
Глава 4. Оценка теоретических основ китайской модели перехода к рынку учеными КНР и других стран	212
Глава 5. Китайская экономическая мысль в поисках новой парадигмы	236
Заключение	256
Библиография	258
Список сокращений	286
Именной указатель	287
Summary ..	291

Научное издание

Борох Ольга Николаевна

**СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ**

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока РАН*

Редактор *В.Б.Меньшиков*
Художник *Б.Л.Резников*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *И.Г.Ким*
Компьютерная верстка *Е.В.Катышева*

ЛР № 020910 от 02.09 94
Сдано в набор 29.01 98 Подписано к печати 11.03 98
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. п л 18,5 Усл кр -отт 18,9 Уч -изд. л. 18,8
Тираж 600 экз Изд. № 7765 Зак. № 34

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

О.Н.Борох

Современная китайская экономическая мысль

Olga N. Borokh

Contemporary Chinese Economic Thought

Глубокое понимание китайских реформ невозможно без изучения современной экономической мысли Китая, прошедшей за два десятилетия путь от переосмысления политэкономии марксизма и увлечения зарубежными концепциями к попытке создания собственной теории. Главным источником формирования новой теоретической концепции стало сравнение китайского варианта постепенного перехода к рынку с опытом «шоковых» преобразований в России и странах Восточной Европы.

Что представляет собой современная китайская экономическая мысль? Как сосуществуют в ней элементы официальной экономической науки с идеями восточноевропейских реформаторов и западных неoinституционалистов? Являются ли критика неоклассической теории и рост интереса к национальной традиции закономерностью экономической мысли переходного периода или частью более чем векового спора о соотношении цивилизаций Китая и Запада? Какое из течений в китайской экономической мысли одержит верх — подчеркивающее универсальность мировой экономической теории или отдающее приоритет национальной специфике? Эти вопросы привлекают внимание не только исследователей современного Китая, но и тех, кто интересуется теоретическими проблемами переходной экономики.